

Отражение изменения положения женщины в современной идеологии Северного Кавказа

Развал СССР и начало формирования ключевых принципов нового государственного образования — Российской Федерации, привели к тому, что советская идеология, основанная на гуманистических идеях и принципе интернационализма, которая объединяла многочисленные народы огромной страны, перестала выполнять нравственные и объединяющие функции в обществе.

В предлагаемом докладе мы планируем проанализировать изменение статуса горских женщин в контексте характеристики современного горского общества под влиянием ислама, культурной глобализации и современных социально-экономических процессов и описать отражение этого процесса в современной идеологии и в современной системе ценностей.

Как нам представляется, в жизни современных горских обществ Северного Кавказа наблюдается духовный кризис, кризис моральных ценностей, своего рода «духовный вакуум», или, как подчеркнул председатель телестудии «Черкесск» в Карачаево-Черкесии *И.Х. Гашиков*, «разруха в душах»¹. Один из крупных писателей КЧР *ногаец И.С. Капаев* подчеркивает, что народы Северного Кавказа «оказались отрезанными от общества в период так называемой перестройки»². В результате этого на Северном Кавказе выросло целое поколение, при воспитании которого не были использованы позитивные идеи и ценности. Причем, как отмечает заведующий по учебно-воспитательной работе в Урупской сельской школе *Н. Машибашев*, сами учителя отвыкли от формулирования идей и ценностей и внедрению их в воспитательный процесс³.

В этой ситуации исламские лидеры справедливо начали формировать свою идеологию и систему ценностей, основанную на исламе, исламс-

¹ Полевые материалы автора (далее — ПМА), Карачаево-Черкесская Республика, июнь 2007 г. Тетр.3. Оп.1. Д.4. Интервью с Председателем телестудии «Черкесск» *Иналем Хусиновичем Гашиковым*.

² Там же. Тетр.3. Оп.1. Д.7. Интервью с писателем, членом Союза писателей КЧР *Исой Суюнович Капаевым*.

³ ПМА, Адыгея, июнь 2007 г. Тетр.3. Оп.1. Д.2. *Урупский район Краснодарского края*.

кой морали. Тем не менее этот процесс, в отличие от становления православной идеологии, вместо гуманистического русла постепенно в течение второй половины 1990-х годов – начала 2000-х годов перетек в политический контекст.

Особенно наглядно эта тенденция проявилась на Северном Кавказе. Возрождение ислама, воспринятое населением в начале 1990-х годов и как религия, и как система моральных ценностей, привело к тому, что началось формирование «исламской идеологии». Под этим мы понимаем распространение среди горцев Северного Кавказа определенных «исламских» ценностей в области морали, социальных и даже экономических отношений, которые формируют современное общество. Мусульманские лидеры активно выступили против открытых «язв», пришедших из советского времени и во многом усилившихся в 1990-е годы, — против пьянства и наркомании.

Верующие мусульмане образовали в северокавказских республиках «джамааты» — мусульманские общины, члены которых стали активно следить за изменением поведения своих членов в соответствии с ценностями исламской религии. У тех мусульман, которые пришли в исламские общины в 1990-е годы, сформировалось глубокое представление о том, что современное исламское пробуждение во многом меняло нравственный климат. Многие из них признавались, что до принятия ислама вели аморальный, а иногда и криминальный образ жизни. В тех населенных пунктах, где молодежь стала активно посещать мечети, стало происходить меньше краж, драк и других преступлений, свойственных современному северокавказскому и вообще российскому обществу¹. В мечеть начинали ходить бывшие пьяницы, наркоманы, и некоторые из них действительно меняли свой образ жизни. Если прихожанин мечети продолжал совершать аморальные поступки, то по решению джамаата ему могли запретить посещать мечеть².

В Кабардино-Балкарии и Адыгее большинство женщин не посещает мечеть и не совершает дома намаз. Есть пожилые женщины, как правило, жены пожилых верующих мусульман, которые делают намаз, а по праздникам или в пятницу посещают мечеть, надевая хиджабы³. В Малой Кабарде есть пожилые женщины, которые, как и в советские годы, придерживаются традиции совершения намаза дома⁴.

Отметим, что молодые мусульманки, жены молодых мусульман, реже посещают мечеть, чем пожилые женщины, поскольку молодые мужья негативно относятся к регулярному посещению их женами мечетей. Исключение делается ими только в дни праздников. Действительно, два раза в год, на основные исламские праздники, в мечетях КБР женщин бывает много¹. При этом молодые мусульмане считают целесообразным давать исламское образование не только мальчикам, но и девочкам, которые активно посещают примечетские школы в тех селениях, где они функционируют².

Женщины среднего и пожилого возраста наряду с мужчинами часто совершают хадж³. Среди пожилых мусульманок много женщин — знахарок. Совершая лечебные ритуалы, они используют исламские молитвы на арабском языке.

В течение 1990-х годов многие женщины среднего возраста окончили курсы начальных исламских знаний при Исламском Институте, получив по их окончании право на преподавание в примечетских школах (аттестаты ДУМ КБР)⁴. В советские годы именно пожилые женщины давали частные уроки обучения чтению Корана. Эта традиция сохраняется в селениях Малой Кабарды⁵.

Тем не менее, мусульманские лидеры в процессе внедрения исламских моральных ценностей «наступили» не только на «язвы» советского общества, но и на национальные культуры, на этнические стереотипы поведения, которые, по их мнению, противоречили исламской идеологии.

В целом, национальные культуры в современных условиях общевойсковой глобализации во многом утрачивают свои функции, в том числе и функцию регулятора нравственного климата в обществе. Многие традиции уже безвозвратно исчезли, многие модернизировались, и лишь немногие продолжают являться частью жизни горских обществ Северного Кавказа.

«Исламская модернизация» горских обществ Северного Кавказа в значительной степени затрагивает не только жизнь мужчин-мусульман, но и жизнь женщин, изменяя их социальный, общественный, семейный и экономический статусы.

Мусульманские лидеры Адыгеи, Кабардино-Балкарии и других республик Северного Кавказа провели своего рода ревизию национальных

¹ ПМА, Кабардино-Балкария, 2000–2002 гг. Тетр. 1. Оп. 1. Д. 5.

² Там же. Тетр. 1. Оп. 1. Д. 5, 7, 15.

³ Там же. Тетр. 1. Оп. 1. Д. 9, 11, 19.

⁴ Там же. Тетр. 1. Оп. 1. Д. 20.

¹ Там же. Тетр. 1. Оп. 1. Д. 5.

² Там же. Тетр. 1. Оп. 1. Д. 5, 7.

³ Там же. Тетр. 1. Оп. 1. Д. 4.

⁴ Там же.

⁵ Там же. Тетр. 1. Оп. 1. Д. 17.

компонентов кавказских культур, связанных с положением женщин в горских обществах.

И первое, что вызывало их неприятие, — клановая структура, поскольку по исламским канонам родственный фактор не имеет первостепенного значения во взаимоотношениях внутри исламской общины.

Наибольшему вниманию мусульман подверглись традиции семейного и похоронного цикла — брак и похороны.

На Северном Кавказе до сих пор распространена форма заключения брака путем похищения невесты, к которому прибегают при наличии разногласий между родителями и молодыми. Ислам это отвергает, допуская лишь устройство брака через сватовство. Имамы относятся к этому отрицательно, и если такие пары обращаются к нему с просьбой совершить нечях, то он может и отказаться провести исламский обряд бракосочетания¹.

Согласно северокавказским традициям, вдова должна в течение года после смерти мужа соблюдать траур, а по исламским правилам она обязана вскоре вновь выйти замуж.

Молодые мусульмане не поддерживают сохранение национальной (кабардинской и балкарской) одежды, предпочитая распространять идею ношения исламской одежды. Женщины начинают носить «хиджаб» — мусульманское платье и платок.

На Северном Кавказе до сих пор сохраняется танцевальная культура, широкий спектр танцев и музыкальных инструментов. Согласно исламским канонам, танцы мужчин с женщинами не разрешаются. Так, молодые мусульмане Кабардино-Балкарии допускают только те танцы, где участвуют одни мужчины, под барабан и джигитовку. В республике один молодой человек, когда начал посещать мечеть, вынужден был покинуть кабардинский национальный ансамбль, в котором он до этого работал. В Адыгее мусульмане сочли возможным сохранить танцы между мужчинами и женщинами с учетом ряда условий: танцующая женщина должна быть одета в соответствии с исламской традицией, т.е. в длинное платье с длинными рукавами и в платок, танцующий с ней мужчина не должен брать женщину за руку². Молодым мусульманам не нравятся национальная и современная национально-эстрадная музыка.

Наблюдается появление мужчин «нового типа» на Северном Кавказе. В предыдущие годы употребление алкоголя глубоко вошло в быт и во все застольные процедуры горцев. Молодые мусульмане пытаются ограничить

его употребление. Свадьбы молодых мусульман проводятся либо вообще без алкоголя, либо организуется отдельный стол для непьющих мусульман¹. Растет новое поколение горцев, не употребляющих алкоголь.

Модернизация жизни северокавказских народов затрагивает и собственно правовую сферу ислама, т.е. мусульманское право, которое, по мнению мусульман, следует постепенно внедрять в противовес бытовавшему в прошлом и бытующему отчасти в настоящем адату. Так, в настоящее время в мечетях Адыгеи, Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии имамы проводят мусульманское бракосочетание и выдают свидетельство о его совершении. Важно подчеркнуть, что собственно правовые нормы семейно-брачной сферы шариата начинаются в тот момент, когда жених и невеста вступают в имущественные отношения, а именно с введением «махра». Введение махра — имущественной доли женщины, которую она получает в случае развода, означает формирование новой формы «защиты» прав женщин Кавказа.

К нормам, которые уже сейчас готовы применять все мусульмане Кабардино-Балкарии, относятся правила развода, раздела имущества и составления мусульманских завещаний для получения наследства².

В КБР распространено мусульманское оформление брака — неках. Особенно мусульманский брак важен в том случае, когда невеста несовершеннолетняя. Совершение некая позволяет молодоженам жить вместе до совершеннолетия жены, а потом регистрировать брак в российском ЗАГСе.

В КБР сохраняется адатный калым и шариатский кебин (мехр, махр). Неках (каб. начахытх, балк. неках) совершают следующим образом: два-три человека, представители жениха, идут в дом невесты, где должны находиться два свидетеля с ее стороны. Иногда присутствуют жених и невеста. Родители будущих супругов не присутствуют. Имам читает проповедь о том, как они должны жить³. Затем имам заполняет бланк о совершении некая, выдаваемый ДУМ КБР, где записываются фамилии и имена молодоженов, их свидетелей и имама, ставится печать религиозной общины или религиозного управления. После совершения некая брак регистрируется в ЗАГСе.

Тем не менее, ислам не сумел стать для населения Северного Кавказа «привлекательным» в качестве системы ценностей, общественной морали. В результате борьбы с радикальными исламскими движениями

¹ ПМА, Адыгея, 2003. Тетр. 1. Оп. 4. Д. 2.

² Там же. Тетр. 1. Оп. 1. Д. 1.

¹ Там же.

² Там же. Тетр. 1. Оп. 1. Д. 15, 20.

³ Там же. Тетр. 2. Оп. 1. Д. 34.

и деятельностью радикальных мусульман ислам в значительной мере потерял свое влияние и авторитет среди населения. Очень показательна в этом отношении беседа с одним из современных молодых мусульман А.Х.Ч. из абазинского селения Псыж, которая имела место в 2007 году в Карачаево-Черкесии¹. Селение Псыж — крупное, в нем проживает около 8 тыс. человек. В селении функционирует одна мечеть, строится новая мечеть. В мечеть по пятницам посещает 50 человек, по праздникам — 100 чел. Членами данной мусульманской общины являются 90 процентов молодежи, 10 — стариков. По мнению абазинского мусульманина А.Х.Ч., у современных абазин горский менталитет исчезает, практически отсутствует национальная идеология, поэтому этот вакуум следует заполнить именно исламской идеологией и исламскими ценностями. Единственное, что мешает это сделать — нынешнее российское телевидение, которое «оболванивает массы». Следствием этого оболванивания является то, что «жители нашего селения хотят только одного — развлечений». В результате таких взглядов на жизнь мусульмане Псыжа живут изолированно, в семейных и общественных праздниках односельчан не участвуют, и чувствуют себя изолированно от большинства населения, которое живет жизнью обычных россиян с отдельными элементами национальных традиций.

Опишем наш разговор с одной из молодых горянок — черкешенок из Карачаево-Черкесии, которой недавно исполнилось 15 лет, — М.Б.С. Девушка выросла в исламской семье: у нее верующая мама. Тем не менее, сама девушка достаточно боязливо относится к исламу и не стремится выполнять нормы ислама. Она планирует выбрать профессию юриста, и ислам и исламские ценности, с ее точки зрения, лишь ограничат ее будущую профессиональную жизнь. По ее мнению, «в исламе для девушки вся жизнь — школа и дом, а так у нас более свободная жизнь — можно работать, учиться, по миру ездить. Адыгская жизнь проще, разнообразнее. Мужчинам легче совмещать ислам и свою жизнь, так как в исламе и в адыгской культуре жизнь мужчин не очень различается, а жизнь женщин — слишком различается»².

О некотором ограничении жизни, с точки зрения молодых девушек — адыгеек, можно говорить и применительно к национальной культуре, традициям и стереотипам поведения. Так, подростки — девушки 15–16 лет, школьницы одной из национальных школ Адыгеи, говорили с неудовольствием о том, что старшие жители в их селении «не разрешают им хо-

дить на речку в купальниках, тем более купаться», тогда как мальчикам разрешается купаться в плавках¹. В современном глобализирующемся мире данные ограничения воспринимаются ими как нечто отжившее.

Кроме того, молодым девушкам не нравится то, что в исламской жизни у женщин меньше социальных и общественных прав, меньше свободы. Ислам не дает молодым девушкам и женщинам стать «современными»².

В то же время развивается и «национальная идеология». Все эти моральные нормы собраны в школьном учебнике «Основы адыгского этикета», изданном на адыгейском языке. Данный предмет преподается в школах Адыгеи, Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии и в адыгейских сельских школах Краснодарского края, в частности, в Успенском, Лазаревском и Туапсинском районах как факультативный урок. Предмет очень популярен среди школьников, особенно среди девочек, тем не менее, многие из представленных в учебном пособии нормы этикета неприменимы в современном обществе. В частности, по адыгскому этикету, муж и жена не могут вместе показываться «на людях», в обществе, или супруга не имеет права находиться вместе с матерью своего супруга в одном помещении и т. д.

Приведем и мнение заведующего по учебно-воспитательной работе в сельской школе аула Урупский Успенского района Краснодарского края *Нальби Машбишева*. Он считает, что в современном обществе вполне могут быть востребованы такие нормы Адыгэ Хабзэ как сдержанность, уважение к старшим — непрекословие, взвешенность, этикет между мужчинами и женщинами — женщина не имеет права переходить дорогу мужчине и т. д.³.

Таким образом, мы видим в современном горском обществе имеет место одновременное формирование нескольких тенденций: с одной стороны, в условиях духовного кризиса, в обществе происходит становление новых идеологий, формулирование новых ценностей в области морали, с другой стороны, осуществляется модернизация жизни горцев, борьба с традициями, религиозными нормами морали, которые мешают им жить «современной жизнью». Северокавказские горянки принимают активное участие в развитии обеих вышеописанных тенденций, отчасти влияя на их формирование, отчасти подчиняясь тем процессам, которые в корне меняют их традиционную жизнь.

¹ ПМА, Адыгея, июнь 2007 г., Тетр. 3. Оп. 1. Д. 3. *Урупский район Краснодарского края*

² Там же.

³ ПМА, Адыгея, июнь 2007 г., Тетр. 3. Оп. 1. Д. 2. *Урупский район Краснодарского края*.

¹ ПМА, июнь 2007 г. Тетр. 5. Оп. 1. Д. 1. *Прикубанский район КЧР*.

² ПМА, июнь 2007 г. Тетр. 2. Оп. 1. Д. 5. *Хабезский район КЧР*.

Privacy: Приватность или уединенность?
Проблемы эквивалентности в переводах русских
и английских терминов (на примере литературы
по гендерной проблематике)

В настоящем докладе будут рассмотрены три вопроса: роль перевода в развитии научного дискурса; изменение характера издательской деятельности и перевод; и, наконец, проблемы концептуальной эквивалентности русского и английского философского дискурса.

1. Перевод и развитие научного дискурса

История отечественной традиции перевода полна интереснейшими эпизодами. Н.В. Гоголь критиковал европейских переводчиков Гомера за то, что те не сумели уловить «неуловимые красоты как самого Гомера, так и вообще эллинской речи»¹ и, напротив, превозносил В.А. Жуковского за «воссоздание, восстановление, воскресенье Гомера»² на русском языке. Однако Жуковский, как отмечают комментаторы его перевода, осознавал, что «в переводе Гомера на новые языки крайне трудно отразить своеобразную простоту и безыскусность повествования, которые он считал главными и самыми обаятельными качествами греческого эпоса»³, и потому переводил «Одиссею» по немецкому подстрочнику, составленному эллинистом К. Грасгофом⁴. Несмотря на вторичность, интерпретация Жуковского остается непревзойденным образцом переводческого искусства, который поразил Гоголя еще до его публикации.

Данный эпизод отечественной переводческой традиции показывает многие стороны неоднозначности переводческого ремесла, в частности, демонстрирует основную дилемму перевода: как, сохраняя верность родному языку и родной культурной среде, донести до своего читателя колорит и смысл оригинала.

Применительно к научной и философской литературе эта проблема имеет свою специфику. Наука является международным, универсаль-

¹ Гоголь Н.В. Выбранные места из переписки с друзьями // Соч. В 7 т. М., 1967. Т. 6. С. 224.

² Там же. С. 224.

³ Атарова К.Н., Савельева О.М. Комментарии // Зарубежная поэзия в переводах В.А. Жуковского. В 2 т. М.: Радуга, 1985. Т. 1. С. 527.

⁴ Там же.

ным проектом и потому предполагает овладение *Lingua Franca*, а во-вторых, интеграцию национальной научной школы в международное сообщество посредством перевода с родного на иностранные и с иностранных на родной. В случае гендерных исследований происходит «воссоздание» и «восстановление» англоязычного философского, правового, исторического и проч. дискурсов средствами русского языка, которые согласуются с общемировыми тенденциями роста влияния англоязычной культуры¹.

2. Наивный перевод и парадокс Бенямина

Перевод англоязычных текстов на русский язык является не просто фактом трансляции определенного корпуса знаний, но и способом конституирования русского научного дискурса, то есть прироста знания. Именно поэтому исключительно важен уровень научной культуры переводчика в соответствующей области знания.

В настоящее время осуществление переводов осложняется целым рядом обстоятельств, в том числе падением престижа переводческой деятельности и разнообразными институциональными изменениями, произошедшими в издательском деле. В результате этих изменений возник феномен, который я назвала *наивным переводом*. Наивный переводчик, если определить его главные особенности, не является специалистом в области переводимого им текста, недостаточно владеет языком оригинала, имеет пробелы в знании родного языка. Главной стилистической приметой наивного перевода является избыточная калькированность.

Наивный переводчик переводит *Criminal Law* (уголовное право) как *Криминальный закон*, *age of consent for girls* (совершеннолетие для женщин) как *необходимый возраст для девушек-проституток*, проч.², *holy* как *тотальный*³. С легкой руки наивного переводчика Л. Витгенштейну была приписана концепция атомарного факта⁴. Характерные примеры наивного перевода приведены Р.Г. Апресяном в его рецензии на перевод книги Э. Гидденса «Трансформация интимности»⁵.

¹ Dalby A. Language in Danger. Allen Lane: The Penguin Press, 2002. P. 180ff.

² Рубин Г. Размышляя о поле: заметки о радикальной теории сексуальных практик // Гендерные исследования. 1999. № 3. С. 7.

³ Печески Р. Башни-призраки. Феминистские размышления над битвой между глобальным капитализмом и фундаменталистским терроризмом // Гендерные исследования. 2001. № 6. С. 7.

⁴ Суровцев В.А. Божественный Людвиг? — Бедный Людвиг! (некоторые замечания о новейших переводах Л. Витгенштейна) // Логос. 1999. № 2. С. 392–403.

⁵ Вопросы философии. 2005. № 2.

Наивный перевод делает русский текст семантически непрозрачным и «пригодным для употребления» только специалистами в данной области, знающими язык оригинала и способными реконструировать его по такому, непрозрачному, переводу. Этот феномен я называю парадоксом Бенямина, согласно которому переводы осуществляются *не* для читателя, *не* понимающего оригинала¹.

3. Концептуальные проблемы перевода

К числу наиболее серьезных проблем перевода относится проблема концептуальной эквивалентности языка оригинала и языка перевода. Для русского научного дискурса эта проблема встает в полный рост в связи с тем, что сформировавшиеся ранее (в результате интерпретации переводов с классических и новых языков, главным образом, немецкого и французского) пласты русской философской и правовой терминологии, дублируются новыми, зачастую калькированными, переводами с английского.

Таковы *общественный договор* и *социальный контракт*, *противоречие* и *конфликт*, *общественное/частное* – *публичное/приватное*. Наибольшие сложности при такой дублетности возникают в случае расширенного словообразовательного гнезда. Так, если один интерпретатор для слова *privacy* выбирает калькированную версию *приватность*, а другой — *уединенность*², то переведенные разными авторами тексты выпадают из исходно общего дискурсивного поля. Ранее использовавшиеся в русской терминологии понятия *деятельность*, *действие*, *деяние* (*поступок*), *дееспособность* поддерживались переводами из немецкой классической философии, где им соответствовали понятия *Taetigkeit*, *Wirkung*, *Wirksamkeit*, *Handlung*, *Handlungsfahigkeit* etc. Для современных переводчиков с английского одним из наиболее сложных терминов оказался термин *agency*, который иногда означает *деятельность* как таковую, а иногда — соответствует тому смыслу, который передается ранее введенным понятием *дееспособность*. В современных переводах *agency* данное значение термина иногда не учитывается, ему приписываются иные смыслы, например *свобода действия*³. Вместе с тем, например, в сочинениях Джудит Батлер, посвятившей одну из своих ранних работ философии Гегеля, *agency* — это или *дееспособность* (*Handlungsfahigkeit*)⁴ или *дея-*

тельность. Дело усложняется еще тем, что *agent* как субъект деятельности, или дееспособный субъект, передается термином *агент*. Таким образом, исходно связанные между собой понятия оказываются лингвистически разведенными. Складывается ситуация непереводимости кластера.

И это лишь один пример проблемы концептуального соответствия.

Если решение проблемы, сформулированной в пункте (1) предполагает расширение переводческой деятельности, то для решения проблем, сформулированных в пунктах (2) и (3), требуется усиление языковой подготовки специалистов для увеличения их возможностей знакомства с оригиналами, которая в идеале должна выразиться в билингвальном образовании. Эти стратегии представляются мне не альтернативными, а взаимодополнительными.

Белова Н.А.,
Костромской государственный
университет им. Н.А. Некрасова

К истории повседневности провинциальных учительниц в 1920-е годы (на примере Костромского края)

Ни одно общество не может жить и успешно развиваться без воспроизводства своей культуры, без передачи знаний и системы ценностей подрастающим поколениям, то есть без сферы образования. Национальная доктрина образования в Российской Федерации рассматривает его как один из ключевых факторов, определяющих положение государства в мире и человека в обществе. Ведущая роль в достижении целей образования принадлежит педагогам.

Учительской интеллигенцией мы называем особую социально-профессиональную и культурную группу, объединяющую педагогов общеобразовательных школ. Сферу их профессиональной деятельности — обучение и воспитание, готовящих молодёжь к жизни, трудно переоценить.

Актуальность проблемы в значительной мере обусловлена тем, что в советской историографии превалировала тематика «государственно-партийного руководства учителями», тогда как жизненная позиция, нравственные устои учительства оставались в тени. Цель нашего исследования — попытаться воссоздать учительскую «повседневность»

¹ Бенямин В. Задача переводчика // Деррида Ж. Вокруг вавилонских башен. СПб., 2002. С. 87–88.

² Окин С. М. Проблема пола: общественное и частное // Современная политическая теория. М., 2001. С. 120–124.

³ Батлер Дж. Психика власти: теории субъекции. Харьков: ХЦГИ, СПб: Алетейя, 2002. С. 22.

⁴ Личное сообщение Джудит Батлер автору тезисов.

1920-х гг., которая в конечном итоге определила ту роль, которую сыграло оно в решении проблем социо-культурного развития общества.

Представление о реальности учительской повседневности дают воспоминания М.Б. Крошкиной, которая в 1920-е гг. заведовала Костромской школой 2 ступени им. Энгельса. Являясь авторитетным сотрудником, она была избрана в состав Правления Губернского проф. союза. М.Б. Крошкина отмечала, что последнее стремилось добиться ведения «плановой» методической работы, привлечь к ней большее количество членов профессионального союза. По поручению Правления она стала «курировать» именно это направление деятельности; конкретная работа осуществлялась через методические кружки учителей в Доме работников просвещения, который был в ведении Правления Союза. Автор воспоминаний отмечает, что значительную сложность представляла реализация так называемого «комплексного обучения», которое было отменено в 1931 году. Сложность данного обучения состояла в том, что письмо, чтение и счет надо было вырабатывать в процессе изучения других предметов, например, биологии, истории или физики. По свидетельству М.Б. Крошкиной, Правление проф. союза стремилось создать профессиональный актив, вовлечь в профессиональную работу большее количество учителей. При местном работали комиссии по охране труда, по культуре. В 1929 году Костромская губерния была преобразована в округ. Часто работникам окружного правления Союза приходилось выезжать в районы на перевыборы низовых профорганов во всякую погоду, по бездорожью, да еще самим искать транспорт (вьюжная дорога до Сусанино: 6 км бежали за санями, ехали ещё 6 км, а потом снова бежали, ночевали в прокуренной чайной, где было ужасно холодно, чуть свет снова в путь), «да путь в 60 км был мучительным, но жаловаться нельзя нам надо работать!»¹ Нагрузка была очень большой. Кроме активного участия в профсоюзной работе, как свидетельствуют воспоминания, учительский корпус был активно задействован в антирелигиозном воспитании учащихся, особенно с 1925 года, главным образом в форме организации и проведения бесед на антирелигиозные темы во внеурочное время; от учителей требовалось такое построение материала, которое исключало даже косвенное упоминание о религии. А так же в деле распространения политических знаний учителям приходилось очень тяжело. Деревенская молодежь отказывалась вступать в комсомол и посещать политические собрания. Большей популярностью пользовались

¹ Аристова О.П. Летопись к 50-летию Союза работников просвещения. Кострома. 1969. С. 27–29.

профессиональные кружки, которые организовывались при комсомольских организациях. Так, например, в деревне Палкино был организован кружок «Кройки и шитья», именно поэтому в палкинской комсомольской организации желающих вступить туда было гораздо больше. Так сохранились крестьянские отзывы о деятельности комсомольских ячеек, организованных учителями: «На кой ... нам на комсомольские собрания ходить. У нас нет ни времени, ни желания, а вот организация различных ремесленных кружков — это их важнейшая задача». В почете среди крестьян находились и различные культурные спектакли. В деревне Погост-Барский А. Капустина, местная комсомолка — учительница, развернула большую культурную работу. Она организовывала постановки школьных спектаклей, организовала сельскохозяйственный кружок, с ее помощью был открыт Красный уголок. Но идеологические установки партии требовали другого, именно поэтому приходилось прибегать к хитростям: так как раньше кино было новинкой, а в некоторых деревнях о нем даже ничего не слышали, иногда приезжал перевозной синемаграф («передвижка»). Как правило, подобного рода представления пользовались большим успехом, именно поэтому перед началом сеанса проводили политическую агитацию, например, читали доклады на тему «Религия и быт», «Что такое церковь и государство?», а после устраивали просмотр фильмов¹.

Ещё одной весьма «специфичной» составляющей учительской повседневности была борьба с проявлениями преступности в среде учащихся. По данным газеты «Смена» (1927 год, № 14), в школах нередко существовали шайки. Так в одной из школ существовали «шайка в три», «шайка рыжих», «шайка кровавых когтей», которые были враждебны друг другу. Разбирательство на местах осуществлялось с помощью инспекторов ГУБОНО. Правильно организовать досуг молодежи было очень сложно, так как еще не были выработаны понятия об этикете учительского поведения, именно поэтому в газетах встречается упоминание инцидентов, связанных не только с плохим поведением учеников, но и учителей. Так в газете «Смена» упоминаются два случая, которые произошли 1928 году. Автор статьи говорит о том, что нередкими были случаи избиения учеников за любую провинность². Оба инцидента были разобраны, но учителя наказаний не понесли³, т. к. данное положение вещей было связано с тем, что учительских кадров

¹ Смена. 1928. 5 января. № 6. С. 1.

² Смена. 1928. 21 февраля. № 10. С. 1.

³ Смена. 1928. 17 июля. № 21. С. 1.

не хватало и был большой процент неграмотного населения. Сказанное выше — лишь небольшой фрагмент того, что можно определить как учительскую «повседневность» 1920-х гг. По яркому свидетельству современников, в день учителям приходилось выполнять несколько поручений от различных правительственных организаций: партии, Союза Рабпроса, Гороно, Губнаробраза и школьной дирекции. Подобная востребованность учителей была следствием той функции, которая отводилась им в условиях 1920-х годов — быть опорой советской власти в деле воспитания молодого поколения. Из воспоминаний можно взять цитату Аристовой, которая дает яркий пример энтузиазма учителей того времени: «И откуда брались силы? В 2 смены учиться, не пропускать собраний, ходить на завод, в производственно-технические школы, иметь свою семью, а также уделять время на проверку тетрадей и подготовку к урокам»¹.

*Благodatских И.М.,
Приднестровский государственный
университет им. Т.Г. Шевченко (Тирасполь)*

Женское политическое участие в непризнанном Приднестровье: проблемы источниковедения и историографии

Современная история Приднестровья представляет собой уникальный опыт государственного строительства в условиях вооруженного, на определенной стадии, и длительного, на протяжении более пятнадцати лет, политического противостояния между Приднестровьем и Молдовой. События в бывшей Советской Молдавии на рубеже 1980–1990-х гг. явились частью масштабных, тектонических сдвигов, связанных с распадом Советского Союза. Женское политическое участие в этих событиях трудно переоценить и вместе с тем оно нуждается в серьезном изучении. Крайне важной является «инвентаризация» имеющейся источниковой базы, оценка подходов, сложившихся как в общественно-политическом, так и в историографическом дискурсе.

Приднестровское женское политическое движение берет начало с активного участия женщин в деятельности общественных организаций (прежде всего, Объединенного Совета трудовых коллективов), сыграв-

¹ Аристова О.П. Указ соч.

ших наиболее значимую роль в отстаивании прав граждан Приднестровья, а затем выработке и реализации идеи самостоятельной приднестровской государственности (1989–1991 гг.)¹. Качественно новый этап начинается с «рельсовой войны» 1 сентября — 2 октября 1991 г., поводом к которой стал арест спецслужбами Молдовы депутатов-приднестровцев, руководителей Приднестровья и Гагаузии. Блокирование железной дороги Москва-Кишинев с выдвижением политических требований, осуществленное женским движением, стало не только важным моментом в молдо-приднестровском политическом противостоянии, прорывом информационной изоляции Приднестровья, но и организационным оформлением движения, созданием 6 сентября 1991 г. Женского забастовочного комитета. Политическая голодовка, блокада железной дороги, пикетирование, обеспечение приднестровцев оружием, акции мира в зоне боевых действий, организация похорон, помощь раненым, поддержка семей погибших, пропагандистская работа за пределами республики — такие формы прямого действия характерны для женского движения 1991–1992 гг. Этим действиям, несмотря на высокую оценку движения в целом, в обобщающих работах по истории приднестровской государственности уделено немного внимания². В воспоминаниях председателя ЖЗК Г.С. Андреевой³ подчеркнута обоснованность и искренность политического порыва женщин.

Источники по истории женского политического участия в 1991–1992 гг. разнообразны. Наиболее важными являются документальные источники, частично опубликованные⁴. В соответствии с принятым в 1993 г. Законом «Об Архивном фонде ПМР» в республике создана фундаментальная основа для изучения современной истории края, в том числе и истории общественных организаций. Большая часть этих материалов находится в Центральном государственном архиве Приднестровской Молдавской Республики: в фондах государственных органов (Верховного Совета ПМР, Администрации Президента ПМР, министерства юстиции, исполкомов районных и городских Советов народных де-

¹ Начало. Сб. воспоминаний / Сост. А.З. Волкова. Тирасполь, 1999.

² См.: История Приднестровской Молдавской Республики. Т. 2. Ч. 2. Тирасполь, 2001. С. 22–23, 116, 129.

³ Андреева Г.С. Женщины Приднестровья. Строки, написанные сердцем. Трудные годы борьбы и побед. Тирасполь, 2000. См. также: Женщины Приднестровья. К 5-летию женского движения. Фотоальбом. Тирасполь, 1996.

⁴ Непризнанная республика. Очерки. Документы. Хроника. Т.4. М., 1999. С.163–246.

путатов), а также в фондах негосударственных организаций (фонд Женского забастовочного комитета содержит 55 дел за 1991–2006 гг.¹, личный фонд Г.С. Андреевой — 25 дел²). Большие усилия для воссоздания истории женских организаций в районах и городах Приднестровья предпринимает Общество историков-архивистов Приднестровья (председатель — З.Г. Тодорашко). В фондах ОИАП хранятся воспоминания Л.В. Косаревой, руководителя Григориопольского союза женщин³, ведется работа по подготовке воспоминаний председателя Республиканского союза женщин Приднестровья Т.Н. Долишней. Вместе с тем, находящиеся на государственном хранении документы не могут воссоздать полной истории женского политического участия в период 1991–1992 гг. в силу ряда причин: деятельность женских организаций осуществлялась в условиях политического противостояния, ее документированию придавалось значение в исключительных случаях; зачастую документирование деятельности носило рабочий, черновой характер; подробное описание акций, мероприятий, указание фамилий участников могло быть оценено как опасное с точки зрения непредсказуемости дальнейшего развития событий; документы являлись результатом политического творчества, не соответствовали общепринятым правилам оформления документов, обязательной номенклатуре и в силу этого не подлежали передаче на государственное хранение.

Фонды коллекций Тираспольского государственного объединенного музея, музеев городов Бендеры, Дубоссары, Григориополь, Рыбница содержат материалы участников событий, уникальной их частью являются фотоматериалы.

Важнейшим источником по истории женского политического участия являются печатные и электронные средства массовой информации Приднестровья, сохранившие хронику политических событий, данные о деятельности женских организаций и персоналиях. Среди печатных СМИ следует отметить газеты «Днестровская правда», «Днестровский меридиан», городские, районные, поселковые газеты. Радио Приднестровья является хранителем и создателем аудиоматериалов по истории женского движения 1991–1992 гг. Ценные кадры хроники, хранящиеся в видеотеке Телевидения ПМР, используются в программах, передачах, посвященных памятным датам. В 2001 г. тираспольским Интеллектуаль-

но-производственным центром «ТРИО» был подготовлен двухчасовой документально-исторический фильм «Женщины Приднестровья» (автор сценария и режиссер А.В. Ястреб). Создателями фильма проделана огромная работа по сбору воспоминаний участниц событий 1991–1992 гг., предпринята попытка дать объективную оценку своеобразному феномену — стихийному женскому движению, ставшему мощным инструментом политического действия.

Следует констатировать, что до сих пор тема женского политического участия в Приднестровье находится в сфере общественно-политической публицистики. Вместе с тем источниковая основа, многообразная и постоянно пополняющаяся новыми свидетельствами, создает условия для научного исследования этой чрезвычайно востребованной проблематики. Симптоматичным является обращение к различным аспектам «женского вопроса» преподавателей Приднестровского государственного университета (Н.В. Мясникова, С.А. Осипова, Е.М. Бобкова, Г.И. Сандуца). С 2006 г. Н.В. Мясникова в качестве соискателя Центра по изучению социально-политических процессов в странах ближнего зарубежья РГГУ проводит исследование по теме «Развитие политической активности женщин как субъектов политического процесса в Приднестровье (1990–2007 гг.)».

Изучение женского политического движения в Приднестровье предполагает необходимость владения методологическим инструментарием, скрупулезную изыскательскую работу по выявлению закрытых до настоящего времени источников. В качестве актуальных исследовательских задач представляется определение периодизации, выявление форм и особенностей женского политического участия в Приднестровье, изучение темы женского политического лидерства, сравнительный анализ женских протестных движений в кризисные периоды развития общества, в частности, в «горячих точках» постсоветского пространства.

¹ Центральный государственный архив Приднестровской Молдавской Республики. Ф. 1011.

² Там же. Ф. 1012.

³ Там же. Ф. 969.

Бойченко Л.Д.,
Северный филиал Российской правовой
академии МЮ РФ (Петрозаводск),
Петрозаводский Госуниверситет

Женщины России против насилия: основные тенденции столетия

Говоря о выступлении женщин России против насилия, мы постараемся проследить основные тенденции последних 100 лет, начиная с Первого Всероссийского женского съезда, который проходил в 1908 году в г. Петербурге и впервые объединил российских аристократок и работниц, хотя последние были представлены весьма незначительно. Работавшие в ходе съезда 4 секции во главу угла ставили вопросы обретения политических прав женщинами России, но уже из названия таких секций, как «Деятельность женщин в России на различных поприщах», «Экономическое положение женщин и вопросы этики в семье и обществе» видно, что тема насилия также обсуждалась¹. Более того, в одном из проектов резолюций съезда речь шла о необходимости немедленно приступить к реформе российских законов с тем, чтобы пересмотреть их с точки зрения равенства полов.

Насилие, к тому же со стороны близких мужчин, сопровождало женщин на протяжении длительной истории². Оно имеет свои корни в традициях и культурных нормах разных обществ. Исследования, которые проводились в разных странах, свидетельствуют, что насилие имеет глобальные черты³. По мнению некоторых специалистов, складывается впечатление, что «насилие правит миром»⁴.

¹ Труды Первого Всероссийского женского съезда при Русском женском обществе в Санкт-Петербурге. СПб., 1909.

² «А се грехи злые, смертные...»: Русская семейная и сексуальная культура глазами историков, этнографов, литераторов, фольклористов, правоведов и богословов. В 3-х кн. / Изд. подгот. Н.Л. Пушкаревой, Л.В. Бессмертных. М.: Ладомир, 2004; Бойченко Л.Д. Проблемы насилия и трэффика: возникновение и предупреждение. Петрозаводск: Издательство ПетрГУ, 2004.

³ Ойзерман Т.И. К. Маркс: эволюция социологической концепции насилия // Социологические исследования. 1994. № 5. С. 27–34; Кон И.С. Социологическая психология: Избранные психологические труды. М.: МОДЭК, 1999; Гендерный калейдоскоп: Курс лекций / Под общ. ред. М.М. Малышевой. М.: Academia, 2001.

⁴ Норбер Р. Юридическая антропология. М.: Изд-во Норма, 1999. С.155.

Представленное сегодня исследование вопросов насилия касается России и ее Северо-западной части — Карелии, где наряду со славянской тесно переплетены черты финно-угорской культуры, что дает пример большей весомости положения жены. Часто это связывают с тем, что на Севере многие женщины подолгу одни оставались *на хозяйстве*, так как мужчины уходили на всю зиму в отхожие промыслы. Возвращаясь домой, мужчина уже не мог не считаться с мнением своей жены, длительное время хорошо и без него справлявшейся со всеми проблемами. Успешный опыт полного управления домашними делами придавал женщинам уверенность в собственных силах, повышал их самооценку и желание равноправных отношений в семье¹. Все это закреплялось в культуре, в целом в отношении к женщинам, более высокой оценке их универсальных способностей.

Таким образом, мы можем говорить, что с момента Первого Всероссийского женского съезда тема предотвращения насилия была озвучена, а в период работы Первого Всероссийского съезда по борьбе с торгов женщинами, состоявшегося в российской столице уже через пару лет, поставлена с новой силой и с новыми аспектами².

Отношение к женщинам менялось. Это можно проиллюстрировать интересным документом из Национального архива Республики Карелия — сообщением Олонецкого губернского присутствия в канцелярию Олонецкого губернатора о целесообразности приема женщин на работу в местные учреждения, датированное 3 сентября 1909 г.³ В нем сказано: «Допущение лиц женского пола в местные учреждения Министерства внутренних дел — полезно, ибо работают они вполне добросовестно, со знанием дела, и возбуждая соревнование в мужчинах, имеют на них смягчающее влияние». К сожалению, не состоялся намечавшийся в Москве на 1913 г. Второй Всероссийский женский съезд, а вскоре, через год, началась I мировая война с присущим всем войнам насилием, продолжавшимся вплоть до 1918 года и охватившем уже большую часть Европы.

¹ Бойченко Л.Д. Участие женских организаций Карелии в становлении гражданского общества / Гражданское общество на Европейском Севере: понятие и контекст: материалы международного семинара. Санкт-Петербург, 1996; Бойченко Л.Д. Карелия: взаимодействие НПО и государственных структур / Достижения и находки. Кризисные центры России. М.: Пресс-соло, 1999.

² Труды первого всероссийского съезда по борьбе с торгов женщинами и его причинами, происходившего в С.-Петербурге с 21 по 25 апреля 1910 г. Т. 1. СПб., 1911.

³ НА РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 107/79. Л. 5–5об.

На насилие, осуществлявшееся в ходе войны, наложилось и насилие революционных событий в нашей стране, а затем и событий гражданской войны.

Женщины, выступившие в столице России весной 1917 года против насилия войны в период празднования международного дня солидарности трудящихся женщин, были поддержаны солдатами военного гарнизона Петербурга и фактически положили начало революционным событиям и идущему вместе с ними насилию.

Последовавший после гражданской войны период восстановления народного хозяйства, выразившийся, в том числе в индустриализации, коллективизации и культурной революции, так же осуществлялся с применением насильственных методов, хотя большевики и провозгласили на весь мир равенство между полами в Советской России, а на деле патриархальный гнет над женщиной в семье усилился гнетом государства, которое уже со второй половины 1930-х годов, начинает готовиться к войне и одной из мер выбирает контроль за репродуктивной функцией, запретив осуществление аборт.

Насилие периода II мировой войны показано во многих исследованиях историков, социологов и политологов. Психологи также стали изучать феномен военного насилия и его пролонгированного влияния на мирных жителей более детально, так как и через поколения оно дает о себе знать¹.

В годы перестройки, официально в 1995 г. на IV Всемирной конференции по положению женщин в Пекине, Российская официальная делегация впервые признала существование в стране домашнего насилия, приняв предотвращение его в качестве одного из 5 приоритетов, избранных среди 12 направлений «Пекинской Платформы действий» для реализации в России. Именно в 1990-е годы появляются в России такие общественные организации как гендерные центры, кризисные центры, ставящие перед собой задачу предотвращения и искоренения в обществе насилия в отношении женщин и гендерного насилия.

К сожалению, в конце XX века «встает из небытия» тема торговли людьми и в основном женщинами и детьми. Ее также первыми озвучи-

¹ Сердюк Л.В. Насилие: Криминологическое и уголовно-правовое исследование. М., 2002; Малышева М.М. Столкновение или консенсус: гендер и человеческая безопасность в глобализованном мире // Народонаселение. 2004. № 2. С. 124–129; Табатадзе Г.С. Насилие как социальное явление // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 7. Философия. Социология и социальные технологии. 2004. № 3. С. 109–116; Стасюк А. Сегодня умирают иначе // Иностранная литература. 2004. № 9. С. 242–247 и др.

вают женские общественные организации, а в 2003 году в Уголовном Кодексе Российской Федерации появляются новые статьи: 127.1 — «Торговля людьми» и 127.2 — «Использование рабского труда».

Таким образом, опираясь на многочисленные исследования¹, мы постарались выделить основные тенденции по предотвращению насилия в нашей стране за последние 100 лет, в отношении которых женщины России пытались консолидироваться и бороться. Судя по всему, мы лишь в начале трудного пути предотвращения насилия и формирования толерантного общества.

Блохина Н.А.,
Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина

Третья волна, третий мир, либерализм и мы

Цель доклада — показать основные тенденции женского движения на Западе и в России в XX в. и обосновать идею идеологического и организационного объединения женщин всего мира, для которого XXI в. создал объективные условия. Важный фактор такого объединения — работа национальных и международных женских организаций.

К концу XIX — началу XX вв. Россией и странами Запада был достигнут различный уровень развития демократии. Но задача, стоявшая тогда перед российским и западным женским движением, была общей — получение женщинами равных избирательных прав с мужчинами как первый шаг на пути реализации либерального идеала гендерного равенства. Победа суфражизма завершила первую волну феминизма — и на Западе, и в нашей стране. Дальнейшее движение к женскому равноправию в странах Запада и в России проходило в различных социально-экономических и политических условиях, что привело к возникновению различий в положении женщин России и Запада.

В Советском Союзе реализовывался проект «государственного феминизма», в западных странах в жизнь претворялся либеральный проект женского и мужского равноправия. В итоге в конце 1960-х — начале 1970-х годов западные женщины начали осознавать ограниченность ли-

¹ См. библиографические сборники: Пушкарева Н.Л. Русская женщина. История и современность. М., 2001; Голод С.И. (ред) Аннотированная библиография по проблемам семьи (1981–1990). М., 1993.

берального проекта равноправия, гарантирующего женщинам равные с мужчинами избирательные права. Замужние женщины средних слоёв, вынужденные, как правило, не работать, осознали необходимость того, чтобы реализовывать себя не только в домашнем хозяйстве и семье, но в активной общественной деятельности и на производстве. Перед советскими женщинами такой задачи не стояло, поскольку марксистский идеал равноправия, объективные условия строительства социализма в условиях международной изоляции, участие во второй мировой войне потребовали массового участия женщин в сфере производства, а также в общественной жизни. Советские женщины были вынуждены работать, одновременно неся бремя домашних и семейных забот, что позволило западным, а позже и российским теоретикам феминизма заявить о неудачном браке марксизма с феминизмом.

Поднявшаяся вторая волна женского движения на Западе во второй половине XX столетия дала возможность многим женщинам работать. Одновременно вторая волна феминизма показала, что она оказалась реализацией гендерного равноправия для ограниченного количества западных женщин — белых образованных представительниц среднего класса, не затронувшей бедные и небелые слои женщин.

Стремление западных теоретиков феминизма преодолеть недостатки второй волны феминизма совпало с их массовым увлечением в 80–90-е годы ушедшего столетия философией постмодернизма. Постмодернистский феминизм внёс огромный вклад в раскрытие форм гендерного неравенства. Было выяснено, что неравенство полов имеет классовую и расовую составляющие. Теоретики феминизма заговорили о существовании множества гендеров. Глубокая разработка проблем гендерного неравенства в постмодернистском феминизме одновременно обернулась его недостатком, поскольку исчезло универсальное определение понятия «женщина», что вело к идеологическому и практическому разъединению женщин. Кроме того, сложность постмодернистских текстов создавала дополнительные преграды на пути объединения женщин, поскольку вело к отчуждению активисток женского движения от теории феминизма.

К концу двадцатого столетия стало абсолютно ясно, что ни западный, ни советский проект женского и мужского равноправия не позволяют достичь реального равноправия полов. Завоевание женщинами избирательных прав и их массовое участие в общественной жизни и работа на производстве как на Западе, так и в России показали, что женщины чаще всего проигрывают мужчинам в политике, бизнесе, продвижении по социальной лестнице.

Выяснилось, что механизмы формирования и сохранения гендерного неравенства кроются в самих основаниях общества. Это открытие позволило говорить о «гендерном обществе» (Майкл Киммел), которое использует многочисленные средства, в том числе правовые, подавления и угнетения женщин. Уяснение этой идеи стало главным достижением феминистской теории и гендерных исследований 1980–90 годов.

Перед теоретиками современного феминизма стоит практическая задача по преодолению отчуждённости реального женского движения от её теоретического обоснования. В связи с этим феминистская теория, во-первых, должна вернуться к единому определению понятия «женщина», во-вторых, феминистская аргументация должна стать ясной и понятной широким массам.

В этой связи интересной попыткой преодоления указанных недостатков постмодернистской мысли является книга американской феминистки Наоми Зэк «Включающий феминизм. Теория женского объединения третьей волны» (2005). Автор предлагает универсальное определение женщины.

Методологической основой данного определения Наоми Зэк считает относительный эссенциализм, согласно которому «сущность» женщины не является константой, а отношением к исторической, социально конструируемой категории. Эта категория является (нестрогой) дизъюнкцией трёх констант: женщинами являются все те, кто (1) или является женщиной от рождения (2) или является (в том числе потенциально) биологической матерью (3) или является приоритетным сексуальным партнёром гетеросексуальных мужчин¹.

Наоми Зэк считает, что универсальное определение женщины будет способствовать объединению женщин для грядущей третьей волны феминизма. Естественным союзником женского движения первого мира автор считает женщин третьего мира.

В связи с этим возникает вопрос о том, каково место российского женского движения в мировом женском движении. Наоми Зэк полагает, что российские женщины переживают успехи либеральных реформ и не готовы к активному участию в женском движении. К тому же автор не видит Россию как члена первого или третьего мира. Такой взгляд с Запада мне кажется несколько упрощённым. Отсутствие активного женского движения в современной России обусловлено несколькими причинами (отсутствие гражданского общества, неопатриархатные настроения в об-

¹ Zack N. Inclusive Feminism. A Third Theory of Women's Commonality. Lanham: Rowman & Littlefield Publishers, 2005. P 25.

шестве, классовое расслоение женщин, феминизация бедности, манипулирование сознанием со стороны политических элит и др.).

Однако мне видится, что в XXI веке возникают условия для того, чтобы женщины России и Запада, как и других стран мира осознали себя единым «социальным классом» (Н. Зэк), ответственным за положение женщин во всём мире. Это осознание того, что феминизм может стать практической защитой интересов женщин, который одновременно ведёт к улучшению жизни всего общества — женщин, детей, мужчин и всего живого¹. Для реализации этой задачи мировое женское движение должно стать активным участником всех общемировых процессов.

Важным условием и движущей силой объединения женщин является достижение правового равенства мужчин и женщин во всех сферах жизни. В современном мире достигнуты разные уровни правового равенства мужчин и женщин. Одни страны ещё не присоединились к международным соглашениям, другие — ушли далеко вперёд в реализации международных договорённостей. Являясь естественным, такое положение дел создаёт дополнительные стимулы к продвижению женского равноправия в отдельных странах, в том числе в России. Задача нашей конференции заключается в том, чтобы обсудить правовое положение российской женщины и наметить пути его улучшения.

Бодруг-Лунгу В.И.,

Молдавский госуниверситет, Кишинэу

Трансформация статуса женщин Молдовы в переходный период

Республика Молдова провозгласила независимость в 1991 году после распада СССР. Страна вступила в затяжной переходный период, подобно многим из стран СНГ. Изменения в политике, экономике и общественной жизни в переходный период имели немалое воздействие на статус женщин в Молдове.

Известно, что в рамках советской социалистической системы статус женщин определялся в качестве «товарищей по труду и в жизни» мужчин. Женщины играли активную роль в социально-экономической жизни страны. В то же время, коммунизм законсервировал традиционный

¹ Op. cit. P 162.

патриархат в семье, символическую роль мужчины, «двойной» рабочий день женщин. Данный феномен был обозначен рядом ученых как «патриархат без отцов»¹. Следовательно, коммунизм явил собой своеобразную комбинацию между эгалитаризмом и традиционным патриархатом.

На начальном этапе установления суверенитета Республики Молдова в развитии страны практически не нашлось места гендерным аспектам. В то же время политические стратегии привели к появлению и росту социальной поляризации общества. Акцент на социальную защиту населения в реальности привел и к росту зависимости мужчин от политик перераспределения, а женщин от мужчин.

Постепенно, особенно под давлением внешних факторов, в стране были предприняты конкретные усилия по продвижению идей гендерного равенства. На данном этапе в Молдове наблюдается своеобразная ситуация. С одной стороны, в республике сложились благоприятные политические условия в свете курса Молдовы на интеграцию в Европейский Союз. Формально политическое руководство страны признает необходимость продвижения принципа гендерного равенства в обществе. В результате многолетней работы различных государственных, неправительственных и международных структур достигнуты определенные успехи:

- На государственном уровне приняты документы, направленные на продвижение гендерного равенства: Закон об обеспечении равных возможностей для женщин и мужчин, Национальные планы по продвижению гендерного равенства в обществе (на период 2003–2005 и 2006–2009 годов) и др.

- Создан ряд структур Национального механизма: Правительственная Комиссия по гендерному равенству, Дирекция равных возможностей и предупреждения насилия (МСЗСР) и др.

- Вырос уровень представительства женщин в органах власти: в парламенте — 21,7%; в правительстве: 1 женщина — вице-премьер-министр, 1 женщина — министр (Министерство социальной защиты, семьи и ребенка), женщины возглавляют Бюро межэтнических отношений, Лицензионную Палату, Счетную Палату, Таможенную Службу.

- Происходит более уверенное проявление, несмотря на трудности, женщин в политической жизни (создание женских организаций в рамках политических партий).

¹ Мирою М. Длинная дорога к автономии: извращенные результаты влияния переходного периода на женщин в Румынии // Гендер и образовательные политики. Бухарест, 2001. С. 9 (на рум. яз.).

- Идет процесс укрепления женских организаций, создания сетей (Форум женских организаций, Альянс PasProGen).

- Постепенно налаживается диалог между государственными структурами и женскими / гендерными организациями и т. д.

В то же время де-факто, на неформальном уровне наблюдаются отдельные искажения концепции гендерного равенства, недопонимание последствий гендерного неравенства для долгосрочного развития общества, наличие гендерной диспропорции в различных областях на фоне социально-экономического кризиса, наличие случаев гендерного насилия и дискриминации, присутствие достаточно жестких гендерных стереотипов на уровне массового сознания, особенно в рамках семейных отношений.

Остается актуальной проблема разрывов в оплате труда женщин и мужчин. Так, в 2006 году средняя заработная плата женщин составила 68,1% от средней заработной платы мужчин (в 2005 — 72,6%, в 2004 — 71,3%)¹. Данная ситуация связана с тем, что женщины работают в основном на низкооплачиваемых должностях. Соответственно, это становится барьером в вовлечении мужчин в важную социальную работу, но слабо оплачиваемую (как воспитание), и вовлечение женщин в хорошо оплачиваемую работу, но труднодоступную для женщин (бизнес) и т. д.

По мнению экспертов, ряд положений Трудового Кодекса носит декларативный, протекционистский характер²: провозглашая социальную защиту женщин, ТК на деле препятствует реализации права женщин на выбор и принятие решений относительно рабочей деятельности. Например, не допускается направление в служебную командировку женщин, находящихся в послеродовом отпуске, женщин, имеющих детей в возрасте до трех лет, а также лиц, которым командировка противопоказана согласно медицинскому заключению. В основе данных ограничений лежат запреты по признаку пола, представляющие собой дискриминацию, поскольку основываются на представлениях относительно физических возможностей женщин. Перечисленные ограничения делают женщин неконкурентоспособными, препятствуют их профессиональной реализации. С учетом данных ограничений многие руководители организаций, фирм и др. предпочитают брать на работу мужчин. В таких ситуациях

¹ Женщины и мужчины в Республике Молдова. Национальное Бюро статистики. Кишинэу: Статистика, 2005 (на рум. и англ. яз). Информация НБС за июнь 2007 г.

² См.: Мониторинг реализации Закона об обеспечении равных возможностей для женщин и мужчин. Кишинэу, 2007. С. 80–81.

предлагается предоставить возможность самим женщинам решать данные вопросы. Ряд экспертов считают, что существующий механизм калькуляции пенсий является дискриминационным в гендерном разрезе. Существующая система калькуляции пенсий, а также особенности демографической ситуации (большое количество женщин находятся в пенсионном возрасте вне брака и, как следствие, без финансовой поддержки мужа) могут способствовать феминизации бедности в пожилом возрасте¹. Разрыв в зарплате уже затрагивает размер пенсии женщин и мужчин, при этом женщины находятся в более уязвимом положении.

Существенная феминизация педагогических кадров (96,8% в начальном образовании; 74,4% в среднем образовании; 52,8% в среднем профессиональном образовании; 54,1% в высшем образовании²) высвечивает ряд гендерных проблем. Вопреки тому, что женщины составляют большинство в сфере образования, мужчины продолжают находиться на постах принятия решений. Численное превосходство женщин в школе подтверждает факт существования стереотипа, согласно которому именно на женщинах лежит ответственность за уход и воспитание детей. Это касается также противоречивости процесса гендерной социализации мальчиков и девочек. В свете вышеизложенного можно констатировать определенную конфронтацию старых, традиционных ценностей и идей (отстаивающих патриархальные отношения) с новыми, модернистскими (нацеленными на партнерские отношения). Следовательно, наше общество в какой-то степени находится в процессе перехода от традиционного патриархата, эгалитаризма и государственного патриархата (характерных для коммунизма) к другой комбинации, а именно традиционного патриархата и современного патриархата с элементами партнерства. Противоречивое положение дел по продвижению гендерного равенства обусловлено прежде всего общими политическими и социально-экономическими проблемами, непоследовательной политикой в данной области, а также традиционным менталитетом общества. Существование ряда законодательных и нормативных документов и институциональных структур не ведет автоматически к разрешению проблем. Необходимы также реальный интерес и политическая воля представителей центральных и местных органов власти, политических лидеров, а также заинтересованность общества в целом в достижении гендерного равенства. В данном направлении в Молдове предстоит еще много работы.

¹ Гендерные аспекты пенсионной системы Республики Молдова. Кишинэу, 2007. С. 67.

² Информация НБС за июнь 2007 г.

Женское образование в Республике Коми (XIX — нач. XXI века)

Важным фактором участия женщин в общественной, культурной, политической жизни является получение ими образования.

Возможности обучения девушек в Коми крае возросли с открытием уездного женского училища в г. Усть-Сысольске (1858 г.). Его назначение заключалось в том, чтобы «сообщать ученицам то религиозное, нравственное и умственное образование, которое должно требовать от каждой женщины, в особенности же от будущей матери семейства»¹. Инициатива в его открытии принадлежала купцу И.Н. Забоеву, мечтавшему видеть «мать-зырянку грамотной».

В составе учениц преобладали дочери мещан. Имел место отсев учащихся из-за неуспеваемости, либо по воле родителей. «Вологодские губернские ведомости» сообщали, что «зыряне охотно отдают своих дочерей, но считают излишним полный курс наук: как только дети приобретают необходимые познания в рукоделии, научатся порядочно читать и писать, родители их забирают»².

Уездное женское училище было преобразовано в прогимназию (1870 г.), которая стала гимназией в 1909 г., с 1910 г. в ее названии появилось слово «Александринская» в честь императрицы Александры Федоровны. В Усть-Сысольской женской гимназии получили образование 185 человек, из них звание домашней учительницы — 122³. В 1918 г. гимназия была преобразована в советскую школу второй ступени.

Женские учебные заведения явились важными элементами культурной среды Коми края, в то же время их деятельность способствовала ее формированию и развитию. Преподаватели и гимназистки участвовали в культурных мероприятиях города (постановка спектаклей, проведение благотворительных лотерей, проведение торжеств по поводу юбилейных дат России и др.). Преподавательский состав и выпускницы гимназии входили в состав немногочисленной интеллигенции Коми края. Многие из выпускниц занимались преподавательской деятельностью, среди них

были в дальнейшем архитекторы, авторы детских книг на коми языке, общественные и политические деятели. Гимназия способствовала получению девушками профессии учителя на территории края.

Как отмечалось в одном из отчетов, ученицы «в большинстве своем были местными уроженками и плохо владели русской речью»¹, поэтому особое внимание уделялось изучению русского языка. Именно в учебных заведениях происходил процесс практического овладения русским языком, что способствовало получению образования или профессии коми девушками и за пределами данного региона.

Развитие женского образования в Коми крае явилось результатом объединения усилий государства, земства, городской думы, частных лиц. Плату за обучение девушек в гимназии и прогимназии в ряде случаев вносили земство, городская дума. Основным источником финансирования заведений было государство. Земство выделяло стипендии особо нуждающимся, содержало общежитие при гимназии. Именно в женской прогимназии возникло одно из первых благотворительных обществ — Общество вспомоществования нуждающимся учащимся, которое продолжило свою деятельность и в женской гимназии².

Развитие женского образования в Коми крае имело свои особенности: отсутствие частных учебных заведений, более раннее по времени открытие женских средних учебных заведений по сравнению с мужскими, преобладание в составе гимназисток дочерей крестьян и мещан.

Важную роль в подготовке преподавателей, в том числе и для женских учебных заведений Коми края, играл Санкт-Петербургский учебный округ. Его выпускники работали в гимназии и других учебных заведениях края.

Оценивая развитие дореволюционного женского образования в Коми крае, следует признать, что значительная часть девушек не получала образования в силу экономических причин. В то же время деятельность учебных заведений способствовала увеличению численности обучавшихся.

В 1992 г. в Сыктывкаре была открыта вечерняя женская гимназия — инновационное негосударственное учебное заведение, осуществлявшее дополнительное к государственному стандарту специальное обучение и воспитание девочек. В 1994 г. женская гимназия стала государственным учебным заведением при Главе администрации г. Сыктывкара. Директором гимназии является В.В. Кулимова, заместитель председателя Союза женщин Республики Коми. Женская гимназия является единственной в республике.

¹ Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А. Энциклопедический словарь. Т. 22, СПб., 1894. С. 865.

² Вологодские губернские ведомости. 1862. № 29.

³ Бондаренко О.Е. Учебные заведения Коми края в конце XIX — начале XX веков. Сыктывкар, 1998. С. 91.

¹ Национальный архив Республики Коми. Ф. 182. Оп. 1. Д. 36. Л. 32.

² Галева М.А. Женское образование в Коми крае (XIX — нач. XX вв.) // История, современное состояние, перспективы развития языков и культур финно-угорских народов. Сыктывкар, 2005. С. 485.

В деятельности гимназий имеются общие черты. Особое внимание обращалось и обращается на формирование духовности девушек, в дальнейшем матерей семейств, формирующих в детях чувство Гражданина, любви к Отечеству. Сохраняются традиции, заложенные еще в дореволюционный период (благотворительность, деятельность Попечительского совета, поддержка малоимущих гимназисток, обучение не только общеобразовательным предметам, но и танцам, прикладному искусству). В настоящее время введены новые предметы: информатика, экономика и др., что повышает конкурентоспособность выпускниц гимназии на рынке труда.

Судьбы современных гимназисток складываются по-разному. Подавляющее большинство из них получают высшее образование. Возможности выбора профессии в настоящее время значительно расширились, среди выпускниц гимназии экономисты, юристы, социальные работники, врачи, психологи, учителя.

Гимназия активно сотрудничает с женскими организациями: Женской палатой, Союзом женщин Республики Коми. Традицией стало проведение на базе гимназии конференций по различным проблемам женского движения и образования.

Бошковска Нада
Университет Цюриха (Швейцария)

Правовое положение женщины в России в XVII веке

For a long time there reigned the conviction that the status of Russian women in the seventeenth century was depressingly low. This opinion was mainly based on western travelers' accounts which paint the picture of a powerless and slavlike position of women in barbarous Muscovy¹.

A thorough research of quantities of material from different sources shows that the situation of Russian women during the seventeenth century was

¹ Moscouia der Hauptstat in Reissen / durch Herrn Sigmunden Freyherrn zu Herberstein / Neyperg vnd Guetenhag [...] zusammen getragen. [...], Wienn 1557, fol. H 3; Petrus Petreius de Erlesunda: Historien vnd Bericht Von dem Grossfürstenthumb Muschkow [...], Lipsiae 1620. P. 597; Posol'stvo Kunraada fan-Klenka k carjam Alekseju Michajloviču i Fedoru Alekseeviču = Voyage van den Heere Koenraad van Klenk, Extraordinaris Ambassadeur van haer Ho: Mo: aen Zyne Majesteyt van Moscovien. Sankt-Peterburg 1900. P. 481; Relation d'un voyage en Moscovie, écrite par Augustin baron de Mayerberg. 2 vols. Paris 1858. P. 144–145, 148–149, 169 (1661).

totally different from what the Western travelers and — in their wake — most historians believed it to be.

But first it should be stated that in Muscovy, like in all patriarchally organized societies, men unquestionably were seen as the dominant sex, in society and family. Women were not allowed to take over administrative or political positions other than at the court of the female members of the tsar's family. And the husband was seen as the head of the family to whom wife and children owed obedience¹.

In spite of that the position of a wife and mother was not at all weak or marginal. A couple formed economically and legally one unit, which was formally represented by the husband, but where his wife had her share. Some spheres of the household were hers alone and as soon as her husband was absent, (a situation which occurred quite often among the servitors), the housewife took his place — not only inside the household, but also in preserving the interests of the family towards others as well. The position of a mother was very strong in respect to her children. Father and mother enjoyed joint parental authority². It is therefore not correct to say that after the death of the father a mother gained guardianship over her children. In fact, she then continued to be in charge of the parental authority³.

The legal rights of Muscovite women were astonishingly far reaching. Women could take part in almost all legal proceedings and were *de jure* equals to men. They enjoyed full legal capacity and were under no guardianship whatsoever. They were allowed to sue and demand their rights⁴, and they could

¹ Almazov A.I. Tajnaja ispoved' v pravoslavnoj vostočnoj cerkvi. Opyt vnešnej istorii. Izsledovanie preimuščestvenno po rukopisjam, t. 3: Priloženija. Odessa 1894. P. 250; Altrussisches Hausbuch «Domostroi». Leipzig/Weimar 1987. Kap. 64. P. 122.

² Debol'skij N.N. Gradanskaja deesposobnost' po russkomu pravu do konca XVII v. Sankt-Peterburg 1903. S. 34.

³ Sergeevič V.I. Lekcii i izsledovanija po drevnej istorii russkago prava. Sankt-Peterburg, 1910. P. 387.

⁴ Akty Cholmogorskoj i Ustjužskoj eparchij. 3 vols. Sankt-Peterburg, 1890–1908, here vol. 2, cc. 1280–1283 (district of Ustjug, 1698); Akty Cholmogorskoj i Ustjužskoj eparchij, vol. 3, No. 201, cc. 260–262 (Ustjug Velikij, 1651); Rossijskij gosudarstvennyj archiv drevnich aktov (RGADA), f. 159/1374, l. 189 (Moscow, 1691); Istoriija form truda v Russkom gosudarstve pervoj poloviny XVII veka. Materialy po istorii remeslennogo truda i form najma na posadach Russkogo gosudarstva. Dokumenty po g. Moskve. Ed. by A.N. Speranskij. 3 vols., Moskva 1988–1989, here vol. 3, pp. 387–388, 407–408; Moskovskaja delovaja i bytovaja pis'mennost' XVII veka. Ed. by A.S. Orešnikov, I.S. Filippova, Moskva 1968 (MDBP), no. 132, pp. 117–118 (Kadašev, 1692); RGADA, f. 210, Belg. st., 1086, l. 49; ibidem, f. 210, Pr. st., 186, ll. 686–690; ibidem, f. 159/4/685, ll. 2–5, 13.

also be asked to render account for their deeds. They were given the right to be witnesses as well¹, they could make statements during investigations and in court² and testify to written contracts³. Women could contract debts, buy and sell⁴, they owned land, which they could manage on their own, exchange, sell or assign to somebody⁵. They had the right to sue and did not need necessarily a representation⁶, they made testamentary provisions in regard to their property⁷. This outstanding legal status and their ensured rights of property enabled women to carry on business on their own. Muscovite women of all ranks of society participated in different areas of economy⁸.

An important exception of this equal legal treatment was the hereditary right to land. The state which still out of constant lack of money gave land to its servitors, was inclined to see very little property in the hand of women as they would not give service. In practice more and more property was given to women, because parents tended to treat all children including their girls

¹ Debol'skij N.N. Op. cit. P. 14; Sanktpeterburgskij filial Instituta rossijskoj istorii RAN (SPbFIRI), k. 238, 2, 92/36; Akty, odnosjašiesja do juridičeskago byta drevnej Rossii. Izdany Archeografičeskoju komissieju pod redakcieju Nikolaja Kalačova. 3 vols., Sankt-Peterburg 1857–1884. Reprint The Hague, Paris 1970 (AJuB), here vol. 1, no. 116, c. 715 (1687); Akty juridičeskie, ili sobranie form starinnago deloproizvodstva. Izdany Archeografičeskoju komissieju, Sankt-Peterburg 1838, no. 405/I, p. 426.

² Some examples: Pamjatniki delovoj pis'mennosti XVII veka. Vladimirskij kraj. Ed. by S.I. Kotkov, Moskva 1984 (PDP), no. 8, p. 19 (district of Vladimir, 1626), no. 131, p. 166 (1628); N.JA. Novombergskij: Koldovstvo v Moskovskoj Rusi XVII-go stoletija, Sankt-Peterburg 1906, no. 10, p. 55 (witchcraft trial in the district of Sevs, 1648); RGADA, f. 159/1312, ll. 143–150 (Mešenskaja sloboda, 1676); ibidem, f. 159/5/788, l. 25 (Bečeskij verch, 1677).

³ Akty juridičeskie, ili sobranie form starinnago deloproizvodstva. Izdany Archeografičeskoju komissieju, Sankt-Peterburg 1838, no. 405/I, p. 426; Akty, odnosjašiesja do juridičeskago byta drevnej Rossii. Izdany Archeografičeskoju komissieju pod redakcieju Nikolaja Kalačova. 3 vols., Sankt-Peterburg 1857–1884. Reprint The Hague, Paris 1970 (AJuB), here vol. I, no. 116, c. 715 (1687).

⁴ Akty Cholmogorskoj i Ustjužskoj eparchij, vol. 3, no. 25, c. 23 (Ustjug Velikij, 1626); Tamoennye knigi Moskovskogo gosudarstva. Ed. by A.I. Jakovlev. 3 vols., Moskva 1950–1951, Moskva-Leningrad 1951, here vol. 2, p. 591 (Tot'ma, 1653); AJuB II, no. 126, c. 15 (Moscow, 1672); RGADA, f. 141/24, l. 6 (Novomešenskaja sloboda, 1690).

⁵ AJuB III, no. 267/II, c. 9 (1697), no. 369/II, cc. 486–487 (1698).

⁶ RGADA, f. 1206/1/1950, l. 1.

⁷ Starinnye akty, slušaie preimuščestvenno dopolnieniem k opisaniju g. Šui i ego okrestnostej. Sobr. Vladimir Borisov, Moskva 1853, no. 137, p. 246–247 (Šuja, 1678).

⁸ See for a detailed treatment of this subject: Nada Boškovska: Die russische Frau im 17. Jahrhundert. Köln, Weimar, Wien 1998, pp. 209–296.

equally when dividing the heritage. In addition, testators turned their priorities around: the interest of the nuclear family came on the first place. To have widows — even childless ones — and daughters well provided was more important than the loyalty to the clan. In many testaments, widows and daughters received more than their minimum share according to the law, not seldom even land, which they were not entitled to inherit at all¹.

A glance at the situation in Western Europe shows the extraordinary strong legal position of Muscovite women. It contrasts especially the situation in France, as the then existing French customary law discriminated against women rather strongly. Since the end of the Middle Ages the legal position of French women was more and more restricted, until a married woman in the 16th century had turned into a person with no legal rights and had as well lost all her earlier rights to partly administering of the combined property. All legal steps of a wife had to be sanctioned by her husband. Without his consent she was not even in charge of her own belongings². In England the legal situation of especially the married women was not very good. The husband alone incorporated the married couple and enjoyed the full power over the belongings of his wife. Only in the late 17th century the property rights of women were slightly improved³. In the Holy Roman Empire women were not full legal persons and could not be made responsible for their deeds which quite restricted their economic possibilities as well. In civil proceedings a married woman had to be represented by her husband⁴.

Whereas the American historian Eve Levin found for the 15th century in Novgorod that the legal position of women fitted quite well into the European

¹ See George G. Weickhardt: Legal rights of women in Russia, 1100–1750. In: Slavic Review 55 (1996), pp. 1–24, here pp. 1–24; Valerie A. Kivelson: The effect of partible inheritance: Gentry families and the state in Muscovy. In: Russian Review 53 (1994), pp. 197–212; Valerie A. Kivelson: Autocracy in the provinces. The Muscovite gentry and political culture in the seventeenth century, Stanford, Cal. c1996, pp. 117, 121; Boškovska, pp. 311–344.

² Ariés P. Geschichte der Kindheit. München 1975. P. 489–490; Zemon Davis N. Frauen und Gesellschaft am Beginn der Neuzeit. Studien über Familie, Religion und die Wandlungsfähigkeit des sozialen Körpers. Frankfurt a.M., 1989. P. 26; Gibson W. Women in 17th-century France. London, 1989. P. 61; Histoire des femmes en Occident. Bd. 3: XVIe–XVIIIe siècles, sous la direction de Natalie Zemon Davis et Arlette Farge, [Paris] 1991. P. 177.

³ Stone L. The family, sex and marriage in England, 1500–1800. London, 1977. P. 195, 244.

⁴ Wunder H. «Er ist die Sonn', sie ist der Mond». Frauen in der Frühen Neuzeit. München, 1992. P. 221, 247

picture¹, one has to stress a contrast for the 16th and 17th centuries which has its cause not in the barbaric character of Russia but in the decline of the female status in Western Europe, where in Early Modern Times great changes took place. In suite of the political, economical and social upheavals of modernization not only did the social classes more and more drift apart, but the gap between men and women widened. Externally, this was to be seen in the development of a specialized way of dressing according to ones gender. Economically, women were forced out of the trade by the guilds and legally they were discriminated against and dependent on men. A high marriageable age and a high number of unmarried persons lead to the fact that quite some part of the population temporarily or constantly lived at the brink of society and in unstable conditions. Women were especially endangered by this lack of protection.

In Muscovy of the 17th century society seemed in contrast much more compact and integrated. Living conditions and values of the different social classes didn't diverge so much. This can be seen e.g. by the fact that the *mestnichestvo* had to be observed by servants as well as by masters and that each person — even a serf — had honour to loose, which he defended even against persons of higher rank². Parts of the society which in the West had been set apart (sick people, beggars and vagabonds) enjoyed still a legitimate an undisputed place. The position of women could be seen as due of this integrated, scarcely divided Muscovite society.

Нижник Н. С.,

Санкт-Петербургский университет МВД России (Санкт-Петербург)

Бурданова Н. А.,

Российский государственный педагогический
университет им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург)

Женщина в контексте проблемы инвариантности сочетания биологического и социального подходов к определению субъектов родительских правоотношений

В многообразии атрибутивных характеристик человека безусловно присутствует одна — наличие родителей. Родителями являются мать и отец, при персональном определении которых в условиях социальной

¹ Levin E. The role and status of women in medieval Novgorod. Diss. phil. Indiana, 1983. P. 298.

² Вољковска Н. Op. cit. 340, 344.

организации общества могут иметь место биологический и социальный подходы. Ретроспективный анализ генезиса и становления института родителей в контексте эволюции политико-правовой организации общества свидетельствует о том, что сочетание биологического и социального факторов при определении субъектов родительских правоотношений имеет состояние инвариантности, хотя способы приобретения статуса матери и отца, их правовое положение и юридические основания взаимоотношений с ребенком на различных этапах развития российского общества изменялись.

Биологические (кровные) мать и отец и социальные (лица, имеющие намерение воспитывать и содержать ребенка) родители в большинстве случаев являются одними и теми же лицами. Однако возможно и их несовпадение. В условиях такого несовпадения важнейшую роль в системе социальных отношений играет правовая регламентация усыновления. Позитивный опыт классической институционализации усыновления и учет специфики российских национальных традиций позволяли государству на разных исторических этапах использовать в качестве регулятора правоотношений в сфере усыновления и законодательные нормы, и нормы обычного права.

Биологические и социальные родители как субъекты родительских правоотношений обладают родительскими правами и обязанностями. По законодательству Российской Федерации родителями могут быть мужчина и женщина (отец и мать). Россия не относится к тем государствам, которые широко трактуют понятие «родители» и в соответствии с концепцией социального отцовства и материнства причисляют к таковым однополых супругов.

Юридическая практика современной России свидетельствует о возможности наличия у женщины статуса биологической и социальной матери, о законодательном закреплении ее правового положения в условиях возникновения новых правовых казусов в дискурсе несовпадения биологических и социальных родителей одного ребенка.

Если биологические родители (или один из них) неизвестны, погибли, лишены родительских прав, ограничены в родительских правах, признаны недееспособными, больны, длительно отсутствуют, уклоняются от воспитания детей или от защиты их прав и интересов, в том числе при отказе взять детей из воспитательных, лечебных и других аналогичных учреждений, то дети в соответствии с нормами Семейного кодекса Российской Федерации признаются оставшимися без попечения родителей и в отношении них может быть произведено усыновление (удочерение) (ст. 124 СК РФ). Усыновленные дети и их потомство по отношению к

усыновителям и их родственникам, а усыновители и их родственники по отношению к усыновленным детям и их потомству приравняются в личных неимущественных и имущественных правах и обязанностях к родственникам по происхождению (ст. 137 СК РФ). Таким образом, усыновители становятся социальными родителями, в то время как биологические родители также могут существовать. Родительскими правами и обязанностями в такой ситуации будут обладать уже не биологические, а социальные родители. При этом ребенок, усыновленный в сознательном возрасте, усыновителей как родных (кровных) родителей воспринимать не будет, но закон возникновение прав и обязанностей социальных родителей с данным фактом не связывает.

Биологический фактор рассматривается как доминантный при установлении отцовства в судебном порядке. Намерение мужчины стать отцом (социальное отцовство) правового значения для рассмотрения спора не имеет. Обращает на себя внимание, что, устанавливая отцовство, суд не вправе возложить на ответчика только родительские обязанности, а вынужден наделять его и родительскими правами. Однако вопрос, насколько применение биологической концепции без учета социальных факторов в данном случае отвечает основным принципам семейного права и интересам ребенка, остается дискуссионным. Мужчина, не желающий признавать себя отцом ребенка добровольно и признанный таковым в судебном порядке, в большинстве случаев свои родительские права не осуществляет. Напротив, он часто злоупотребляет ими, причиняя ребенку вред. В результате возникает необходимость лишения такого отца родительских прав и складывается ситуация, когда ответчик лишается всех прав в отношении ребенка, сохраняя при этом обязанность по его содержанию (ст. 71 СК РФ). Вреда, причиненного нравственному, а иногда и физическому, здоровью ребенка, можно было бы избежать, если изначально у суда было бы право учитывать не только биологические, но и социальные аспекты определения субъекта родительских правоотношений. Для этого суд исходя из интересов ребенка в своем решении должен иметь возможность возложить на биологического отца лишь обязанности (в большинстве случаев по содержанию ребенка), в противном случае институт установления отцовства в судебном порядке не содержит права суда руководствоваться исключительно интересами ребенка.

Социальным отцом ребенка может стать мужчина, не являющийся его биологическим отцом и не состоящий в браке с матерью, но давший согласие на запись себя в качестве отца в книге записи актов гражданского состояния. Он будет наделен всеми родительскими правами и обязанностями. При этом, если в момент записи социальному отцу было известно, что он не

является фактическим отцом ребенка, прекращение родительских прав и обязанностей, кроме общих случаев, через оспаривание отцовства в суде будет невозможным (ч. 2 ст. 52 СК РФ). В данном случае возникновение социального отцовства связывается с единовременным волеизъявлением лица. В отличие от усыновителя, к которому может быть применена такая мера ответственности, как отмена усыновления, в случаях, если он уклоняется от выполнения возложенных на него обязанностей родителей, злоупотребляет родительскими правами, жестоко обращается с усыновленным ребенком, является больным хроническим алкоголизмом и наркоманией, социальный отец при аналогичных обстоятельствах данным мерам подвержен быть не может: к нему применяются общие меры ответственности в виде ограничения либо лишения родительских прав.

Еще более сложные правовые конструкции возникают при использовании искусственных методов репродукции человека. В случае, если используется метод искусственного оплодотворения женщины, желающей стать матерью, спермой донора, последний будет выступать в качестве биологического отца. При этом предполагается существование и социального отца — мужчины, желающего стать отцом данного ребенка. Биологическое родство в качестве основания для установления родительских правоотношений в данном случае законом не рассматривается. Более того, Приказ Минздрава РФ от 26 февраля 2003 г. № 67 «О применении вспомогательных репродуктивных технологий в терапии женского и мужского бесплодия» предусматривает меры для сохранения конфиденциальности по отношению к донору: его заявление индивидуальная карта хранятся в сейфе как документы для служебного пользования, донора обязательно информируют о том, что, подписывая заявление, он обязуется не устанавливать личность реципиентки и ребенка.

При имплантации эмбриона вынашивающей (суррогатной) матери может сложиться ситуация, когда у одного ребенка три матери: две биологические (донор яйцеклетки и вынашивающая мать) и одна социальная (женщина, заключившая договор суррогатного материнства и желающая стать матерью). В отношении к женщине-донору закон применяет те же правила, что и для мужчин-доноров, а в отношении вынашивающей матери действует иной подход. Регистрация супругов в качестве родителей производится при наличии их и суррогатной матери согласия на это: согласие супругов на приобретение статуса родителей дается до заключения договора суррогатного материнства; согласие суррогатной матери должно быть получено дважды — до и после рождения ребенка. Законотатель в данном случае признает приоритет интересов женщины — суррогатной матери и предоставляет ей право на отказ от передачи ново-

рожденного (ч. 2 п. 4 ст. 51 СК РФ). Если же она согласие на передачу новорожденного дала, то впоследствии не вправе оспаривать родительские права супругов по указанному основанию (ч. 2 п. 3 ст. 52 СК РФ). Биологический фактор при придании женщине статуса матери в этом случае постулируется доминирующим. Такая позиция демонстрирует специфику российского правотворчества. Мировая юридическая практика при этом знает и иные подходы к определению правового положения социальной матери, дававшей согласие на имплантацию эмбриона другой женщине: в Республике Казахстан, например, в соответствии с ч. 2 п. 4 ст. 17 Закона № 565-ІІ ЗРК от 16 июня 2004 г. «О репродуктивных правах граждан» суррогатная мать не вправе отказаться от передачи рожденного ею ребенка лицам, заключившим с ней договор, а равно передавать ребенка иным лицам.

Таким образом, несмотря на трансформацию политико-правовой системы России, в современных условиях к определению субъектов родительских правоотношений продолжают использоваться биологический и социальный подходы. Женщина может как выступать в роли биологической и социальной матери одновременно, так и иметь статус либо биологической, либо социальной матери. При этом в условиях расширения использования искусственных методов репродукции человека и распространения социального сиротства правовые аспекты признания мужчины и женщины социальным отцом и социальной матерью, придание супругам статуса социальных родителей приобретают все большее значение.

*Веременко В.А.,
Ленинградский государственный университет
им. А.С. Пушкина (С.-Петербург)*

Правовые основы семейной жизни дворянок в России во второй половине XIX — начале XX в.

Условия, определявшие отношения между супругами в России второй половины XIX — начала XX в., различались в зависимости от ряда обстоятельств: по-разному смотрело на эту сферу гражданских отношений обычное и писаное право; существовала специфика регулирования этих отношений в разных регионах страны; определенное значение имела сфера деятельности, которой занимались члены семьи.

В российских законах личные права и обязанности супругов выражались общими фразами, имевшими характер скорее нравственного пожелания, чем юридического требования¹. Мужу вменялось в обязанность «любить свою жену, как собственное свое тело, жить с ней в согласии, уважать, защищать, извинять ее недостатки и облегчать ее немощи». От жены требовалось «повиноваться мужу своему, как главе семейства, пребывать к нему в любви, почтении и в неограниченном послушании, оказывать ему всякое уважение и привязанность»².

Когда женщина выходила замуж, она теряла право на свою добрачную фамилию и должна была именоваться по фамилии мужа³. До второй половины XIX в. эта норма не подвергалась сомнению женщинами. В пореформенные же годы появлялось все больше женщин, фамилия которых была популярна в связи со значительными успехами, достигнутыми в избранной ими деятельности. Некоторые из них (например, художницы) сохраняли свою добрачную фамилию в качестве псевдонима⁴, другие (врачи, педагоги) хотя и меняли вывески на своих кабинетах, но помещали все же старую фамилию в скобках рядом с новой.

Звание замужней женщины также преимущественно определялось социальным положением мужа, но в законе оговаривалось, что жена «высшего состояния» хотя и «не сообщает своего состояния ни мужу, ни детям; но сама сохраняет вполне, или с некоторыми ограничениями, права высшего состояния, если они принадлежали ей до замужества по происхождению, или приобретены ею через брак»⁵.

¹ См.: Сборник гражданских законов и постановлений, действующих в губерниях: Варшавской, Калишской, Келецкой, Ломжинской, Любленской, Петроковской, Плоцкой, Радомской, Сувалкской и Седлецкой. Т. 1. Варшава, 1869. Ст. 182–185. С. 133; Общее уложение и дополнительные к нему узаконения Финляндии / Сост. К. Малышев. СПб., 1891. С. 17; Свод гражданских узаконений губерний Прибалтийских / Сост. А. Нолькен. СПб., 1891. Ст. 5–11. С. 9–10.

² Свод законов Российской империи (Св. Зак.) Т. X. Законы гражданские. СПб., 1857, 1876, 1900. Ст. 106–107.

³ Там же. Ст. 101. В 1913 г. вопрос о праве и обязанности жены называться по фамилии мужа рассматривался в Сенате, который посчитал данную норму обязательной. См.: Решения Гражданского кассационного департамента за 1913 год. СПб., 1913. № 57.

⁴ Напр., дочь сенатора С.И. Зарудного подписывала свои картины «Е.С. Зарудная-Кавос», а в официальной переписке именовалась по имени мужа — Кавос. См.: ИРЛИ РАН. (Пушкинский дом). Ф. 445. Е.С. Зарудная-Кавос. Д. 1–48.

⁵ Св. Зак. Т. IX. Законы о Состояниях. СПб., 1899. Ст. 3. По отношению к отдельным сословиям это общее положение конкретизировалось в ст. 42–43, 402, 525, 568, 673.

Важным ограничением прав замужней женщины было запрещение ей поступать на работу и учебу без разрешения мужа. Требование об обязательном письменном согласии супруга при поступлении его жены в учебное заведение содержалось в документах Министерства народного просвещения и в уставах практически всех учебных заведений¹. Хотя закон требовал того же и при поступлении замужней женщины на службу², на деле это соблюдалось (и то не всегда) лишь в государственных учреждениях. Если при устройстве на работу женщина имела отдельный вид на жительство, то это уже считалось выражением согласия мужа³.

Одним из основных личных прав мужа в отношении жены было право на определение их общего места жительства. Требование закона о том, что «жена должна следовать» за мужем⁴, конечно, соблюдалось не всегда. Существовали различные ситуации (болезнь жены или мужа и т.д.), когда выполнение этого условия было невозможным. При этом считалось, что жена может не следовать за мужем исключительно с его согласия на это, а без такового лишь тогда, когда он подлежит ссылке по суду⁵.

Это общее правило не касалось всех сословий в равной мере. Наибольшими льготами в получении самостоятельного удостоверения личности среди всех замужних женщин с начала XX в. пользовались крестьянки, которые по мере углубления процессов модернизации все чаще покидали насиженные места. В конце 1890-х гг. Сенат принял решение, в соответствии с которым «крестьянские учреждения обязаны дела по жалобам жен крестьян ...обсуждать по существу, и в случае, если бы заявления крестьянок о жестоком с ними обращении мужей или об отказе выдаче женам содержания подтвердились, должны делать распоряжения о выдаче таким крестьянкам паспортов и помимо согласия на то мужей»⁶. В 1902 г. МВД направило губернаторам циркуляр, требуя руководствоваться сенатским решением⁷. Это предоставляло крестьянкам и, частично, мещан-

¹ Полянский А.М. Русская женщина на государственной и общественной службе. Сборник постановлений и распоряжений правительства... М., 1901. С. 12.

² Св. Зак. Т. X. Ч. 1. Законы гражданские. Ст. 2202. СПб., 1900.

³ Св. Зак. Т. IX. Ч. 2. Устав о Промышленности. СПб., 1893. Ст. 95.

⁴ Св. Зак. Т. X. Законы гражданские. СПб., 1857, 1876, 1900. Ст. 103.

⁵ Там же. Ст. 104.

⁶ Гессен И.В. Раздельное жительство супругов. Закон 12 марта 1914 года о некоторых изменениях и дополнениях действующих узаконений о личных и имущественных правах замужних женщин и об отношениях супругов между собой и к детям. СПб., 1914. С. 45.

⁷ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1412. Оп. 241. Д. 17. Л. 18 об.

кам¹ широкие возможности получения самостоятельного вида на жительство, что было совершенно недоступно для остальных сословий.

Дворянки же практически весь исследуемый период могли рассчитывать на получение такого документа лишь неофициальным путем. До 1894 г. этому способствовало то, что действовавшие тогда паспортные правила для дворян и их семей не содержали в самом тексте прямого требования согласия мужа при выдаче вида на жительство для жены. Во многом это было связано с условиями предоставления свидетельств «самоличности», а также документов, дающих право на отлучку, для привилегированных категорий населения². К подобным документам могли быть отнесены: аттестаты и указы об отставке, метрические свидетельства, грамоты и свидетельства о дворянском происхождении, паспорта от городских и уездных полицейских управлений³.

Сложившаяся ситуация означала, что у мужчины-дворянина было несколько документов, каждый из которых мог выступать как «вид на жительство», при этом многие из свидетельств носили личный характер и не предполагали внесение в них членов семьи. Замужняя же дворянка, напротив, могла не только оказаться без специальной бумаги, фиксирующей ее личность, но даже не быть вписанной в документ мужа. На практике это давало возможность дворянке, пользуясь многообразием документов с помощью связей и поддержки местного предводителя дворянства найти способ оформить себе приемлемое свидетельство без согласия мужа. С 1894 г., после введения «Положения о видах на жительство»⁴, установившего единые паспорта и для привилегированных сословий, это стало практически невозможным.

Однако дворянка могла выхлопотать себе «вид» и у представителей центральной власти. До 1880 г. центром разрешения дел о семейных несогласиях было вопреки закону III отделение Собственной е.и.в. канцелярии⁵, позже — Департамент государственной полиции, а затем

¹ См.: Там же. Д. 18. Л. 44.

² Ст. 34 Устава утверждала, что «каждое состояние имеет свои особые, законом положенные виды или паспорта». Св. Зак. Т. XIV. Устав о паспортах и беглых. СПб., 1890. Ст. 34.

³ Там же. Ст. 51.

⁴ Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ). Собрание — 3-е. Т. XIV. 1894. СПб., 1898. № 10709. С. 351; Св. Зак. Т. XIV. Устав о паспортах. СПб., 1903. Ст. 12.

⁵ См.: Веретенко В.А. «Лицо с видом на жительство» (гендерный аспект паспортной системы России конца XIX — начала XX вв.) // Адам и Ева. 2004. № 7. С. 221–223.

Комиссия (Канцелярия) прошений, на Высочайшее имя приносимых. Как правило, среди причин выдачи отдельного вида жене учитывались: жестокое обращение, безнравственное поведение и отсутствие содержания, однако только в том случае, если сама просительница обладала исключительно высокими моральными качествами¹.

Право мужа на определение места совместного жительства супругов не ограничивалось требованием обязательного изъявления им согласия при наделении жены отдельным паспортом. Если супруг, выдав жене паспорт на длительный срок, передумал и пожелал вернуть ее в свой дом, он мог обратиться в суд и на основании ст. 103 Законов Гражданских потребовать ее судебного привода. Если жена самовольно уходила из дома в сопровождении какого-либо лица, то муж мог возбудить дело об «увозе жены», потребовав ее возвращения и наказания похитителя².

Судебные органы по-разному разрешали дела о водворении жены к мужу. Причем Сенат, первоначально стремившийся строго следовать букве закона, ввиду массового невыполнения судами низших инстанций его рекомендаций вынужден был пойти на определенные уступки³.

Итак, во второй половине XIX—начале XX в. «мужняя власть» в России основывалась на следующих требованиях закона: именование замужней женщины по имени и званию (должности) супруга; необходимость получения его согласия при поступлении жены на работу и учебу; запрещение ей обязываться векселями без его разрешения, если она не вела торговлю от своего имени; а также право главы семьи на определение их общего места жительства. Все остальные личные супружеские обязанности считались взаимными и должны были соблюдаться как мужем, так и женой.

¹ См.: Она же. Дворянская семья и государственная политика России (вторая половина XIX — начало XX в.). СПб., 2007.

² Св. Зак. Т. X. Законы гражданские. СПб., 1876, 1900. Ст. 103.

³ Решения Гражданского кассационного департамента Правительствующего Сената за 1868 год. СПб., 1868. № 526; Там же за 1892 год. СПб., 1892. № 111.

Вершинина Д.Б.,

Пермский государственный университет

Вклад семьи Панкхерст в женское движение Великобритании: оценка современников и историков

Одной из наиболее обсуждаемых проблем в период активности Женского социально-политического союза (1903–1918 гг.), а также в последующей историографии суфражистского движения была роль его лидеров, определявших неоднозначную идеологию и практику этой организации. Радикальное суфражистское движение в Англии сплотилось вокруг известной в то время семьи Панкхерст — Эммелин Панкхерст (1858–1928) и ее дочерей Кристabelle (1880–1958) и Сильвии (1882–1960). Союз активно заявлял о себе достаточно нетрадиционными способами, к которым относились прерывание ораторов на политических собраниях, попытки вручения петиций премьер-министру лично, массовые демонстрации; позднее, с 1910 г. — поджоги домов, битье стекол, голодовки в тюрьмах и т. д. Активистки движения и многие феминистки более позднего периода восхищались Эммелин Панкхерст, которая была для них символом кампании за избирательные права для женщин. Однако уже современники, критики суфражизма, заявляли о психической неуравновешенности и даже ущербности активисток и в первую очередь лидеров Женского союза. Авангардная журналистка Дора Марсден, первоначально принимавшая активное участие в действиях Женского союза, а в 1910 г. разошедшаяся с лидерами организации, на страницах своего журнала впервые поставила вопрос о том, что Женский социально-политический союз был тиранической и мужененавистнической организацией. Она размышляла о роли лидеров организации — матери и дочери Панкхерст, которые, по ее мнению, заставили всех остальных членов союза лишь беспрекословно подчиняться и поставили свои собственные амбиции даже выше главной цели движения — завоевания права голоса. В своих статьях она иронизировала над Панкхерстами, которые громогласно заявляли о «годах, отданных Делу»¹, в то время как идею предоставления права голоса в их сознании перевесило стремление установить диктатуру собственной организации в женском суфражистском движении; в результате «Дело» — борьба за

¹ Marsden D. Views And Comments // The New Freewoman: № 1, Vol. 1, June 15th 1913 // http://www.nonserviam.com/egoistarchive/marsden/TheNewFreewoman/6_15_1913.html#views.

право голоса — превратилось в «пустую концепцию» и «источник лицемерия».

Интересно, что подобные же идеи высказывала другая суфражистка, также прошедшая путь от участия в деятельности Женского союза до его резкой критики, — Тереза Биллингтон-Грейг. В 1911 г. она обвиняла лидеров организации в том, что решения в Женском союзе принимались исключительно узкой группой приближенных к семье Панкхерст лиц, а «свободный выбор и персональная свобода становились все более незначительными»¹.

Подобные мнения о вкладе Эммелин и Кристабель Панкхерст в суфражистское движение не ограничились лишь временем противостояния сторонников и противников предоставления женщинам избирательных прав, а заняли прочное место в британской историографии женского движения начала XX в. Джордж Дэнджерфилд в работе «Смерть либеральной Англии» оценивал деятельность Женского социально-политического союза как «курьезное и иррациональное движение», «грубую комедию». Более того, Дэнджерфилд называл Эммелин и Кристабель «парой...бесчеловечных королев» и писал, что Женский социально-политический союз представляет собой форму «довоенного лесбиянства»².

Таким образом, основным объектом критики Женского союза со стороны и современников, и последующих исследователей являлась его недемократичная структура. Суфражистка Рэй Стрэчи, к примеру, отмечала, что члены союза «поручили все решения лидерам... Эти люди одни решали, что нужно делать; остальные подчинялись и наслаждались маршированием, как в армии»³. Наиболее жесткие характеристики получала Кристабель Панкхерст; так, Хелена Сванвик писала, что лидер союза оставила у нее «ощущение судорожного и импульсивного честолюбия и достаточно безжалостной любви к власти»⁴. Даже многие сторонники Женского союза, восхищаясь Кристабель, выделяли в ней эти же качества: «Несмотря на ее шарм и женскую привлекательность, в ее душе был стержень, ... стальной и, как я иногда думал, безжалостный», — вспоминал о Кристабель журналист Генри Невинсон⁵.

¹ Billington-Greig T. The Militant Suffrage Movement. Emancipation in a Hurry. London, 1911. P. 80.

² Dangerfield G. The Strange Death of Liberal England. London, 1970. P. 140–171.

³ Strachey R. The Cause. History of the Women's Movement in Great Britain. L., 1928. P. 310.

⁴ Цит. по: Pugh M. The March of Women: A Revisionist Analysis of the Campaign for Women's Suffrage, 1866–1914. Oxford, 2004. P. 178.

⁵ Nevins H.W. More Changes, More Chances. L., 1925. P. 314.

Сами лидеры союза отрицали подобные утверждения о недемократичности их управления союзом. Напротив, как писала Кристабель Панкхерст, «дух движения был удивительным, радостным и серьезным одновременно. Все личное, казалось, отступало, как только женщины присоединялись к нам. Верность, эта величайшая из добродетелей, была основой движения. Во-первых, верность делу, во-вторых, тем, кто находился во главе, и, наконец, верность друг другу»¹. Вслед за ними и некоторые современные исследователи стремятся пересмотреть уже традиционное критическое отношение к Женскому социально-политическому союзу. Одной из сторонниц ревизионистского подхода к оценке союза является британская исследовательница Джун Пурвис, утверждающая, что во многом именно мать и дочь Панкхерст предопределили те идеи, которые получили развитие среди современных радикальных феминисток: важность исключительно женского движения, мысль о власти мужчин над женщинами во всех сферах жизни, в том числе и в самой интимной (эта идея была представлена в выпущенной Кристабель в 1913 г. брошюре «Великое бедствие, и как с ним покончить»), идею «сестринства» всех женщин и т. д.² Правда, следует отметить, что «крестовый поход», предпринятый Кристабель против всех мужчин, был основан на традиционных представлениях о «женской миссии», поскольку одной из отправных точек в защите женского избирательного права стало представление о высокой моральности представительниц женского пола, причиной которой является «величайшая задача материнства», данная женщинам природой³.

Таким образом, роль семьи Панкхерст в суфражистском движении невозможно оценить однозначно. Безусловно, Эммелин и Кристабель Панкхерст во многом сломали традиционное представление о методах борьбы женщин за свои права, заставили политическую элиту и интеллектуальную общественность Великобритании начала XX века обратить внимание на деятельность Женского социально-политического союза и вошли в историю как лидеры одного из немногих радикальных движений в истории страны.

¹ Pankhurst C. Unshackled. L., 1959. P. 77.

² См.: Purvis J. A «Pair of ... Infernal Queens»? A Reassessment of the Dominant Representations of Emmeline and Christabel Pankhurst, First Wave feminists in Edwardian Britain // Women's History Review. 1996. Volume 5. Number 2. P. 259–280.

³ Pankhurst C. The Great Scourge and How to End It // Suffrage and the Pankhursts / Ed. by J. Marcus. London, 1987. P. 225.

Власкина Т.Ю.,
Южный федеральный университет (Ростов-на-Дону)

Донская казачка — женщина войскового сословия (на рубеже XIX—XX вв.)

В попытках осмыслить истоки культурного своеобразия и причины устойчивости многих составляющих мировоззрения, элементов частного быта донских казаков перед лицом социально-исторической действительности, разительно изменившейся в XX веке, невозможно игнорировать женскую часть казачьего сообщества. Тем более, что на протяжении последнего века существования войска Донского в составе Российской империи женщины казачьего сословия стабильно составляли более половины лиц войсковой принадлежности, проживавших на территории ОВД¹. «Женский вопрос», сопряженный с изучением истории семьи на Дону, затрагивался многими авторами, подчас становясь своеобразной репрезентацией экзотических сторон жизни раннего казачества в условиях фронта². Между тем целенаправленное исследование правового положения донской казачки, ее вклада в войсковую историю и культуру до сих пор мало привлекало внимание исследователей.

Благодаря многочисленным научным разработкам в области политической, экономической и социальной истории, представляется возможным вывести ряд важных для изучения темы положений. Казаки имели свой особый статус среди прочих сословий Российской империи, который не исчерпывался их принадлежностью к профессиональным военным, поскольку определялся своеобразным типом отношений между

¹ Статистическое описание области Войска Донского. Составил С. Номиков. Новочеркасск, 1884. С. 255, 262–265; Статистический справочник Юга России. Вып. II., Ростов-на-Дону, 1923.

² См., напр.: Кательников Е. Историческое сведение Войска Донского о Верхне-Курмоярской станице, составленное из сказаний старожил и собственных примечаний, 1818 года декабря 31 дня, Евлампия Котельникова. Новочеркасск, 1886; Сухоруков В.Д. Общежитие донских казаков в XVII и XVIII столетиях // Русская старина. Карманная книжка для любителей отечественного на 1825 год. СПб., 1824; Харузин М.Н. Сведения о казачьих общинах на Дону. Материалы для обычного права, собранные Михаилом Харузиным. М., 1885. Вып. 1 и др. Наиболее полный библиографический обзор темы дан в работе: Королев В.Н. Брак и семья у донских казаков // Абрамов М.Ю., Вальдин А.С., Королев В.Н., Корягин С.В. Астаховы и другие. Серия «Генеалогия и семейная история Донского казачества». Выпуск 16. М., 2001. С. 73–104.

войском и государством, в основе которого лежало право на землевладение и землепользование. В этих отношениях женщина занимала важное место, восполняя дефицит рабочих рук для обработки земли и в прямом смысле — выполняя хозяйственные работы при нехватке мужчин, а в перспективе — обеспечивая естественный прирост казачества. Самообеспечение казачьих войск было стратегически важно для правительства, особенно в период создания регулярной армии, а также в связи с развитием поселений на вновь присоединяемых территориях. Можно сказать, что именно казачка физически осуществляла мирную колонизацию многих русифицированных земель. Вопрос о «земле за службу» не потерял своей актуальности и к началу XX века, хотя подобная система общественных отношений на Дону представлялась явным анахронизмом как многим представителям власти, так и самим казакам¹.

Предпринимая ряд шагов в русле изучения женского мира войскового сословия, мы обратились к нескольким группам источников. Важные сведения о документированных реалиях повседневной жизни донских казачек обнаружилось среди материалов Войсковой канцелярии, Областного правления ВД, документов Областной врачебной управы, в отчетах Областного ВД статистического комитета, приговорах станичных сборов, окружных судных начальств, Донской духовной консистории, приходских метрических книгах и др.²

В местной периодической печати — «Донских Областных ведомостях», «Епархиальном вестнике» и «Донской газете», — уже со второй половины XIX в. содержатся конкретные частнобытовые данные — объявления о купле-продаже имущества, вступлении во владение или наследство, сообщения о происшествиях, а также свидетельства общественного резонанса. Значительно менее объемным, но весьма красноречивым источником стали материалы личного происхождения — письма, дневники, фотографии, среди которых документы, составленные самими казачками, единичны³.

Наконец, бесценными с точки зрения возможностей проникновения во внутренний мир казачества стали устные свидетельства — автобио-

¹ Коршиков Н.С. Земля в судьбах донского казака. Собрание историко-правовых актов. 1704–1919 гг. Ростов-на-Дону, 1998.

² Государственный архив Ростовской области (ГАРО). Ф-Ф. 54, 55, 151, 196, 226, 249, 263, 269, 271, 272, 275, 276, 301, 338, 353, 442, 446, 697.

³ Переписка донского казака Г.С. Попова (1908–1917 г.). Вступительная статья и публикация Б.Н. Проценко // Мир славян Северного Кавказа. Выпуск 2. Под ред. О.В. Матвеева. Краснодар, 2005. С. 96–180; Архив каф. общего и сравнительного языкознания ЮФУ: Рукописный архив Г.С. Попова; фотоматериалы полевых экспедиций 2006–2007 гг. Материалы из фондов народного музея Усть-Бузулукской СШ (ст. Усть-Бузулукская, Волгоградская обл., Алексеевский р-н).

рафические и семейные рассказы, фольклорные тексты. Определенный интерес в плане изучения закономерностей исторической рефлексии представляют самостоятельные рассуждения на темы гендера представителей разных групп современного казачества¹.

В результате исследования, которое пока далеко до полного завершения, можно сделать ряд предварительных выводов.

В казачьем сообществе сложилось такое положение женщин, которое во многом отличалось от положения иных женщин в русской армии — солдатских жен, сестер милосердия, полковых дам и т.д.², прежде всего тем, что они не становились исключением в своем семейно-социальном окружении.

Роль жены и матери казака со всеми соответствующими ей особенностями — перспективами раннего вдовства или фактического одиночества в браке, необходимостью выполнять не только женскую, но и мужскую функции в семейно-хозяйственном быту, готовностью к гибкой сексуальной стратегии и т.п., — в конце XIX в. стала на Дону гендерной нормой.

Этот сценарий во множестве вариаций прожили от шести до восьмидесяти поколений донских казаков. В результате в казачьих войсках создалась особая сословная женская субкультура, во многом опиравшаяся на половозрастные структуры традиционной земледельческой общины.

Не только новообразования, возникшие на базе сословности, но и вся женская сфера семейно-бытовой культуры — обрядность, фольклор, поведенческие нормы, повседневность, — испытали воздействие реалий войсковой жизни. Однако совмещение собственно женской субкультуры и войсковой сложилось далеко не однозначно.

Патриархатно ориентированное сообщество, отвечая на нужды выживания, вырабатывало правовые и социально-хозяйственные формы, которые обнаруживают явные черты феминизации, но при этом продолжало декларировать маскулинные приоритеты, вплоть до откровенно агрессивных образцов. Показательно достаточно рано развившееся внимание к «женским вопросам» со стороны специфических органов местного самоуправления — казачьих кругов³.

¹ Архив каф. общего и сравнительного языкознания ЮФУ: полевые материалы диалектологических и этнолингвистических экспедиций 1985–2007 гг.; материалы из личного архива автора.

² Щербинин П.П. Военный фактор в повседневной жизни русской женщины в XVIII — начале XX в. Тамбов, 2004. С. 96–97, 403, 442–443.

³ Сень Д.В. «Войско Кубанское Игнатово Кавказское»: исторические пути казаков-некрасовцев (1708 г. — конец 1920-х гг.). Краснодар, 2002. С. 158–160; Небратенко Г.Г., Куксенко Е.И. Теория и история обычного права донских казаков. Ростов-на-Дону, 2005. С. 226.

Особенности формирования российского казачества привели к тому, что ряд семейных, хозяйственных и общественных практик, первоначально развивавшихся спонтанно в вольных казачьих сообществах, впоследствии неоднократно воспроизводились во вновь образованных служилых войсках.

Уникальный опыт Дона вмещает все значимые вехи правовой истории женщин в казачьих сообществах. От положения пленниц, распределявшихся среди мужчин по жребиям вместе с прочей военной добычей в XVI в., до самовластных глав семейств, полномочия которых поддерживали обычай и войсковой закон на рубеже XIX–XX веков. По мнению Томаса М. Барретта, обращение к гендерной истории казачества углубляет исследования и более общих проблем, поскольку «опыт казачки усложняет общие понятия о патриархате в русском обществе»¹.

Волкова О.А.,
Поволжская академия государственной службы
им. П.А. Столыпина
(Балашов Саратовской области)

Гендерные аспекты последствий российских миграций в 1965–2007 гг. (формы дискриминации женщин — специалистов с высшим образованием)

Россия из-за демографического спада и проблем с трудовыми ресурсами все более позиционирует себя в мире как принимающая страна, это предполагает ответственность за соблюдение прав мигрантов, находящихся на ее территории. Научная проблема, на решение которой направлено исследование, — современные проявления в России дискриминации женщин — специалистов, переживших миграции в республики СССР и затем из стран СНГ.

Цель работы заключается в том, чтобы сформулировать проблему дискриминации женщин — специалистов с высшим образованием, мигрировавших до 90-х гг. XX в. из России в республики СССР (советский период: культурная революция, Великая Отечественная война) и вернувшихся из

¹ Барретт Т.М. «Не годится казаку жить одному»: женщины и гендер в казачьей истории // Нестор. №11. Журнал истории и культуры России и Восточной Европы. Смена парадигм: современная руссоистика. Источники, исследования, историография. СПб, 2007. С. 277.

стран СНГ после 90-х гг. XX в. (постсоветское время: прекращение существования СССР, перестройка). В центре внимания — региональный аспект: дискриминация мигранток в российской провинции.

В «Платформе действий, принятой Четвертой всемирной конференцией по положению женщин» отмечается, что во многих странах женщины составляют большинство рабочей силы в нестандартных видах работы: временная и непостоянная работа, работа неполный рабочий день, по совместительству, по контрактам, на дому¹. Предполагается, что общемировая тенденция отражается на профессиональной сегрегации в России, современное положение усугубляется для мигрантов из числа женщин — специалистов.

В западных социальных науках тема трудовых миграций женщин достаточно популярна. В российской науке проблема не достаточно разработана. Если в основном исследования западных ученых проводятся на основе феминистских теорий, то в России получил распространение более академический гендерный подход, проявляющийся в более мягкой форме.

Н.Л. Пушкарева изучает проблемы гендерной системы и социального конструирования гендерных отношений в среде научной интеллигенции². Е.А. Здравомыслова и А.А. Темкина, работая в рамках социального конструктивизма, изучают особенности социальной конструкции гендера и гендерной системы в современной России, анализируя советский гендерный порядок и тенденции его трансформации в постсоветском российском обществе³.

Среди российских исследований в настоящее время выделилось несколько направлений в изучении мигранток. В работе О. Бредниковой рассмотрен социальный эффект женской трудовой миграции — трансформация гендерных семейных контрактов⁴. Н.П. Космарская представляет положение мигранток через соблюдение/несоблюдение прав человека⁵. Д. Полетаев изучает проблему через анализ положения жен-

¹ Платформа действий, принятая Четвертой всемирной конференцией по положению женщин // <http://www.un.org/russian/conferen/women/plat4f.htm>

² Пушкарева Н.Л. «Академики в чепце»? История дискриминационных практик в отношении российских женщин-ученых // Женщина Плюс. 2004. № 1.

³ Российский гендерный порядок: социологический подход. / Под ред. Е. Здравомысловой, А. Темкиной. СПб., 2007.

⁴ Бредникова О. Женская трудовая миграция: смена гендерных контрактов? // Гендерные отношения в современной России: Исследования 1990-х. Самара, 2003. С. 143–154.

⁵ Космарская Н.П. Положение женщин — вынужденных мигрантов в контексте прав человека // Права женщин в России. Т. 1. М., 1998. С. 311–338.

щин-мигрантов, которое они занимают на рынке российского труда, отмечая их занятость преимущественно в специфических его сегментах: индустрия развлечений, общественный сервис, домашние услуги, секс-услуги, розничная торговля, мелкое производство, сельское хозяйство. Принуждение составляет неотъемлемый элемент трудовых отношений с участием мигранток и прочно встроено в повседневную трудовую практику приехавших в Россию женщин¹. Е.В. Тюрюканова предлагает обсуждать проблемы мигранток в зависимости от вида насилия, применяемого к ним. Эксплуатация женщин-мигрантов развита достаточно сильно; масштабы многих ее форм просто поражают: более 10% женщин испытывают физическое насилие на рабочем месте, 22% женщин подвергаются сексуальному насилию².

На сегодняшний день в г. Балашове Саратовской области взято семь интервью у женщин — специалистов с высшим образованием, направленных по распределению профессиональных кадров из России в разные республики СССР и вернувшихся назад в 80-х гг. XX в. Интервью позволяют сделать некоторые предварительные выводы.

Интервьюеры, мигрировав вместе со своими семьями в Балашов из крупных городов бывших республик СССР, поселились в не высоко урбанизированной части России по материальным причинам.

Особенностью гендерной сегрегации в трудовой сфере является то, что женщины, которые по распределению были направлены в республики СССР, не испытывали на себе в профессиональной сфере дискриминации, по сравнению с местными жителями республик, даже наоборот (М.П.: *Женщин в этом огромном институте было крайне мало. Все выпускницы вузов России. Если случались какие-нибудь праздники, бывало, кто-то из местных приглашали коллектив к себе домой. Первый раз, когда мы оказались в таком доме, их женщины сразу взяли нас и отвели в комнату, где все они сами находились. У них был отдельный стол. Говорить с ними нам было совершенно не о чем. Слишком велика разница. Но как только мужчины это увидели, они сразу перевели нас в комнату к мужчинам и сказали: «Это наши женщины и они будут сидеть вместе с нами». Отношение было крайне уважительным. Вот, например, если я заходила в кабинет к ректору, он сразу вставал, приветствовал меня, предлагал стул и только потом садился сам).*

¹ Полетаев Д. Женщины-мигранты из зарубежных стран в России // Вестник Евразии (Acta Eurasica). 2005. № 1(27). С. 18–31.

² Тюрюканова Е.В. Гендерные аспекты трудовой миграции из стран СНГ в Россию // Диаспоры. 2005. № 1. С. 48–64.

При устройстве на работу, сохранении рабочего места, карьерном росте и т.п. предпочтение в г. Балашове отдается местным жителям, не покидавшим Родину на долгое время (Г.В.: *Я же прекрасно знаю, что она не грамотнее... Да какое там... Я намного компетентнее, это даже сравнивать не надо. Просто здесь давние связи. Наш руководитель когда-то был дружен с ее умершим отцом и обещал ему позаботиться о его дочери, если в этом будет необходимость. Вот и все. Знания, желание работать и делать что-то новое, полезное... Это никому не надо. Проблема в том, что я не местная, а она здесь провела всю жизнь, и ее родители... И теперь уже я не вижу в этом проблемы только для себя. Все это глубже*).

Опыт проживания представительниц профессиональных сообществ в иной социальной среде влияет на их адаптивные и интегративные качества (Н.К.: *Почему терплю, да? Слишком многое пережито было перед тем, как было принято решение переехать. У нас дети были подростками. Насмотрелись мы и наслушались разной дикости. Сами местные не особенно агрессивные, и спиртное у них не приветствуется. Откуда-то вдруг взялись пьяные или обкуренные компании местных подростков, молодежи. Очень агрессивно настроены, не в себе. Но на самом деле даже невозможно представить, чтобы родители дали им деньги на спиртное. Но и спиртное, и деньги, и другое откуда-то появлялись. Пусть здесь у меня на работе несправедливость. Это да. Но я спокойна за своих детей и от этого уже счастлива*).

Результаты проводимого исследования случаев дискриминации женщин — специалистов, переживших возвращение из бывших республик, может быть полезен для пресечения нарушения прав женщин, проживающих на территории России.

Волкова О.А.,

Белорусский государственный педагогический
университет им. М. Танка (Минск)

Женская прогрессивная партия в годы Первой российской революции

Период Первой российской революции сопровождался бурным ростом различных политических партий. Однако, по мнению члена Русского женского взаимно-благотворительного общества Марии Покровской,

существующие партии не обнаружили интереса к женскому вопросу в силу мужского доминирования в них, но через создание женщинами собственной политической партии идея женского равноправия могла быть продвинута на политическом уровне. Именно поэтому М.И. Покровская добилась регистрации Женской прогрессивной партии, чтобы создать «прецедент санкционирования администрацией женской политической организации»¹, первое собрание которой состоялось в начале 1906 г.

Еще осенью 1904 г. М. Покровская основала журнал «Женский вестник», объявивший своей целью борьбу за достижение равноправия женщин. В одном из номеров журнала она подчеркивала, что «до тех пор, пока женщины не будут уравнены в правах с мужчинами, в человечестве не может существовать надлежащей справедливости»².

Группа сторонниц М. Покровской из 6 человек — С.Г. Яковлева, А.И. Колокольцева, Е.В. Белавенец, Т.Г. Белавенец, М.Н. Буднова, выработала программу, которая признала необходимым бороться со всеми несовершенствами современной жизни, за осуществление общечеловеческих идеалов: правды, братства, равенства, свободы, справедливости и гуманности, только *мирным эволюционным путем*. «Путь к свободе, состоящий из насилия, кровопролития, грандиозных исторических катастроф, — отмечала М. Покровская, — путь, пройденный уже многими народами, но не приведший к желанной цели. Потому я искренне желала бы, чтобы Россия попыталась добиться свободы иным способом, путем мирного перевоспитания народа»³. Политическое равноправие женщин предполагало: «Избрание народных представителей всеми гражданами, достигшими 25-летнего возраста, без различия пола; активное и пассивное избирательное право; организация местного самоуправления на тех же началах на коих покоится народное представительство»⁴. Программа так же провозгласила равноправие супругов в финансовых и семейных вопросах; гражданский брак и либерализацию бракоразводного законодательства; требовала запрещения торговли женщинами; выступила не только за общую фабричную реформу, но, в частности, за введение женской инспекции, особенно в тех промышленных заведениях, где применяется женский труд, за восьмичасовой рабочий день, де-

¹ Равноправие женщин. Отчеты и протоколы 1906 г. СПб., 1906. С. 30.

² Покровская М.И. Об избирательных правах русских женщин // Женский вестник. 1905. № 4. С. 124.

³ Покровская М.И. Свобода и гуманность // Женский вестник. 1906. № 2. С. 37.

⁴ Программа Женской прогрессивной партии // Женский вестник. 1906. № 1. С. 26.

сятимесячный оплачиваемый отпуск по беременности, за создание на фабриках возможности для матерей ухаживать за детьми, а так же за равную оплату за равный труд; предусматривала одинаковое, бесплатное, обязательное, общее и профессиональное образование для всех детей обоего пола до 16 лет; равные права крестьянок на землю; уничтожение милитаризма, учреждение милиции¹. А.М. Коллонтай в работе «Социальные основы женского вопроса» резюмировала: «Требования, как видно, весьма радикальные, недаром же большинство из них списаны с социал-демократической рабочей программы»². Такая широкая программа была негативно воспринята некоторыми «чистыми» феминистками, чья точка зрения еще раньше была выражена Прасковьей Ариан в «Женском вестнике»: «Многими считаются женские интересы слишком узкими, и они желали бы видеть женщин в рядах отстаивающих интересы общечеловеческие, но ими совершенно упускается из виду, что частной борьбой мелких групп за свои потребности, страдания и идеалы общество и человечество приходят к осуществлению общих идеалов»³. Все же возобладала точка зрения М. Покровской, и Женская прогрессивная партия хотя и теоретически, но присоединилась к «освободительному» движению⁴.

Не приемля насилия, партия наблюдала со стороны за революционными событиями 1905–1907 гг. и призывала к поиску иных форм борьбы за свободу: «Неужели современные цивилизованные народы и их правительства не доросли до того, чтобы мирным путем совершать необходимые реформы? Русские женщины горячо желают, чтобы Россия избежала ужасов кровавого переворота, и возникшее между правительством и обществом недоразумение решилось мирным путем»⁵. В разгар революции, в декабре 1905 г. М. Покровская писала: «Мы преклоняемся перед героизмом отцов и мужей, но вместе с тем утверждаем, что они героизмуют главным образом не за свой счет, а за счет матерей и жен. ...Мне, конечно, возразят, что в настоящее время мужчины ведут борьбу за свободу, ради которой надо жертвовать всем. Соглашаясь, что свобода драгоценна, я не могу согласиться с тем, что борьбу за нее надо вести очертя голову и не щадя ничего. Я настаиваю, что в какой-то бы ни

¹ Там же. С. 27–29.

² Коллонтай А.М. Социальные основы женского вопроса. СПб., 1909. С. 100.

³ Ариан П. Женский вопрос за минувший год в России // Женский вестник. 1905. № 8. С. 240.

⁴ Стайтс Р. Женское освободительное движение в России: Феминизм, нигилизм и большевизм, 1860–1930. М., 2004. С. 283.

⁵ Покровская М.И. Женщины об умиротворении России // Женский вестник. 1905. № 4. С. 117.

было борьбе должно быть как можно меньше невинных жертв. А теперь мужчины, нетерпеливо стремясь к призраку свободы, появившемуся в России, поступают так, как будто они борются на необитаемом острове, где за это не расплачиваются жены и дети. Женщины страдали и страдают неизмеримо больше мужчин от существующего социального строя, но все-таки не хотят потоков братской крови, во имя свободы требуют гуманности к человеку. Они знают, что не насилием и резней можно пересоздать жизнь, но только путем *мирных социальных реформ*»¹.

Как и Союз равноправия женщин, Женская прогрессивная партия особенное внимание уделяла пропаганде женского равноправия. Именно она «играет довольно большую роль если не в реальном добывании женщинами прав, то во всяком случае в распространении среди общества сознания несправедливости их бесправия и необходимости устранения этой несправедливости»². Только сила убеждения, энтузиазм, энергия и труд необходимы в борьбе с предрассудками, которые сложились в отношениях к женщине. Членами партии организовывались многочисленные публичные лекции как в Петербурге, так и на периферии. В.И. Модестова в одном из номеров «Женского вестника» за 1907 г. сообщала о прочтении лекций по женскому вопросу в Анапе и Екатеринодаре³.

Между тем, в отличие от Союза равноправия, который сотрудничал так же с мужчинами, партия М. Покровской не допускала их к своей деятельности. «Опыт показывает, — отмечала она, — что совместная борьба обоих полов якобы за общие права, в сущности, является борьбой за права одних только мужчин ... Женщинам необходимо отказаться от ложного убеждения, что мужчины окажут большое содействие их освобождению и сказать себе: «Нам надо самим разорвать свои путы и самостоятельно искать, при помощи каких способов мы можем это сделать»⁴. Одна из сторонниц М. - Покровской А. Горизонтова писала: «Причисляющие себя к свободомыслящим, мужчины без всякого возражения признают право всех классов и наций на равноправие, но чуть дело коснется женских прав, сейчас же поднимаются толки о несвоевременности, о незрелости и пр. Всякие реформы как бы они не изменяли общественный строй, в конце концов не так больно задевают привычки повседневной жизни мужчин, как освобождение из под их вечной опеки женщин. ...В силу всего этого только женщина, вынося-

¹ Покровская М.И. Освободительное движение в России // Женский вестник. 1905. № 12. С. 354.

² Задачи женской прогрессивной партии // Женский вестник. 1906. №3. С. 65.

³ Клуб Женской прогрессивной партии // Женский вестник. 1907. № 12. С.315.

⁴ Задачи женской прогрессивной партии... С. 66.

Доступность высшего образования для молодых сельских женщин

Известно, что по относительной численности студентов высшей школы Россия занимает одно из лидирующих мест в мире. Однако многие количественные показатели, формально свидетельствующие о повышении доступности высшего образования для населения страны, при более пристальном рассмотрении не столь оптимистичны.

Под доступностью высшего образования понимается — (а) возможность поступления в высшие учебные заведения и (б) успешное завершение обучения в них. Социальная практика нашего государства давно отнесла к социально уязвимым группам детей-сирот, лиц с ограниченными возможностями, малочисленные народы. Признавая, что представители этих групп имеют заведомо более слабые позиции при поступлении в вуз, правительство до настоящего времени закрепляет определенные квоты для данной группы населения.

Вместе с тем для современной российской действительности указанный перечень социальных групп, для которых затруднен доступ в высшие учебные заведения, становится неполным. Если к социально ущемленным слоям принято относить группы, обладающие сравнительно худшими возможностями получения высшего образования, то сегодня к ним по многим причинам следует причислить и жителей сельской местности. Возможность получения ими высшего образования в несколько раз ниже, чем у городского населения. Очевидно, что неравенство стартовых условий, обусловленных неравенством социальной среды обитания (качество полученного общего образования, объем дополнительных образовательных услуг, уровень образования и социальный капитал семьи и т.п.), постепенно становится источником отчуждения и потенциальных конфликтов между сельской и городской молодежью¹.

Вопрос образования сельских женщин не часто обсуждается на научных конференциях, на административном уровне. Образование, как известно, является одним из средств социальной мобильности. Притом образование, профессиональная подготовка являются самыми важными факторами устойчивого развития женщин, особенно для тех, кто стре-

¹ Полетаев А.В., Савельева И.М. Спрос и предложение услуг в сфере среднего и высшего образования в России. М., 2001.

щая на себе всю несправедливость шаблонного способа мышления и вместе с тем себялюбивых побуждений мужчин, должна объявить борьбу за свои права и человеческое достоинство»¹. Вопрос о совместной деятельности обоих полов в этой партии был решен однозначно.

Что касается деятельности Женской прогрессивной партии, то она так же сосредоточилась на Государственных думах, органах местного самоуправления. Так, членам I Государственной думы сразу после выборов, в апреле 1906 г., было разослано воззвание партии: «Положения о Государственной думе от 6 августа и его дополнение от 11 декабря 1905 г. совершенно лишили избирательных прав целую половину русского народа — женщин. В настоящее время избранники народа приступают к выполнению обязанностей возложенных на них последним, но среди них нет ни одной женщины, и нет ни одного члена, избранного ими. Это создает ненормальные условия для начала деятельности Государственной думы. ...Лишение права голоса в народном представительстве отнимает у женщин возможность проводить в жизнь те мероприятия, которые они признают необходимыми для ...блага и процветания России ...Во имя блага русского народа Женская прогрессивная партия протестует против какой бы то ни было законодательной работы Государственной думы, пока женщины исключены из числа ее членов, и настаивает на том, что народные представители обязаны, прежде всего, озаботиться распространением избирательных прав на все население русского государства, не исключая и женщин, а затем уже заниматься созидательной работой»².

В ноябре 1906 г. Женская прогрессивная партия обратилась к Петербургской городской думе с просьбой одобрить постановление о даровании женщинам равных с мужчинами активных и пассивных избирательных прав в Государственной думе и в местном самоуправлении. В февральском номере «Женского вестника» за 1907 г. сообщалось, что во время последних выборов гласных Петербургской городской думы некоторые женщины пытались осуществить свои права лично³.

Таким образом, в политическом плане Женская прогрессивная партия, выступив в качестве альтернативы возникшим «мужским» политическим партиям, отказалась от революционного насилия и избрала тактику быстрого, но мирного улучшения положения женщин законными способами, признавая лишь литературные и парламентские формы борьбы.

¹ Горизонтова А. Противникам женского сепаратизма // Женский вестник. 1905. № 7. С. 197.

² Воззвание Женской прогрессивной партии к членам Государственной думы // Женский вестник. 1906. № 4. С. 118.

³ Хроника // Женский вестник. 1907. № 2. С. 61.

мится улучшить свой социальный статус и получить доступ к профессии, ведущей к более высокому экономическому уровню или экономической независимости. Осознавая это, многие выпускницы сельских школ называют получение образования, наряду со стремлением изменить жизнь в целом и повысить свой социальный статус, главными причинами своего решения покинуть родные края. Однако, социально-экономическая ситуация последних 10–15 лет в нашей стране значительно затруднила доступ к высшему образованию сельской молодежи. Географическая отдаленность сельских поселений затрудняет или делает вообще недоступным общение сельских школьников с преподавателями высшей школы в рамках различных подготовительных курсов, научных обществ учащихся (НОУ), высококвалифицированных репетиторов и т.п., которые стали привычными формами подготовки к поступлению в вузы для городских школьников. Даже став студентками университетов, выпускницы сельских школ сталкиваются с проблемами, ставящими под сомнение успешное обучение или даже завершение обучения в них. Развитие и социализация выпускниц сельской школы с детства по юношеский возраст проходят совершенно в иных условиях, поэтому в отличие от городской сверстницы в довузовский период жизни ею усвоены иные культурные ценности и социальные нормы. Переход от привычной сельской культуры к городской, существующий разрыв в уровне общего развития и школьной подготовки выпускников сельских и городских школ и некоторые другие причины с самого начала обучения в вузе относят сельских девушек к группе риска — они испытывают сильное эмоциональное напряжение и душевный дискомфорт¹. В отличие от городских жителей, которые в трудных ситуациях стремятся к внешней помощи, выходцы из сельской местности не спешат обращаться к ней, так как принимают внешнюю помощь за «признак неудачника». Многие сельские молодые люди, как девушки, так и юноши, испытывают своего рода культурный шок при столкновении с действительностью большого города. И не всегда достойно выходят из него. Отсутствие привычного контроля со стороны сельского сообщества, существующего в условиях отсутствия анонимности, безличностный характер отношений приводят к тому, что выходцы из сельской местности, мигрируя в города, демонстрируют всплески асоциального или девиантного поведения². Исследования и эмпирический опыт пока-

¹ Воловик А.К. Равноправие молодых сельских женщин в получении высшего образования: Надежды и ожидания. Рязань, 2002.

² Калеева Ж.Г. Заботы сельской школы // Педагогика. 2002. № 5. С. 64.

зывают, что сельские девушки менее подготовлены и труднее адаптируются к меняющимся социокультурным реалиям.

Вернувшись в сельскую местность, сельские женщины остаются, как правило, со своим единственным дипломом и единственной приобретенной в юные годы квалификацией на всю жизнь. Освоить новую профессию для нее в случае потери работы, пройти переподготовку становится затруднительным, а порой и просто невозможным делом из-за отсутствия образовательной политики, разработанной специально для сельских жительниц. Им трудно оставить семью и хозяйство на продолжительный период и отправиться за «новым» образованием в город, райцентр. Женщины должны иметь доступ к получению образования и в те возрастные периоды, которые следуют за юностью. Семья требует от женщины совмещения ею занятий домашними делами с обучением или профессиональной переподготовкой. Поэтому женщины часто отказываются от продолжения образования или продолжают обучение, но с худшими результатами. И это имеет отрицательные долгосрочные последствия. Оставшись без работы, но, стремясь к заработку для содержания семьи, сельская женщина, даже имея определенный уровень образования, но не соответствующий современным экономическим реалиям и потребностям, вынуждена браться за выполнение неквалифицированной и низкооплачиваемой работы. Это еще один способ перекладывания социально-экономических трудностей на плечи женщин. За это сельская женщина «мстит» обществу, отсылая своих дочерей в город и поддерживая их в стремлении не возвращаться назад. Общая тенденция — большая часть миграционного потока из села в город — молодые женщины, девушки в возрасте 15–24 лет. При этом в город уезжают девушки с более высоким уровнем образования, чем остающиеся в сельской местности.

Развитие системы образования, переподготовки, профессиональных курсов и программ для сельских женщин, поддержка малого бизнеса и предпринимательства, инициированного сельскими женщинами в состоянии вывести эту часть общества на социальный уровень безопасности.

Women and Religious Piety in Nineteenth Century Russia

This paper examines the piety of Orthodox women believers in the nineteenth century and turn of the twentieth century. Although the scholarship on Russian women's roles in Orthodoxy and congregational life is not well enough developed to argue for a feminization of religion in late Imperial Russia, it is possible to assert that women's spirituality was a significant element within the Orthodox awakening of this period and that a feminization of monasticism did take place. Through an examination of autobiographies and biographies, sensational stories in the press, and miracle stories, the paper compares the religious expressions of lay women and women religious. It seeks to illuminate the ways in which the divine was accessible to women of different stations and occupations in life. «The immediacy of the sacred» to all believers, both women and men, worked «to level . . . the gendered hierarchy» of the church itself¹. As a result, a minority of Russian women were inspired by historical and contemporary religious models to become independent women religious (i.e., novices and nuns), while the majority actively participated in ecclesial communities that gave them spiritual and physical comfort, helped them celebrate important passages of life and holy feast days, released them temporarily from daily burdens to go on pilgrimage, and in some cases empowered them.

By serving God and the larger society with extreme piety and social services, women religious gained authority by following Orthodoxy's privileging of «the monastic or "angelic" path to salvation»². As widows or young single women of various classes (although peasant women predominated among them), they could abandon family cares to found or enter already established communities of like-minded women, serving as models of extreme piety and exemplars of charitable acts. At the same time, God's grace and mercy and his ultimate gift of *умиление* were not limited to individuals who had taken up monastic orders or copied the rigors of monastic life, but rather could be bestowed upon lay women.

¹ Kivelson V.A., Greene R.H. (eds) Introduction // Orthodox Russia: Belief and Practice Under the Tsars. Pennsylvania State University Press, 2003. P. 10.

² Meehan B. To Save Oneself: Russian Peasant Women and the Development of Women's Religious Communities in Pre-Revolutionary Russia / Russian Peasant Women. Ed. Beatrice Farnsworth and Lynne Viola. N.Y., 1992. P. 121.

Ordinary peasant women who experienced difficulties in their lives could also have their lives transformed by their beliefs. For example, women who believed themselves to be possessed by demons were not abandoned by the church to the care of medical doctors but were accorded attention and treatment through public exorcisms often through the mediation of saints' prayers. While exorcisms confirmed the patriarchal order with male priests and monks restoring control to a woman's soul and body, the miraculous cures empowered women within their communities. Being able to leave family responsibilities behind temporarily in order to secure spiritual help at monasteries provided these women with the solace that they needed.

Pilgrimages to nearby and faraway monasteries beckoned both sick and well women of all estates. The much needed respite as well as spiritual renewal they experienced on their travels allowed them to return to their daily burdens and to carry them out in accordance with the dictates of a patriarchal Christian society. That same society also periodically allowed women to defy patriarchal authority within their own homes, particularly when their spouses were abusive. For those women who chose to suffer in silence, miracle stories championing the superiority of God's and a saint's authority over that of a husband provided them with hope of heavenly retribution against the offending parties.

The tenacity with which women clung to Orthodox practices in the early Soviet period when religion came under attack and the feminization that resulted thereafter can only be understood by further exploring avenues of women's spirituality in the nineteenth century during Orthodoxy's great revival.

Воронина М.С.,
Харьковский национальный педуниверситет
им. Г.С. Сковороды (Украина)

Трансформация женского избирательного права (первая четверть XX века)

Данная тема рассматривается на материалах Харьковского региона, поскольку это оптимальный способ репрезентировать более-менее объективно проблематику женского избирательного права. В рамках микро-истории больше шансов избежать ошибок предыдущих поколений историков, когда, например, на основе скудной статистики Ивановско-

го региона, игнорируя его уникальность, делались выводы о положении женщин-работниц во всей Российской империи¹. Безусловно, будет уделено внимание юридическим актам государственного масштаба, но невозможно утверждать, что воплощение в жизнь «женских избирательных законов» везде происходило по аналогии с Харьковской губернией.

Первая попытка со стороны харьковчанок получить избирательные права датируется 1905 г. На очередном земском губернском собрании было решено внести некоторые изменения в Положение 1890 года: а именно, расширить право для женщин на предоставление доверенностей на мужа, отца, брата и т. д. Подобное «одоление» возмутило харьковских женщин, и они подали заявление с подписями ста человек на имя главы объединенной ревизионно-редакционной комиссии М.М. Ковалевского². 27 марта 1905 г. на заседании Харьковского общества взаимопомощи трудящихся женщин (Далее ХОВТЖ) была также принята резолюция, одним из пунктов которой было требование о предоставлении женщинам активного и пассивного избирательного права на местном уровне³. Но, видимо, чрезмерная активность женщин привела в замешательство мужчин из Харьковского земства, и они просто сняли этот вопрос с повестки заседания. Подобные обращения направляли также в другие местные учреждения, однако их упорно игнорировали большинство избранников⁴.

Тем не менее, в Харьковском регионе зачатки традиции гендерного равенства существовали еще со времен его заселения благодаря скомпенсированной ментальности и расположению на стыке российской и украинской психологической культуры. И если в общероссийской эмансипации главными инициаторами в основном были мужчины, то в «Южных Афинах» зачастую именно женской инициативе оказывали существенную поддержку⁵. Например, Л. Ожигина первая в Российской империи подала официальное прошение о принятии ее в качестве студентки в Харьковский университет, и руководство тут же предоставило

право ей и другим «особам женского пола слушать университетские лекции..., на основаниях вольных слушателей и студентов. Точно так же лица женского пола могут быть допущены к испытаниям на ученые степени и звания»¹. Вопреки многолетним отказам, ХОВТЖ в 1907 г. все-таки открыло Высшие женские курсы² (важно отметить, что ХОВТЖ с 1905 по 1907 гг. возглавляла первая женщина доктор в русской истории А.Я. Ефименко). Причем данное Общество по численности было даже немного больше, чем Всероссийская Лига Равноправия Женщин — 1111 женщин³, для «провинциальной», а тем паче женской организации это беспрецедентный результат. Само по себе существование такого общества и масштабы его деятельности (курсы, бюро по трудоустройству, бесплатные буфет, столовая, детский сад, летняя детская колония, женская гимназия и т. д.⁴) было наилучшим способом распространения идей гендерного равенства среди его сторонников, противников и равнодушных.

Факт получения женщинами бывшей Российской империи избирательных прав 19 марта (ст. ст.) 1917 г. благодаря усилиям Всероссийской Лиги Равноправия Женщин уже давно не является тайной. Уникальными были события, происходившие в Харькове, где о свержении монархии голове Городской Думы Д.И. Багалею 1 марта (ст. ст.) в телеграмме сообщил М.В. Родзянко. А вечером состоялось тайное совещание гласных, на котором «было решено организовать Городской Комитет из гласных и представителей общественных организаций»⁵. ХОВТЖ как раз и было той общественной организацией, которую невозможно было проигнорировать в связи с ее активной деятельностью. Таким образом, еще до провозглашения всеобщего избирательного права «без разницы пола», харьковчанки получили избирательное право на местном уровне.

На заседании 9 марта (ст. ст.) по сути уже были провозглашены выборы и гарантировалось, что «избранные члены комиссий получают право участия с решающим голосом и в заседаниях Городской Думы»⁶.

¹ Кирьянов Ю.И. Жизненный уровень рабочих России (конец XIX — начало XX в.). М., 1979.

² Женский вестник. СПб. 1905. № 5. С. 148.

³ Там же. С. 155.

⁴ Смоляр Л.О. Минуле заради майбутнього. Жіночий рух Надніпрянської України II пол. XIX — поч. XX ст. Сторінки історії: Монографія. Одеса, 1998. С. 179.

⁵ Вороніна М.С. Гендерне рівноправ'я по-харківські (друга пол. XIX — поч. XX ст.ст.). // Гендерна політика міст: історія та сучасність // Матеріали II-ї міжнародної науково-практичної конференції. Харків, 23–24 травня 2007. Харків, 2007. С. 20–26.

¹ Смоляр Л.О. Указ. соч. С. 83.

² Высшие женские курсы, учрежденные Обществом взаимопомощи трудящихся женщин. Отчет за 1912. Харьков, 1913.

³ Устав Харьковского общества взаимного вспоможения трудящихся женщин за 1902–3–4–5–6 и 7 годы. Харьков: Т-во «Печатня С.П.Яковлева», 1905; Стайтс Р. Женское освободительное движение в России: Феминизм, нигилизм и большевизм, 1860–1930: Пер. с англ. М.: РОССПЭН, 2004. С. 306.

⁴ Устав Харьковского общества... С. 59–70.

⁵ Известия Харьковской городской думы: Ежемесячный журнал. / Харьковское городское общественное управление. 1917. № 1–3. С. 59.

⁶ Там же. С. 68.

26 апреля (ст. ст.) 1917 г. состоялось первое заседание в пополненном составе, на котором «от имени Общества трудящихся женщин обновленную Думу» приветствовала Е.М. Десятова, выразившая твердую надежду на привлечение женщин к делу строительства новой муниципальной жизни. По квотам от других организаций в Городскую Думу вошли еще две женщины: А. Чаплыгина и М.И. Филиппова¹.

В то же время, 2 марта 1917 г. возник Харьковский Совет рабочих и солдатских депутатов, где большинство, как во многих других советах, составляли меньшевики и эсеры. Гласный Я.Л. Рубинштейн от имени социалистического блока на первом заседании обновленной Городской Думы высказал твердое убеждение, что данные довыборы допустимы «лишь на кратчайший срок в целях немедленной подготовки и осуществления выборов нового состава гласных Городской Думы на основе всеобщего, прямого, тайного избирательного права для всех граждан обоего пола без различия веры и национальности, достигших 18-летнего возраста и прибывающих в Харькове к моменту составления избирательных списков с пропорциональным представительством»².

Однако уже 28–29 ноября 1917 г. состоялся пленум, на котором приняли резолюцию о переходе власти, и на состоявшихся перевыборах победили большевики. Тем не менее, многие положения «конкурентов по соцблоку» были использованы в большевистских постоянно меняющихся избирательных законах. Повторялись всегда три пункта: в выборах участвовали оба пола, находиться следовало в данной местности к моменту составления списков, по достижении 18 лет.

Принцип «гендерного» равенства в избирательных правах социалисты взяли на вооружение без фанатизма, но уверенно еще в 1905 г.³ По поводу принципа оседлости — гражданская война окончательно нивелировала его, а большевистской власти, с ее постоянными перемещениями рабочих и работниц-коммунистов из центрального промышленного региона России в идеологически-отсталые районы, идея «малой» родины была явно чужда, а национальная приоритетность во власти, якобы, не соответствовала интернационализму.

Возрастной пункт иногда незначительно варьировался. Например, во Всеукраинский центральный исполнительный комитет, который был пол-

¹ Там же. № 4–5. С. 2.

² Там же. С. 3.

³ Вибірчі права жінок Харківської губернії (друга половина XIX — початок XX ст.) // Український жіночий рух на зламі тисячоліть. Матеріали I-ї міжнародної науково-теоретичної конференції 24-26 вересня 2004 року. Львів, 2004. С. 32.

номочным органом государственной власти Украины между съездами советов, избирались те, кто достиг 18 лет¹. А в городской Совет — с 19 лет, но в примечании № 3 к 1 статье декрета ВУЦИКа УССР 1922 г. указывалось, что «Губисполкому предоставляется право понижать установленную возрастную норму для определенных категорий избирателей каждый раз с разрешения Наркомвнудел»². В сравнении с 25-летним возрастом совершеннолетия в Российской империи, что 18, что 19 — серьезный PR-шаг навстречу молодым избирателям, но нюанс заключался в том, что и главными активистами новой власти также были молодые парни и девушки. Например, по одному из районов столицы Советской Украины, городу Харькову, от жен рабочих и красноармейцев баллотировалось 40 человек, из которых только восьми было за 30-ть, 23-м (5 юношам и 18 девушкам) членам Горсовета — до 24 лет. Причем лишь одна была беспартийной (5 членов КСМ, 4 кандидата в КП(б)У, 13 членов КП(б)У)³. Таким образом, большинству избранниц не было и тридцати, они были свободны от понятия «авторитет», у них не было многолетних своих наработок, поэтому каждая существовала в состоянии «нечего терять» и «все только впереди и все зависит от меня», им был свойственен огромный заряд молодости, активности, наивности. Они действительно способны были ломать все «до основания».

Коммунистическая партия хотела добиться господства в Советах⁴, и «ситуативный союз» с молодыми женщинами, стремящимися к самостоятельности и самореализации, был явно успешен, особенно на фоне консервативности подавляющего большинства женщин. Можно даже констатировать позитивную дискриминацию: у женщин-коммунисток явно было больше шансов попасть в представительские органы власти, чем у мужчин-боротьбыстив, борьбыстив и др. И, тем не менее, у коммунистической партии были все рычаги для любого квотирования, но по поводу женского представительства во всех сферах «советской» жизни первое беспокойство начали высказывать лишь начиная с 1928 г, а процентные соотношения женщин в представительских органах власти становятся обязательным пунктом в отчетности с 1929 г., и то раз в год, к празднованию 8 марта.

¹ Конституція Української Соціалістичної Радянської Республіки. Харків, 1920. С. 10.

² Государственный архив Харьковской области. Ф. Р-408. Оп. 2. Д. 261. Л. 109.

³ Там же. Д. 512. Л. 1-3.

⁴ Комуністична партія України в резолюціях і рішеннях з'їздів, конференцій і пленумів ЦК. К., 1976. Т. 2. С. 75.

Активность женщин в избирательных кампаниях депутатов областной Думы Калининградской области

Принцип равных возможностей для участия женщин и мужчин в политическом процессе — один из важных показателей зрелости, устойчивости демократии.

Российские женщины активно принимают участие в избирательных кампаниях в качестве избирателей, но среди кандидатов преобладают мужчины. Отсутствие паритетного представительства женщин и мужчин в органах власти отрицательно влияет на расстановку приоритетов при формировании государственной политики. По оценке Организации Объединенных наций, только паритетное участие мужчин и женщин в структурах государственной власти гарантирует принятие ответственных политических, социальных, экономических решений и способствует устойчивому развитию любой страны.

В данной статье анализируется участие женщин в избирательных кампаниях депутатов Калининградской областной Думы за десятилетний период (1996–2006 гг.).

Калининградская область, одна из 4-х российских субъектов, имела с 1996 года опыт проведения выборов депутатов законодательного органа государственной власти, как по одномандатным избирательным округам, так и по общерегиональному избирательному округу. 5 депутатов областной Думы избирались по общерегиональному избирательному округу, а 27 депутатов по одномандатным избирательным округам. С 2006 года количество областных депутатов возросло с 32 до 40. С 2006 года 20 депутатов областной Думы избираются по одномандатным и многомандатным округам и 20 депутатов по общерегиональному избирательному округу.

В 1996 году в избирательной кампании участвовало 152 кандидата, из них 23 женщины (15%), в 2000 году в борьбе за депутатские мандаты приняли участие 278 кандидатов, из них женщин 37 или 13,3%. В 2006 году на 40 депутатских мест в региональный парламент претендовали 362 кандидата, из них 73 женщины (20,1%). Количество кандидаток на выборах областной Думы увеличилось.

В отличие от выборов 1996 года, где женщины выставили свои кандидатуры в 14 округах, в 2000 году женщины в 20 округах из 27 приняли участие в предвыборной борьбе. В 2006 году в избирательной кампании 15 кандидаток боролись в 16 из 20 избирательных округов. В 1996 году 4 женщины стали депутатами областной Думы, победив в избирательных округах, в 2000 году только 3 женщины представляли своих избирателей в областной Думе, в 2006 году по результатам выборов от одномандатных округов в областную Думу прошли 2 женщины (выдвинуты партией «Единая Россия»).

Политические партии стали активнее включать кандидаток в региональные списки. Анализ региональных выборов по региональным спискам показывает, что в 1996 году среди 33 кандидатов, включенных в избирательные списки от избирательных блоков и объединений, было 5 женщин (15%) и 28 мужчин (85%).

В 1996 году в избирательной кампании участвовало 4 избирательных блока и объединения: «Калининградская областная организация Компартии РФ», «Калининградская областная федерация профсоюзов», избирательные блоки «Сторонники А. Лебеда, С. Федорова, С. Глазьева — за региональное развитие», «Янтарный край России». Женщины были представлены в трех из четырех избирательных блоков и объединений, принявших участие в выборах.

«Калининградской областной федерации профсоюзов», «Янтарном крае России», «Калининградской областной организации Компартия РФ». Профсоюзы включили 3 женщины в избирательный список под номерами 3, 5, 10, местные коммунисты и демократы включили в избирательный список по одной женщине, предоставив им последние места в списке. В избирательных программах ни одно из объединений и блоков не поднимало вопрос об улучшении положения женщин в обществе.

На выборах 2000 года в избирательные списки от 10 избирательных блоков и объединений было включено 13 женщин (14%) из 77 мужчин (86%). 10 избирательных блоков и объединений боролись за 5 депутатских мандатов. Женщины были включены 7-ми избирательными блоками и объединениями в свои избирательные списки, но только 2 избирательных блока поставили женщин в «лидерскую тройку»: «В поддержку Президента России» и «Янтарный край России — за созидание». Ни одна женщина не возглавляла список кандидатов. Преодолели пятипроцентный рубеж и привели своих кандидатов в областную Думу пять избирательных блока и объединения «Яблоко — Новая Сила», «Янтарный край России — за созидание», «В поддержку Президента России», «Калининг-

радская региональное отделение ЛДПР», «Калининградская региональная организация КПРФ». Больше всего женщин было в списке избирательного блока «В поддержку Президента России» — 42,8% (3 женщины из 7 кандидатов на 2, 5, 6 местах в списке); далее идут избирательные объединения и блоки:

«Союз труда» — 40% женщин (2 женщины из 5 кандидатов); «Балтийская республиканская партия» — 25% женщин (3 из 12 кандидатов); «Запад России» — 12,5% женщин (1 из 8 кандидатов); «Янтарный край России за созидание» — 11% женщин (2 из 11 кандидатов); «Калининградская областная организация Аграрной партии России» — 10% женщин (1 из 10 кандидатов); Калининградское отделение общероссийской политической организации «Отечество» — 9% женщин (1 женщина из 11 кандидатов). В списках избирательного блока «Яблоко — Новая Сила» и избирательных объединений «Калининградское региональное отделение ЛДПР» и «Калининградская региональная организация «Коммунистическая партия РФ» женщинам мест не нашлось.

В 2000 году преодолели 5% рубеж и провели своих кандидатов в областную Думу 5 избирательных объединений и блоков. Среди вошедших в областную Думу от избирательных объединений и блоков депутатов женщин не было, да и не могло быть, так как каждое объединение получило по 1 депутатскому мандату, а ни один список не возглавляла женщина.

В 2006 году 7 политических партий принимали участие в региональной избирательной кампании (2 партии «Родина» и «Народная партия РФ» по решению суда были сняты с выборов). Все партии включили женщин в региональные списки:

Яблоко — 14 кандидаток (41%) из 34 кандидатов; ЛДПР - 14 женщин (38%) из 37 кандидатов; КПРФ — 14 женщин (21,5%) из 51; Российская партия мира — 6 женщин (17%) из 36; Единая Россия — 6 женщин (15%) из 40; Патриоты России — 5 женщин (14%) из 35; Российская партия пенсионеров — 2 женщины (10%) из 20.

Преодолели 7 процентный рубеж и прошли в областную Думу следующие политические партии: ЛДПР (7,53%), КПРФ (15,09%), Единая Россия (34,12%), Партия пенсионеров 8,91%, Патриоты России (7,15%). 1 кандидатка получила депутатский мандат от партии Единая Россия. От Партии пенсионеров прошла одна женщина, но она отказалась от депутатского мандата.

Далее приводится таблица, иллюстрирующая итоги выборов депутатов областной Думы за десятилетний период (1996–2006г.г.):

Год	Количество кандидатов по одномандатным округам	Жен.	Муж.	Всего депутатов	Женщ.	Муж.
1996	119	18 15%	111 85%	27	4	23
2000	188	24 12,7%	164 87,8%	27	3	24
2006	109	15 13,7%	94 86,3%	20	2	18
год (количество партий, блоков)	количество кандидатов по общепартийным спискам					
1996 4 блока и объединения	33	5 15%	28 85%	5	0	5
2000 10 блоков и объединений	90	13 14%	77 86%	5	0	5
2006 7 полит. партий	253	58 23%	195 77%	20	2	18

В областной Думе второго созыва (1996–2000 гг.) депутатов — женщин было 4 (12,5%) из 32 депутатов; в областной Думе третьего созыва (2000–2006 гг.) среди депутатов — 3 женщины (9,4%) из 32 депутатов. В областной Думе четвертого созыва (2006–2011 гг.) — 3 женщины (7,5%) и 36 мужчин (92,5%).

С одной стороны, количество женщин в законодательном органе власти Калининградской области уменьшается, но, с другой, возросла активность женщин, принимающих участие в выборах государственной власти в качестве кандидатов. Необходимо отметить, что политические партии на региональных выборах стали активнее выдвигать женщин и не боятся представлять им лидирующие места в региональных списках.

**Кликушество как гендерная проблема
(по материалам Урала XVIII — начала XX вв.)**

Последнее время кликушество изучается, как правило, в контексте религиозной культуры (А.С. Лавров, Е.Б. Смилянская, А.А. Панченко, К.Д. Воробек). Гендерные исследования (кроме К.Д. Воробек) не уделяют ему внимания, хотя это явление имеет четкое разделение по половому признаку, и изучение его в рамках данного направления способно выявить специфику кликушества как феномена отечественной женской субкультуры.

Знаком кликушества был припадок, проявлялось оно дискретно — от припадка к припадку. По сути это — обобщающее название припадков и различных его толкований. Характерной чертой кликуш стала «боязнь святыни», поскольку находящиеся в них бесы не выносили икон, креста, святой воды, ладана и активно проявляли себя при чтении Евангелия, на литургии, особенно при исполнении Херувимской песни, при таинстве Святого Причастия. Явно нарушая церковный ритуал, кликушество публично обнаруживало дьявольское начало, угрожавшее общественному порядку. Его воспринимали как знак и средство борьбы с бесовщиной, стараясь не облегчить из гуманных соображений состояние больных женщин, а заставить замолчать нечистую силу, «прорывавшуюся» из них и обезвредить колдунов как ее приспешников.

Поскольку в случае с кликушеством нечистая сила «являла» себя с помощью голосовой манифестации, то данный феномен можно отнести к сфере речевой культуры, к обоснованию права женщин на речь. В патриархальной среде они были по определению «немые», оставались бессловесным, лишенным голоса объектом, интересы которого «артикулировали» те, кто обладал властью и обусловленным ею правом публичной речи. В припадке кликушества женщина, хотя и в парадоксальной форме — посредством голоса бесов, — посмела «открыть рот». Этот феномен показывает, в каком качестве женщины допускались в публичную сферу: присвоив «язык» пророчества, транса, одержимости, женский голос зазвучал в его самоценной значимости. Во время припадков кликуше было позволено говорить от лица сидящего в ней беса, то, что имело важность для культуры, было востребовано ею. Приравнивание языка женщины к языку нечистой силы стало способом обретения ею своего «голоса» в

культуре, собственного места в культурном пространстве и, следовательно, своей идентичности.

Эпидемии кликушества показали, что подобное — голосовое — проявление зла заразительно, его соблазн и скандальность заключались именно в клике. «Язык» одержимых бесом представлял собой звукояд (нечленораздельные пронзительные крики, косноязычное бормотание, смех, хохот, плач, свист, писк), или подражание голосам животных (лает по собачьи, поет петухом), а также связную и осмысленную речь. Бес предавал огласке место своего нахождения ради общения с миром. Используя его способность говорить, стремились не только узнать послание с «того света», но и освободить кликушу от беспокойного соседства, превращая слово в оружие против бесоодержимости. Диалоговая форма общения явно видна в процедуре изгнания бесов из кликуш хлыстовскими пророками.

Однако способность к речи является одним из свойств тела. Именно в соматических проявлениях кликушество черпало свои выразительные средства. Припадок являлся серьезной психофизиологической «встряской», максимальным выражением телесности — аффективной, экспрессивной, стихийной, — сильно «изнуряющей» кликуш.

Тело играло главную роль и в объяснении кликушества. Представления о природе этого феномена созвучны концепции гротескной телесности (М.М. Бахтин), которую интересовало все, что свидетельствовало о чисто телесном напряжении, что выпирало, вылезало из живого организма. В основе построений этого исследователя, прежде всего находилась женская физиология. Именно способность к деторождению придавала женской плоти нестабильность — она могла увеличивать и уменьшать свои размеры, оставалась не отграниченной от остального мира, не замкнутой. Между ней и средой происходил взаимообмен. Подобная открытость порождала уязвимость для нежелательного влияния извне.

Органической частью телесной интерпретации кликушества были представления о том, что вселение постороннего начала происходило посредством отправлений (еды и питья) и отверстий (рта) организма. Колдун мог «загнать» в тело своей жертвы беса также с помощью жеста, например, прислониться и ткнуть локтем в бок, а также посредством словесной угрозы. Последующие припадки могли быть реакцией на различные запахи, прежде всего табака, «неприятные» слова, присутствие тех, кто «вселил», встречу с «начальствующими лицами или духовными особами», а также с праведниками. Припадочные женщины «не терпели ни в семейной, ни в общественной жизни ни малейших противоречий». Универсальным средством вызвать припадок оставалась «Святыня»,

любая, особенно святые места. У старообрядцев Урала существовал обычай выводить кликуш навстречу иконам.

В качестве специфического типа поведения кликушество вписывается в традиционное для России противопоставление правильного, нормативного и анти-поведения, вызываемого потусторонним, бесовским началом. Захваченное нечистой силой, пассивное женское тело обнаруживало и активно проявляло себя, становилось экспрессивным. Экстатический опыт рождал автономную и активную форму проявления природы женщины, спецификой которой являлось то, что кликуше для поведения наоборот не требовалось даже переодевания как, например, ряженым, она обходилась возможностями тела (бесовским «кликом», обликом, жестами и позами).

Кликуши вели себя не случайным образом. По наблюдениям психиатров, во время припадков ими руководил сознательный выбор: они ориентировались во времени и в пространстве, рассчитывали свои движения и узнавали окружающих, что свидетельствует о принадлежности кликушества к практикам и техникам, базирующимся на основе измененных состояний сознания.

Навыки контролируемой одержимости кликуш демонстрируют, как необычные психофизиологические проявления уживаются с их социокультурными задачами, поскольку смысл припадков придавала его публичность. Присутствующие интерпретировали речь и поведение кликуш, являлись свидетелями, гарантами, соучастниками в обнаружении потусторонних сил. Клик воспринимался со вниманием, в нем находили точку опоры своим подозрениям, он являлся средством идеологического контроля, формировал общественное мнение.

Однако публичное выкликание имени колдуна не способствовало восстановлению справедливости, а являлось, скорее, инструментом решения психосоциальных конфликтов. Став кликушей, женщина могла выразить свои желания открыто и резко. Нечистая сила в контексте кликушества получала амбивалентную роль — ее представителя-заместителя. Это был способ осуществления власти, манипулирования людьми и ситуациями благодаря аффектам собственного тела. Не имея шансов легальной реализации в пространстве власти, женщины внедрялись в его механизм физически, «живой» силой и изменяли направление насилия.

Гончарова С.В.
Тихоокеанский государственный экономический
университет (Владивосток)

Гендерное измерение структурных трансформаций в современном российском обществе (на примере Приморского края)

Динамика социально-экономических процессов определяется важным, качеством общества — его способностью и готовностью к саморазвитию, в том числе путем радикального преобразования базовых институтов и социальной структуры.

Перед российской властью стоит задача управления и структурными процессами. Государство в новых условиях должно обеспечить максимально эффективную защиту социально уязвимых домохозяйств, способствовать преодолению бедности и справедливому распределению социальных благ, создавать для трудоспособного населения экономические условия, позволяющие за счет собственных доходов обеспечивать более высокий уровень социального потребления. Остро стоит задача преодоления диспропорций уровня жизни в различных регионах России.

За последние пятнадцать лет из Приморского края выехало около 364 тыс. человек, 70% из них лица трудоспособного возраста, с высшим и средним специальным образованием, с детьми. Чтобы способствовать закреплению населения в крае требуется более значительная и возрастающая компенсация населению издержек суровых природно-климатических условий, отдаленности проживания, относительно меньшего развития социальной инфраструктуры. Для создания в регионе благоприятных условий жизнедеятельности по расчетам специалистов необходимо, чтобы общий фонд материальных благ и услуг в расчете на одного жителя превышал среднероссийский уровень в 1,4–1,6 раза, создание же преимуществ потребует превышения в 1,7–1,9 раза¹. В ином случае вряд ли удастся избежать дальнейшего сокращения численности населения.

Управление стратификационным процессом должно также заключаться в дополнительном привлечении мигрантов для восполнения недостат-

¹ Мотрич Е.Л. Демографический потенциал как фактор устойчивого развития Дальнего Востока // Перспективы развития российских регионов: Дальний Восток и Забайкалье до 2010 года. Материалы международной научно-практической конференции. Хабаровск, 2002. С. 475.

ка трудовых ресурсов, эффективном распределении доходов и положительной динамике оплаты труда. По мнению экспертов, необходимо чтобы среднегодовые темпы роста оплаты труда были: 108,7% — в 2006–2010 гг.¹

Социальные трансформации 90-х гг. XX века лишили некоторые группы общества государственной поддержки. Растет сегрегация в сфере труда и трудовая нагрузка женщин. Для большинства женщин работа является ценностью и важным элементом идентичности. С другой стороны, образ мужчины-кормильца, мужчины-«спонсора» приобретает все большую притягательную силу. Кризис поставил под сомнение возможность женщины поддерживать себя и ребенка за счет собственных доходов.

Стартовая «фора» создает равные условия для трудовой карьеры молодых мужчин и женщин, даже число женщин, получающих высшее образование, значительно выше (29% против 21,1% у мужчин)². Мужчинам обычно сразу предлагают более высокие и более оплачиваемые должности. Женщинам достаются более скромные места.

Сохраняется разделение на «мужские» и «женские» профессии. В 80-е гг. XX века женщины в среднем получали 80% от зарплаты мужчины, а в 2000 г. — 50–60%. Среди специалистов женщин — 40%, среди низших служащих — 90%, среди высших чиновников — 25%.³ Так, в промышленности занято 37% женщин и 66% мужчин, в строительстве аналогично доминируют мужчины (76% против 24%), но в сфере образования женщин 80%, мужчин 20%, а в управлении женщин чуть более трети⁴.

Во всех отраслях народного хозяйства женщины по размеру заработка не дотягивают до мужчин в силу многих причин: различий в квалификации, неполной занятости, длительных отпусков при рождении ребенка. Реальная оплата женского труда отличается даже в том случае, если мужчина и женщина имеют одинаковую профессию и должность. Женская рабочая сила отягощена социальными факторами и прочно рассматривается как «второсортная». При относительно равных стартовых позициях мужчин и женщин наблюдается профессиональная и статусная сегрегация: более низкая оплата труда, ограничения вертикальной мобильности.

¹ Мигранова Л.А., Ольшанская Е.А. Макроэкономические прогнозы и оценка оплаты труда // Народонаселение. 2004. № 1. С. 56.

² Приморский край: Статистический ежегодник. Приморскстат. Владивосток, 2005. С.72.

³ Римащевская Н.М. Формирование качества трудовых ресурсов России // Народонаселение. 2003. № 2. С.6–14. С. 13.

⁴ Женщины и мужчины России. М.: Госкомстат России, 2000 С. 68, 69.

Деградация социальной сферы больно ударила по самым экономически не защищенным слоям населения: пенсионерам (среди которых женщины преобладают), матерям с маленькими детьми, не имеющим возможности работать. Эта ситуация стимулировала женскую экономическую активность. Женщины стали кормильцами семьи, иногда единственными. Оказавшись в ситуации экономической депривации, они проявили готовность расстаться со своей профессией, понизить свой статус, пополнить ряды торговцев на улицах и рынках.

Организация публичной власти в России предполагает безусловное преобладание мужчин на всех ее высших уровнях, включая законодательную. В Приморском крае в 2005 г. в муниципальных органах власти работало 1176 мужчин и 4149 женщин, при этом на выборных муниципальных должностях соответственно 85 и 20, а среди младших специалистов 36 и 1045¹.

Трансформационные процессы создали ситуацию «гендерного кризиса» не только для женщин, лишившихся государственной поддержки, но и для многих мужчин, потерявших основания для утверждения позитивной идентичности. Одним из признаков этого «гендерного давления» может служить сокращение продолжительности жизни. Разрыв в продолжительности жизни составляет сейчас в различных районах Приморского края от 10 до 12–14 лет в пользу женщин². В развитых странах эта разница не превышает 5 лет. Однако мужская часть населения все же более успешно переживает период трансформаций. Мужчины составляют большинство среди преуспевающих — 70%, а женщины среди выживающих — 59%³.

В целях стабилизации численности населения в России введены государственные компенсирующие меры, направленные на стимулирование рождаемости, сокращение смертности по «региональным причинам» и увеличение продолжительности жизни населения.

В качестве перспективных мер по преодолению женской безработицы необходимо инвестирование в отрасли с преимущественно женской занятостью, развитие сферы услуг и индустрии быта. Это даст, во-первых, новые рабочие места, во-вторых, обеспечит возможность сочетать производственную и бытовую занятость

Возможно, также применять квотирование и предоставление субсидий для занятости женщин, особенно женской молодежи, после оконча-

¹ Приморский край: Статистический ежегодник... С. 61.

² Там же. С.41.

³ Беляева Л.А. Стратегии выживания, адаптации, преуспеяния // Социол. исслед. 2001. № 6. С. 46.

ния учебных заведений. Для женщин с детьми необходимо оказывать содействие в организации наемного труда по заказам предприятий.

Приоритет при создании рабочих мест Администрация Приморского края отводит малому предпринимательству. Отрадно, что возросла доля рабочих мест для женщин, в основном на предприятиях с иностранным капиталом и в легкой промышленности края.

Необходимо создать благоприятные условия для институциональной, финансовой поддержки мелкой, средней предпринимательской деятельности в экономике и социальной сфере. Для повышения общественной активности базового слоя общества нужно упорядочить и придать правовой характер отношениям в сфере труда и занятости, определяющим уровень, образ и качество жизни населения.

Российское общество сегодня приобретает важные системные качества: социальную и культурно-политическую интеграцию, социальное здоровье, жизненную активность. Но государство и политическая элита остаются основными субъектами преобразований. Как содержание, так и мотивация предпринимаемых властью действий должны носить прозрачный характер, ее решения — обосновываться и разъясняться, а неизбежные в столь сложном деле ошибки — подвергаться обстоятельному самокритичному анализу. Необходима социально-ориентированная стратегическая программа, цель которой отвечала бы интересам широких слоев общества, а средства легитимны и реалистичны.

Градскова Ю.,

Университетский колледж Южного Стокгольма, Стокгольм

**Выполняя «природный долг»:
воспоминания женщин о практиках материнства
(конец 1930—1960-е гг)**

Выступление посвящено повседневным практикам материнства и представляет некоторые результаты исследования «Советские люди с женскими телами: «исполняя» красоту и материнство в Советской России (середина 1930-х — 1960-е гг)»¹. В рамках данного исследования материнство рассматривалось в качестве комплекса практик, связанных с

¹ Gradska Y. Soviet People with Female Bodies: Performing Beauty and Maternity in Soviet Russia in the mid 1930–1960 s. Stockholm, 2007.

беременностью, родами и уходом за грудным ребенком. Основными источниками для исследования послужили советские печатные публикации — популярные и полупрофессиональные журналы, брошюры и книги, так или иначе затрагивающие проблемы материнства, а также около 20 интервью с женщинами 1919–1947 годов рождения, живущими сейчас в трех крупных городах Российской Федерации (Москве, Саратове и Уфе)¹. Таким образом, исследование предполагало сопоставление презентаций материнства в печатных изданиях с воспоминаниями женщин, чьи молодые годы совпали со «средним» периодом советской истории. При анализе того, как «женское» актуализируется, я ориентировалась на теории, рассматривающие процесс создания различий между мужчинами и женщинами в практике повседневной жизни [doing gender]². Кроме того, я опираюсь на представления о телесности, разработанные в рамках феминистской теории гендера³, и понятие интерсекциональности (intersectionality, т. е. со-конструирование и трансформация социальных категорий в процессе взаимодействия)⁴.

Анализируя дискурсы материнства на основе печатных публикаций, я пришла к выводу о возможности выделить дискурсы естественного, социального, медикализованного, сознательного и ответственного материнства. При этом дискурсы социального, естественного и медикализованного материнства являются доминирующими на протяжении всего исследуемого периода и нередко тесно связаны между собой. Однако мое выступление посвящено анализу материалов интервью, в частности, на предмет социальных, образовательных и этнических различий в представлениях собственных практик материнства.

В центре моего выступления — истории четырех женщин, которые родились в 1920–30-е годы. Их опыт материнства имеет много общего — сочетание материнства с работой вне дома, значимость поддержки родственников женского пола, уделение особого внимания грудному вскармливанию ребенка, медицинский характер описания собственного опыта беременности и родов. Однако рассказы информанток существенно раз-

¹ Большую часть интервьюируемых в Москве и Саратове составляли русские женщины, в Уфе — башкирские.

² West C., Zimmerman D.H. Doing Gender // Gender & Society. Vol. 1. № 2. June 1987. P. 125–151.

³ Embodiment Theory: Beyond Modernist and Postmodernist Reading of the Body // Davis K. (ed.) Embodied Practices: Feminist Perspectives on the Body / London: Thousand Oaks New Delhi, 1997. P. 1–23.

⁴ Lykke N. Intersektionalitet — ett användbart begrepp för genusforskning // Kvinnovetenskaplig tidskrift. № 23(1). 2003. P. 47–57.

личались в том, что касается повествования о доступности государственной поддержки материнства, отношении к работе и профессиональной занятости, интерпретации «семьи» и «традиций». Так, *Д* из Москвы была единственной из моих информанток, которая представила себя как «мать-одиночка», но показала, что одинокое материнство воспринималось окружающими в большей степени отвечающим требованиям «нормальной» женственности, чем, например, отсутствие детей вообще. В то же время *Д* с достоинством говорила о своей работе и возможности обеспечить семью. Именно эта возможность в сочетании с грудным вскармливанием представляются наиболее важными особенностями практик материнства в ее интерпретации. Другая информантка, *К* из Саратова, представила свой опыт материнства в соответствии скорее с ритуалами сельской повседневности: беременность вскоре после замужества, «беспроблемные» роды (она, по ее словам, почти не нуждалась в медицинской помощи) и грудное вскармливание. Помощь отца в уходе за маленькими детьми в ее рассказе практически отсутствует. Однако низкий профессиональный и социальный статус *К* и ее мужа, нехватка ясель в городе и «ненормативное» поведение свекрови (по словам *К*, она недостаточно внимательно ухаживала за внуками) заставили *К* с сожалением говорить о продолжительной для того времени (около 2-х лет) невозможности работать вне дома и экономических трудностях ежедневного существования. Кроме того, именно *К* упомянула об абортах как способе регулирования деторождения.

Собранные устные свидетельства показали, что особенности нормализации материнства в Советской России в значительной степени определялись не только дискурсами печатных изданий, но также правилами и ритуалами, которые редко попадали на их страницы. Эти ритуалы и правила в большей степени, чем дискурсы журнальных публикаций и брошюр, находились под влиянием патриархальных гендерных стереотипов, свойственных традиционному сельскому обществу. С другой стороны, наблюдается и влияние городских стереотипов, а также логики Модерна, которые были встроены в функционирование различных медицинских учреждений, проявлялись в практиках консультирования и соцобеспечения матерей [maternity welfare]. Так, например, сценарии материнства включают в себя отношение к материнству как к условию «женского счастья»; ожидается, что материнство реализуется в браке и любви; беременность понимается как телесный процесс, описывается медицинским языком и нуждается в посредничестве медицинского работника. К таким сценариям можно отнести представление о «нормальности» грудного вскармливания, о «естественности» государственной

поддержки материнства и помощи, получаемой матерью со стороны других женщин-членов семьи, об ограниченных «самой природой» способностях отцов в отношении заботы о грудном ребенке. Однако, как показывает анализ материалов устной истории, женщины не только пассивно усваивали предписания печатных изданий и «самоочевидных» сценарных ритуалов и правил, не только выполняли и воспроизводили их. Нередко эти предписания одновременно с их выполнением подрывались, оспаривались и нарушались. Примером такого смещения является, например, усвоение медиализированного дискурса материнства в сочетании с негативной оценкой собственного опыта беременности и родов в медицинском учреждении. В рассказах информанток о материнстве в Советской России категория «женского» становится действительностью в результате взаимодействия следующих подвижных факторов: социального и образовательного статуса (нередко определяемых как «культурность»/«некультурность»), интерпретации информантками своей этнической, религиозной и/или географической принадлежности, а также своего опыта в терминах возраста и поколения.

Гугова М.Х.,
Кабардино-Балкарский ИГИ (Нальчик)

Женщина в частной жизни и публичном пространстве в годы Великой Отечественной войны (на материале Кабардино-Балкарии)

В преддверии 65-летней годовщины окончания Великой Отечественной войны актуализируется изучение ключевых проблем истории войны, значение вклада в победу различных категорий населения. В официальной историографии основное внимание было сосредоточено на политических причинах, на сражениях и событиях, военной стратегии и тактике, проблемах оккупированных территорий. В то же время практически неразработанной осталась тема влияния этой войны на женщин, их место и роль в военных событиях, значение женского вклада в разработку практик выживания в экстремальных условиях. Актуальность темы исследования состоит в создании новой истории Великой Отечественной войны — истории, увиденной глазами женщин как ее субъектов. Этот исследовательский прием позволит существенно дополнить офи-

циальные источники, изучить прежде скрытые для науки свидетельства «обыденного человека», не всегда солдата войны, но всегда — ее очевидца, участника, жертвы, изменившего в чрезвычайной ситуации привычные нормы жизни и выработавшего опыт выживания и продления жизни. В науке и обыденном сознании сложилось мнение, что женщина, в основном отстраненная от активных боевых действий, остается в стороне от военных событий. Наше исследование должно заполнить образовавшуюся лакуну, создав широкое полотно женской военной повседневности — того фона, на котором совершается героика войны, и отследив отдаленные последствия для социума в целом после завершения военных действий как таковых.

Изучение «женского фактора» периода Великой Отечественной войны получило отражение в основательных исследованиях В.С. Муромцевой, Ю.Н. Ивановой, мемуарах участниц войны. Часть материалов об участии женщин в военных действиях 1941–1945 гг. можно почерпнуть в официальной историографии Второй мировой войны: воспоминаниях военачальников (Чуйков В.И., Рокоссовский К.К. и др.), рядовых бойцов, рассказах, очерках, именах женщин-героев, отраженных в энциклопедическом труде «Герои Советского Союза», и целом ряде публикаций, которые можно квалифицировать в качестве источников.

Однако подробного исследования военной гендерной истории и культуры: микроисторического анализа повседневности, рассмотрения изменений в поведении и телесных репрезентациях, статусах и ментальных установках мужчин и женщин, связанных с глобальными социальными переменами в период Великой Отечественной войны, в отечественной историографии нет. Предлагаемое исследование может положить начало новым масштабным исследованиям гендерной антропологии в период войны, значения женского вклада в военные победы и поражения, что особо актуально в отношении истории кавказских народов, находящихся в настоящий момент в нестабильной политической ситуации.

Конкретная задача, на решение которой направлено наше исследование, заключается в постановке новой проблемы, пока мало популярной у историков — женской военной повседневности: на фронте, в тылу, на оккупированных территориях. В частности, наш исследовательский интерес будет сконцентрирован на территории Кабардино-Балкарии — одного из стратегически важных регионов СССР. Обращение к методологическим установкам истории повседневности, устной истории, реконструкции микромиров, позволяет сконцентрировать исследовательский интерес на небольшой территории этой кавказской республики, в истории которой отразились все проблемы большой страны. Кроме того, наш

выбор обусловлен задачей выявления механизмов гендерного сдвига стереотипных половых ролей, тем более явных и заметных на фоне трансформации (сначала в процессе «раскрепощения горянки», потом в условиях военной экстремальности) самобытной традиционной культуры коренного населения — кабардинцев и балкарцев. Таким образом, вопросы, стоящие перед аналогичными исследованиями других областей страны, становятся более выпуклыми, а ответы на них — более иллюстративными: менялись ли в традиционном сознании представления о «достойном» и «недостойном», правильном и героическом, и как влияла война на стереотипы женского поведения, манеру одеваться, взаимоотношения с окружающим миром, воспитание детей? Следующие важные вопросы исследования — определить, как женщины адаптировались к жизни в условиях вражеской оккупации? Каким был партизанский и фронтовой быт? Каковы женские стратегии выживания, виды работ и средств существования?

Решение поставленных задач позволит впервые в рамках одного исследования обеспечить: комплексный анализ теоретико-методологических, историографических и конкретно-исторических аспектов проблемы «женщины и война» в пределах одной республики — Кабардино-Балкарии, население которой в 30–40-х гг. XX в. переживало сложный период социально-экономической и политической модернизации. В контексте нашего исследования особое значение имеет анализ трансформационных процессов традиционных культурных ценностей в результате социалистической эмансипации. Выбор этого региона также обусловлен тем, что историческая память коренного населения Северного Кавказа была отягощена грузом национальных обид в связи с его колонизацией в середине XIX века. В контексте нашего исследования будет поднят вопрос «гендер и нация», так как война могла стать провокатором реваншистских настроений некогда покоренных народов.

Таким образом, впервые в новейшей историографии Северного Кавказа ставится задача проведения исследования женского военного пространства, женского военного опыта и женской военной повседневности, женских стратегий выживания в период войны и, в том числе, на оккупированных территориях Северного Кавказа (1942–1943 гг.). Совершенно новой исследовательской задачей является концентрация внимания на рассмотрении вопроса женской повседневности в годы Великой Отечественной войны на территории Северного Кавказа, а точнее, в Кабардино-Балкарии, которая была оккупирована немцами, а часть населения подвергнута депортации (балкарцы).

Язык травмы. Женские рассказы о депортации калмыков и армян

Рассказы о болезненном прошлом различаются в зависимости от многих факторов: пола и возраста рассказчика, историко-культурного и политического контекста, от обстоятельств повествования и проч. Но в текстах памяти можно увидеть общие черты. Ощущение репрессированности выливалось в слова, создававшие язык травмы, в грамматические конструкции, отражавшие потерю субъектности.

В выступлении анализируются два вида текстов — сочинения о депортации калмыков, написанные школьниками в 1993–2004 гг. на основе бесед со старшими родственниками¹, и дневник Арпик Алексанян², который она вела во время депортации.

Грамматика травмы. Язык, несет в себе символический порядок общества, отражает его законы и нормы³. Вспоминая давнее прошлое, рассказчики подсознательно возвращались в сталинское общество и воспроизводили свой зависимый статус людей, удел которых — претерпевать чужие действия, быть жертвой чужих решений. Прагматика высказываний школьников мобилизовала грамматические и лексические ресурсы, передающие объектность народа. Например, в сочинениях используются глаголы в форме, которую я бы назвала «неизбежное будущее время»:

Предчувствие чего-то страшного, нереального не обманет мать моей бабушки, когда умрет от голода и холода Аркашка, когда будут отдиравать от холодного пола вагона труп ее брата, когда люди, точно мухи, будут падать со вторых полов замертво...

Характерное качество текстов — преобладающее использование «пассивных» страдательных грамматических конструкций с неопределенным субъектом в сочетании с безличной глагольной формой — *погнали, погрузили, сказали: военные погнали их, как скот, к сборному пункту,*

¹ Шевенова С., Гучинова Э. Память в наследство. Сочинения о депортации калмыков. СПб., 2004.

² Алексанян А. Сибирский дневник. Под ред. Э. Гучиновой и А. Марутяна. Ереван, 2007.

³ Kristeva J. Revolution in Poetic Language. N.Y., 1984. P. 47–48.

всех стали раскидывать по вагонам, на станции «арестантов» грузили по 40–50 человек в двухосные вагоны, раздали по колхозам.

Лексика травмы. Отчуждение высланных из советского общества зафиксировано множеством выражений, которые напрямую отражают нечеловеческий статус репрессированных: *Ввели в вагон, посчитав как баранов, и закрыли дверь... Мы метались по вагону, как звери в клетке. Привезли нас, мы сидели молча, озираясь, как звереныши в зоопарке...*

Неоднократно упоминается поиск и уничтожение вшей на теле друг у друга. Груминг как самая древняя форма социальности, обеспечивающая сплоченность группы через проявление заботы членов друг о друге, возник в вагонах депортированных как достоверное свидетельство скотского отношения к людям. Но люди сами порой теряли человеческий облик, например, в бане томской тюрьмы, *в которой женщины дрались, кричали, тащили друг друга за волосы. Я кричала, хотела успокоить этих зверей...* Так власть низводила людей на уровень зоосуществ. Для «врагов народа», представляемых властью как «нелюдь», зоологическая метафорика оказывалась приведением приговора в исполнение¹.

Травматический язык передается через сравнение высланных с известными в истории социально депривированными слоями (*крепостными крестьянами; были живой товар, как бы рабов продавали*), через лексику боли и страха и выражения, характеризующие небытие (*мы все как трупы, не можем говорить; везет как утопленник; смерть ждешь каждую минуту*), как и через слова, отражающие символику несчастья (*проклятый год; боже мой, что за несчастный, черный день; ведь паршивое число 13*).

Травма фиксируется также в форме отсутствия. Это и отсутствие на родине: *от всего оторванцы, выселенцы без паспорта, без дома*. В сочинениях калмыцких детей, основанных на семейных историях, часто отсутствуют личные имена бабушек и дедушек. Дети росли без бабушек, их уже не было в живых, и о них не рассказывали матери, или рассказывали так бегло, что имя не запомнилось.

Нередко встречаются в текстах образы инвалидности и упоминаются несчастные случаи. Нетипичность воспринимается как воплощение морального уродства, а несчастье (дерево или высылка) — как трагедия, что может обрушиться на любого человека.

Повествуя о событиях, далеких от линии фронта и географически и во времени, авторы используют военную лексику. Описывая сюжет с

¹ Подорога В. Гулаг в уме. Наброски и размышления. <http://www.anthropolog.ru/doc/persons/podor/gulag>

вербовкой, Арпик отвечала как Зоя Космодемьянская. Лексика ненависти подсказывает в неравной ситуации противостояния девушки с органами МГБ те выражения, которые усвоила применительно к врагам родины.

И в сознании школьников депортация и война сплетаются, и в сочинениях день выселения калмыков, вторник 28 декабря 1943 г., уподобляется воскресенью 22 июня 1941 г., и солдаты приходят в калмыцкий дом «ровно в четыре утра». Депортация была воспринята детьми по своему деструктивному действию, большим человеческим потерям как синоним войны.

Гендерная специфика дневника Алексанян отражается в таком качестве женского нарратива, как подробное описание одежды, посуды, а также эмоциональность повествования. Так, отрицательные персонажи имели отталкивающую внешность и сравнивались с животными, а безмятежность девичьей жизни до выселения подчеркивается описанием гардероба героини, которая, *разодевшись в лучшее пестрое платье, в замшевых босоножках на пробке, с зеленой сумочкой и в черных от солнца очках, совершенно спокойная и веселая* пошла к подруге. Арпик в своем письме решительно реализует дискурс независимости и самоутверждения. Она чувствует себя правой и старается скрыть свои страхи, свою слабость перед пришедшими выселять: *я поблднела, от волнения дрыгалась нога, а все старалась показать, что не дрожу, не волнуясь и только сама двигаю ногами*. В дневниковых тетрадях отражается процесс превращения юной горожанки в колхозницу: грубеет кожа, трескаются руки, болит спина, лицо становится смуглым, а тело тяжелеет. Арпик позволяет себе писать о голоде и жажде, о туалете и вшах, но ни одним словом не упоминает о специфически женских проблемах. Такие лакуны в тексте профессионального медика говорят о том, что автор не просто запрещает себе об этом писать. Если политически неблагонадежные мысли на бумаге облачаются в армянские слова и буквы, то свидетельства женской субъектности и женской природы не находят прямого обозначения, оставаясь символами, ожидающими дешифровки. О женских проблемах, например, интимной гигиене, нет ни одного намека. С девичьей стыдливостью автор позволяет себе упоминать только ноги, которые становятся символом телесного низа. Но упоминаемые ноги — всегда грязные, а грязь — метафора опасности. Опасной считается и женская сексуальность, и в данных условиях сама принадлежность к женскому/слабому полу.

ДенБесте М.,
Калифорнийский государственный университет (Фресно, США)

Women in the Professions in Russia at the End of the Nineteenth Century

Let me start by noting that my paper title is a bit deceptive. While I am going to touch on women in all professions, I am going to do so largely through the lens of the experiences of women physicians in late 19th century Russia (whose lives I am researching).

The question of women in the professions is an important one which has been too long overlooked both in Russian historiography and in the Western historical canon. With the rise of gender history and social history we have seen the development of research on individual women, on women's private lives, and on women's education. We have seen some work on feminist women and a burgeoning of interest in women revolutionaries. However, we have yet to explore gender history in its broadest possible terms. As M. Mouravieva noted several years ago, «The other problem related to understanding gender history in contemporary Russian historiography is the simplistic and confined understanding of the potentialities of this field of history. It is often believed that gender history deals with only the history of private life, i.e. with history of private society, family, sexual relations, upbringing, children and that its province lies in the field of social and cultural history»¹. Two decades ago Joan Scott urged historians to not only unearth the stories of women formerly unknown to us but also to analyze the ways in which gender constructs and gender experiences construct politics. «With this approach, women's history critically confronts the politics of existing histories and inevitably begins the rewriting of history»². While we have come a long way in understanding gender and its operations, we are far from creating the integrated history which Joan Scott imagined. Gerda Lerner also urged a complete rewriting of the historical canon. She argued that women could not simply be added into history but that the addition of women into history would change the way we understand historical period, events, and social and cultural movements.

Work on Russian women's history flourished in the late 1980s and early 1990s but has since slowed. It is time to reconsider some of the initial work

¹ Mouravieva M., ed. *Gendernaya istoriia: Pro & contra*. St. Petersburg, 2000. P. 210.

² Scott J. *Gender and the Politics of History*. New York: Columbia, 1988. P. 27.

in women's history in light of new archival finds and new theories about gender, society and culture. N. Pushkareva noted that after a drought of work on women, «the first attempts by Western European and American scholars to reconstruct a history of Russian women were far from impartial. When they compared the history of women in Russia with that of their sisters in Western Europe, they often could not manage to break with ideological types. Contrary to all logic, they strove to present only the negative side, contrasting the downtrodden, ignorant, and passive Russian woman with her contemporaries in England, France, Italy and Germany»¹. Much of that work has tended to concentrate on women involved in radical and revolutionary movements while ignoring women in the professions and average women². Other work on the professions strangely ignores women altogether.

For instance, a recent article which discusses doctors in education in late imperial Russia, fails to include any gendered analysis or even much discussion of the women already present in the two professions under consideration: teaching and medicine³. In this particular case the absence of a gendered discussion is particularly ironic because the development of school doctors and hygienist became a heavily female position. If Kendall Bailes is correct in his assertion that «a study of professionals is important as a way of understanding social change», then a study of Russian women professionals might help us to understand the many important social, political, economic and cultural shifts occurring in late imperial Russia. As Alfred Rieber has noted, «By the end of the century, the professions represented an intermediate strata between the radical intelligentsia and the bureaucracy, blurring the edges of its boundaries with both groups. They shared the same social and educational origins, the same cultural and intellectual heritage»⁴. An exploration of women's roles in the professions provides fertile ground for thinking about important questions in Russian history such as the

¹ Pushkareva N.L. *Women in Russian History: From the Tenth to the Twentieth Century*. Armonk: M.E. Sharpe, 1997.

² For women in the professions see: Norton B. and Gheith J. (eds.) *An Improper Profession: Women, Gender and Journalism in Late Imperial Russia*. Durham: Duke University Press, 2001; Ruane C. *Gender, Class and the Professionalization of Russian City Teachers*. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 1994.

³ Byford A. Professional Cross-Dressing: Doctors in Education in Late Imperial Russia // *The Russian Review*. Vol. 65 (October 2006). P. 586–616.

⁴ Rieber A. *The Sedimentary Society / Between Tsar and People: Educated Society and the Quest for Public Identity in Late Imperial Russia*. Princeton: Princeton University Press, 1991. P. 353.

development (or lack thereof) of civil society, the woman question, issues of masculinity, and studies of the professions themselves. Although Russia is not usually seen as a progressive historical case, it may be possible that for a variety of reasons, Russia was indeed in the forefront of admitting women to the professions. While I would not like to present an overly rosy view of the situation for women in Russia, I do think that comparative studies show that Russia provided many optimistic examples of opportunities for women. I would like to make the case for Russian women that Regina Morantz-Sanchez has posited for American women: that «the entrance of women into the profession was a consequence of significant alterations in the social and economic realm in the late 18th and early 19th centuries resulting in a transformation of family life and the social meaning of gender roles»¹. By the end of the nineteenth century, Russian women could formally study medicine, pharmacy, dentistry and midwifery. By 1905 they could study law. Some women had managed to go into bureaucratic work. Others had entered academia. At the end of the century Russia could claim an esteemed female mathematician, a female professor of ethnography, a female historian, and a female archaeologist among its educated women². Certainly, women were not equal to men. They did not earn the same pay nor receive the same rights. They could not always work in the jobs for which they trained and they often encountered prejudice and discrimination. On the other hand, in a comparative sense women professionals in Russia present an interesting contrast.

Although historians continue to debate the definition of professions and who can and should be considered professional, I will consider the following professions for the purposes of this paper: medicine (including pharmacy, dentistry, learned midwives, and feld'shers), law, journalism, teaching, and professional writing. By 1905 these were the primary professions open to women³. All of these professions had a body of educated specialists who played some role in deciding and mediating their own affairs. Obviously, in a study of gender, this definition itself presents a problem. In Russia, as in

¹ Morantz Sanchez R. *Sympathy and Science: Women Physicians in American Medicine*. Chapel Hill: The University of North Carolina Press, 1985. P. x–xi.

² Pushkareva. Op. cit. P. 211; Johanson C. *Women's Struggle for Higher Education in Russia*. Kingston and Montreal: McGill Queen's University Press, 1987.

³ Abbott A. *The System of Professions: An Essay in the Division of Expert Labor*. Chicago: University of Chicago Press, 1988; Geise G., ed. *Professions and the French State 1700–1900*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1984; and Balzer H., ed. *Russia's Missing Middle Class: The Professions in Russian History*. Armonk: ME Sharpe, 1996.

most places in the world in the late 19th century, women often became involved in charity work, in sponsorship of the arts, in literary salons, and in other unpaid pseudo professional labor. According to current academic definitions, this type of work cannot be considered professional work because it is not paid and is not regulated by professional bodies. Nonetheless, it sometimes very closely resembled paid professional work.

In light of all of the above mentioned theories, Russia's nineteenth century women physicians present an interesting case study of the growth of professions and opportunities for women. While women in other countries struggled to be allowed to attend medical school, to practice medicine and to find paid work, Russian women entered medical school and practiced in large numbers¹. Although women physicians certainly encountered discrimination, lower pay, and difficult work, their achievements should nonetheless be considered remarkable. Natlaia Dragnevich's conclusion to her memoir is typical. After describing the long hours, low pay and difficult work, she notes, «there is no greater joy than the work of a zemstvo doctor». Despite their sheer numbers, the pioneering nature of their work, and their contributions to the profession, women physicians in Russia have mostly been studied for their involvement in various political groups rather than for their professional contributions. This is unfortunate in that in many ways Russian women physicians of the nineteenth century provide a more optimistic example of possibilities for women than previous studies have indicated. By neglecting to tell the story of women's professional work, we neglect to tell the full story of their lives as well as to explore the ways in which these women navigated the creation of a career in a typically male field. These nineteenth century women doctors were well integrated into society. They served as medical professionals in many different capacities: on charity boards, on hospital boards, in hospitals, in private practice, and in clinics. They published in the major medical journals of their day, they attended medical congresses, and they met and worked with their male counterparts on a usually collegial basis. These women cannot nor should not be understood as a monolithic group. To study them merely as

¹ By 1888 there were 698 women doctors listed on the medical register. Arepev N.F. Zhenskoe meditsinskoe obrazovanie v Rossii I zhenskii meditsinskii institute. Moscow, 1898. P. 22; Gertsenshtein G.M. «Zhenshchiny-vrachi na poprishche prakticheskoi deiatel'nosti v Rossii» // Mir Bozhii. April 1898. No. 4 P. 151. From 1872 to 1882 The Higher Women's Medical courses in St. Petersburg educated 959 women. When the courses reopened after 1897 and as other courses opened in other cities, the numbers of women physicians rose sharply so that by 1910 there were thousands of women practicing medicine throughout the empire.

revolutionaries, as feminists, or as professionals ignores a very real part of their identity and deprives us of a chance to understand how it came to be that in late nineteenth century Russia, thousands of women graduated from medical school and enter medical practice. These same women became an active part of the social and intellectual milieu of late nineteenth century Russia.

Probably because of the urgent need for physicians, disarray within the profession, the low standing of the medical profession itself, and the tumultuous times of the 1860s, Russian women generally faced fewer hurdles getting into medicine and practicing once they had entered it, than did women in other places. As several scholars of women have pointed out, it is often during periods of social and political turmoil that gender norms can be challenged and women can find a place outside of the traditional triumvirate of kinder, kirche, and kuche. Lynn Hunt for example claims that revolutionary periods are ones in which, for a time, the assumptions that under gird entrenched gender hierarchies are called into question and open to change¹. Regina Morantz Sanchez has argued that when gender roles are understood there is little need for discussion about them². In late nineteenth century Russia there was a great deal of discussion about gender roles and the «woman question» figured prominently in the intellectual discourse of the day.

Moreover, the medical profession in Russia differed markedly from that in the West. «The Russian state created the medical profession [and]...their role as bureaucrats set them apart from most physicians in the West»³. All physicians (not just women) had a very low standing on the prestige scale. The state census of 1864 grouped physicians with artisans listing them midway between «porters, piano tuners and pianists on one side and typesetters on the other»⁴. In spite of their low standing on the pay scale, physicians (women included) develop a professional consciousness during the late nineteenth century, attending meetings of both regional and national medical societies, preparing and transcribing reports from their meetings, and publishing in various medical journals.

¹ Review of Lynn Hunt, *The Family Romance of the French Revolution* (Berkeley: University of California Press, 1992) by Jeffrey N. Wasserstrom see: Wasserstrom J.N. Gender and Revolution in Europe and Asia: Part II // Journal of Women's History. Vol. 6, No. 1 (Spring 1994). P. 109–120.

² Morantz Sanchez R. Op. cit. P. 12.

³ Friedan N. The Russian Cholera Epidemic 1892–93 and Medical Professionalization // Journal of Social History. Vol. 10 (1977). P. 539.

⁴ Ibid. P. 540.

Women physicians saw themselves as professionals intimately involved in the changing social processes at work in Russia. While many women claimed the need to earn an income, their work also gave them a professional identity and a place in society where their skills were valued. Through their work they were able to claim a valuable place outside of the domestic arena and to make a real difference in people's lives and in society. Hoping to escape the narrow confines of domestic life, Russian women entered a «public» profession and became active participants in its debates and destiny. These women participated in medical congresses, professional publications, and zemstvo service. Their ideas had an impact on the profession, particularly in changing attitudes towards women's health issues such as the availability of health care to women and children, the dangers of syphilis, abortion and the regulation of prostitutes. Changes in the late nineteenth century led to a new generation of educated people who according to Barbara Engel, «asserted their right to operate outside the state jurisdiction and have primary responsibility for the areas in which they claimed expertise». Some of those educated people were women who «added a uniquely feminist perspective to debates at conferences and meetings and on the pages of professional journals»¹.

These women (and medical women in general) can help us to understand a variety of issues in late 19th century Russia. Many of these new professional women do not fit into traditional historical patterns. Historiography has tended to divide them carefully into subsets: Feminists, revolutionaries, physicians, writers. While it may be important to study the other aspects of their lives, to deny them their profession deprives them of a considerable part of their identity and the means by which many became involved in other issues. Most of these early women physicians are simultaneously involved in women's movements, movements for professional autonomy, zemstvo organizations and professional organizations². For these new professionals self-identification as physicians remained the most important label. Their professionalism led them to become involved in many other types of

¹ Engel B. Transformations vs. Tradition / Barbara Evans Clements, Barbara Engel, and Christine Worobec, eds. *Russia's Women: Accommodation, Resistance, Transformation*. Berkeley: University of California Press, 1991. P. 142.

² Barbara Engel has done a great deal of work on women radicals and intelligentsia. See Engel B. *Mothers and Daughters: Women of the Intelligentsia in Nineteenth Century Russia*. Cambridge: Cambridge University Press, 1983, and Engel and Rosenthal, eds. *Five Sisters: Women against the Tsar*. New York, 1974. Linda Edmondson's work *Feminism in Russia, 1900–1917* (Stanford: Stanford University Press, 1984) remains the main work on feminism in the field.

movements. But, while they might have been involved in feminist, political, and professional movements, all of these activities stemmed from their primary belief in the power of science to change the world around them. Additionally, they could use this professional identification to their advantage. As a physician, even if merely a «woman physician», one had access to policy-makers, public opinion and professional contacts in a way that a self-identified feminist or revolutionary would not. They were involved in the ordinary lives of people and this gave them some credibility when advocating for policy change.

Russian women physicians provide an instructive example of a new professional group carving out a unique niche for itself in a society unclear about its own expectations and hopes for professions and professionals. The proliferation of articles on women's education from 1860 onward indicated a huge interest in and concern for women's educational possibilities out of proportion to the numbers of actual women entering educational institutions. Some felt that allowing women to be educated for a public profession would irrevocably damage society's morals. Others hoped to train women who would be truly useful to society and not mere ornaments for society gatherings¹. Within the medical community the discussion centered on the necessity of training more doctors, particularly for rural populations, although some were concerned that women would push men out of the profession². Debates within the profession itself and the «sedimentary society» of late Imperial Russia allowed women to question gender roles and to advocate a more active role for women in society. The fact that Russia remained woefully short of medical professionals also helped women to enter the profession

¹ On the idea that women needed to be trained for a useful role in society see Arepev N.F. *Zhenskoe meditsinskoe obrazovanie v Rossii I zhenskii meditsinskii institut*. Moscow: Rikhter, 1898. P. 38–42 and Ovtyn. *Razvitie zhenskago obrazovaniia...* P. 42. The congress on professional education for women met in St. Petersburg in 1890 and published a report: Strannoliubskii A.N. *O zhenskikh professional'nykh shkol'nykh dlia lits poluchivshikh obshee srednee obrazovanie*. St. Petersburg, 1890.

² At one meeting to raise money for women doctors, this question was discussed and refuted since the women claimed that the numbers of physicians might be adequate in the cities but that the provinces were poorly served by any physicians (Otkrytie Moskovskago otdeleniia obshchestva dlia usileniia sredstv S.-Peterburgskago zhenskago meditsinskago instituta. Moscow, 1897. P. 16). M.L. Zlatkovskii discusses the question of the necessity of women doctors as well as their fitness for the profession (Zlatkovskii M.L. *Zhenskoe spetsialnoe obrazovanie v Peterburge: nastol'naiia spravochnaia knizhka*. St. Petersburg, 1875. P. 4–9).

without undue concern on the part of the profession. «A sick person seeks help from wherever he can get it, without regard to certification. The question of a man or woman practitioner is irrelevant»¹.

Susan McCaffray in her study of Alexander Fenin, mining engineer notes that «although he asserts that the characters he describes are quintessential men of the 80s, they are types that do not figure in our historiography: complex and conflicted men, eschewing politics, embracing action in the form either of industrial management or zemstvo politics, sympathetic to the plight of those around them, which could be ameliorated, according to their secular faith, only by gradual economic modernization»². In a system in flux where norms of all types were being challenged, women found possibilities for advancing their professional goals. Certainly there were hurdles but end of the century Russian society also presented many opportunities for advancement for those willing to take advantage of a system unsure of its own future.

Women came to medicine in a variety of ways but nearly all claimed the desire to improve ordinary people's lives as a primary motivating factor. Medical work thus provided entrée to a multitude of other issues: hygiene, public health funding, education for women, educational opportunities for peasant children, public libraries, etc. Their professional expertise and training gave them a voice and authority in many other forums. Women in medicine, like women in other professions do not form a monolithic group. All share the desire to heal people and to help those less fortunate than themselves. Some hope to develop a career in medicine. Others simply hope to use medicine as a jumping off point for more education, for work with the *narod* or for personal fulfillment. If we examine women in other professions, we would see very similar patterns.

Let me end with a couple of examples. Maria Pokrovskaja influenced feminist movements and debates about women's issues through her scientific and medical work as well as her dedication to her journal, *Zhenskii Vestnik*. For Pokrovskaja, medical work and activism on behalf of women naturally went hand in hand. Her medical training gave her a platform from which to discuss issues such as prostitution, health care for women and education. Evgeniia Serebrennikova graduated from the St. Petersburg medical courses and then traveled to Perm with her husband, also a physician. Serebrennikova became a well known specialist in eye disease, traveling abroad to lecture

¹ Gertsenshtein G.M. Zhenschiny-vracha na poprishche prakticheskoi deiatel'nosti // Mir Bozhi. April 1898. P. 146.

² McCaffray S. Coal and Politics.

and to study. Her eye clinic in Perm, the first of its kind in Russia, served as a training ground for eye specialists and also helped to develop a database of successful and unsuccessful treatment options. Serebrennikova also raised money for the women's medical courses, helped to build and supervise a gymnasium for blind students and taught courses at the gymnasium and the local feld'sher school. Like Pokrovskaja, Serebrennikova used her medical training to become an activist for health care and educational issues. Aleksandra Arkhangelskaia graduated from the St. Petersburg Women's Medical Courses in 1881. For the rest of her life she worked in zemstvo medicine, working in several regional zemstvo hospitals and writing nearly 100 articles on her activities as a zemstvo physician.

These three women (and medical women in general) can help us to understand a variety of issues in late 19th century Russia. Many of these new professional women do not fit into traditional historical patterns. If we examine women journalists and women writers we see much the same pattern. Most of these professional women are simultaneously involved in women's movements, movements for professional autonomy, zemstvo organizations and professional organizations. For these new professionals self-identification as physicians (or as journalists or academics) remained the most important label. Their professionalism led them to become involved in many other types of movements. But, while they might have been involved in feminist, political, and professional movements, all of these activities stemmed from their primary belief in the power of science, professions and progress to change the world around them.

Досина Н.В.,
Ярославский государственный университет им.П.Г.Демидова

Женские общества начала XX века в Ярославле

Женское движение начала XX века — это очень широкая сеть крупных и мелких союзов, обществ, клубов, в которых участвуют десятки тысяч женщин. Общество взаимопомощи женщин возникло в Ярославле по инициативе жены директора Демидовского лицея Натальи Павловны Ширяевой-Введенской, дочери ярославского адвоката. 30 апреля 1910 г. в зале Ярославской городской управы на учредительное собрание Общества пришли около 50 женщин. Княгиня А.Н. Шаховская, еди-

нодушно избранная председателем, открыла собрание: огласила приветственные телеграммы, объявила повестку дня, назвала докладчиков. Во вступительном слове А.Н. Шаховской, а затем в основном докладе Е.М. Добротиной были изложены цель и задачи Общества. Было подчеркнуто, что стратегическая задача заключается в достижении фактического равноправия женщин во всех сферах общественной жизни. «Нужно стремиться, — сказала Е.М. Добротина, — к изменению и преобразованию условий жизни женщин». Собрание единодушно поддержало высказывание Е.М. Добротиной: «Нам уже немало сыпалось упреков со стороны мужчин за то, что мы, преследуя идею узкого феминизма, отказываемся от них и замыкаемся в свои, чисто женские кружки. Но мы должны помнить, что пеший конному не товарищ. Пусть мужчины или слезут со своего правового коня, или посадят и нас вместе с собою, тогда мы им будем друзья и товарищи». Собрание единогласно утвердило устав, носящий демократический характер. В целях сближения ярославских женщин в уставе намечалась широкая просветительная и благотворительная деятельность. В конце собрания было выбрано правление из 12 членов и 3-х кандидатов, которое, в свою очередь, избрало руководящий состав Общества: Н.П. Ширяева (председатель), Г.А. Майстрович (товарищ председателя), Е.Н. Аристова (секретарь), Н.А. Дьяконова (казначей). Членские взносы составляли два рубля, к ним присоединялись добровольные пожертвования, сборы от чтения лекций, концертов и вечеров, специальных распродаж изделий, изготовленных членами Общества, торговли на рождественских базарах, безвозмездной помощи обеспеченных членов Общества. Так, член Общества О.Н. Корсунская уступила Обществу одну из комнат своей гимназии, Е.М. Добротина предложила свои услуги по организации торговли, Л.Н. Клирикова предоставила дом в с. Пушкино для летней детской колонии. В 1910 г. Л.Н. Клирикова предоставила дом (дачу) в большом деревянном доме в с. Бурмакино, К.С. Медведева отдала свой дом в деревне под детскую колонию. Стали формироваться каждое лето три детских колонии. В течение двух месяцев в этих местах отдыхали 50–60 девочек младшего школьного возраста и гимназисток. Предпочтение отдавалось более слабым и нуждающимся материально: круглым сиротам и детям малообеспеченных родителей — ремесленников, поденщиков, портных, прачек, слесарей, сапожников. Только пять девочек ездили на деньги родителей, половина — на средства Ярославской городской думы, остальные — за счет пожертвователей, которыми были и частные лица, и ярославский архиепископ Тихон, и графиня В.А. Татищева, и местные предприниматели, (Общество «В.А. Вахромеев и сыновья», товарище-

ство П.И. Оловянишникова др.). Использовались на эти цели и деньги, собранные по подписным листам. Пожертвования поступали и в форме вещей: колониям передавали дрова, мыло, посуду, чай, сахар, тетради. Член Общества врач Р.Д. Дамская осуществляла медицинский контроль: девочек взвешивали, некоторым назначали усиленное питание. У каждой девочки был свой санитарный листок, где записывались результаты медицинского осмотра. Дети отдыхали, занимались рукоделием, работали в огороде, два раза в день купались, ходили в лес, составляли гербарии, ездили на экскурсии в Романово-Борисоглебск, женский монастырь в Ваулово, в усадьбу Никольское, на дачу Витова, в Кострому на губернскую выставку и в Ипатьевский монастырь. Перед возвращением домой девочки ставили спектакли. Поддержкой женского Общества пользовался также детский сад, открытый в 1900-х гг. Ольгой Ивановной Нечаевой. В России насчитывалось около ста народных детских учреждений, содержавшихся на средства женских организаций.

При ярославском Обществе взаимопомощи женщин было открыто бюро приискания работы для женщин интеллигентного труда с комиссионным отделом по продаже изделий ручного труда. При нем была мастерская модного платья. Регулярно проводились групповые занятия по рукоделию. Были организованы уроки грамоты для тех членов общества, которые в ней нуждались, основана небольшая библиотека, в которую поступали журналы и книжные новинки, организован ряд лекций просветительного характера, литературных вечеров, где руководители Общества читали написанные ими рефераты. Один из таких вечеров был посвящен памяти Л.Н. Толстого. Давались и уроки иностранного языка. Регулярно намечалась организация «вечернего разумного отдыха» для «одиноких и семейных тружеников», устраивались «детские утренники», для прислуги по воскресеньям устраивались чтения и вечера.

Первые итоги работы Общества были подведены на общем собрании 2 февраля 1912 года. Было замечено, что, располагая только скромным помещением и дешевым чайным буфетом, члены Общества сумели создать поистине домашнюю обстановку: женщины после работы могли здесь отдохнуть в дружеском кругу. Деятельность Общества отличалась разнообразием направлений, творческим подходом к делу. Особенно плодотворно, как отмечали участники, работало бюро по приисканию занятий во главе с М.М. Бернштейн. Например, за два последних месяца 1911 г. в него поступило 55 заявлений, в том числе 35 — от женщин интеллигентных профессий и 20 — от прислуги. 21 заявка была удовлетворена: 10 женщин стали работать учительницами, гувернантками и 11 поступили в прислугу. Надо сказать, что бюро старалось найти жен-

щинам и работу кассиров, конторщиков, приказчиков, но на эти должности женщин брали неохотно.

Члены Общества старались откликаться на все значительные события, происходившие в городе и стране. Так, в последнюю субботу января 1911 г. в помещении Общества М.А. Миндовским был прочитан доклад о съезде по экспериментальной педагогике. Присутствовали около 50 слушателей, половину из которых представляли педагоги. 16 января 1913 г. около 40 человек слушали делегатов женского общества А.П. Зейлигер и Е.Я. Лютивинскую, участвовавших в работе съезда по образованию женщин (доклад на съезде был сделан Е.М. Добротиной). Остро обсуждался вопрос о совместном обучении мальчиков и девочек. Большинство активисток Общества было за совместное обучение.

Таким образом, в Ярославле, как и в России в целом в начале XX века появились «новые» женщины, отличавшиеся своим внешним видом (практичное простое платье, стриженные волосы), выполнявшие общественные обязанности. Они придавали большое значение развитию женской личности, ее самоценности, самореализации, всячески содействовали этому.

Дулов А.Н.,

Витебский госуниверситет им. П.М. Машерова

Эволюция советского законодательства о браке и семье в 1920-е годы (на примере БССР)

В первое десятилетие советской власти велась выработка основных направлений брачно-семейной и демографической политики, а также борьба с наследием права, традиций и норм, существовавших в Российской империи. В работе проанализирована эволюция правовых норм, регулировавших семейно-брачные отношения в БССР в 1920-х гг. В рассматриваемый период на территории республики действовали нормы российского законодательства, а также нормативно-правовые акты, принятые органами власти и управления БССР.

Среди первых законодательных мероприятий советской власти было издание декретов о гражданском браке и о расторжении браков (декабрь 1917 г.). Положения декретов закреплялись и развивались в «Кодексе законов ВЦИК об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве» (сентябрь 1918 г.). Названные документы устанавли-

вали как единственно законный гражданский брак, оформленный в органах ЗАГСа. Церковный брак терял юридическую силу и отныне считался частным делом граждан. Муж и жена уравнивались в правах: жена могла сохранять свою фамилию, иметь отдельное от мужа местожительство, распоряжаться своими доходами. Максимально упрощалась процедура развода, поводом для которого могло служить «как обоюдное согласие супругов, так и желание одного из них развестись». Таким образом, первые шаги большевистского законодательства были направлены на секуляризацию брачно-семейной сферы и на повышение статуса женщины в семье. Данные законодательные мероприятия «могут быть классифицированы скорее как правовые действия буржуазно-демократического характера, поскольку они уничтожили лишь некоторые элементы феодально-патриархальных взглядов на брачные союзы и лишь частично обеспечили некоторую свободу частной жизни»¹. Само партийно-советское руководство воспринимало данное законодательство как переходное к действительно советскому праву.

Новые правовые нормы утверждались постепенно. Сохранялось влияние церкви в приватной сфере. В борьбе против этого влияния Народный комиссариат внутренних дел вместе с Народным комиссариатом юстиции ССРБ прибегли даже к законодательным мерам, издав в августе 1922 г. циркуляр, запрещавший представителям религиозных культов совершать обряды крещения и брака без предварительной регистрации этих актов в ЗАГСах². СНК ССРБ отменил этот циркуляр, как нарушающий нормы декрета об отделении церкви от государства. Введенная большевиками регистрация браков первоначально получила признание в городах. В сельской местности она начала постепенно утверждаться только к концу 1920-х гг., однако в немалом числе случаев закреплялась венчанием в церкви.

В 1923 г. в РСФСР начинается разработка нового Кодекса законов о браке, семье и опеке. Считалось, что нормы нового кодекса должны, с одной стороны, приблизить брачно-семейные отношения к социалистическому идеалу, с другой — приспособить законодательство к реалиям жизни. В ноябре 1926 г. после дискуссий на уровне партийно-государственного руководства и в среде юристов-профессионалов, а также об-

¹ Пушкарева Н.Л., Казьмина О.Е. Российская система законов о браке в XX веке и традиционные установки // Этнографическое обозрение. 2003. № 4. С. 69.

² Собрание узаконений и распоряжений рабоче-крестьянского правительства ССРБ. 1922. № 12. Ст. 158.

суждений на собраниях в городе и на селе, проект приобрел силу закона и с 1 января 1927 г. вступил в действие. Основным нововведением Кодекса 1926 г. стало приравнивание фактических брачных отношений к зарегистрированному браку, что должно было способствовать уменьшению вмешательства государства в личную жизнь¹ и, очевидно, учесть сложившуюся в 1920-х гг. ситуацию.

Опыт российских законодателей был учтен юристами БССР, которые на протяжении 1925–1926 гг. подготовили проект брачно-семейного кодекса. Проект в целом был одобрен III сессией ЦИК БССР VII созыва, но было решено вынести его, как ранее в РСФСР, на обсуждение общественности². Провозглашалось, что это сделано для того, чтобы в новом кодексе «былі прыняты пад увагу ўсе водгукі і пажаданні з месца»³. Вероятно, обсуждение было необходимо также для пропаганды норм советского семейного права среди рабочих и, особенно, крестьянства, которое в значительной степени продолжало руководствоваться обычным правом, а брак заключать в церкви.

Первоначально белорусский проект отличался большей консервативностью. В частности, он признавал правовые последствия для мужа и жены только в случае регистрации брака в ЗАГСе. Показательно, что данный пункт, который был заимствован из кодекса 1918 г., входил в противоречие с постановлением ЦИК БССР «Аб парадку разгляду спраў па скасаванні шлюбаў і па выдачы ўтрыманняў незабяспечанаму супругу і дзецям», принятым 29 мая 1925 г. Статья 7 названного постановления подчеркивала, что «правам на палучэнне ўтрымання карыстаецца таксама і асобы фактычна быўшыя ў шлюбе хоць бы і незапісаным»⁴, что являлось правовым признанием фактического брака.

Именно проблема фактического брака оказалась в центре дискуссий. В реалиях Советской Белоруссии 1920-х гг. фактический брак мог представлять собой как свободное сожительство мужчины и женщины, так и брак, освященный в церкви, но не зарегистрированный в органах ЗАГС. Последний имел значительное распространение среди населения. По

¹ История отечественного государства и права. Ч 2. Под ред. О.И. Чистякова. М., 2004. С. 239.

² Комаров А.М. Новые явления в общественном и семейном быту трудящихся Советской Белоруссии (1917–1929 гг.): Историко-этнографический очерк. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Мн., 1969. С. 9.

³ Збор законаў і загадаў рабоча-сялянскага ўраду БССР. 1926. Адз. I. № 31. Арт. 122.

⁴ Собрание узаконений и распоряжений рабоче-крестьянского правительства БССР. 1925. Отд. I. № 28. Ст. 274.

поводу признания брака без регистрации на собраниях работниц и крестьянок высказывались противоположные мнения. Тем не менее, участники дискуссий сходились в одном: права матери и ребенка должны быть максимально защищены¹. Новый Кодекс законов о браке, семье и опеке был утвержден IV сессией ЦИК БССР VII созыва 27 января 1927 г. и с 1 марта вступил в действие. Кодекс 1927 г. вносил в законодательство ряд принципиальных моментов, направленных на защиту прав женщин. Он признавал правомочность фактического брака. Мужчины и женщины, которые находились в таковом, имели те же самые права и обязанности, что и в зарегистрированном браке. Для суда доказательством существования брака считались: совместное проживание и совместное ведение хозяйства; проявление семейных отношений перед третьими лицами, в документах и переписке; при определенных обстоятельствах — взаимная материальная поддержка и совместное воспитание детей².

Кодексом устанавливался принцип общей собственности на совместно нажитое в браке имущество. При этом работа в домашнем хозяйстве и воспитание детей приравнивалось к труду в общественном производстве. Еще более упрощалась процедура развода. Расторжение браков через суд отменялось и отныне осуществлялось через ЗАГС. При разводе семейное имущество делилось поровну. Отец должен был участвовать в расходах, связанных с беременностью и уходом за ребенком, даже если семейных отношений не было, а также оказывать материальную помощь женщине в период беременности и на протяжении одного года после родов. На содержание ребенка взимались алименты.

Таким образом, результатом эволюции советского брачно-семейного законодательства 1920-х гг. в БССР стало принятие Кодекса законов о браке, семье и опеке 1927 г., в котором закреплялись прогрессивные и демократические нормы, призванные служить защите прав и интересов женщин и детей.

¹ Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ), ф. 4-п. Оп. 9. Д. 46. Л. 331; Д. 56. Л. 1; Д. 92. Л. 16.

² Збор законаў і загадаў рабоча-сялянскага ўраду БССР. 1927. Адз. I. № 7. Арт. 26.

**Сословно-этническая специфика и правовой статус
русской женской одежды Оскольского края
(2-я пол. XIX — нач. XX в.)**

В исследуемый период население Оскольского края в социальном и этническом отношении не было однородным, что связано с очень сложной историей его заселения в XVI–XVIII вв.¹ Основную часть жителей составляли потомки военно-служилого населения — свыше 57 процентов, владельческие крестьяне, русские этнические группы саянов, цуканов и украинцы².

Все эти группы населения сохраняли специфические особенности в женской одежде вплоть до начала XX в. Поэтому народная женская одежда была многообразной и различалась по возрастному и правовому признаку, сословной и этнической принадлежности, функциональному назначению. В крае бытовали все основные комплексы женской одежды: поневный и сарафанный комплексы, с домотканой юбкой и костюм «парочка»³.

Сохранению и консервации женской народной одежды способствовали многие факторы, в первую очередь сложившийся в течение столетий семейно-бытовой и общественный уклад оскольских поселений, строгое следование вековым традициям, отправление в течение длительного времени семейных и календарных праздников и обрядов, в которых женщина и ее одежда играли очень важную роль.

Одеждой девочек в крестьянских семьях была длинная, до пят, холщовая рубаша с узким тканым или плетеным пояском и украшенная очень скромной вышивкой. Первую «взрослую» одежду девочки получали, ког-

¹ Багалея Д.И. Материалы для истории колонизации и быта степной окраины Русского государства (Харьковской и отчасти Курской и Воронежской губерний) в столетия XVI–XVIII. Харьков, 1890. Т. 2. С. 63–64.

² Емельянова М.И. Эволюция русской народной одежды Оскольского края (2-ая пол. XIX — нач. XX в.). Дисс.... канд. ист. наук. Курск: Курский гос. ун-т, 2007. С. 29–30.

³ Архив автора. Фонд. 4. Одежда. Оп. 1-18; Русские: историко-этнографический атлас / Земледелие. Крестьянское жилище. Крестьянская одежда (сер. XIX — нач. XX в.) / Под ред. В.А. Александрова [и др.]. М.: Наука, 1967. Карты 38, 40.

да достигали брачного возраста: надела сарафан, юбку или поневу, теперь уже перешла в статус взрослой девушки, ее можно было сватать и выдавать замуж¹.

Любой комплекс состоял из основных частей — рубахи, набедренной одежды или сарафана; в него входили также передник, пояс, головной убор, шейные украшения, обувь.

Для женской одежды сословной группы однодворцев-четвертников были характерны сарафан и домотканая юбка. Поневный комплекс, как почти везде в Курской губернии, носили преимущественно бывшие помещицы и монастырские крестьяне. Можно с некоторой уверенностью предположить, что поневный комплекс с рогатой кичкой был характерен и для местного вольного населения, издревле заселившего этот край и приспособившегося к тяжелым условиям жизни при постоянной угрозе татарских набегов².

Покрой, способ ношения и украшения женской одежды в крае были связаны с ментальностью крестьян, с их представлениями о правовом и семейном положении женщины, с традициями, выработанными вековым опытом.

Правовой статус одежды, как и этнические черты, ярко проявляются в ее декоративном убранстве. Так, например, если в семье было несколько взрослых девушек, то одевали особенно нарядно старшую — ей первой выходить замуж. Младшие ходили в хороводы в нарочито скромно убранных рубашах. Если вдруг младшая, вопреки принятому обычаю, «выскакивала» замуж раньше старшей, то ее поведение осуждалось в народе. Ведь «выскачка» обрекала старшую сестру на неминуемое одиночество: ее уже редко кто сватал. Девушка, оставшаяся «вековухой», во владельческих селениях не имела права надевать поневу и рогатую кичку, всю жизнь вынуждена была носить сарафан или домотканую юбку³. В селе Городище еще и в 1920-е годы оставшаяся в девках женщина не имела права сшить себе костюм «парочку» голубого цвета, который носили все замужние женщины села, а носила девичью зеленую или малиновую парочку⁴.

Формирующим элементом женского комплекса была холщовая прямополиковая длинная рубаша с длинными рукавами. Она была самой нарядной частью традиционного женского костюма.

¹ Архив автора. Ф. 4. Оп. 1. Д. 1. Л. 4, 7, 10.

² Никулов А.П. Старый Оскол. Белгород, 1956. С. 51–52.

³ Архив автора. Ф. 4. Оп. 18. Д. 2. Л. 4–7.

⁴ Там же. Ф. 3. Оп. 3. Д. 6. Л. 69–70.

В Оскольском крае в украшениях рубах господствовал геометрический орнамент узорного тканья и вышивки, выполненной техникой «набор», «роспись» или мелким крестом. В основе узора лежат древнейшие солярные знаки и знаки-обереги: разнообразные ромбы, квадраты, кресты, треугольники, звезды, древа жизни и др.

Геометрические знаки в композиции несли большую смысловую нагрузку.

Покрой девичьих и женских рубах был одинаковым. Но характер орнамента, знаковая символика их значительно отличались. Самую нарядную праздничную рубаху носили женщины в первые годы замужества. Рубахи старух, вдов очень скромно вышивались или вовсе не имели украшений. Не было принято старой женщине носить рубахи с красной вышивкой.

По убеждению Б.А. Рыбакова, связь ромбо-точечного узора со свадебной обрядностью и бытом молодой женщины глубокая и неслучайная, ибо весь свадебный ритуал пронизан магическим содержанием, в первую очередь, магией плодородия. Идея плодородия в свадебной игре выступает в двух формах: 1) как будущая плодовитость девушки-невесты; 2) как плодовитость вспаханной и засеянной земли¹.

Поэтому не случайно анализ многочисленных подлинных образцов женских холщовых рубах показывает, что в Оскольском крае на девичьих и «старушечьих» рубахах (равно, как и на поневах) крупная ромбо-точечная композиция никогда не вышивалась. Если и присутствовали на девичьих рубахах геометрические фигуры, то были мелкими и выполняли исключительно апотропейную функцию².

Сословное и социальное положение женщины, степень состоятельности ее семьи особенно ярко отражались в головных уборах и их украшениях. Согласно этическим представлениям, корни которых уходят в глубокую древность, девичьи головные уборы оставляли макушку открытой. Замужние женщины должны были всегда и везде тщательно прятать волосы под головной убор³.

В XIX — начале XX в. в Оскольском крае обычной девичьей прической было заплетание волос в одну косу. Сверху надевали лубочный обруч, венки или вошедший позднее в повседневный обиход платок⁴.

Женские головные уборы во многом еще сохраняли свои сложные древние формы: двухгребенчатый кокошник («шеломок»), рогатые кички, повой-

¹ Там же. С. 41.

² Емельянова М.И. Указ. соч. С. 212.

³ Гаген-Торн Н.И. Магическое значение волос и головного убора в свадебных обрядах Восточной Европы // Советская этнография. 1933. № 5–6. С. 76–78.

⁴ Архив автора. Ф. 4. Оп. 11. Д. 4. Л. 8–10, 19–20, 32–34.

ники, чепчики, сборники и большой набор платков, шалей, подшалыльников. Последние три вида в конце XIX в. становятся основными¹. Согласно нашим исследованиям, женщины из состоятельных крестьянских и из богатых купеческих семей носили роскошные кокошники с жемчужными украшениями и дорогие сарафаны — «шубки»². В крестьянских семьях среднего достатка кокошники украшали мелким перламутром, белым или прозрачным бисером, нередко — стеклярусом³. Носили их с косоклинные домоткаными или сшитыми из недорогих фабричных тканей сарафанами.

Своеобразные специфические особенности имела одежда русских этнических групп саянов и цуканов — бывших монастырских крестьян. Вплоть до начала XX в. у этих групп сохранялись старинные формы южнорусской одежды (несшитая распахная понева и глухая понева с прошвой и бедром, рубахи с прямыми поликами, пришитыми по основе, «саян», рогатая кичка, чепец и др.)⁴.

У цуканов понева сочеталась с сарафаном, который служил девичьей и женской одеждой⁵.

В заключении следует отметить, что женская народная одежда Оскольского края второй половины XIX — начала XX в. была многообразной и отличалась по возрастному, социально-этническому и правовому признаку, функциональному назначению.

Еремина Т.И.,

Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург)

О служебных званиях учительниц в XIX — начале XX веков

Профессия домашнего учителя существовала в России с 30-х годов XIX века. Положением о домашних наставниках и учителях 1834 г. были учреждены звания домашних наставников, наставниц, учителей и учи-

¹ Маслова Г.С. Одежда / Этнография восточных славян. Очерки традиционной культуры. Отв. ред. К.В. Чистов. М., 1987. С. 276.

² Архив автора. Ф. 4. Оп. 11. Д. 13. Л. 15–29, Л. 31–39.

³ Там же. Д. 13. Л. 42–56.

⁴ Булгаков Г.И. К вопросу об изучении саянских сел Курского края // Известия Курского общества краеведения: Сб. ст. / Под ред. Н.И. Златоверховникова. Курск, 1928. № 3. С. 32–35; Архив автора. Ф. 4. Оп. 1. Д. 6. Л. 1–5; Д. 18. Л. 3–7.

⁵ Архив автора. Ф. 4. Оп. 1. Д. 7. Л. 2–3 об.

тельниц. В соответствии с этим положением свидетельства на звание домашних наставников, наставниц, учителей и учительниц выдавались попечителем учебного округа.

Звание домашней наставницы предоставлялось только воспитанницам учебных заведений первого разряда ведомства учреждений императрицы Марии, окончивших полный курс обучения.

Звание домашней учительницы предоставлялось воспитанницам учебных заведений, дающих право оканчивающим в них курс обучения на это звание или выдержавшим установленное для этого испытание.

В 30–40-е годы XIX века в некоторых учебных заведениях Ведомства учреждений императрицы Марии появились педагогические классы, из которых выходили домашние учительницы. С начала 50-х годов им стали выдавать дипломы на право домашнего преподавания. В начале XX века система педагогических классов была введена в 10 столичных женских институтах Ведомства императрицы Марии. Педкурсы Мариинской гимназии в Петербурге, возникшие в 1859 г., впоследствии были преобразованы в начале XX века в Женский педагогический институт¹.

В 1868 г. право на звание домашних учительниц было распространено на воспитанниц епархиальных училищ Духовного ведомства. Это право было утверждено и за гимназистками женских гимназий Министерства народного просвещения. Правила для специальных испытаний на звание домашних учителя и учительницы были утверждены Министерством народного просвещения 15 мая 1870. По положению 1870 г., оканчивающие курс получали звание первоначальных учительниц и учительниц начальных народных школ. Те, кто оканчивал дополнительный педагогический класс «с отличием», получали звание домашней наставницы, «с успехом» — звание домашней учительницы.

В начале XX века законодательством устанавливаются новые учительские звания. Законом 19 декабря 1911 года было установлено звание «учительница средних учебных заведений». Получившие это звание имели право преподавать предметы их специальности в низших и средних женских и мужских учебных заведениях².

Лица женского пола, получившие диплом высшего учебного заведения и пожелавшие приобрести право на звание учительницы средних учебных заведений по одному из предметов, указанных в их дипломе, подвергались дополнительному экзамену по педагогике, истории педа-

гогических учений, методике избранного предмета, логике и психологии на основании утвержденных 19 декабря 1911 года Правил об испытании лиц женского пола в знании курса высших учебных заведений и о порядке приобретения ими ученых степеней и звания учительницы средних учебных заведений¹.

3 июля 1914 года был принят закон об установлении звания «учителя средних учебных заведений», на основании которого для лиц, имеющих звание учителя гимназии, устанавливалось звание учителя средних учебных заведений со всеми правами и преимуществами, установленными действующим законом для учителей гимназии.

Лицам, получившим звание учительницы гимназии до введения в действие указанного закона, присваивалось звание учительницы средних учебных заведений².

С 1 июля 1912 года началось преобразование городских училищ, которые действовали по правилам статей 3112–3162 и 3176–3236 Уставов ученых учреждений и учебных заведений в высшие начальные училища на основании закона о высших начальных училищах от 25 июня 1912 года. На основании указанного закона вместо звания учителя городского училища были установлены звания учителя и учительницы высшего начального училища с присвоением им тех же прав и преимуществ, которые были у учителя городского училища³.

Звания учителя и учительницы высшего начального училища приобретали выпускники учительских институтов, а также окончившие курс в правительственных средних мужских или женских учебных заведениях после специального экзамена по педагогике, методике русского языка, арифметике и того предмета, который избирался для преподавания, в объеме программы учительских институтов.

Появление в 1911 году нового звания «учительницы средних учебных заведений» по прошествии некоторого времени потребовало уточнения в требованиях по образовательному цензу к кандидатам. Циркуляром министерства народного просвещения от 23 марта 1913 года «О дополнительных испытаниях на звание учительницы средних учебных заведений» определялось, что указанное звание могут приобретать не только лица женского пола, получившие диплом высшего учебного заведения (в соответствии с законом 19 декабря 1911 года), но и имею-

¹ Там же.

² Собрание узаконений и распоряжений правительства. 1914. № 206. Ст. 2095.

³ Собрание узаконений и распоряжений правительства. 1912. Отд. 1. № 143. Ст. 1242.

¹ Лейкина-Свирская В.Р. Интеллигенция в России во второй половине XIX века. М., 1971. С. 157.

² Собрание узаконений и распоряжений правительства. 1911. № 237. Ст. 2253.

щие удостоверение об обучении на Высших женских курсах и успешно исполнявшие учительские обязанности в течение 5 и более лет до принятия закона 19 декабря 1911 г.¹.

Особые условия и требования выдвигались законодателем к образовательному цензу учителей и учительниц чистописания, рукоделия. Право преподавать чистописание в министерских училищах имели лица, окончившие курс учения в тех художественных училищах, которые, согласно их уставам, предоставляют окончившим в них курс обучения звание учителя рисования, черчения и чистописания в средних учебных заведениях. Список таких «полноправных» художественных училищ был представлен в Положении об учителях и учительницах чистописания в средних и низших учебных заведениях, утвержденном 23 июня 1910 года.

Циркулярными предложениями от 19 апреля 1907 года и 16 марта 1908 года министерство народного просвещения определило список специальных учебных заведений, которым было предоставлено право выдавать лицам, их окончившим, свидетельство на звание учительниц рукоделия в женских гимназиях и прогимназиях, не подвергая их особому испытанию. Первоначально в списке были определены только 7 учебных заведений, в 1911 году он пополнился еще шестью заведениями, среди которых были Гатчинское приходское училище с профессиональными классами; профессиональные классы при Кронштадтской женской прогимназии².

Постепенное «выравнивание» служебных прав учительниц по сравнению с учителями происходило в течение всего периода начала XX века. Но прежде всего эти изменения отразились на положении учительниц с высоким образовательным цензом. В 1901 году женщины с высшим образованием получили право преподавания в старших классах женских гимназий со всеми служебными и пенсионными правами (последние при наличии звания домашней наставницы и учительницы). В 1906 году они могли уже преподавать общеобразовательные предметы в четырех младших, а языки — во всех классах мужских средних учебных заведений, но только по найму³.

¹ Лаурсон А.М. Закон 19 декабря 1911 года и правила об испытании лиц женского пола в знании курса высших учебных заведений и о порядке приобретения ученых степеней и звания учительницы средних учебных заведений. СПб., 1913. С. 19.

² Известия по высшим, средним и низшим учебным заведениям. МНП. 1911. № 8-9. С. 183.

³ Лейкина-Свирская В.Р. Русская интеллигенция в России в 1900–1917 гг. М., 1981. С. 61.

Законом 19 декабря 1911 года им было предоставлено право держать экзамен на диплом правительственных высших учебных заведений, приобретать ученые степени магистра и доктора, новое звание «учительницы средних учебных заведений», которое уравнивало их с учителями в вознаграждении¹.

Ерохина Л.Д.,

Дальневосточный Тихоокеанский университет (Владивосток)

Торговля женщинами в Южной Корее (контент-анализ южнокорейской прессы)

О торговле людьми в Южной Корее впервые заговорили в 1990-х гг. в связи с интенсивным импортом рабочей силы и резким скачком женской проституции в районах дислокации американских военных баз. Переход Южной Кореи к ввозу рабочей силы, прежде всего женской, начинается с 1980-х гг. Он осуществлялся в нескольких направлениях. Первый из них — прямое приглашение корейских фирм для трудовой деятельности в производственной сфере и сфере услуг, сопровождавшееся заключением трудовых соглашений, и так называемыми «рабочими визами», дающими право на работу в стране. Особой популярностью после 1990-х гг. стали пользоваться так называемые «артистические» визы, предназначенные для профессиональных певцов, танцоров, цирковых артистов.

Некоторые из женщин по окончании контракта или срока пребывания, установленного визовым режимом, оставались в стране нелегально и находили работу, а некоторые становились жертвами торговли людьми. Поскольку доступ к законному трудоустройству для них оказался закрыт, они оказались в сомнительных барах и ночных клубах для корейских граждан и для персонала американских военных баз, например, в районе Джиджичон².

¹ Собрание узаконений и распоряжений правительства. 1911. Отд. 1. № 237. Ст. 2253.

² Association for Foreign Workers' Human Rights (FWR). Report on Russian Migrant Women in Entertainment Sites in Pusan. Pusan, 2000; Seol, Dong-Hoon. Foreign Workers in Korea 1987–2000: Issues and Discussions // Kasarinlan: Philippine Journal of Third World Studies. 2000. 15(1). P. 115–138; Truong, Than-Dam. The Dynamics of Sex-Tourism: The Case of Southeast Asia // Development and Change, 1983. No. 14(4). P. 533–553.

Второе направление — экспорт женской рабочей силы при помощи специальных агентств по трудоустройству населения, появившихся в тот период. В 1996 г. специализированная туристическая южнокорейская ассоциация (KSTA) и ассоциация владельцев развлекательных клубов стали ввозить иностранных женщин, направляя их на работу не только в сферу досуга, но и в секс-индустрию. Агенты соблазняли своих клиентов высокими заработками, хорошими условиями труда, возможностью выйти замуж и осесть в стране и т. д., но на самом деле направляли их в секс-индустрию. Со временем число кореянок, работающих в этих заведениях, сократилось, что, как утверждают исследователи и официальные источники, привело к восполнению дефицита секс-услуг за счет привлечения женщин-мигранток¹.

Основными странами-поставщиками живого товара в Южную Корею являются Россия, страны постсоветского пространства, Филиппины, Китай, Вьетнам, Таиланд, Индонезия, Непал, Шри Ланка и Перу. Те, кого можно назвать жертвами торговли людьми, делятся на две категории: женщины, приехавшие в Корею по артистическим, рабочим и туристическим визам, и жены-иностранки, вышедшие замуж за корейцев с целью создания семьи, но принуждаемые к выполнению других обязанностей: сиделок при престарелых родителях, служанок, или оказанию сексуальных услуг друзьям мужа. По официальным данным и международным отчетам, число жертв, проданных в Южную Корею с целью сексуальной эксплуатации, составило в 2001 г. около 5 000 чел. Корейские сутенеры обещали им, что предстоит обслуживать только банкеты, но в действительности они стали рабынями американских солдат². Впрочем, цифра (по признанию корейских исследователей) на самом деле гораздо выше.

Международная торговля женщинами в сексуальных целях приносит огромные прибыли не только агентствам, занимающимся вербовкой, но также рекрутерам и сутенерам. По самым скромным меркам Интерпола, доход от продажи людей составляет около 16 млрд. долларов. Немалая роль в увеличении числа пострадавших от торговли людьми принадлежит агентствам по трудоустройству. В Дальневосточном регионе России количество фирм, направляющих граждан для работы в Южную Корею, уве-

личилось с 17 в 2001 г. до 40 в 2005 г. Некоторые российские агентства по трудоустройству и южнокорейские фирмы досуга фальсифицируют иммиграционные документы, незаконно взимают крупные суммы с клиентов/клиенток за трудоустройство, скрывают правду о содержании предполагаемой работы и допускают иные нарушения в общем стремлении отправить женщин в Южную Корею и извлечь прибыли из их эксплуатации. При этом они не берут на себя никакой ответственности за судьбу людей, которым они предлагают работу. Прорехи в миграционном законодательстве делают их работу практически бесконтрольной.

Рост числа дельцов, рекрутирующих граждан, желающих выехать на работу в эту страну, наблюдается не только в России, но и в странах Юго-Восточного региона: на Филиппинах, в Китае, Вьетнаме. Контрабанда людьми, часть из которых затем попадает в зависимое, рабское состояние, ширится. Южнокорейские исследователи справедливо полагают, что в деятельности таких агентств заинтересованы криминальные структуры. Сутенеры также предпочитают иностранных женщин, поскольку цена их услуг гораздо ниже, чем корейских гражданок. С этой целью они нередко используют брачные агентства, поощряющие заключение фиктивных браков с женщинами из Китая, Монголии, Вьетнама, Филиппин и России. Нередко такие союзы заканчиваются жестоким обращением, оскорблениями, насилием, сексуальной эксплуатацией.

Гендерная дискриминация и социально-экономическое неравенство женщин — одна из причин работорговли. В некоторых странах, где сильны патриархальные традиции, женщины составляют самые угнетенные и принуждаемые группы. Продажа жен и дочерей иногда представляется единственным средством вырваться из нищеты семью и/или устроить судьбу женщин. Этим пользуются вербовщики, активно предлагающие бедным семьям «выгодную», «высокооплачиваемую» работу для женщин и девочек или замужество, которое зачастую оказывается фиктивным или «временным». Как показывают исследования, многие женщины из Узбекистана, Индии, Пакистана оказались в Южной Корее благодаря согласию родителей и родственников на «временный брак»¹. Проданные часто просто мирятся со своей судьбой и пытаются помочь родителям и семьям, зарабатывая на жизнь в секс-индустрии. Значительная часть жертв часто либо бесхитростно обманывается относительно будущей работы, верит обещаниям, либо их обманывают, прибегая к психологической обработке и пользуясь правовой неграмотностью.

¹ Chung, Mi Rye. On the Korea Government's Policy for the Prevention of Trafficking and the Protection of Victims of Trafficking: A Critical Review of the US Department of States Trafficking Report. In Proceedings from a Round-table Conference for Reporting the Realities of Prostitution in the US Military Camp Towns in Korea and the Stopping Trafficking in Women. Seoul: KWAU, 2002. P. 16–24.

² Moon K.H.S. Sex Among Allies: Military Prostitution in U.S. Korea Relations. New York, 1997. P. 17–47.

¹ Kelly E. Journeys of Jeopardy: A Review of Research on Trafficking in Women and Children in Europe. Geneva, 2002.

Миграционная политика корейского правительства имеет большое влияние на рост торговли людьми. В 1999 г. южнокорейское правительство аннулировало лицензионную систему найма иностранцев на работу в развлекательный бизнес, действовавшую 40 лет, и упростило миграционный процесс. В результате любое агентство досуга, располагающее необходимым набором документов, могло получить сертификат и импортировать иностранцев для работы в сфере досуга, если корейское управление средствами массовой информации (KMRB) одобряло представленные документы. Процедура получения разрешения упростилась настолько, что число иностранных фирм досуга в Южной Корее возросло с 7 в 1980 г. до 183 в 2005 г.¹ Многие из вновь созданных иностранных фирм фактически не в состоянии контролировать проводимые выступления своих артистов, так что организованным преступным группам легко войти в этот бизнес.

Увеличение количества фирм стало причиной роста числа иностранцев, работающих в сфере досуга (в 1980 г. — 180 чел., в 1998 г. — не менее 2 000 чел.). С 1999 г. (2 265 чел.) их число увеличивалось с беспрецедентной скоростью: 3 916 чел. в 2000 г., 5 092 — в 2001 г. и 5 285 чел. — в 2002 г. Это только официальные цифры, основанные на выданных артистических визах. В 2002 г. из 4 453 «иностранных артистов», по данным Министерства юстиции Южной Кореи, 90% были вовлечены в секс-индустрию. Проблема заключается в том, что, как и в любой стране мира, куда стремятся въехать и трудоустроиться иностранцы, принимающей стороне весьма сложно отличить подлинные документы от поддельных при выдаче виз (это слабое место, которым пользуются международные торговцы) и проверить танцевальную квалификацию артиста. Южнокорейские исследователи полагают, что неразумная политика правительства наряду с деятельностью местных агентств досуга и международных преступных групп, связанных с агентствами по вербовке людей, стали основной причиной растущей торговли иностранными женщинами.

Глобальная проблема может быть решена только тогда, когда страны исхода и страны доставки будут сотрудничать в противодействии торговле людьми, а для этого, указывают исследователи, необходимо начать искоренение ее основных причин. Покупка женщин в сексуальных целях незаконна, она должна быть признана серьезным преступлением,

¹ Seol, Dong-Hoon. International Sex Trafficking in Women in Korea // Controlling Immigration: A Global Perspective, ed. by Wayne A. Comelius, Philip L. Martin, James Holifield, and Takeyuki Tsuda. Stanford, CA: Stanford University Press, 2004. P. 1–20.

разрушающим человеческие ценности, ведь именно она сформировала представление о сексуальных отношениях как об объекте покупки, при которой женское тело выглядит как отчужденное от личности. Необходимы также коренные изменения в оценках гендерного равенства и развитие долгосрочных программ с целью повышения социального статуса женщин, перестройки системы социальной безопасности и обеспечения их активного участия в политической и социальной жизни. Достижение реального, а не гипотетического равенства между мужчинами и женщинами является, очевидно, единственным способом противодействия торговле женщинами.

*Жвинклене А.Б.,
Институт Социальных исследований (Вильнюс, Литва)*

Парадоксы равноправия в Балтийских государствах Paradoxes of the Gender Equality in the Baltic States Equality, patriarchy, culture

The idea of equality is probably the most controversial of the great social ideals born in Western political thought. Since the French Revolution any type of institutionalized hierarchies which are considered to constitute an injustice create the social movements that contest it and seek to democratize it.

In a general political sense, equality suggests that all persons have equal rights and opportunities to participate in all kinds of social activities and equally enjoy political, economical and cultural benefits and responsibilities.

Women, at least legally, are included in the concept of «all persons», all citizens, all members of society etc., due to the development of critical feminist thought and the activity of women's movements.

Nowadays, when the principle of equality between women and men has gained a formal recognition and is implemented in the legislation of most states of the world only culture remains a reasonable explanation for the informal practice of discrimination against women.

The Christian (patriarchal) conception of a woman as subordinate to a man and an exponent of a man's interests is the main grounds of the European intellectual tradition and is maintained in modern public discourse concerning women.

Patriarchy in its general sense represents the institutionalization of domination and oppression.

The spirit of patriarchy is imbedded in culture and it consequently affects structures of social institutions as well as individuals, both women and men.

Since the state regulates gender relations, it also influences the transformation of gender relations. Therefore, gender equality policies are the best tool to 'democratize' patriarchy and to develop gender identity and citizenship.

Gender equality policies in the Baltic States

Gender issues within the EU are so internally differentiated that it is not easy to make valid generalizations even for the Baltic States which have actually had a common experience of gender equality policies since the twentieth century.

Gender equality policies in the Baltic States could be classified as follows.

Unfinished emancipation (suffrage) — 1918–1939/1940

Stagnated emancipation 1940–1989

Imitated emancipation 1990/1991–2003

Gender mainstreaming 2004–...

All dramatic macro social and political changes in the Baltic States have included a gender equality aspect. In one way or another, the Baltic women's movements were interrelated with the national liberation movements and building, and later the restoring of these nation-states. In all cases, including the times of the communist regime, politically engaged women had to negotiate and make excessive compromises with their male national leaders. In all cases «a woman's card» has been skillfully used by leaders of the new nation-states (restored nation-states) or socialist republics to demonstrate national development towards modernization and democratization, the nation's equality or even superiority compared to Western countries. In recent political history the names of Ene Ergma, the President of the Estonian parliament (since 2003), Vaira Vohre-Freiberga, the President of Latvia (1999–2007) and Kazimiera Danutė Prunskienė, the first Prime Minister of Lithuania after the declaration of independence on March 11, 1990 (1990–1992) could be mentioned.

Nation-state, civic society and state's feminism

The renaissance of nationalism and objections to feminism were among the main paradoxes occurring in the Baltic States during the struggle for restoration and recognition of the independent states in the 1990s. At the same time nationalism and antifeminism are interrelated while a national idea treats the nation and family as one unit that prescribes to nation-conscious women the main role in reproduction of the nation.

Democratization of the Baltic States implied and was accompanied by creation of a civic society. Encouraged by ideological and financial support of Western feminists, mainly from the Nordic countries, the combat against gender blindness, open sexism in the labor market, pauperization of most families, especially single-mother families, and violence against women and children became a political task and a topic of professional interest of several women — politicians and academic women, and the main activity of women's NGOs.

Lithuania, it appears, is more successful than Estonia and Latvia in the institutionalization of feminism as an academic discipline, and the development of so-called state feminism. The first women's studies center (renamed the Gender Studies center in 2002) in the Baltic States was founded in Lithuania in 1992 whereas such Centers were founded in Estonia in 1997 and Latvia in 1998. Gender equality issues have been included in the political agenda of Lithuania during negotiations between Lithuania and Brussels regarding conditions to join the EU due to strong feminist lobbying. Lithuania was the first amongst the EU's ten countries to establish a *Law on Equal Opportunities* that came into effect in March 1999. Since then, it has established an Office of the Equal Opportunities Ombudsman. In Estonia the *Act on Gender Equality* entered into force on May 1, 2004 whereas in Latvia gender equality strategies and initiatives expressed in such documents of the Ministry of Welfare *The Gender Equality Initiative* (2001) and *Equal Opportunities to Everybody in Latvia* (2001) have remained on the level of a draft. From 2007 Lithuania hosts the European Institute of Gender Equality (EIGE).

The EC has to recognize that despite widespread legal protection, discrimination continues to exist in EU countries. According to data of *A Survey about Discrimination and Inequality in Europe* 2006, Lithuania, despite the advanced gender equality legislation seems remains more patriarchal than Latvia and Estonia.

It seems that modern Lithuanians are more sensitive in perception of gender discrimination than Latvians and Estonians because of the adequate and better representation of the gender equality issues in the national mass media activity of the Office of the Equal Opportunities Ombudsman. Therefore these issues became at least an object of public reflection and, consequently tolerance of the authorities; however it hardly affects a state of affairs.

Backlash against feminism

Women's issues remain on the political agenda due to permanent women's lobbying and political acceptance of the dictum that "There cannot be true democracy unless women's voices are heard" (Hillary Rodham Clinton).

Western second wave feminists of the 1970s, and the Baltic feminists of the 1990s (it does not matter that most of them do not identify themselves with feminism and feminists) like the notorious Moor — have done their duty, they may go.

Жигунова М.А.,
Омск, государственный университет,
филиал Института археологии и этнографии СО РАН

Русская женщина в Сибири: история и современность

Интерес к «женской тематике» проявляют не только историки, социологи, этнологи, юристы, но и представители других областей знаний. Изучение этой темы в XVIII–XX вв. отечественной и зарубежной наукой проанализировано Н.Л. Пушкаревой, а некоторые итоги — опубликованы в последние годы¹. Первое обращение автора к заявленной теме относится к 1994 г., когда были проведены специальные этносоциологические исследования, а затем — опубликованы их отдельные результаты². В данной работе, базирующейся на материалах историко-этнографических экспедиций и этносоциологических исследований автора в 1980-х — 2007 гг. на территории Западной Сибири, мы рассмотрим отдельные моменты, иллюстрирующие традиционные и современные представления о женщине и ее функциях, а также — мотивы вступления в брак.

В истории русских женщин в Сибири прослеживаются те же этапы, что и у всех женщин нашей страны³. Главным предназначением каждой девочки являлось будущее замужество. Девушки боялись остаться в «ста-

¹ Пушкарева Н.Л. Русская женщина: история и современность: История изучения «женской темы» русской и зарубежной наукой. 1800–2000: Материалы к библиографии. М., 2002; Мужики и бабы: Мужское и женское в русской традиционной культуре. Иллюстрированная энциклопедия. СПб., 2005 и др.

² Жигунова М.А. Роль женщины в семье и сохранении народных традиций // Русские старожилы. Материалы III-го Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири. Тобольск-Омск, 2000. С. 371–372; Плехотнюк М.А. Роль женщины в сохранении народных традиций (на примере русских Среднего Прииртышья) // Аборигены Сибири: проблемы изучения исчезающих языков и культур. Новосибирск, 1995. Т. II. С. 212–214.

³ Пушкарева Н.Л. Русская женщина в семье и обществе X–XX вв.: этапы истории // Этнографическое обозрение. — 1994. — № 5. — С. 3–15.

рых девах», т. е. оказаться не востребованной. С самых ранних лет девочек воспитывали так, что она станет женой, хозяйкой, матерью. В Сибири, как правило, во главе семьи всегда стоял старший мужчина — «большак», а домашними делами распоряжалась его жена — «большуха». Она распределяла обязанности между всеми женщинами в доме, хранила общесемейные деньги, вела подсчет продуктовых запасов, нередко самостоятельно вела хозяйство (когда муж отсутствовал). Известно, что для патриархальных семей характерно деспотическое отношение к женщине. Согласно историко-этнографическим сведениям, в Сибири женщины были несколько свободнее, чем в Европейской части страны. У сибирских казаков бывали случаи, что мужа, уличенного в супружеской измене, с позором прогоняли плетками сквозь строй.

Собираясь женить сына, родители собирали семейный совет из ближайших родственников. Главными требованиями к невесте являлись: физическое здоровье, трудолюбие и покладистый характер (только у сибирских казаков поощрялась «бойкость»). Интересно, что девушки из старожильческих семей охотнее выходили замуж за переселенцев, поскольку те были менее требовательны к работам по домашнему хозяйству¹. Православие накладывало запрет на половую жизнь в дни постов, двенадцатых и храмовых праздников, в среду, пятницу и воскресенье и др. По свидетельствам информаторов, в Сибири запрет на половые отношения соблюдался менее строго, чем в Европейской России.

Данные наших социологических опросов показали, что главой 75 % семей считается мужчина, 20 % — женщина, в 5 % семей декларируется равенство (интересно, что 9 % мужчин сами назвали главой своей семьи женщину (жену или мать). За расходом денег в 83 % семей следят женщины (в 6 % — мужчины, в 11 % — оба супруга). Домашние дела (приготовление пищи, покупка продуктов и промышленных товаров, стирка, уборка, уход за одеждой) выполняется преимущественно женщинами (в 92 % семей). Ремонт квартиры, работой на огороде, даче, приусадебном участке, хозяйством, как правило, супруги занимаются совместно. Уходом за малолетними детьми, играми, чтением, прогулками, проверкой уроков, посещением родительских собраний в большинстве семей занимаются женщины. Таким образом, ролевая структура семейной модели достаточна традиционна и ориентирована на функциональное разделение по гендерному признаку.

¹ Сафьянова А.В. Внутренний строй русской сельской семьи Алтайского края во второй половине XIX — начале XX в. (внутрисемейные отношения, домашний уклад, досуг) // Русские: семейный и общественный быт. М., 1989. С. 92.

Полученные нами материалы подтвердили мнение о том, что в культуре русских образ женщины является наиболее функциональным: хозяйственность, домовитость, умение воспитывать детей должны дополняться активностью в производственной сфере. Многие исследователи отмечали, что сибирячки отличаются выносливостью и большой физической силой. Не новостью является вывод о том, что при необходимости, женщины могут заменить мужчин практически во всех видах деятельности. Подтверждением тому служит широко распространенная поговорка: «Я и лошадь, я и бык, я и баба, и мужик». В 1990-е гг. появились семьи, где мужчина находится дома, а жена зарабатывает деньги, содержит его и детей. Если в начале XX в. женщина фактически не имела права на развод, то к концу XX в. большинство бракоразводных процессов происходило по инициативе женщин.

На одной из своих лекций в Омском государственном университете в 2007 г. я попросила студентов написать несколько слов, характеризующих женщин. В итоге получилось, что женщина — это, прежде всего: дети (41 % ответов), красота (29 %), косметика (макияж), магазины и семья (по 23 %). За ними следуют: дом, любовь, продукты и приготовление пищи, муж, работа (по 17 %), кино (сериалы) (11 %). Среди единичных ответов: внешность, Бред Пит, деньги, замужество, карьера, книги, маникюр, мода, молодость, музыка, подруги, порядок, прическа, секс, сумочка, театр, туфли, уборка, ум, фитнес и др. Среди глаголов чаще всего встретились: «надо», «хочу», «занята».

А теперь проанализируем ответы на вопрос: «Что является главным при вступлении в брак в начале XXI века?». По мнению студенток Омска, главным поводом является любовь (75 % ответов). На втором месте — деньги, расчет, материальная выгода (14 %), на третьем — беременность невесты (5 %). Среди остальных ответов: «Самостоятельность новобрачных, независимость материальная от родителей», «поиск уюта, стабильности», «сексуальная совместимость», «штамп в паспорте», «Человек стремится создать семью, чтобы не быть одиноким, иметь детей, чувствовать себя защищенным и спокойным» и др.

По мнению современных студенток, идеальная жена должна быть: хозяйственная (41 %), любящая (26 %), добрая / доброжелательная и умная / мудрая (по 25 %), верная, заботливая, понимающая, умеющая вкусно готовить (по 21 %), терпеливая (20 %), хорошая мать (13 %). Далее идут: красивая, уважающая мужа, трудолюбивая, внимательная, нежная, ласковая, умеющая находить компромиссы, спокойная, гостеприимная, аккуратная, надежная и др. Некоторые девушки отвечали так: «Позволять мужу руководить, прощать ему маленькие слабости», «Пол-

ностью подходить мужу по характеру, увлечениям, стилю жизни». Как видно из приведенных ответов, подавляющее большинство приведенных качеств полностью соответствует традиционному образу женщины в русской семье. Появились среди ответов и новые качества, не отмечавшиеся в традиционной культуре: сексуальность, страстность, умение удовлетворить мужа в постели, умение зарабатывать деньги. Несколько девушек ответили, что «идеальная жена — это хорошая домохозяйка, прекрасная любовница, добропорядочная мать». Около 10 % опрошенных затруднились ответить на поставленный вопрос, мотивируя тем, что «жена должна обладать разными качествами, для всех — по-разному» или «идеальных людей не бывает», «Главное, чтобы любили друг друга, а уж вместе уживутся и качества выработаются».

Полученные нами результаты исследований позволяют усомниться в том, что «по социологическим данным... ценность семьи, семейного образа жизни, детей и ребенка резко снизилась»¹. Несмотря на определенную историческую динамику (частичная смена ценностных ориентаций и ролевых функций членов семьи и др.), для большинства русских женщин Сибири характерной остается традиционная модель семьи и семейных отношений. По-видимому, не зря в одной из телепередач известный российский миллионер сказал, обращаясь к своим братьям: «Если вы хотите найти себе настоящую жену, отправляйтесь за Урал, в Сибирь!».

Жидкова Е.М.,
Центр гендерных исследований (Самара)

Семья, развод, товарищеский суд: правовое положение советский семьи и женщин в годы «оттепели»

Правовой статус советской семьи как в годы «оттепели», так и, пожалуй, на протяжении всего советского периода определялся далеко не только нормативными актами и положениями, такими как кодекс о браке и семье. Многочисленные постановления и решения партии, профсоюзов, женсоветов и других влиятельных органов регулировали семейную сферу не меньше законодательства. Зачастую принятые документы влияли на брак и женщин опосредовано, в них могло не говориться на пря-

¹ Антонов А.И., Сорокин С.А. Судьба семьи в России XXI века. М., 2000.

мую об институте семьи, но они затрагивали повседневную семейную жизнь граждан. Например, назовем такие меры, как реформирование системы образования, введение дополнительных выходных и праздничных дней или всенародное обсуждение проекта закона «О повышении роли общественности в борьбе с нарушениями советской законности и правил социалистического общежития».

1950–60-е годы отмечены массовыми кампаниями по активизации общественности самого разного толка в деле строительства коммунистического общества. Стоит упомянуть Постановление 1958 года «О привлечении пенсионеров к активной общественной работе». Важнейшее поле приложения сил организованной общественности такого рода — это содействие семье и школе в воспитании детей, а, по сути, формы дополнительного контроля над советской семьей-ячейкой общества. О практиках регулирования приватной жизни со стороны общественных организаций, преимущественно низовых партячеек, месткомов, женсоветов и товарищеских судов, пойдет речь в выступлении. Нетрудно догадаться, что описываемые общественные инициативы опирались главным образом на пенсионеров и домохозяек, через вовлечение незанятого населения в общественную работу, предоставление возможности быть полезными. Если трудящиеся женщины были «охвачены» по месту работы (через социально-бытовые комиссии, к примеру), то домохозяйки, как группа с очень неоднозначным статусом в советском обществе, оказались социально востребованы впервые после движения жен директоров.

Источниковой базой послужили материалы Самарского областного архива социально-политической истории, куда стекалась вся информация о проводимой в области, городах и районах воспитательной и профилактической работе. Интересны задействованные механизмы социального контроля: выявление, борьба, оглашение, перевоспитание. Роль «аморалки» и анонимки, фельетона и сатирических стенгазет — своеобразных примет времени. Требуется уточнения и раскрытия сфера правомочий общественных объединений и судов, виды наказаний в период, когда политический оттенок контроля частной жизни граждан уходит в прошлое (известное «изменил жене — изменит и Родине»), на их место заступают совсем другие «бытовые» сюжеты, высмеянные в анекдотах и авторской песне.

Временной отрезок хрущевской «оттепели» выбран неслучайно. Парадоксальным выглядит факт сочетания общей либерализации, смягчения границ «дозволенного и разрешенного», реабилитации самого понятия «частная жизнь», с одной стороны, и в то же время решительной кампании борьбы за коммунистический труд и быт, с другой. При-

нимаемые решения по своей жесткости были созвучны бескомпромиссным двадцатым и столь далеки от гремевшей на Западе сексуальной революции. Моральный кодекс строителей коммунизма фактически санкционировал усиление общественного контроля за поведением граждан в быту, вне привычных зон отправления власти — на производстве, рабочем месте. Современные представления о приватности и неприкосновенности личного пространства разительно далеки и не применимы к изучению прошедших десятилетий, когда, по красноречивому свидетельству документов, границы допустимого вмешательства и внешнего контроля ближайшего окружения — соседей, коллег, сослуживцев, — были совсем иными.

В годы «оттепели» был провозглашен целый комплекс мер, направленных на становление общественных начал в торговле, транспорте, на производстве. Как грибы росли общественные объединения по самым разным поводам — советы при жилищных комитетах, библиотеках, появились учителя и лекторы-общественники, движение сануполномоченных и дружинников. На возрожденные женсоветы возлагалась задача регулирования, в том числе и семейных отношений, решения спорных ситуаций вплоть до тех, которые требовали обращения к букве закона. Постановление Пленума ЦК КПСС от 9 января 1960 г. «О задачах партийной пропаганды в современных условиях» предлагало усилить работу среди женщин, обратив особое внимание на повышение их роли на производстве и общественной работе. И уже к концу 1961 года в городе Куйбышеве создано 400 женсоветов, в которых работало около 3 тысяч женщин¹.

Чем занимались низовые женсоветы? Как правило, они состояли из нескольких секций. Заводские женсоветы докладывали, что «...поступает много писем, заявлений с просьбой вмешаться в семейную жизнь. Особенно много жалоб на неправильное поведение мужей в семье»². Поэтому неудивительно встретить в планах работы бытового сектора женсовета пункт «О ненормальных взаимоотношениях между мужем и женой, о неправильном взимании алиментов, об оказании материальной помощи матерям-одиначкам и многодетным»³. Принимать решения, непосредственно затрагивающие правовой статус семьи или женщины, женсоветы и товарищеские суды не могли, однако по их ходатайству возбуждались дела, принимались административные меры вплоть до серьезных.

К примеру, районный совет женщин совместно с отделом

¹ Государственный архив Самарской области. Ф. 714. Оп. 1. Д. 2346. Л. 102.

² Там же. Л. 38 об.

³ Там же. Л. 49.

образования провел собрание по обсуждению женщин, «неправильно ведущих себя в быту». Гражданки Н., К., С. за аморальное поведение в быту строго наказаны, а гражданка В. выселена из города сроком на 5 лет¹. Решение женсовета или товарищеского суда могло дать ход делу о лишении городской прописки и родительских прав, о выселении из квартиры или сообщении на работу «о фактах бытового разложения».

Женсоветы массово проводили вечера, где приглашенные нарсудьи читали лекции «Брак и семья в социалистическом обществе». И эта тема находила отклик не меньший, чем лекции на тему «Использование химии в быту» или «О взаимоотношениях в семье». Цель не наказать, а предупредить видна из слов председателя товарищеского суда, который бодро докладывал, что нерадивый муж «...пить не бросил, а бить бросил. Почему? А потому, что мы в решении записали, что в случае повторения подобных фактов материал будет передан в нарсуд. Эта мера воздействия и повлияла»². Задача просвещения, воспитания и подтягивания образовательного уровня населения, включая правовой минимум, мыслилась в качестве наиважнейшей.

Женщины были не только объектом социальной политики, но и активными агентами, проводниками данной политики. Интересны как группы-участники (ударники, ветераны, пенсионеры, домохозяйки), так и группы-объекты (дети, молодежь, нерадивые отцы). В целом, ставится задача показать, как проходила интериоризация государственной политики поддержки женщин, вовлечения их в общественную жизнь; каким образом в структуру идентичности советской женщины органично вошел такой феномен, как общественница.

Забелина Н.Ю.,

Государственный Исторический музей (Москва)

Право на участие: российские и британские женщины в Первой мировой войне

Первая мировая война — великая для британцев и забытая для русских, — дала женщинам возможность проявить себя в тылу и на фронте. И в Британии, и в России женщины шли на заводы и фабрики, в

¹ ГА СО. Ф. 714. Оп. 1. Д. 2394. Л. 31.

² Там же. Д. 2367. Л. 10.

конторы и мастерские. Шли они и на фронт, и не только в качестве сестер милосердия.

Для британских женщин времен Первой мировой войны служба в армии была исключена. Но нашлась одна представительница прекрасного пола, которая повторила трюк знаменитой «кавалерист-девицы» Надежды Дуровой. В 1915 году двадцатилетняя Дороти Лоуренс переоделась юношей и под именем Дениса Смита была зачислена в британскую армию. Сохранилась даже фотография Лоуренс в военной форме. То, что «сапер Смит» — женщина, обнаружилось через десять дней.

Гораздо более обширным военным опытом обладала Флора Сандс. Служба британской подданной в сербской армии представляет собой уникальный случай. Во время Первой мировой войны эта уроженка Йорка стала единственной британкой, официально числившейся на военной службе. Дочь викария ирландского происхождения стала первой в Сербии женщиной-офицером. Бесстрашно сражаясь наравне с мужчинами, Флора Сандс дослужилась до капитана. Более того, в 1916 году за свою храбрость она была награждена орденом Карагеоргия. Эта неординарная женщина владела четырьмя языками, хорошо стреляла и прекрасно держалась в седле. На войне она получила несколько ранений, но не оставляла службу в сербской армии вплоть до 1922 года.

В своей книге, изданной в 1916 году, Сандс вспоминала, что остерегалась встреч с «Томми» — английскими солдатами. Она боялась несерьезного к себе отношения¹.

Одна медсестра-шотландка описала в дневнике свою встречу с Сандс на фронте следующим образом: «Она долго рассказывала, в каких жаростных сражениях ей и ее товарищам пришлось участвовать. Мы испытали чувство гордости за нее»². Тем не менее, британское общество воспринимало ратные подвиги Флоры Сандс неоднозначно. Про нее ходили сомнительные слухи. Многие настоятельно рекомендовали ей переклеститься на более привычный для женщины того времени род занятий — стать сестрой милосердия. К слову, именно с работы в полевом госпитале началась деятельность Сандс на Балканах. Однако военная служба привлекала ее гораздо больше.

Дальнейшая жизнь Флоры Сандс также похожа на приключенческий роман. Она вышла замуж за эмигранта из России, бывшего белого офицера. После его смерти она вернулась домой, в Англию. Неугомонная женщина участвовала и во Второй мировой войне — а ведь тогда

¹ Sandes F. An English Woman-Sergeant in the Serbian Army. L., 1916. P. 217.

² A Prose Anthology of the First World War. L., 1993. P. 120.

Флоре было уже за 60! Ей даже удалось сбежать из немецкого лагеря для военнопленных. Остаток жизни она провела на родине, где и скончалась в 1956 году.

Удивительно, но до недавнего времени имя Флоры Сандс было мало знакомо современным жителям Туманного Альбиона. Но о ней не забыли в Сербии — стране, за которую она воевала. Интерес к личности Сандс возродился после того, как была опубликована книга Кейт Эйди «Камуфляж вместо корсета», посвященная женщинам-солдатам. Автор книги — военная журналистка, в 1990-е годы освещавшая войну на Балканах. Эйди впервые услышала имя Флоры Сандс от сербского переводчика.

Россияне, как и британцы, немного знают о подвигах соотечественниц времен Первой мировой войны. Российские женщины принимали деятельное участие в войне 1914–1918 гг. и даже добивались на этом поприще признания. Так, полным Георгиевским кавалером была сибирячка Мария Бочкарева по кличке Яшка, создательница Первого женского добровольческого батальона смерти, которая отправилась воевать «из чувства патриотизма и желала умереть за родину»¹. Орденом святого Георгия четвертой степени была посмертно награждена Раиса Иванова, медсестра, в чрезвычайных обстоятельствах взявшая на себя командование целой ротой. Доблестно проявила себя совсем юная Марина Юрлова, воевавшая в Закавказье против турок.

Для британского очевидца Джона Морса, по воле случая оказавшегося в русской армии, женщины-солдаты казались чем-то небывалым. В своих мемуарах он описывает этих воительниц как долгоязыких, костлявых, коротко стриженных, бесполого вида существ. Некоторые из них, по словам Морса, обладали подлинно гренадерским сложением². Но даже не это впечатлило изумленного британца более всего, а то, что женщины спали в одном помещении с мужчинами (правда, с женатыми, что британец называл «восточной мудростью»). «Северные народы не так щепетильны в вопросе взаимоотношения полов», — полагал Джон Морс³.

Несомненно, во времена Первой мировой войны сражающиеся женщины были редкостью как для России, так и для Британии. Но сам факт их появления стал отголоском менявшейся социальной роли женщин. Пройдет совсем немного лет, и женщины в армии перестанут вызывать изумление. Ярким примером тому может послужить деятельность ан-

лийской принцессы, будущей королевы Елизаветы II, в рядах британских вооруженных сил во время Второй мировой войны. А ведь за каких-то двадцать лет до этого Дороти Лоуренс была выгнана из армии и заперта в монастыре, подписав бумагу, в которой клялась не разглашать свою удивительную историю.

Забелина Т.Ю.,
Московский гуманитарный университет (Москва)

Домашнее насилие над женщинами (право женщин на защиту сквозь призму социологических данных)

Сопоставление данных из различных российских источников показывает, что преступления, связанные с насильственными действиями, но совершаемые дома, направлены преимущественно против женщин (именно они оказываются жертвами в 52,4% случаев). Если насильственное действие было совершено против супруга, то потерпевшим «супругом» в 81,6% случаев также оказывается женщина¹.

Дополняет картину анализ информации кризисных служб: 86% из тех, кто звонит по телефонам горячих линий, — женщины, и большинство звонков посвящено именно проблеме домашнего насилия. По сведениям информационного буклета «Национального центра по предотвращению насилия «АННА», за время его работы с 1993 г. свыше 26 тысяч женщин обратились в Центр за психологической и юридической помощью. На линию доверия поступает более 200 кризисных звонков ежемесячно. Социологическое исследование (2006 г.), проведенное при поддержке Гендерной тематической группы организаций системы ООН, показало рост потребности в кризисных центрах: 59% опрошенных мужчин и 69% женщин по сравнению с 49% и 52% соответственно в 2002 г. Особенно выразительны цифры, отражающие рост поддержки создания убежищ — с 9% у мужчин и 17,6% у женщин в 2002 г. до 33,3% у мужчин и 53,3% женщин в 2006 г.²

¹ «Мой батальон не осрамит России...» // Родина. 1993. № 8–9. С. 78.

² Morse J. An Englishmen in the Russian Ranks (Ten Months Fighting in Poland). L., 1916. P. 70.

³ Ibidem.

¹ Гендерные проблемы современной России. М., 2006. С. 211.

² Насилие в семье — насилие в обществе. Отчет о проведении исследования. М., 2007. С. 79.

Несмотря на всеобщее признание и заверения официальных лиц, в течение последних двух лет из-за отсутствия финансирования и поддержки со стороны региональных властей прекратили деятельность 35 общественных организаций, которые специализировались на оказании помощи женщинам, страдающим от насилия со стороны своих близких. Только за 2005 г. закрылись восемнадцать подобных организаций¹. Еще одна проблема — нежелание большинства женщин выдвигать обвинения против своих партнеров, применяющих насилие, обращаться в правоохранительные органы. Опрос, проводившийся социологами МГУ в 2002 году с участием более 2100 человек (1076 женщин и 1058 мужчин) из городской и сельской местности, показал, что только 26,7% женщин и 23,3% мужчин считают, что если жену избивает муж, она должна обратиться в милицию. Большинство опрошенных согласилось с ответом «пусть подумает, в чем она виновата»². Не особенно надеются женщины на чуткость, отзывчивость и профессионализм сотрудников государственных служб и ведомств — не только милиции, но и адвокатов, медиков, педагогов, социальных работников, причем обоих полов. Почему это происходит? Вот типичные высказывания, зафиксированные в ходе интервью с жителями Рыбинска Ярославской обл.: «На милицию никто теперь всерьез не надеется»; «Да и кто же нынче верит в милицию? То и плохо, что милиции теперь боятся не воры, а обычные люди»; «Я часто ночью поздно хожу — приходится с работы поздно возвращаться. И очень боюсь иногда, но в милицию, если бы кто-нибудь на меня напал, не пошла бы. Я их тоже боюсь»; «Да неужели я пошла бы туда (в милицию)? Только лишнее горе наживать...»³.

При этом 56% респондентов — женщины сами либо получали угрозы применения физического насилия, либо были жертвами насильственных действий со стороны своих мужей как минимум один раз. Из них 50% подверглись хотя бы одному случаю физического насилия со стороны мужей и 3% сообщили, что мужья избивают их один раз в месяц или чаще. 23% женщин пережили насильственный секс или сексуальное насилие со стороны мужей. Почти 80% женщин назвали как минимум один случай психологического насилия со стороны мужей, включая ос-

¹ Справочник российских организаций, работающих с проблемой насилия в семье. М., 2006. С. 3.

² Горшкова И.Д., Шурыгина И.И. Насилие над женами в современных российских семьях. М., МГУ им. Ломоносова, 2003. С. 82.

³ Цит. по: Клименкова Т. Реализация права граждан на свободу от насилия // Права женщин в России: исследования региональной практики, их соблюдения и массового сознания. Т.2., М., 1998. С. 162.

корбления, критику, запреты на определенные виды деятельности, различные формы контроля или угрозы¹.

Региональные мониторинги масштабов ДН также подтверждают остроту проблемы. Так, в Приволжском федеральном округе с ДН сталкивались не менее 84% семей, опрошенных в 2004 г.²

От насилия в семье страдают женщины из различных социально-экономических групп, с различными этническими и религиозными корнями, с разным уровнем образования. В ходе исследования, проведенного в рамках кампании ЮНИФЕМ «Жизнь без насилия» (2001–2002 гг.), выяснилось, что 87% мужчин и 93% женщин признают наличие ДН и осознают серьезность его последствия. Многие говорили о том, что женщины подвергаются насилию не только со стороны своих мужей, но нередко и партнеров, а также взрослых сыновей³. Для них велик риск быть вовлеченными в уголовно наказуемую деятельность или стать жертвами торговли людьми. Эксперт по тюремной реформе Людмила Альперн сообщила, что от 65 до 80% женщин-заклученных были в прошлом жертвами насилия. Судя по отношению к проблеме ДН, государственные органы, ответственные за предупреждение домашнего насилия, не осознают существование этой зависимости⁴. По всей видимости, не осознаются и масштабы экономического ущерба, «цена» ДН как для переживших его, так и для государства.

Оценочное исследование Совета Европы, проведенное в 2006 г., показало: на всей территории европейских стран от 20 до 25% всех женщин по меньшей мере один раз в жизни подвергались физическому насилию, и свыше 10% стали жертвами сексуального насилия; от 12 до 15% всех женщин старше 16 лет состояли в отношениях, при которых они подвергались домашнему насилию⁵.

Мировой и российский опыт показывают: без стабильного и продуманного государственного финансирования, досконального знания проблемы, достоверной статистики и реализации жесткого контроля над выполне-

¹ Горшкова И.Д., Шурыгина И.И. Указ. соч. С.13–19.

² Кивокурцева Н.В., Борисовская Г.А., Машкова Е.В. Насилие в семье глазами мужчин и женщин: масштабы, причины, последствия // Интеграция гендерного подхода в социальную политику региона. Набережные Челны, 2006. С. 275.

³ Россия: насилие в семье — насилие в обществе». М., UNIFEM/ UNFPA, 2002. С. 40.

⁴ Отчет о выполнении требований Конвенции ООН о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин. М., Ассоциация американских юристов, 2006. С.131.

⁵ Данные сайта Совета Европы www.coe.int

нием всех законов и мероприятий по предотвращению насилия и организацией помощи, наказанием виновных, невозможно добиться ощутимого сдвига в решении задачи соблюдения права личности на свободу от всех форм насилия. Эта деятельность должна опираться на постоянную поддержку законодателей и государства, объединять все общество. Однако до этого еще очень далеко: как показали материалы исследования 2002 г. в рамках проекта ЮНИФЕМ «Жизнь без насилия», большинству населения не известны выступления государственных, политических, общественных деятелей, кандидатов в депутаты с осуждением насилия в семье¹. Эта проблема не стала частью национальной дискуссии — об этом говорит и тот знаменательный факт, что ни один из вопросов по гендерной теме, включая ДН, не вошел в число отобранных для Интернет — конференции Президента РФ В.В. Путина 6 июля 2006 г. По условиям ее проведения, Президенту передавали только те вопросы, которые получили наибольшую поддержку аудитории (было учтено более одного миллиона двухсот тысяч голосов). Из обнародованных ста семидесяти тысяч вопросов к гендерной тематике можно отнести только 14².

Сдвиги в решении гендерных проблем, включая ДН, произойдут, когда массовую поддержку общественности и адекватный ответ государства найдет вопрос двадцатилетней Марии из Мурманска: «Почему тема домашнего насилия в отношении женщин и детей как проблема социальной безопасности граждан не стала еще Национальным проектом? Когда будет принят закон о насилии в семье?» 6 июля 2006 г. эти вопросы собрали только 9 голосов россиян.

Заболотная Л.П.,
Институт истории, государства и прав Академии
Наук Молдовы (Кишинев)

Правовое положение женщин в средневековой Молдове

Записки иностранцев, актовый материал, а также нормы «обычного права» свидетельствуют о довольно независимом положении женщин в средневековой Молдове. Возможно, что такое относительно независи-

¹ Россия: насилие в семье...С. 58–68.

² Режим доступа: <http://www.owl.ru/content/news/vestnik-2006/p62533.shtml>, <http://president.yandex.ru/>

мое положение женщины в Молдове объяснялось ее исторически сложившейся юридической базой, как в писаном, так и обычном праве.

В данном докладе предлагаем тезисно проанализировать некоторые аспекты правового и имущественного положения женщин, которое, на наш взгляд, существенно отличалось от других европейских народов.

1. Женщины имели равные имущественные и наследственные права с мужчинами. В соседних странах — Валахии, Великом Княжестве Литовском, Польше, России т. д., это право в первую очередь принадлежало мужчинам. В Молдове право на наследование принадлежало дочерям и сыновьям равнозначно. Анализ актового материала, характеризующего нормы наследственного права, показывает, что в XV в. к наследованию земли допускались дети обоих полов. С XVI в. источники эпохи свидетельствуют об отмирании в Молдове принципов преимущественного права наследования мужчин. Институты наследственного права в Молдове в XVI–XVII вв. существенно отличались от системы аналогичных норм стран Западной и Восточной Европы, где имелись более строгие ограничения свободы волеизъявления наследователя, к примеру, преимущественное наследование мужчин, институт предалики (если прекращалась мужская линия, то земли переходили в владение господарей) и т. д. (византийское право).

2. Довольно часто в молдавских поземельных документах XVI века встречаются женщины-землевладелицы, которые получали в господарских грамотах подтверждение своих прав на землю. Они отчуждали и покупали землю самостоятельно и совместно с супругами. К примеру, господарская грамота от 3 декабря 1572 г. подтверждает владение 24 владельцев села Петрешты, из которых указываются 12 мужчин и 12 женщин как равные собственники¹.

3. Дочери имели право как на движимое, так и недвижимое имущество родителей. В XVI–XVII вв. внедряется обычай, называемый *синисфора*, по которому дочь, получившая ранее приданое, могла участвовать в наследовании земли отца (византийское право). Документ от 24 апреля 1625 г. показывает раздел двух сел после смерти родителей в равной доле между двумя братьями и сестрой, с оговоркой, что сестра часть одного села до этого получила в приданое, поэтому только одно село делится на три части².

¹ Documente privind istoria României. A. Moldova, veac. XVI, vol. III (1571–1590). Redactor responsabil M. Roller. București, 1951. С. 9 (nr. 16).

² Documenta Romaniae Historica. A. Moldova, volumul XVIII (1623–1625), volumul ontocmit de I. Caproeu și V. Constantinov. București, 2006. P. 386 (314).

4. В случае судебных разбирательств женщины могли воспользоваться имуществом братьев для выкупа своей жизни, т.н. душегубины. В процессе исследования правового положения женщин Молдовы был обнаружен уникальный документ от 24 июня 1609 г., в котором «...городской совет к. Бырлад... подтверждает право на продажу земли Марии Соркэй ... и земель ее братьев за уплату ее головы... за ее великий грех... убийство мужа с любовником»¹. Данный документ показывает, что правовой статус женщин Молдовы был особенным. В мировой юридической практике аналогий практически нет, так как во всем мире за убийство мужа женщину ждала только смертная казнь, как по судебскому решению, которое согласовывалось с церковным, так и по моральным принципам и нормам того времени.

5. При заключении брака женщина оставалась собственницей своего имущества, принесенного в семью в виде приданого или приобретенного в процессе брака, приданое было ее независимой собственностью. Муж не имел права администрировать имущество — продавать, закладывать, обменивать, давать в залог и т. д., без согласия жены. Жена имела право иска против своего мужа, растратившего ее приданое. Подтверждением может служить документ 1623 года, согласно которому женщина подает на развод по причине «расточительства ее приданого» и выигрывает процесс. «Архиепископ Анастасие и митрополит Сучавский... пишем и свидетельствуем грамотой нашей, что предстала перед нами Кирана и пожаловалась на своего мужа Платона и сказала, что он расточил и разорил все что у нее было, после чего бросил ее и скрылся... мы видевшие и рассмотревшие ее жалобу и многие свидетельства, дали ей нашу грамоту, ...чтобы были свободными друг от друга во веки веков»².

6. Жена была в праве обладать собственным имуществом. Все, что было куплено на ее деньги, принадлежало исключительно ей. В документах при купле — продаже недвижимости четко указывались имена супругов. В основе имущественных отношений супругов лежал принцип раздельности имущества мужа и жены. Все, что было приобретено ею в браке, оставалось ее собственностью. Жена могла владеть, пользоваться и распоряжаться этим имуществом, не спрашивая разрешения мужа (римское право). В данном случае, представляет интерес документ от 8 июня 1580 г., в котором господарь подтверждает супруге после смер-

ти мужа все его имущество, т. к. она выкупила его из плена и потратила на его содержание своих 3000 аспров. Суд подтвердил право жены на владение всей собственностью супруга, а не его семьи¹.

7. В случае смерти супруги все ее имущество возвращалось обратно в семью, к родителям, братьям, сестрам. Муж мог наследовать только по завещанию. К примеру, в национальной историографии долгие годы дискутировался вопрос о приданом дочери господаря Стефана Великого, Марии Княжне, выданной замуж за Федора Вишневецкого, который якобы незаконно оставил себе после ее смерти деньги и драгоценности. Основным мотивом было отсутствие детей и ссыла на молдавские обычаи. Тяжба против семьи Вишневецких длилась долгие годы родственниками Марии Княжны. Нами был обнаружен документ от 10 мая 1529 года в 4 (224) книге Литовской Метрики — решение суда, возглавлявшегося польским королем Сигизмундом I, который должен был принять окончательное решение, выбирая между уже вошедшим в силу I Литовским Статутом и обычным правом. Окончательное заключение суда было принято в пользу Федора Вишневецкого, т. к. молдавская сторона не имела никаких аргументов против письменного завещания Марии Княжны в пользу супруга².

8. При разделе имущества между детьми четко указывалось, от кого оно: от матери или от отца. Очень часто в документах фигурирует, что, к примеру, село или часть села перешла от матери, матери от бабушки т. д.

9. После смерти супруга женщина имела право распоряжаться имуществом равно с детьми. В случае отсутствия наследников имущество переходило семье мужа. Супруга получала полное наследование только по завещанию. Жена или дочь наследовали не только имущество, но и долги умершего, и несли полную ответственность за их выплату.

10. Женщины имели право инициировать развод. Если развод со стороны мужа был сделан без согласия супруги, обманным путем или без уважительных причин, то женщина сохраняла все свое имущество и получала все имущество мужа. При разводах действовало правило: если виновата жена, приданое и все ее имущество, а так же дети, оставались мужу. Если в разводе виноват муж, то все его имущество, движимое и недвижимое, переходило к жене (римское право). Одним из них может служить документ от 26 июля 1600 г. (7108), в котором описывается случай, когда жена получи-

¹ Documente privind istoria României. A. Moldova, Veac. XVII, vol. II (1606–1610). Redactor responsabil M. Roller. București, 1953. P. 224.

² Documente privind istoria României... P. 220. Nr.293 (orig.) ei p. 460 (foto).

¹ Documenta Romaniae Historica. A. Moldova, volumul XXIV (1637–1638), volumul ontocmit de C. Cihodaru ei I. Caproeu. București, 1998. P. 503–504 (306).

² Lietuvos Metrika (1522–1530), 4-oji Teismo bylo knyga (XVI a. Pabaigos kopija). Vinius, 1997. C. 311–312 (doc. Nr. 374).

ла развод без согласия мужа¹. Особый интерес представляет документ, от 10 января 1633 г., в котором детально описывается случай развода супругов и оправдания женщины высшими инстанциями — духовной и светской. Некая княгиня Мария обратилась в праздник Крещения Господня к господарю за помощью «рассудить ее по законам страны» и признать неправомерными действия мужа, который получил развод, обвинив ее в «неблагоразумии» и отобрал у нее все ее имущество и детей. «И позволили по закону свидетельствовать 12 княгиням по господарским записям и поклясться на Святом Евангелии перед нашим митрополитом Кир владыкой Григорие, что княгиня Мария не виновна в тех обвинениях, ни словами, ни делами. Княгиня Мария поклялась и оправдалась перед нашим величеством, и перед Диваном от тех несчастий. Василий спатарь проиграл процесс перед Судом Дивана, как плохой человек и клеветник, и по правилам, и по Дивану решили отсечь Василию спатарю голову и, чтобы отобрали у него все владения...чтобы забрала княгиня своих дочерей...и никто чтобы не смел ей препятствовать»².

11. После развода женщины имели право вступать в повторный брак.

12. Они могли выступать в суде в качестве свидетелей.

Зорина Н.С.,

Томский государственный университет (Томск)

Трансформация гендерной идентичности римской элиты (II в. до н. э. — II в. н. э.).

Проблема трансформации гендерной идентичности римской элиты одна из неразработанных тем в историографии. Являясь составной более широкой проблемы — проблемы социально-психологического и культурного кризиса римской империи, она имеет чрезвычайно важное значение для прояснения антропологического среза его протекания. Гендерные аспекты этого кризиса освещались в науке дискретно, поэтому в ней остается немало «белых пятен», свидетельствующих о необходимости анализа социаль-

¹ Documente privind istoria României. A. Moldova, Veacul XVI, vol. IV (1591–1600). Redactor responsabil M. Roller. București, 1952. P. 298–299. N 363.

² Berechet C. Crestomaia privitoare la judecata la români pînă la secolul al XVIII-lea (XLVI–XLIX) // Idem. Procedura de judecata la slavi și români. Chișinău, 1926. P. 67–92.

но-психологических аспектов этого явления. Систематическое изучение гендерных отношений в Позднем Риме дает принципиально новый и важный материал, обогащающий наше видение природы его кризиса.

Цель данного доклада — попытаться проанализировать социально-психологическую природу кризиса социо-культурных установок позднеримской элиты, в контексте которого только и возможно понять природу изменения гендерного кода ее поведения. Следует оговориться, что римский нобилитет не являлся однородным по своему составу. Можно выделить несколько наиболее ярких типажей — представители императорского дома, старая родовая аристократия (блюстители староримского идеала и те, кто встал на путь новых жизненных реалий). Определенное место здесь занимает и типаж «нувориша», который пытался оказаться в числе избранных путем подражания тем ценностям и идеалам, которые не были зафиксированы прежним опытом жизни. Будет сделана попытка разобраться в причинах данной трансформации, к которым можно отнести физическое уничтожение элиты (что отражено в источниках), объективные экономические и политические факты, которые повлекли за собой переосмотр всего ценностного ряда и необходимость нового подхода к жизни.

Разобраться в причинах социально-психологической трансформации невозможно без обращения к ценностным ориентирам римлян, поэтому большое значение имеет работа Г.С. Кнабе¹, посвященная трансформации традиционных римских ценностей. Он очень верно уловил не только смену ценностного ряда, но и попытался выстроить эту смену концептуально, введя понятие двух категорий престижности: престижности I (идеальные ценности, сформировавшиеся вместе со становлением римского государства, закрепленные традицией) и престижности II (реальные, актуальные на данный момент). Первая представляла собой набор престижных представлений, предмет стилизации и желания казаться, вторая — была рассчитана на публичное восприятие, на демонстрацию и утверждение своего статуса. Однако при этом остается непроясненным вопрос о природе этого ценностного сдвига, который невозможно разрешить не обратившись к исследованию его социально-психологической подоплеки. Разработанная И.Ю. Николаевой технология междисциплинарного синтеза², фокусируемая на изучении бессознательного, позволяет расшиф-

¹ Кнабе Г.С. Категория престижности в жизни древнего Рима // Быт и история в Античности. М., 1988.

² Николаева И.Ю. Проблема методологического синтеза и верификации в истории в свете современных концепций бессознательного. Томск, 2005.

ровать этот механизм. В рамках ее возможно вывить и органичную связь изменений гендерных установок сознания и поведения с системой других социо-культурных установок идентичности. Важно подчеркнуть, что полученные результаты гендерного анализа могут послужить своеобразной экспертизой выводов социальной истории.

Деформация психосоциальной идентичности имеет тесную связь с гендерным кодом поведения представителей римской знати. Невротизация личности, нарастание внутреннего дискомфорта приводило к тому, что римлянину нужны были ниши, где бы он смог «выпускать пар» и ими оказались пиры, сексуальные оргии и гладиаторские бои. Сексуальные практики отражали тот социально-психологический сдвиг, который происходил с представителями римской элиты. Здесь как нигде на уровне бессознательного видна уходящая своими корнями в архаику связь установок идентичности, связанных с ее социокультурными, ролевыми в историческом плане функциями и установок гендерных¹. Наиболее рельефно, этот материал прослеживается в поведении императоров.

Масштаб беспорядочных сексуальных связей, те оргии, которые устраивались при дворе и в которые были втянуты представители императорской власти, а также те отклонения от нормы, которые современная психология называет сексуальными перверсиями, яркое тому подтверждение. Распутство и безудержность того времени отражена во многих источниках, например, Август «жил с чужими женами... жену одного консулара он на глазах у мужа увел с пира к себе в спальню...»². Тиберий «дошел до того, что завел особые постельные комнаты, гнезда потаенного разврата...»³. Нерон «жил и со свободными мальчиками и с замужними женщинами: он изнасиловал даже весталку ... А собственное тело он столько раз отдавал на разврат, что едва ли хоть один его член остался неоскверненным»⁴. Интересен тот факт, что в римской истории зафиксированы два ярчайших примера и женской распущенности — это Юлия (дочь императора Августа, жена Тиберия) и Мессалина (жена Клавдия). Дион Кассий пишет: «Мессалина вела жизнь распущенную и разнузданную и побуждала к беспутству других женщин, заставляя многих из них отдаваться своим любовникам в самом императорском дворце,

¹ Подробнее см.: Николаева И.Ю. Архаика и гендерные коды культуры в свете исследования бессознательного // Вестник Томского государственного университета. Серия гуманитарные науки (История. Этнология). — Томск: Изд-во ТГПУ, 2006. Вып. I (№ 52).

² Светоний. Жизнь двенадцати цезарей. Божественный Август — С. 60.

³ Там же. Тиберий. С. 90.

⁴ Там же. Нерон. С. 154–155.

причем на глазах собственных мужей.»¹. То обстоятельство, что в среде знатных жен возможен был «мужской» тип поведения только лишний раз подтверждает глубочайшую степень кризиса идентичности римлян и невозможность справиться с ним.

Исследование будет проводиться в режиме «большого времени», что позволит проследить замену ценностных установок римского общества (девальвацию старых — фиксированных и не закреплённых новых — актуально-моментальных), которая и повлекла за собой психосоциальную трансформацию римской элиты. (Хронологические рамки 2в до н.э. — 2 в. н. э). Источниковой базой послужат произведения римских авторов обозначенного периода (Светоний, Тацит, Цицерон, Петроний).

Иванова Е.Ф.,

Харьковский национальный университет имени В.Н. Каразина

Гендерное образование студентов-психологов: трудности и проблемы

Гендерное обучение постепенно стало реальностью постсоветского образования². В настоящее время в ряде университетов преподаются различные курсы из области гендерных исследований³. Курс гендерной психологии для студентов психологических факультетов был разработан нами и преподаётся на факультете психологии Харьковского национального университета уже около десяти лет. На протяжении этого времени мы столкнулись с рядом трудностей и проблем, которые, как можно предположить, являются общими и для других стран постсоветского пространства⁴.

С некоторыми из этих проблем приходится сталкиваться независимо от будущей специальности обучаемых, другие связаны со спецификой

¹ Цит. по: Дуров В.С. Нерон или актер на троне. М., 1994. С. 80.

² Гендерные отношения и гендерная политика в вузе. Сб. статей под ред. Е.Г.Трубиной, М.Л. Литовской. Екатеринбург, 2003.

³ См., напр.: Муравьева М.Г. Гендерная история в российском вузе: нужна ли она? // Гендерная история: Pro et Contra. СПб., 2000. С. 3–20.

⁴ Об особенностях гендерного подхода к психологическому образованию см.: Клещина И. Гендерный подход в системе психологического образования // Гендерные исследования: феминистская методология в социальных науках. Под ред. И. Жеребкиной. Харьков, 1998. С. 193–213.

получаемого образования, в данном случае психологического. К общим проблемам можно отнести следующие: скрытый сексизм в образовании; нечувствительность к проявлениям сексизма; наличие стереотипов относительно феминизма и как общественного движения, и как теории; ярко выраженная гомофобия; наличие стереотипов о роли мужчины и женщины в публичной и приватной жизни; игнорирование и непонимание проблемы прав женщин и прав детей; достаточно снисходительное отношение к семейному насилию и др.¹

Есть и специфические трудности, с которыми пришлось столкнуться при преподавании курса гендерной психологии будущим профессионалам-психологам. Какие это трудности и что вызывает наибольшее сопротивление у будущих психологов? Прежде всего, это сопротивление тематике феминизма в целом и феминистскому подходу в гендерной проблематике в том числе; стремление свести гендерный подход к полоролевому; отрицательно воспринимаемая и с трудом принимаемая, если принимаемая вообще, теория социального конструктивизма и, в частности, идея социального конструирования гендера. Эти проблемы связаны со спецификой получаемого образования и изучаемых предметов, с влиянием изучаемых ранее курсов дифференциальной психологии и психологии пола, построенных на совершенно иных теоретических основаниях, и необходимостью изменять эти основания.

У студентов-психологов отмечается амбивалентное отношение к курсу гендерной психологии. С одной стороны, это, как уже отмечалось выше, неприятие некоторых положений и аспектов данного курса. С другой стороны, — явно выраженный интерес к гендерной психологии, желание, чтобы этот курс был рассчитан на большее количество часов, с большим числом практических занятий. Интерес у студентов вызывает, прежде всего, тот материал, который они могут «обратить» на себя и в котором сравниваются изучаемые характеристики и особенности женщин и мужчин, такие как формирование гендерной идентичности, гендерные роли, гендерные отношения и т. п.

Для того чтобы разрешать возникшие проблемы и сложности в процессе преподавания, необходимо, во-первых, изменить содержание образования, а во-вторых — методы обучения. Центральными моментами содержания гендерного образования должны быть идеи о гендерном ра-

венстве, о равенстве прав женщин и мужчин и той роли, которую играет феминизм в решении этой проблемы¹; о тех стереотипах и предубеждениях, которые существуют в обществе: сексизм, мачизм, неполноценность женщин и т. д. Так, при изучении темы, посвященной гендерным стереотипам, необходимо демонстрировать, что эти стереотипы могут быть и есть не только у людей, далеких от психологии, но и у профессионалов-психологов. Это, в частности, и стереотипы относительно феминизма, когда научное знание о нем подменяется расхожими мнениями. В содержании курса, с нашей точки зрения, должны быть представлены основные теории феминизма, желательно в сравнении с другими подходами, показаны положительные и отрицательные стороны данных теорий и их связь с реальной жизнью мужчин и женщин.

В качестве методов обучения предлагается использовать методы, центрированные на студентах и гендерно-сензитивные стратегии обучения и поведения в аудитории². Они включают в себя активные методы обучения (дискуссии, обсуждение в парах и группах, задания, связанные с обращением студентов к собственному опыту, рефлексия самими студентами гендерных различий, полученных в ходе обсуждения, и т. д.). Важным является сотрудничество со студентами при проведении занятий — преподаватель наравне со студентами выполняет все задания и участвует в обсуждении. Хорошо себя зарекомендовал метод анализа сценариев, которые разрушают стереотипы о мужчинах и женщинах. Очень важно, чтобы все студенты, и юноши, и девушки, научились рефлексировать относительно наличия у себя тех или иных предрассудков и стереотипов и научились видеть за фасадом различных ситуаций проблему неравенства прав, сексизма и дискриминации. Для формирования такой рефлексии, а также эмоционального отношения студентов к правам женщин успешным является ролевое проигрывание ситуаций на тему принятия на работу, продвижения по службе и др. с исполнением женских ролей мужчинами и наоборот и последующим анализом разыгрываемых ситуаций с точки зрения соблюдения или нарушения прав женщин. В результате таких занятий студенты приходят к выводу о том, что нарушение прав не осознается как проблема, и начинают более осознанно подходить к этому вопросу. При разыгрывании различных семейных ситуаций внимание студентов обращается на права ребенка и

¹ Ряд этих проблем проанализированы в работе: Ярская-Смирнова Е.Р. Гендерные аспекты дискурса учебной литературы по социальной работе. <http://www.genderstudies.info/social/s22.php>

¹ Клецина И. Гендерная идентичность и права человека. <http://www.genderstudies.info/psihol/psihol4.php>

² McCormick T. Creating the Nonsexist Classroom. A Multicultural Approach. NY, 1994.

необходимость их соблюдения. Проводятся параллели с работой школьного психолога, центром которой является соблюдение прав детей.

Обсуждения и дискуссии приводят аудиторию к выводу о необходимости формирования гендерной чувствительности для профессиональной работы психолога. Гендерно же чувствительным может быть человек, который осознает существование гендерных предрассудков и стереотипов и умеет преодолеть их в себе.

Как желаемый результат обучения хотелось бы получить у студентов понимание того факта, что преодоление всех видов дискриминации, отказ от предрассудков и стереотипов способствует свободному развитию личности, в том числе и профессиональному.

Кайзер Д.,

Гриннелл Колледж, Гриннелл (Айова, США)

Имущество русских крестьянок: историческая перспектива

На 1-м Всероссийском женском съезде, проходившем в декабре 1908 г., лишь одна из делегатов была крестьянкой¹. Программа съезда подтверждает общее положение дел: только одна секция поставила крестьянок в центр внимания². Кто-то из докладчиц заявил, что около 80% населения страны — крестьяне, и бессмысленно созывать съезд о правовом, экономическом, политическом и гражданском положении женщин в России, если среди делегатов крестьянок почти нет³. Но некоторые докладчицы-делегаты в целом описывали крестьянское общество того времени. Так, Елена Шевырева, обсуждая положение в Малороссии, верно заключила, что у крестьян преобладала гендерная система, дававшая мужчинам право устраивать семью по патриархальному, патрилинейному принципу. В такой системе женщина «пользуется почти никакими правами, а старость ее не обеспечена ничем»⁴.

¹ Edmondson L. Russian Feminists and the First All-Russian Congress of Women // Russian History. Vol. 3. Pittsburgh, 1976. P. 131–132.

² Труды 1-го всероссийского женского съезда при русском женском обществе в С.-Петербурге. СПб, 1909. С. xii.

³ Яновская Л. Современное положение крестьянки-украинки / Там же. С. 484.

⁴ Шевырева Е.И. Бытовое и правовое положение крестьянки в Малороссии / Там же. С. 220–221.

Та же гендерная система господствовала в русском крестьянском сообществе и ранее. В XVII в. крестьянки жили и работали в мире, очень похожем на мир крестьянок XIX в.: отцы и мужья обладали абсолютной властью, и женщины вообще жили под покровительством мужчин¹. Это положение ярко отражено в имущественных отношениях.

Как и у дворян, у крестьян весьма редко обнаруживаются духовные грамоты, написанные женщинами (чаще всего это вдовы). Так, в 1658 г. «крестьянка Дружининская жена Григорьева сына Губанова» готовила завещание, в котором сообщает, что душеприказчику следует взыскать с должников 4 рубля и 20 алтын. Все было написано в кабалах, говорит Фёкла, «а те кабалы писаны на имя покойного мужа моего Дружины». То есть деньги принадлежали мужу. Сама крестьянка мало чем владела². Кроме ссуд, у вдовы осталась только «однорядка синяя... без пугвиц». Федосья Меркурьева, умершая в 1677 г., вдовой не была. В духовной грамоте она велит душеприказчикам (в том числе мужу) потребовать от двух крестьян 2,05 рубля и еще 3,5 гривны — от племянника и его сына. Однако Меркурьева предлагала племяннику вместо выплаты ссуд взять и корову, и жито, если бы он принял к себе племянницу с дочерью и пообещал их «поить и кормить». Но, как Меркурьева объясняет, жито не ее, «...и тот весь хлеб мужа моего Кlementия отдал дочере моей хто будет станет ее поитником тот с ней хлеб...»³. Кроме ссуд и жита, другого имущества не упоминается. Ни земли, ни кухонной утвари, никаких сельскохозяйственных орудий Федосья Меркурьева по грамоте не подарила⁴.

Лет семь спустя представители Воскресенского монастыря переписали имущество бывшего мужа Федосьи, Ивана Меркурьева. В отличие от Федосьи, Иван оставил после себя довольно много имущества. Список включает: иконы, зерно, скот, орудия, посуду, «жеребеюку земли поля з двором», «два сенничка, да баннишко...». В этом перечне не указана стоимость предметов, но, основываясь на русских документах XVII в.,

¹ Kaiser Daniel H. Law, Gender and Kin in Seventeenth-Century Muscovy. Russian History. Idyllwild, California, 2007. v. 34. P. 315–30. Но см.: Boskovska Nada. Muscovite Women during the Seventeenth Century: At the Peak of the Deprivation of their Rights or on the Road towards a New Freedom? // Von Moskau nach St. Petersburg: Das russische Reich im 17. Jahrhundert. Wiesbaden, 2000. С. 50–55.

² Старая Вологда XII — начала XX в.: Сборник документов и материалов. Вологда, 2004. № 134; Описание свитков, находящихся в Вологодском епархиальном древнехранилище. Вып. 8. Вологда, 1905. С. 18–19.

³ Деловая письменность Вологодского края XVII–XVIII вв. Вологда, 1979. С. 10.

⁴ Там же. С. 11–12.

где она приводится для тысяч предметов, можно примерно подсчитать общую сумму его наследства¹. Если взять среднюю стоимость каждого предмета, в сумме получается 45 рублей. Вероятно, эта цифра превышает реальную стоимость наследства Меркурьева, но наш подсчет приблизителен. У Федосьи сумма была гораздо меньше. Если прибавить стоимость коровы и жита к сумме ссуд, то имущество, перечисленное в духовной грамоте Федосьи, оценивается в 4,7 рубля, то есть составляет лишь десятую часть имущества ее мужа².

Иногда наследство, передаваемое крестьянками по завещанию, бывало значительным. Т.В. Старостина приводит содержание духовной грамоты, составленной в 1689 г. Марфой Мироновой. Завещательница передала соседу, племяннику и духовному отцу не только товары и жито, но и пожни и «полоски мягкой орамой земли уречищем на гладкой пожни». Эта грамота примечательна не только тем, что ее составила женщина, — еще важнее то, что женщина владела землей³. Как правило, если в семье были сыновья, дочери имущество не наследовали, то есть, возможно, что отца пережили только она и ее сестра. Но дело здесь сложнее. Крестьянка передала зятю и сестре «отцовский деревенский участок» — «за то, что оне... кормили и поили, обували и одевали [меня] двадцать две годы». Миронова, по-видимому, долго жила под надзором сестры и зятя, и ясно, почему она чувствовала себя обязанной им. Но ее описание своей жизни в течение двадцати двух лет («...кормили и поили, обували и одевали...»), отражает традиционное гендерное отношение: мужчины русского крестьянского сообщества были обязаны кормить, поить, обувать и одевать своих жен и дочерей⁴.

Почему эта обязанность возлагалась на мужа? Потому что в русском патриархальном обществе, согласно исследованиям, было распространено представление, «что жена в семье подвластна и подчинена своему мужу, ибо находится от него в материальной зависимости. Жена, так же как и дети, была в неограниченной власти мужа и отца»⁵. Вот почему

¹ См.: Hellie R. *Economy and Material Culture of Russia 1600–1725*. Chicago, 1999.

² Если вместо средней стоимости взять самую низкую, соотношение почти не изменится. У мужа осталось бы около 10 рублей, у жены чуть больше 2 рублей (включая ссуды).

³ Старостина Т.В. Фонд шуерецкой волостной избы XVIII века: Северный археографический сборник. Вып. 6. Вологда, 1978. С. 35.

⁴ См.: Русская историческая библиотека. Т. 25. № 159, 225, 232.

⁵ Швейковская Е. Н. Крестьянская семья XVI–XVII вв.: Понятие и демография: Проблемы источниковедения. Вып. 1(12). Москва, 2006. С. 351.

дочерям и женам приходилось зависеть от отцов и мужей. И социальная роль женщин в крестьянском обществе — «мужняя жена». Вероятно, на Русском Севере дело обстояло именно так, потому что в документах XVII в. понятие «семья» нередко синонимично «жене»¹.

Карпенко Е.И.,
Харьковский национальный медицинский университет

Экологические права женщин: сегодня или никогда

Известно, что правовое равенство граждан имеет два аспекта: равенство граждан перед законом и судом (так называемое формальное равенство) и равноправие граждан (равенство друг перед другом). Рассматривая проблему экологических прав женщин в контексте их правового положения в целом, следует признать, что Конституция Украины², как и Конституции других демократических государств, провозглашает их равенство с мужчинами в данном контексте. Однако проблемы возникают в процессе легитимации экологических прав, которые, несомненно, нуждаются в расширении демократических процедур.

М. Вебер отмечал, что «в принципе имеется три вида внутренних оправданий, то есть оснований легитимности»³: господство традиции, харизматическое господство и обязательность легального установления. Это означает, что законодательно закрепленные экологические права (легальные установления) могут встречать сопротивление или поддержку со стороны двух других оснований легитимности — традиций и харизматических лидеров.

Гендерный подход к экологическим правам ставит под сомнение патриархальный авторитаризм и следование традиции, которым нередко приписывается статус алгоритмов легитимации экологических прав. Модернизация современного общества должна осуществляться на основе коммуникативной рациональности, связанной с созданием гражданского общества, правовых и политических институций, которые, действительно, отвечали бы принципам универсализации. Преодоление гендерного доминирования в решении экологических проблем возмож-

¹ Там же. С. 361.

² См.: Конституция Украины (статьи 3, 16, 24, 43, 50 и другие).

³ Вебер М. Избранные произведения. М., 1990. С. 646–647.

но лишь тогда, когда достижение компромисса, к уровню которого возводится в современных обществах задекларированное политическое и правовое равенство мужчин и женщин, уступит место дискурсивно-консенсусному способу регуляции экологической коммуникации в ее гендерном измерении.

Патерналистский элитаристский принцип, в пределах которого мужчины принимают решение относительно экологических проблем в том числе и за женщин, должен сегодня изменяться в направлении эгалитаристского принципа, согласно которому решения принимаются вместе женщинами и мужчинами. Лишь в таком случае можно говорить о легитимации экологических прав универсальным этосом демократического общества, основными принципами которого являются справедливость, а, следовательно, партнерство, нерепрессивность и толерантность. Вряд ли можно утверждать, что женщины по природе больше, чем мужчины, склонны к утверждению решений в пользу охраны природы. Такой «биологически детерминированный» подход способствует укреплению ложного представления о том, что мужчины ответственны за продуктивный сектор общества, а женщины — за репродуктивный. Вместе с тем нет сомнения, что увеличение представительства женщин в сфере принятия решений способствует повышению ответственности и расширению спектра взглядов и мыслей в процессе принятия решений. Это открывает простор, в рамках которого могут проводиться более прозрачные и критические дебаты относительно стабильности окружающей среды.

Принцип равноправного партнерства создает предпосылки для взаимопонимания между мужчинами и женщинами в процессе реализации их экологических прав. Его концептуализация связана с такими понятиями, как «аргументация», «дискурс», «консенсус», которые предполагают равноправные отношения людей в обществе — открытое обсуждение общественностью всех проблем, в том числе и экологических. Следует определить аргументативный дискурс всех возможных участников (как мужчин, так и женщин), который станет основой легитимации экологических прав, ставших проблемой в условиях ухудшения состояния окружающей среды.

Принцип нерепрессивности особенно важен, когда возникает потребность моральной и этической легитимации правового равенства мужчин и женщин, которое уже конституционно закреплено. Он ориентирует на установку, согласно которой нет другого принуждения, кроме принуждения более весомого аргумента. В современном обществе для женщин такими аргументами являются не слезы, хитрость и сетование на судьбу, на что их ориентировало традиционное общество, а активное

участие в дискурсе, в рамках которого формулируются весомые аргументы, дающие основание женщинам участвовать в принятии экологически важных решений. На этом пути женщин подстерегают определенные культурно-символические ловушки, сущность которых в противопоставлении позитивного образа традиционной женщины и негативного образа современной женщины. Так, сегодня в Украине достаточно часто женщины отказываются поддерживать акции в защиту окружающей среды именно по причине страха быть идентифицированными с феминистками, по отношению к которым сложилась негативная коннотация как истеричных, сексуально неудовлетворенных женщин. При этом, апеллируя к принципу толерантности, они оставляют мужчинам право решать экологические вопросы.

Однако все это совсем не значит, что толерантность, которую часто упоминают среди доминирующих национальных черт украинцев, не имеет позитивной нагрузки, а формирует установку лишь на пассивность, отказ от активных действий, поступков, ничего не предлагая вместо этого. Напротив, она предусматривает активную позицию субъектов взаимоотношений, и эта активность обнаруживает себя в равноправном диалоге мужчин и женщин по поводу экологических проблем. Толерантность формирует позицию активности, побуждает к установлению духовной связи с «другим». Толерантность имеет характер открытости. Толерантный человек стремится к пониманию других мыслей, суждений, мировоззренческих принципов, не стремясь свести все представления и идеи к общему знаменателю.

Таким образом, обращение к проблеме экологических прав женщин обнаруживает необходимость более сбалансированного участия мужчин и женщин в процессах принятия решений в сфере охраны природы. Учитывая серьёзное влияние, которое оказывает разрушение окружающей среды на жизнь всех людей и будущих поколений, мужчины и женщины обязаны в одинаковой степени разделять права и ответственность в отношении экологических приоритетов и принятия решений относительно экологически сбалансированного развития. Вместе с тем мужчины и женщины имеют право на одинаковую защиту от загрязнения окружающей среды. Государство обязано гарантировать эту защиту и не в последнюю очередь потому, что она является одним из императивов в сфере прав человека. К тому же, если правительства только частично защищают свое население или остаются безразличными к потребностям мужчин и женщин, доверие к ним снижается. Именно поэтому сегодня так важно артикулировать значение экологических прав женщин. В этой ситуации и экологические права мужчин оказываются более четко очерченными.

Провинциалка на выборах: история и современность

Одним из важнейших показателей динамичного развития общества является свободный доступ женщин к реализации своего права избирать и быть избранной. Именно этот фактор является одним из первоочередных условий достижения гендерного равенства.

На международном и национальном уровнях в последнее десятилетие наметился переход от борьбы за улучшение положения женщин к обеспечению гендерного равенства, что предполагает деятельность в интересах, как женщин, так и мужчин. Это делает актуальными проблемы вовлечения женщин в процессы принятия властных решений. В странах с устоявшейся демократией наблюдается устойчивая тенденция интеграции женщин в политический процесс и институты власти, а также тенденция к увеличению женского представительства во всех ветвях власти.

В России принцип равноправия мужчин и женщин закреплен в Конституции РФ (1993 г.), равные права и возможности мужчин и женщин связаны с неотъемлемыми правами человека и международными обязательствами нашей страны в данной сфере. Однако современная практика избирательного процесса в России свидетельствует о том, что женщины теряют даже те позиции в структуре власти, которые существовали в советский период. Об этом свидетельствует малочисленность женщин-кандидатов в партийных списках; дискриминационный подход к распределению «портфелей власти» в Государственной Думе и т. д.¹

По представительству женщин в высшем законодательном органе наша страна занимает одно из последних мест в мире: 13,5% женщин в первой Государственной Думе (1993–1995 гг.); 9,7% — во второй (1996–1999 гг.), 7,6% — в третьей (1999–2003 гг.), 9,84% — женщин в четвертой Государственной Думе (2003–2007 годы). На уровне регионального представительства женщин в структурах власти наблюдается похожая ситуация. В Дальневосточном регионе количество женщин в краевых и городских думах не превышает 5%². Так, в состав Думы

¹ Создание институциональных структур для соблюдения принципов гендерного равенства в России. М., 2003. С. 91–106; Мельникова Т.А. Женское движение в России в политических процессах современного общества. М., 1999.

² Создание институциональных структур...

Приморского края последнего созыва входят 46 депутатов, из которых всего 5 женщин (около 2%). При этом все женщины — депутаты относятся к среднему и крупному бизнесу, являются представительницами партии «Единая Россия».

Участвовать в избирательном процессе в качестве кандидата на место в законодательных собраниях в настоящее время может состоятельная женщина, обладающая связями во властных структурах различных уровней.

В настоящее время даже при условии участия в избирательном процессе женщины Дальнего Востока не в состоянии повлиять на ключевые решения в социальной, экономической и политической областях, касающихся российского общества в целом. Отсутствие человеческих и финансовых ресурсов в регионе для подготовки и реализации политической карьеры, слабая ответственность выборных чиновников за поддержку равенства полов и участия женщин в общественной жизни не позволяют осуществить программы и реализовать инициативы, направленные на повышение участия женщин в избирательном процессе.

К предстоящим выборам в ГД России Владивостокским центром гендерных исследований были подготовлены рекомендации по обеспечению действительного равенства возможностей между мужчинами и женщинами, в которых обоснована необходимость квотирования. Доступ к политическому и партийному руководству может быть обеспечен только позитивными действиями в области регулирования политических партий и избирательного процесса. Необходимо принятие нового избирательного закона, по которому требуется включение не менее 30% женщин в избирательные партийные списки. Эти списки должны иметь как минимум 30% женщин-кандидатов в пропорциях, исходящих из возможностей быть избранными. Любой избирательный список, который не соответствует этим требованиям, не может быть одобрен. Однако в настоящее время объединить не удастся усилия региональных женских организаций и представителей властных структур в области этих инициатив.

Показательны прошедшие параллельно с выборами в Государственную Думу Российской Федерации 2 декабря 2007 года выборы во Владивостокскую Думу. В результате голосования в состав местного законодательного собрания вошли пять партийных объединений:

Единая Россия —	36, 22% голосов избирателей;
КПРФ —	16, 19%;
Справедливая Россия —	14, 69%;

ЛДПР — 11,79%;
Женщины Владивостока — 7,75%¹.

Общественная организация «Женщины Владивостока» участвовала в избирательной кампании по выборам депутатов думы Владивостока, представив список из 13 кандидатов по единому избирательному округу (дума столицы Приморья формируется по смешанной — пропорционально-мажоритарной — системе). Большинство кандидатов составляли женщины — предприниматели.

Эта организация до выборов практически никак себя не проявляла и, скорее, носила формальный характер, чем действительно выражала интересы жительниц г. Владивостока. Активизация деятельности связано именно с выборами в местное законодательное собрание. Интересны избирательные технологии, использованные организацией «Женщины Владивостока». Накануне выборов лидер избирательного объединения «Женщина Владивостока», предпринимательница Лариса Омелянчук распространила в приморских СМИ заявление о необходимости выдвижения Людмилы Путиной на пост президента России. По ее словам, действующая Конституция не позволяет Владимиру Путину баллотироваться на третий срок на предстоящих в марте выборах главы государства. Однако большинство граждан России выступает за продолжение курса нынешнего президента, и лучшим гарантом преемственности власти способна стать его жена. В заявлении также говорилось, что объединение «Женщины Владивостока» готово выступить в качестве инициативной группы по выдвижению госпожи Путиной в качестве кандидата в президенты. Лидер этой общественной организации заверила, что со стороны идею выдвижения Людмилы Путиной избирательному объединению никто не подсказывал: «Это абсолютно наша, самостоятельная инициатива»².

Показательны довольно пренебрежительные оценки этих избирательных технологий приморскими политиками, которые в целом указывали на «несерьезный» характер женского участия в избирательном процессе. Так, к примеру, руководитель приморской организации «Справедливая Россия» Владимир Войтовский заявил, что это какие-то несерьезные женские штучки, связанные с выборами³.

¹ По данным избиркома г. Владивостока.

² Приморские политики: инициатива по выдвижению Л. Путиной в президенты — неудачный пиар-ход. <http://www.prinrussia.ru/?action=show&id=40934>

³ Там же.

В целом в Дальневосточном регионе деятельность женщин — депутатов оказывает незначительное влияние на разрешение проблем женщин региона, на процесс принятия властных решений.

Преодоление подобных проблем возможно через вовлеченность женщин в общественно-политические движения; участие в неправительственных организациях и политических партиях; специальная подготовка женщин-лидеров. Вопросы обеспечения равных прав и свобод и равных возможностей мужчин и женщин, как бы серьезно они ни поднимались представителями общественности, должны найти решение на государственном уровне. Должна быть создана специальная система государственных мер, гарантий и институтов, обеспечивающих их и препятствующих гендерной дискриминации.

*Колесникова В.Л.,
Белгородский государственный университет*

Правовое положение женщины духовного сословия второй половины XIX — начала XX вв. (на примере Курской и Тамбовской губерний)

В XIX — начале XX вв. церковь претендовала на активную позицию в регулировании отношений мужчин и женщин при расторжении брака и при вступлении в повторный брак. Духовная власть ограничивалась только своим церковным законодательством. Некоторые этнографы второй половины XIX в. считали, что положение женщины в семье и обществе практически не изменилось со времен царствования Ивана Грозного¹. Другие высказывают мнение, что женщина в брачных отношениях с негодным супругом не была пассивной и степень ее сопротивления к рубежу веков возросла².

¹ Ефименко А.Я. Народные юридические воззрения на брак // Знание. 1874. № 1. С. 1–45; Лазовский В.С. Личные отношения супругов по русскому обычному праву. С. 358–414.

² Мареева Е.П. Церковный фактор в демографическом поведении населения Тамбовской губернии в XIX — начале XX в. СПб, 1908. С. 8; Ее же. Проблема получения женщинами права на отдельное от супруга проживание. СПб, 1909. С. 28; Булгаков С.В. Православие: очерки учения православной церкви. М., 1991. С. 238.

Правовой статус женщины из духовного сословия определялся положением ее мужа на церковной служебной лестнице. Однако издавна в церковной среде закрепился обычай, который сочетал правовой и экономический аспекты и являлся особенной «привилегией» женщин из духовного сословия.

В пореформенный период сохранить за семьей место было сложнее. Информация о вакансиях попадала в духовную консисторию, и чиновники, по договоренности с другими кандидатами и за определенную мзду, могли повести дело так, что приход, особенно доходный, передавался в новые руки. Резко сокращались шансы тех наследниц, отцы которых отстранялись от службы за нарушение церковных уставов (пьянство¹, вымогательство², избиения³, прелюбодеяние⁴, незаконное венчание⁵, отказ причастить⁶).

Жены духовных лиц усваивали их сословную принадлежность и сохраняли ее после смерти мужей (до повторного брака). Лица, принадлежавшие к православному духовенству, подлежали суду духовного ведомства.

Супруга церковно- и священнослужителя была обременена хозяйственными заботами и занята воспитанием детей, а материальное благополучие обеспечивал супруг. В архивных материалах часто встречаются документы, свидетельствующие о том, что к 45–50 годам женщина вдовела, имея в семье до 8 детей, причем половина из них были малолетними, а некоторые — носителями неизлечимой болезни; их воспитание и образование требовало немалых финансовых затрат. Права же на наследство и различного рода материальную помощь строго регламентировались Синодальным управлением⁷.

В таких случаях семьи умерших священников и церковнослужителей могли пользоваться пенсиями и единовременными пособиями, но не всегда закон был на их стороне. В конце XIX — начале XX вв. их выплачивали из церковных средств до 25 рублей в год. Следует заметить, что система

¹ Государственный архив Тамбовской области (далее ГАТО). Ф. 181. Оп. 1. Д. 1998. Обвинение священника в пьянстве.

² ГАТО. Ф. 181. Оп. 1. Д. 1999–2008. Обвинение священника и вымогательстве.

³ ГАТО. Ф. 181. Оп. 1. д. 2009. Обвинение священника в избиении ученика церковно-приходской школы.

⁴ ГАТО. Ф. 181. Оп. 1. Д. 2012. Обвинение священника в сожительстве с крестьянкой.

⁵ ГАТО. Ф. 181. Оп. 1. Д. 2014. Обвинение священника в незаконном венчании.

⁶ ГАТО. Ф. 181. Оп. 1. Д. 2013. Обвинение священника в отказе причастить.

⁷ Государственный архив Курской области (далее ГАКО). Ф. 25. Оп. 1. Д. 22. Лл. 10, 73, 87, 91, 97.

пенсионного обеспечения совершенствовалась. В конце XIX века были открыты эмеритальные кассы («эмерит» — выслуга, заслуга), которые учреждались для обеспечения вдов и детей-сирот умерших священников¹.

Право на получение пенсий и единовременных пособий предоставлялось при увольнении со службы штатным священникам и псаломщикам, а после их смерти вдовам и детям, что регламентировалось «Уставом о пенсиях и единовременных пособиях священнослужителям и псаломщикам епархиального ведомства от 3 июня 1902 г.»² «Священники, подвергшиеся лишению сана, а также псаломщики, которые подвергнутся исключению из службы и духовного звания, теряют право на пенсии как для себя, так и для семейства»³, о чем свидетельствует ст. 14 Устава. В ст. 5 Устава прописано, что вдовы и дети умерших священников и псаломщиков имеют право на пенсию, если мужа и отцы их: умерли на службе по приобретении права на пенсию с выслугою установленных сроков; находились в отставке и получали пенсию или имели право получать пенсию.

Правом на пенсии не пользовались по ст. 6 Устава: достигшие 21 года; сыновья, вступившие в службу или общественные заведения на казенное содержание; дочери замужние или принятые в общественное заведение на казенное содержание. Пожизненные пенсии могли быть назначены детям священников и псаломщиков, которые находились в бедности, получили увечья или были одержимы неизлечимыми болезнями, что следует из ст. 7 Устава.

Что касается сроков выслуги пенсий, то они распределялись по ст. 9 Устава следующим образом:

от 20 до 30 лет выслуги получают 1/3 оклада;

от 30 до 35 лет — 2/3 оклада;

за 35 и более лет выслуги — полный оклад.

Выходящие за штат по неизлечимой болезни или состоянию здоровья имеют право на следующие пенсии, что указано в ст. 11 Устава: от 10 до 20 лет — 1/3 оклада; от 20 до 30 лет — 2/3 оклада; 30 лет — полный оклад.

Из ст. 12 Устава следует, что священники и псаломщики, нуждающиеся в посторонней помощи, т.е. по состоянию здоровья недееспособны, получают пенсии: от 5 до 10 лет выслуги — 1/3 оклада; от 10 до 20 лет — 2/3 оклада;

¹ Курская епархия. Историческая справка (XIX век). <http://www.eparhia.kursk.ru/isth2.htm>

² См.: Устав о пенсиях и единовременных пособиях священнослужителям и псаломщикам епархиального ведомства от 3 июня 1902 г. / Справочная книга о церквях, приходах и причтах Курской епархии за 1908 г. В 3-х ч. Ч. III. Курск, 1909.

³ Там же.

20 лет — полный оклад. В ст. 13 Устава фиксируется выслуга псаломщиков, начиная с 17-летнего возраста, а у священников — в том случае, если они по всем правилам после учебного заведения были рукоположены в сан и определены в приход. Всякая служба — гражданская, военная, духовная засчитывается 1 год за 1 год, что отражено в ст. 14 Устава.

В ст. 21 Устава говорится о вдовах с детьми, имеющими право на пенсию: 50% вдове, а детям по 1/3 части другой половины «на каждого сына или дочь», если осталось без отца три малолетних ребенка, то выплачивалась полная пенсия.

Если пенсия не превышала 30 рублей в год на все семейство, то должно было добавляться 30 рублей без уменьшения оклада.

Малолетние дети, оставшиеся без матери после смерти отца, получали по j части от оклада каждый. Если их четверо — то полную пенсию¹. Лица, желавшие воспользоваться пенсией или единовременным пособием, подавали прошения епархиальному преосвященству².

Пенсии распределялись неравнозначно, не в пользу многодетных семейств, например, на троих или четверых несовершеннолетних детей или больных совершеннолетних, как было рассмотрено выше, выделяется из пенсии по j части на каждого ребенка, а на пятерых³ и более детей пенсия делится на равные доли. Например, если оклад 225 рублей, а детей трое или четверо, то они получали примерно по 56 руб. каждый, если детей пятеро, то по 45 руб., если шестеро — то по 34 руб.

Малоимущие семьи священников и псаломщиков, главы которых умерли до выслуги установленных пенсионных сроков, имели право на получение единовременного пособия. Если срок выслуги менее 10 лет, то семья получает полугодовой оклад, если более 10 лет — годовой.

Таким образом, если несладкая семейная жизнь завершалась вдовством, то женщину ожидали дальнейшие унижения: выхлопотать хоть самое ничтожное содержание, доучить детей, не потерять право проживания в казенном поповском доме. Несмотря на то, что еще с екатерининских времен стал формироваться фонд для поддержки семейств духовенства, а с 1866 г. по всем епархиям был установлен особый сбор для его пополнения⁴, помощь была незначительной и нестабильной.

¹ Так же пенсия распределялась после смерти матери, если отец поступил в монахи.

² Прощения о назначении пенсий или пособий малолетним сиротам подавались их опекунами или местными благотворителями.

³ ГАКО. Ф. 25. Оп. 1. Д. 22. Л. 1.

⁴ См.: Доброклонский А. П. Руководство по истории Русской Церкви. б/г.

Как мы видим, система правовой регламентации жизни женщины духовного сословия была далеко несовершенной и зачастую неспособной обеспечить нормальные условия для существования жен и детей духовного звания.

Коляскина Е.А.,

Бийский педагогический государственный университет (Бийск)

Скрытая от глаз: традиционные представления сельских жителей Алтая, связанные с женским телом

Во второй половине XIX — первой трети XX в. на исследуемой территории современного Алтайского края и примыкающих районах Республики Горный Алтай и Республики Казахстан сельское население разделялось на две этнографические группы: старожилов и переселенцев. В первой группе по конфессиональной принадлежности выделялись православные (*сибиряки, бергалы, казаки*) и старообрядцы (*поляки, кержаки, австрийцы* и др.). Переселенцы (*российские*) делились по местам выхода (*воронежские, вятские, курские* и т. д.).

Тело женщины не было предметом демонстрации, тем более, если она была замужем.

Замужняя женщина не могла показываться на улице, на людях с непокрытой головой (тогда говорили — *гологоловой, простоволосой, космачом*) — это считалось неприличным¹. Непосредственно на волосы надевался головной убор (*кичка, шашмура, сапец, наколок*), который покрывался шалью. На праздники в XIX в. они дополнялись *кокошником* и *подзатыльником*². У кержаков снимать *шашмуру* можно было

¹ Герасимов Б. В долине реки Бухтармы // ЗСПЗСОРО. Семипалатинск, 1911. Вып. 5. С. 23; Швецова М. «Поляки» Змеиногорского округа // ЗЗСО-ИРГО., 1899. С. 32; ПМА (Полевые материалы автора), 2006, ВКО (Восточно-Казахстанская область).

² ПМА, 2005–2006, Солтонский, Шелаболихинский, Тогульский районы, ВКО; Бухтарминские старообрядцы. Л, 1930. С. 346; Герасимов Б. В долине реки Бухтармы... С. 22–23; Швецова М. «Поляки» Змеиногорского округа... С. 32; Корникова Л.В. Типология и эволюция народного костюма крестьян Бийского округа в первой трети XX в. // Бийский район: История и современность. Т. 1 Барнаул, 2005. С. 131–132; Куприянова И.В. Типы мужской и женской одежды, бытовавшей в первой трети XX в. (на материале сел Залесово, Думчево, Пещерка) // Залесовское Причумышье: Очерки истории и культуры. Барнаул, 2004. С. 172.

только на ночь. Ходить в одной *шашмуре* даже в своем доме разрешалось лишь старухам¹. Женские головные уборы были распространены у всех этнокультурных групп русских Алтая, но до конца исследуемого периода сохранялись только у старообрядок, остальные заменили их платком. Вероятно, в начале это было вызвано влиянием города, а в последствии и заменой венчания на регистрацию брака. В этом случае не было свадебного обряда, без которого ношение *шашмуры* старожилов считали невозможным². Закрытой у женщины должна быть и шея, были распространены формы одежды с вырезом *под горлышко* или с *ошейником* (глухой воротник)³. Судя по фотоматериалам, вырезы, обнажавшие основание шеи, появились в женском костюме в 1920-е гг.⁴ Что касается рук, они закрывались рукавом до *косточки* (запястья), особенно строго за этим следили старообрядцы⁵. При выяснении отношений между мужчиной и женщиной последняя могла сказать: «Что ты меня ругаешь! Ты моих локтей видал?»⁶. В одежде переселенок и православных старожилов мог присутствовать более короткий рукав, но локти оставались закрытыми⁷. Видимо, рукам придавалось особое ритуальное значение. Женские ноги также скрывались под длинной юбкой или сарафаном, в *пол* или по щиколотку, в 1920–30-х гг. до середины голени⁸. Появление в начале 1930-х гг. юбок длиной выше колена называли *бессовестной модой*, которая не прижилась. Обладательницу такого наряда считали женщиной легкого поведения. Показать женщине колени считалось непристойным, даже грехом⁹. Вероятно, женские

¹ Бухтарминские старообрядцы... С. 347.

² Куприянова И.В. Указ. соч. С. 172.

³ ПМА, 2005, Шелаболихинский район; Бухтарминские старообрядцы... С. 326; Корникова Л.В. Указ. соч. С. 128; Куприянова И.В. Указ. соч. С. 166–167.

⁴ ПМА, 2001, 2005, Кйтмановский, Шелаболихинский район; Бухтарминские старообрядцы... С. 29, 177, 337; ШКМ (Шемонаихинский краеведческий музей). КП. 04. 1973; 07. 3312; 012. 6107; неописанные фонды.

⁵ ПМА, 2005–2006, Шелаболихинский, Тогульский районы; Бухтарминские старообрядцы... С. 321; Куприянова И.В. Указ. соч. С. 167.

⁶ Фурсова Е.Ф. Традиционная одежда русских крестьян-старожилов Верхнего Приобья (конец XIX — начало XX вв.). Новосибирск, 1997. С. 23.

⁷ Бухтарминские старообрядцы... С. 174; Корникова Л.В. Указ. соч. С. 128.

⁸ Бухтарминские старообрядцы... С. 29, 177, 337; Корникова Л.В. Указ. соч. С. 128; Куприянова И.В. Указ. соч. С. 167–168; Фурсова Е.Ф. Указ. соч. С. 23; ПМА, 2006, Тогульский район.

⁹ ПМА, 2004, Чарышский район, 2006, ВКО; ШКМ. КП. 04. 1973; Куприянова И.В. Указ. соч. С. 164.

ноги, особенно колени, связывались с сексуальной энергией, о чем свидетельствуют фольклорные тексты и использование обуви в гадании на суженого¹.

Принцип скрытности в женской одежде осуществлялся и за счет трапезиевидного силуэта и многослойности. Основными формообразующими элементами были вытачки, зашпы, сборки, которые создавали объемные формы², с акцентами на груди и бедрах. Выделение талии не столько подчеркивало ее тонкость, сколько пышность груди и бедер. Создавался эффект постоянной беременности, таким образом, красота тела связывалась с материнством. В первой трети XX в. самой распространенной женской одеждой на Алтае стала *парочка* (юбка и кофта), крой которой был более рельефным и акцентированным на талии, чем у сарафанного комплекса, сохранявшегося преимущественно у старообрядок³. Наибольшей приверженностью традиционному костюму отличались *кержаки*, а наибольшей лояльностью *самодуровцы* и *австрийцы*⁴.

Привлекательность женского тела, при его закрытости, обеспечивалась яркостью нарядов и обилием украшений, которыми отличался костюм старожилов, особенно *поляков* и *бухтарминцев*⁵. *Кержаки* имели к украшениям двойственное отношение: с одной стороны, носить их считалось грехом, в некоторых общинах этот запрет соблюдался; с другой стороны, у старообрядок, как наиболее зажиточной части селян, часто имелись наиболее броские и дорогие украшения⁶. Роль здесь играла и принадлежность к возрастной группе: молодые женщины могли себе позволить более яркие наряды и украшения.

Представление о необходимости максимально закрывать женское тело было связано с концепцией православной церкви и соматическими

¹ ПМА, 2003–2004, Бийский, Чарышский районы.

² Фурсова Е.Ф. Указ. соч. С. 23.

³ МЭЭ БПГУ (Материалы этнографической экспедиции Бийского педагогического государственного университета), 1999–2002, Красногорский, Солонешенский, Алтайский, Целинный районы; ПМА, 2003–2006, Бийский, Чарышский, Шелаболихинский, Тогульский районы, ВКО; Герасимов Б. Указ. соч. С. 22; Гребенщиков Г.Д. Река Уба и убинские люди // <http://irbis.asu.ru/docs/altai/literature/greben/story.html>; Куприянова И.В. Указ. соч. С. 167; Новоселов А. Отчет о поездке на Алтай // Известия ЗСОИРГО. 1913, Т. 1, вып. 2. С. 10; Швецова М. Указ. соч. С. 31.

⁴ Бухтарминские старообрядцы... С. 314, 319; Швецова М. Указ. соч. С. 34, 50.

⁵ Бухтарминские старообрядцы... С. 315, 355–356; Гребенщиков Г.Д. Ука. Соч.; Новоселов А. Указ. соч. С. 9–10; Швецова М. Указ. соч. С. 32–33.

⁶ Куприянова И.В. Указ. соч. С. 174.

представлениями русских. Для русских Алтая были характерны представления о нечистоте женщины в период регул¹. Женская половая сфера связывалась с природными силами, подземным миром, поскольку традиционное сознание связывало деторождение с мифическими силами². Отсюда и термины, обозначающие регулы, — *гости, месячные* (чужие и временные) и аллегория болезни — *заболела, больна* (присутствие природных признаков). Наибольшая распространенность на Алтае названий месячных, производных от женской одежды: *на рубахе, на белье*³, предполагает, что самой распространенной была ассоциация регул с самим существом женщины⁴, месячные являлись *женским признаком*. С месячной *нечистотой* связаны лексемы, означавшие очищение: *начала мыться* (о начале регул), *отмылась* (о наступлении климакса)⁵.

В первую очередь, *нечистая* женщина не должна была контактировать с предметами культа: ходить в церковь, прикасаться к иконам. Этот запрет сохранялся в селах, где дольше функционировали церкви или имелись старообрядческие общины. Контакты с нечистой женщиной как подавляющей жизненную силу считались губительными для всего живого⁶: «Когда на белье, тогда не спишь (с мужем — *Е.К.*)⁷. Необходимость ограничения контактов с женской нечистотой распространялась и на предметы одежды, имевшие следы месячной крови. Женщина должна была стирать свое белье отдельно. Вода после такой стирки считалась вредоносной, требующей особой утилизации⁸. Что же касается хозяйственных запретов, то кроме предписания ограничить тяжелую работу, нами было зафиксировано лишь одно свидетельство их существования: «Говорили даже так, допустим квасить капусту, соленья со-

¹ ПМА, 2003–2006, Бийский, Чарышский, Солтонский, Тогульский районы, ВКО.

² Мазалова Н.Е. Состав человеческий: Человек в традиционных соматических представлениях русских. СПб., 2001. С. 97.

³ ПМА, 2004–2006, Чарышский, Солтонский, Шелаболихинский, Тогульский районы; ВКО.

⁴ Агапкина Т.А. Славянские обряды и верования, касающиеся менструации / Секс и эротика в русской традиционной культуре. М., 1996. С. 105.

⁵ ПМА, 2004–2006, Чарышский, Солтонский, Шелаболихинский районы, ВКО.

⁶ Кабакова Г.И. Антропология женского тела в славянской традиции. М, 2001. С. 197.

⁷ ПМА, 2005, Солтонский район, с. Макарьевка, Смирнова А.М., 1913 г.р., российская.

⁸ ПМА, 2001–2005, Кытмановский, Бийский, Чарышский, Солтонский, Шелаболихинский районы.

лить какие-то. Одна тетя говорила у нас: «При себе имеешь когда, при себе имеешь, не надо ниче делать, не надо, ни стряпать, ни солить»... испортятся продукты или будет такой же кислый, вялый как вот сама женщина в этот период менструального цикла, что он не будет удачным этот продукт»¹. Возможно, утрата данных представлений произошла в связи с распространением малой семьи, в которой женщину некому было заменить.

Существовала разница в отношении к регулам разных социовозрастных категорий женщин. Девушки скрывали свое состояние от окружающих, а замужние не придавали ему особого значения². На Алтае прятали белье со следами регул, особенно первых, от матери. Не было принято, чтобы мать информировала дочь заранее о физиологических процессах, проходивших в женском организме. Информацию девочка получала чаще всего от старших подруг или сестер³. При этом был распространен взгляд на месячные как на нормальный физиологический процесс женского организма⁴.

Таким образом, женское тело воспринималось как часть природы, нуждающаяся в культурном оформлении, одежде. Большое влияние на представления о нем оказало материнство, которое влекло неоднозначное отношение к женскому телу. На телесный образ женщины также влияла ее принадлежность к определенной возрастной и этнографической группе.

Кись О.Р.,
Институт этнологии НАН Украины (Львов)

Проблемы (ре)конструкции истории женщин в Украине: акторы, авторы, нарративы

Сегодня женские и гендерные исследования в Украине переживают период взросления, преодолевая проблемы позиционирования и институционализации в Науке. Искусственно прерванная на длительное вре-

¹ ПМА, 2004–2006, Чарышский, Солтонский, Шелаболихинский, Тогульский районы, ВКО.

² Кабакова Г.И. Ука. соч. С. 194.

³ МЭЭ БПУ, 2000, Солонешенский район; ПМА, 2004–2006, Чарышский, Солтонский, Шелаболихинский, Тогульский районы; ВКО.

⁴ ПМА, 2001, 2005–2006, Кытмановский, Шелаболихинский, Тогульский районы.

мя традиция исследования истории женщин, зародившаяся в украиноведении на рубеже XIX–XX веков, искаженные коммунистической идеологией и дискредитированные советской практикой идеи феминизма, информационная изолированность и идеологический прессинг в советское время — главные причины длительной стагнации этого направления в отечественной науке. Оставив большинство этих проблем в прошлом, ныне украинская женская история пытается восполнить упущенное. Растущее число и объемы изданий по этой тематике в Украине в годы независимости вселяют оптимизм, однако тенденции, прослеживаемые в исследованиях и публикациях по истории женщин, вызывают тревогу.

Критический обзор основных публикаций (труды украинских авторов и переводы зарубежных изданий), тематически связанных с историей украинских женщин и доступных украинскому читателю, позволяет выявить основные тенденции в развитии женской истории в Украине в годы независимости¹. Цель анализа — раскрыть особенности господствующих нарративов и выяснить, кто стоит по обе стороны истории, которую они (нарративы) повествуют — кто ее авторы и кто в ней действующие лица. В существующих публикациях отчетливо прослеживается последовательное развертывание четырех основных нарративов. (1) о Берегине (основанный на идее исконного «домашнего матриархата» и «феминной» сущности украинского менталитета) (2) о Великой Женщине (воспевающий отдельных выдающихся украинских женщин и отдающий должное их личным достижениям) (3) о Национальном Феминизме (обосновывающий уникальность украинского женского движения вне феминистской парадигмы и женского вклада в национальное строительство) (4) о Женской Доле (раскрывающий индивидуальный исторический опыт обычных женщин).

Нарратив о Берегине

Концепт Берегини² в его нынешнем понимании проник в украинский публичный дискурс в контексте национального подъема в конце 1980-х

¹ Первый вариант этого текста был представлен на «HURI Seminar in Ukrainian Studies» в Украинском Научном Институте при Гарвардском Университете 19 ноября 2007 г.

² Подробнее о генезисе, продвижении и закреплении концепта Берегини в научном, публичном и политическом дискурсах в Украине, см.: Oksana Kis. Choosing without Choice: Predominant Models of Femininity in Contemporary Ukraine, in: Gender Transitions in Russia and Eastern Europe / Ed. by Hurd M., Carlback H., Rastback S. Stockholm, 2005. P. 105–136.

из литературно-фольклористической среды. Нарратив о Берегине зиждется на идее непреходящего матриархатного характера гендерных отношений в традиционной украинской семье, которую активно развивали украинские этнографы и фольклористы на рубеже XX века. Украинская народническая литература того времени также активно выстраивала образ украинки-матриарха. Благодаря этому в массовом сознании укоренилось представление об исключительном, привилегированном положении женщин в украинском обществе в историческом прошлом.

Возникший как часть новой национальной украинской мифологемы, концепт Берегини довольно скоро превратился в неотъемлемую составляющую официального национально-государственного дискурса. Этот процесс ознаменовался активным использованием образа Берегини в риторике политических лидеров и явными попытками включения нарратива о Берегине в новый национальный гранд-нарратив.

В исторических исследованиях заметна тенденция идеализации исторического прошлого, проявляющаяся в некритичном восприятии народной культуры, ее абсолютизации. Оценки и выводы историков и этнографов прошлого чаще всего воспринимают аксиоматично, их не только не подвергают сомнению, но используют в качестве неоспоримых истин для обоснования нерелевантности гендерного подхода и феминистского анализа при изучении украинской истории.

Под именем Берегини получили «научную» легитимацию многие псевдонаучные представления о гендерных отношениях в украинском обществе в прошлом; ныне они активно циркулируют и эксплуатируются внутри и вне академии.

К нарративу о Берегине чаще всего обращаются исследователи, не имеющие непосредственного отношения к исторической науке. Авторы, пишущие о гендерной проблематике в политике, экономике, социальной сфере, языке и пр. обычно включают раздел об «исконных матриархатных традициях» в украинской культуре в свои публикации¹. Такие тексты выстраиваются по типичной схеме: вначале предлагается тезис о том, что статус женщин в обществе является основным индикатором уровня его «прогрессивности»; затем цитируются взгляды и оценки отцов-основателей украинской истории и этнографии по поводу исключительного положения украинских женщин в прошлом; далее следует перечень нескольких разрозненных и вырванных из исторического кон-

¹ См. напр.: Лавриненко Н. Женщина: самореализация в семье и обществе. Киев, 1999; Говорун Т., Кікінежді О. Стать та сексуальність: психологічний ракурс. Тернопіль, 1999; Кулачек О. Роль жінки в державному управлінні: старі образи, нові обрії. Київ, 2005; Савицька Л. Мова і стать // Критика. 6(9), 2003.

текста фактов, ілюструючих «особе» отношение к женщине в украинской культуре; вслед за этим предлагается глобальный вывод о матриархатности украинской культуры / феминности украинского менталитета / эгалитарности гендерных отношений и т. п. Историческая миссия женщин при этом визуализована образами, позволяющими слить воедино понятия феминности, материнства, христианства и нации, выстраивая ядро комплексного концепта Берегини.

Нарратив о Великой Женщине

Сборники кратких биографий выдающихся украинок — самая популярная форма представления женской истории для широкой общественности. Нарратив о Великой Женщине сформировался под влиянием и по образцу трудов исследователей из среды украинской диаспоры США и Канады, переводы которых появились в Украине на заре независимости¹. Такие тексты предлагают эпическое повествование о Женщине и ее особой миссии в развитии украинской культуры (в широком смысле), формировании нации и утверждении государственности. Очевидная цель этого нарратива — признание заслуг тех украинок, чей личный вклад в общенациональное дело можно четко определить, описать и измерить. Типичный перечень обычно ограничен несколькими десятками знаковых личностей, хотя изредка появляются новые / забытые имена женщин, преуспевших в науке, искусствах, благотворительности, образовании и т.п. Тип публикаций варьируется от солидных академичных монографий и сборников², научно-популярных и публицистических изданий³, и до явно коммерческих книжек⁴, что существенным образом отражается как на содержании и качестве текстов, так и на технических характеристиках изданий. В результате низкопробные массовые, яркие и дешевые книжки более доступны читателю, тогда как «чистая наука» вновь оказывается «далекой от народа». Практически все издания такого типа содержат предисловие, написанное неким высокопоставленным лицом, обычно не имеющим малейшего представления о женской истории как научной области. В результате полное стереотипов и эссенциалистских тезисов введение часто

¹ Козуля О. Жінки в історії України. Київ, 1993; Луговий О. Визначне жіноцтво України: історичні життєписи. Київ, 1993; Кузич-Березовський І. Жінка і держава. Львів, 1994.

² Шумрикова-Карагодіна Л.П. Видатні жінки України їхній внесок у розвиток національної і світової науки. Дніпропетровськ, 1999; Українки в історії / Під ред. В.Борисенко. Київ, 2004.

³ Генік С. 150 видатних українок. Ів.-Франківськ, 2003.

⁴ Сто знаменитых женщин Украины / Ред. Д. Таболин. Харьков, 2006.

совершенно противоречит содержанию книги, вводя в заблуждение читателя и профанируя саму идею нарратива о Великой Женщине — признание женских достижений вне традиционных гендерных ролей.

Нарратив о Национальном Феминизме

История женского движения в Украине — наиболее профессионально окрашенная область женской истории, поскольку предполагает работу с историческими архивами. Как и предыдущий, нарратив о Национальном Феминизме был позаимствован у западных коллег: едва ли не каждое исследование об украинском женском движении (более или менее удачно) следует шаблону известной книги Марты Богачевской-Хомяк, перевод которой был опубликован в Украине в 1995¹. Основной тезис этого — уже классического — труда гласит: украинское женское движение первой половины XX века, будучи по сути эмансипационным, сделало сознательный выбор в пользу целей национального освобождения, отодвинув борьбу за права женщин на второй план и отказавшись от феминистской идеологии западного образца. Эта идея стала основой нарратива о Национальном Феминизме и предопределила развитие целого направления исследований в области женской истории. При неоспоримой эмпирической ценности таких работ, даже самое подробное и систематическое описание деятельности женских организаций не может заменить анализа. При этом значение всего движения сведено почти исключительно до социально-культурно-просветительской миссии и подъема национального сознания². Логический вывод о национальном «феминизме без феминизма» в Украине следует. При этом, обсуждая вопрос противоречивого соприсутствия феминизма и национализма в женском движении, авторы демонстрируют полное незнание базовых теоретических трудов в этой области³.

Фактически, большинство исследователей стремится найти ответ на вопрос «в чем украинская специфика?», а не «в чем женская специфика?», исследуя практически любой аспект женской истории в Украине.

¹ Bohachevsky-Chomiak M. Feminist Despite Themselves: Women in Ukrainian Community Life, 1884–1939. Edmonton, 1988; Богачевська-Хом'як М. Білим по білому: жінки в громадському житті України, 1884–1939. Київ, 1995.

² См. напр.: Гнатчук О. Українські жіночі організації на Буковині (80-і рр. XIX — 30-і рр. XX ст.). Чернівці, 2004.

³ Маланчук-Рибак О. Ідеологія та суспільна практика жіночого руху на західноукраїнських землях XIX — першої третини XX ст.: типологія та європейський культурно-історичний контекст. Чернівці, 2006; Савчук Б. Жіноцтво в суспільному житті Західної України. Ів.-Франківськ, 1999.

Даже в новейших публикациях именно национальный — а не женский — вопрос фигурирует как центральная проблема анализа¹.

Слабость теоретико-методологической основы (или полное отсутствие таковой) в большинстве исследований на практике означает отсутствие какого-либо критического анализа идеологии и практики женского движения. Похоже, основной целью таких изданий является обоснование и одобрение приоритета задач национального освобождения над собственно эмансипацией женщин. Выводы авторов весьма предсказуемые и полностью согласуются с официальным политическим дискурсом. Историческая наука — включая историю женщин — остается сферой идеологической и по-прежнему пребывает на службе у политики.

Нарратив о Женской Доле

Исследование недавнего прошлого через индивидуальный исторический опыт обычных женщин — сравнительно новое, но интенсивно развивающееся направление в женской истории Украины. «Биографический бум» проявляется в разных по формату и стилю публикациях (мемуары, автобиографии и биографии, биографические справочники и пр.). Их качество колеблется от любительских рассказов, журналистских заметок (сбитых в книжку) и наукообразных публицистических очерков — и до сборников тщательно подобранных и профессионально обработанных личных данных и документов. Они повествуют о судьбах украинских женщин, проявивших себя прежде всего в общественной или профессиональной деятельности. При этом четко прослеживаются две тенденции: 1) абсолютное большинство таких публикаций издано в Западной Украине; 2) книги из этого региона сфокусированы преимущественно на женском опыте участия в национально-освободительном подполье в 1940–50-х и последующих репрессиях², в отличие от менее политизированных профессиональных биографий, публикуемых в других регионах³. Значение таких

¹ Кобченко К. «Жіночий університет Святої Ольги»: історія Київських жіночих курсів. Київ, 2007.

² См. напр.: Українська жінка у визвольній боротьбі (1940–1950 рр.): Біографічний довідник / Упор. Мудра Н.П. Вип. 1–2. Львів, 2004, 2007; Висіцька Т. Жіночі постаті в історії Закарпаття: біо-бібліографічний довідник. Ужгород, 2004; Юсип Д. Корона і вінок терновий: жінки в історії України (художньо-документальні студії). Ів.-Франківськ, 1998; Гнатишин-Скульська К. Долі українських патріоток. Ів.-Франківськ, 2005.

³ См. напр.: Жінки України: біографічний енциклопедичний словник / Ред. М. Орлик. Київ, 2001; Шумрикова-Карагодіна Л.П. Талановиті співвітчизниці: Історико-біографічні нариси. Дніпропетровськ, 2003; Портрети сучасниць / Ред. В. Болгов. Т. 1. Київ, 2003.

публикаций противоречиво: с одной стороны, они открывают миру ранее игнорированный наукой женский опыт индивидуального проживания истории, с другой, — открытая политическая ангажированность авторов и мощная эмоционально-идеологическая окраска текстов вынуждают усомниться в их научной непредвзятости и всесторонности. Такие исследования, обычно возникающие вследствие частной инициативы автора, преследуют более или менее четко обозначенную цель политико-пропагандистского характера (патриотическое воспитание молодежи, развитие национального сознания, иллюстрация героизма участников национально-освободительного движения и пр.)¹. Таким образом, женская история в них инструментализирована, она является не целью, а средством обоснования приоритета национальных целей и ценностей над групповыми (гендерными) интересами и служит легитимизации национального мастер-нарратива.

Все более активное использование методологии устной истории² в исследованиях недавнего прошлого открывает новые перспективы и возможности для качественных изменений в украинской женской истории. Устная женская история, как отдельное направление исследований, уже заявила о себе рядом проектов³. Спонтанная «феминизация» устной истории проявляется как в абсолютном преобладании женщин среди исследователей и респондентов (вне зависимости от темы исследования), так и в общей «феминности» модели поведения интервьюера (чувствительность, внимательность, тактичность, сдержанность, молчание, эмпатия и пр.). В сочетании с феминистским подходом устная история может составить серьезный противовес традиционной патриархатной историографии и андроцентричному научному дискурсу, существенно преобразуя представления о прошлом.

Анализ публикаций по женской истории в Украине позволяет сделать вывод: налицо общая депрофессионализация этой области — одновременно в плохом и в хорошем смысле. С одной стороны, множество авторов-любителей (журналистов, писателей, учителей, активистов и пр.), несведущих в истории как научной дисциплине, имитируют иссле-

¹ См. напр.: Савка Б. «А смерть їх безсмертям зустріла...» Нариси, спогади, документи про участь жіноцтва... в національно-визвольній боротьбі ОУН-УПА 40-х-поч. 50-х років ХХ ст. Тернопіль, 2003.

² Украинская Ассоциация Устной Истории создана в 2006 г. http://keui.univer.kharkov.ua/oral_hist.htm

³ Усна жіноча історія: повернення / Ред. Г. Дацюк. Київ, 2003; Кись О. Відновлюючи власну пам'ять: проект «Україна ХХ століття у пам'яті жінок» // Україна Модерна. Т. 11. 2006. С. 266–270.

дования своими псевдонаучными публикациями, профанируя саму идею. С другой стороны, отход от дисциплинарных канонов («биографический поворот», феминистская методология, устная история) открывает перспективы качественных парадигматических изменений в исследованиях истории украинских женщин вне доминантного политического дискурса и национального гранд-нарратива.

Приходится признать, что методологические недостатки работ по женской истории часто компенсируются идеологическими лозунгами и жестами политической лояльности; самоизоляция исследователей от мирового научного процесса восполняется чрезмерным акцентом на украинской уникальности, а невежество маскируется огульным отрицанием релевантности западных теорий и подходов. Академическая наука демонстрирует полное безразличие по поводу развития женской истории как самостоятельной области научных изысканий, обрекая ее на дальнейшую политизацию и инструментализацию.

Кукаренко Н.Н.,
Поморский государственный университет
им. М.В.Ломоносова (Архангельск)

Русские иммигрантки в Норвегии: право на равноправие?

Интенсивный приток русских иммигрантов в Норвегию начался после падения «железного занавеса» и последующего распада Советского Союза. Особенностью русской иммиграции является то, что это преимущественно женская иммиграция. Порядка 70% от числа всего взрослого русского населения в Норвегии составляют женщины¹, которые уезжают туда по разным причинам, включающим учебу, работу, или, как в большинстве случаев, по причине замужества². В отличие от большинства других иммиграционных групп, русские расселяются в основном в северной Норвегии. Женская иммиграция в начале 1990-х на север Норвегии и последовавшие дебаты на тему русской проституции привели к

¹ <http://www.ssb.no/> (retrieved on 10/04/2007).

² Lotherington A.T. and K. Fjørtoft. Russian women immigrants in North Norway // B. Hvinden and H. Johansson (ed.) *Citizenship in Nordic Welfare States: dynamics of choice, duties and participation in a changing Europe*. New-York: Routledge, 2007. P 112–124.

стигматизации русских женщин и к общей установке в отношении русских женщин как «непонимающих» смысла и подлинной ценности гендерного равноправия¹.

Основная проблема, которой будет посвящено выступление, это влияние нормативного идеала гендерного равноправия в семье на реальные права, возможности и повседневные практики иммигрантов в Норвегии. В ходе выступления на примере русских женщин-иммигранток будет показано, что (а) норвежский идеал гендерного равноправия в семье конструируется за счет иммигрантов; (б) «норвежскость» как таковая конструируется посредством стереотипизации и стигматизации «Другого»; (в) норвежский идеал гендерного равноправия в семье и «норвежскость» выступают в качестве механизмов, ограничивающих права, свободы, выбор и возможности иммигрантов. Более того, нормативный идеал гендерного равноправия в Норвегии смещает границы приватного и публичного, вмешиваясь в отношения между супругами в смешанных браках посредством иммиграционных законов.

Эмпирическую базу исследования составляют полу-структурированные интервью с русско-норвежскими и русско-русскими парами, проживающими в Норвегии, а также интервью в фокус-группах с русскими женщинами-иммигрантками, проживающими в Норвегии. Также в качестве источников были использованы официальные документы норвежского правительства по вопросам гендерного равноправия, иммиграции и включения и интеграции иммигрантов. Исследование является частью большого исследовательского проекта «Diverse Equality in the Family Sphere? The Effects of Norwegian Diversity and Equality Policies», проводимого совместно с Институтом социальных исследований Тромсё, Норвегия, и финансируемого Исследовательским советом Норвегии.

¹ См.: Flemmen A.B. Russiske kvinner i nordnorske aviser — minoretets- og majoritetskonstruksjoner // *Tidsskrift for kjønnsforskning*. 2007. № 1. P. 37–53; Leontieva A. and Sarsenov K. Russiske kvinner I skandinaviske medier // *Kvinneforskning*. 2003. No 2. P. 17–31; Stenvoll D. From Russia With Love? Newspaper Coverage of Cross-Border Prostitution in Northern Norway 1990–2001 // *The European Journal of Women's Studies*. 2002. Vol. 9 (2). P. 143–162.

Эксплуатация мужских страхов: газетная кампания против женского образования в России 70–80-х годов XIX века¹

«Мы рискуем в прекрасный день остаться без женщин в смысле жен и матерей», — предрекал флагман лагеря противников женского образования, газета-журнал «Гражданин»². Обращаясь к своим читателям, преимущественно мужской аудитории, большую часть которой составляли чиновники и священнослужители, «Гражданин» открыто пропагандировал устои патриархального быта. В отечественной историографии эта позиция оценивалась как «дремучий государственный домострой», и, видимо, поэтому до сих пор не стала предметом обстоятельного изучения. Между тем стратегия «Гражданина» в той газетной полемике отличалась изобретательностью и имела успех, что вылилось в ряд практических результатов, в частности, временное закрытие Высших женских курсов.

Понятие «женский вопрос» в России той эпохи имело своеобразное смысловое наполнение, отличавшееся от принятого в странах Западной Европы. «Женский вопрос» коснулся, по существу, только обитателей городов (об эмансипации в русской деревне в ту пору не было и речи), где проживал сравнительно небольшой процент населения. Более того, ареной диспутов по этому вопросу стали не торговые площади и рабочие кварталы, а респектабельные салоны и печать; главными борцами за женские права — образованные и обеспеченные дамы, иногда даже аристократки. В этом ракурсе русский «женский вопрос» 70–80-х годов XIX века может быть представлен не массовым движением низов в борьбе за кусок хлеба, а элитарным дамским вопросом, борьбой за идею равенства полов во имя справедливости. Активное муссирование «женского вопроса» в «Гражданине» первых лет издания было призвано эпатировать читателей и привлечь всеобщее внимание к новой газете с «варварскими» взглядами.

В публикациях «Гражданина» прослеживается стремление вывести вопрос о женском образовании из разряда проблем общественной жизни и перевести его в плоскость личных интересов каждого читателя.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект № 06-01-00445а.

² Гражданин. 1872. №19. С. 34.

«Нигилистки» и «эмансипированные женщины» изображались как некая крайность; тезис «Гражданина» заключался в том, что образование меняет обычных женщин, живущих в семье.

Газета утверждала, что образование подталкивало женщин к выбору между семьей и карьерой. Имея самостоятельный доход и независимую сферу деятельности, жена утрачивала прежнюю зависимость от мужа и дистанцировалась от него, что неизбежно отражалось на прочности их брака. Муж должен был мириться с занятостью и частыми отсутствиями супруги, а также с потерей доминирующей позиции в семье, которой он обладал прежде, как единственный добытчик средств к существованию.

Другим аспектом проблемы изображалось ослабление контроля над женщинами, в первую очередь теми, кто отправлялся учиться за границу. На страницах «Гражданина» встречались пассажи о «русских бабенках», прельстившихся вольномыслием и идеей свободной любви. Целомудренные девушки после нескольких лет в «тлетворном окружении» неузнаваемо менялись, и отказывались напрочь от ценностей семейной жизни. Их поведение неизбежно бросало тень на семью. Моральное разложение, по мнению газеты, могло проявиться в широком спектре, от увлечения революционной идеологией и до самоубийства («люди убивают себя также легко, как сморкаются» — сетовал «Гражданин»)¹. Университеты рассматривались «Гражданином» как источник «нигилистической заразы», а либеральная профессура — в качестве «злого гения», совращавшего молодые умы².

В этом свете организация пропитанных либеральной идеологией университетов для женщин виделась консервативному изданию опасным предприятием. Газета не считала неизбежным уравнивание женщин с мужчинами в праве на образование, и выражала надежду, что традиционную систему в ее основных чертах удастся сохранить надолго. В наиболее общем виде это убеждение было представлено в формуле «...учите так, как учили девочек во дни Екатерины II и во дни Пушкина, и тогда вы получите женщин образованных, но не ученых»³. В самом деле, перс-

¹ Гражданин. 1872. № 25. С. 227.

² В трактате «Не клеветайте на молодежь!», увидевшем свет в 1880 году, издатель «Гражданина» В.П. Мещерский перечислил «подлинных виновников» студенческих беспорядков. Список открывала периодическая печать, подстрекавшая студентов к бунту и создававшая им имидж смутьянов. Следом шли профессора, пропагандировавшие на лекциях зло «под предлогом либерализма», родители, не заботившиеся о нравственном воспитании потомства, и общество в целом. См.: Мещерский В.П. Не клеветайте на молодежь. СПб., 1800. С. 8–19.

³ Гражданин. 1872. № 19. С. 34–35.

пективы рядовой курсистки были довольно туманны. Образование, полученное на женских курсах, отнюдь не приравнивалось к университетскому. Многие попадали в сельские школы, жили вдали от привычного мира, отказав себе в бытовом комфорте, среди малограмотного окружения, на скромном жаловании. Целеустремленные и одаренные женщины могли оказаться в худшей ситуации, чем их менее способные подруги, «по-старинке» вышедшие замуж и наслаждавшиеся прелестями столичной жизни. Неудовлетворенность обстоятельствами потенциально угрожала перерасти в недовольство общественным строем и толкнуть в лагерь оппозиции. Неслучайно некоторые из бывших курсисток оказались среди бомбистов. Без тотальной перестройки всей системы общественных отношений, которой требовала эмансипация женщин, все правительственные «уступки», вроде высшего образования, несли в себе потенциальную опасность. Опираясь на эти доводы, издатель «Гражданина» князь В.П. Мещерский отмечал, что многие из «современных женщин» оказывались за бортом жизни, что влекло за собою не только крах их надежд, но и угрозу здоровью общества¹. Газета указывала, что под веянием «духа времени» стремление женщин к образованию приобретает массовый характер, а значит, «современные женщины» могут появиться в семье любого из читателей. Эксплуатируя мужской страх перед необратимыми проблемами, к которым может привести либерализм в отношении женского образования, «Гражданин» призывал ввести жесткие ограничения в этой сфере. Вывод издания гласил, что женщина призвана быть «второй, нераздельной от мужчины половиною человека», и потому образование должно быть ограничено «приготовлением женщины к роли жены и матери».

Столь явно обозначенная, и провокационная по сути, позиция газеты вызвала шквал гневных отповедей от женщин. «Гражданин» получил массу писем с содержательной критикой и аргументацией в поддержку женского образования; издателю газеты было присвоено прозвище «мрачный публицист женского вопроса». В то же время, логика «Гражданина» нашла понимание и отклик у ряда чиновников, державших в руках дело управления народным просвещением в России, и оказала несомненное влияние на формирование курса правительственной политики в эпоху контрреформ.

¹ О газетной кампании против земских школ и правительственной политике того времени см.: Зайончковский П.А. Российское самодержавие в конце XIX столетия. (Политическая реакция 80-х — начала 90-х годов). М., 1970. С. 341.

Луценко Е.М.,
Государственный институт развития семьи
и молодежи (Киев, Украина)

Правовое положение женщины в Украине: вчера, сегодня, завтра

Среди разных слоев населения было много образованных и высококультурных и мужчин и женщин. Эти традиции были заложены в давние времена и сохранялись на протяжении веков. Подтверждением этого могут служить воспоминания иностранных путешественников, которые побывали в Украине в эпоху средневековья¹. Для европейской цивилизации свободные, полноправные, образованные украинские женщины дают уникальный образец неискаженного, пропорционального развития представителей и мужского и женского пола.

В Украине, как нигде больше в Европе, женщины были равноправны с мужчинами. Они имели юридическое право самостоятельно выступать в суде. Украинская женщина сама выбирала себе жениха, могла развестись с мужем, если она принимала такое решение. Женщина имела право высказывать свою точку зрения по любому серьезному вопросу, и украинские мужчины никогда не пренебрегали ее мнением.

Женщины-аристократки принимали участие в подписании самых важных государственных соглашений, о чем свидетельствуют десятки женских имен в списках, которые подтверждали или запрещали принятие самых важных государственных решений, документов, например, Люблинской унии 1569 года².

История последующих столетий внесла существенные коррективы в права украинок. Изменения привели к тому, что во второй половине XIX века украинские женщины начали вести борьбу за право на образование. В то же время в украинских землях зарождается женское движение.

Пионеркой организованного женского движения и основательницей украинского феминизма считается Наталья Озаркевич-Кобринская (1851–1920). В 1884 году она организовала первую женскую организацию в Галичине «Общество руських женщин в Станиславе», и стала ее первым Председателем³.

¹ См.: Сычинский В. Чужинцы про Украину. Киев, 1993.

² Полонская-Василенко Н. История Украины. Т. 1. 2-е изд. Киев, 1993. С. 254.

³ См.: Энциклопедия украиноведения. Словарная часть. Т. 3. Львов, 1994. С. 1058.

Во время существования Советского Союза во всех сферах жизнедеятельности общества доминировали мужчины. Хотя отдельные всходы женского движения появлялись в разных регионах Украины, на общественно-политическую жизнь они практически не имели никакого влияния. Конечно, украинские женщины, как и представительницы других советских социалистических республик, de-jure имели одинаковые права с мужчинами, но не могли этими правами полностью воспользоваться. Американская исследовательница украинского женского движения профессор Марта Богачевська-Хомяк вообще считает, что индивидуальные достижения украинок в 1919–1939 годах незначительные, а женского движения на территории СССР не было вообще¹. Основательное изучение истории женского движения в Украине 1920–1980-х годов еще ждет своего исследователя.

Современная Украина в вопросе «становления» равных прав и равных возможностей для женщин и мужчин прошла сложный путь. Проблема в государстве стала актуальной, как и во многих других странах мира, после IV Всемирной (Пекинской) конференции по правам женщин 1995 года, утвердившей Пекинскую декларацию и Платформу действий. Безусловно, Конституция Украины декларирует равные права для всех членов общества, независимо от пола, этнической принадлежности и т. д. Многочисленные же исследования свидетельствуют о существующей гендерной дискриминации во всех сферах жизнедеятельности общества.

Несмотря на то, что весь мир после пекинской конференции заговорил о равных правах и равных возможностях для женщин и мужчин, в Украине к вопросу о гендерном равенстве отнеслись, можно сказать, с осторожностью. Иначе невозможно объяснить, почему в Украине еще долго разрабатывались документы, которые были направлены на «улучшение положения женщин». Скажем, в 1997–2000 годах в Украине выполнялся *Национальный план действий по улучшению положения женщин и повышению их роли в обществе*.

Рассмотрим развитие нормативно-правовой базы Украины относительно равных прав и возможностей женщин и мужчин в диахроническом срезе.

Одним из первых нормативно-правовых документов, касающихся женщин, был Указ Президента Украины № 489 от 10.05.1999 г. «О Дне матери». Только сейчас в Украине возник вопрос об установлении «Дня отца».

¹ Богачевская-Хомяк М. Белым по белому. Женщины в общественной жизни Украины. 1884–1939. Киев, 1995. С.362–365.

Следующим «судьбоносным» документом стал Указ Президента Украины № 283 от 25.04.2001 г. «О повышении социального статуса женщин в Украине».

Распространение бытового насилия привело к тому, что Украина одна из первых стран в постсоветской Европе приняла Закон Украины № 2789-ІІІ 15.11.2001 г. «О предупреждении насилия в семье». Хотя Закон оказался несовершенным и сегодня стоит вопрос о внесении существенных изменений в отдельные его статьи, все же его принятие было весьма своевременным и актуальным.

Наконец, через десять лет после пекинской конференции о положении женщин был принят Закон Украины № 2866-Іv от 08.09.2005 г. «Об обеспечении равных прав и возможностей женщин и мужчин». Следом во исполнение данного Закона последовало Постановление Кабинета Министров Украины от 27 декабря 2006 г. № 1834 «Об утверждении Государственной программы по утверждению гендерного равенства в украинском обществе на период до 2010 года».

Государственная программа предполагает серьезные изменения на всех уровнях государства — от уровня принятия решений, до исполнительной власти на местах. Речь идет об исправлении существующего гендерного перекоса, о постепенном, но неуклонном вовлечении женщин во все ветви законодательной и исполнительной власти, об установлении гендерного паритета. Следом было принято Постановление Кабинета Министров Украины № 504 от 12 апреля 2007 г. «О проведении гендерно-правовой экспертизы».

Существующая нормативно-правовая база Украины, направленная на создание реального равенства между женщинами и мужчинами в Украине, может вызвать оптимизм, если бы не реалии сегодняшнего дня. Когда возник вопрос о досрочных выборах и политические партии и блоки начали формирование списков кандидатов в народные депутаты, многие из них голосовали за Закон Украины «Об обеспечении равных прав и возможностей женщин и мужчин». Среди же зарегистрированных народных депутатов, прошедших в Верховный Совет Украины в 2007 г., как и в Парламенте предыдущих созывов, среди 450 народных депутатов оказалось только 37 женщин, или 8,2%.

Интересно отметить, что по спискам Блока Юлии Тимошенко, во главе которого женщина, женщин прошло меньше, чем в целом по Верховному Совету Украины — 7%. В то время как, в соответствии с Постановлением Кабинета Министров Украины от 16 мая 2007 года № 741, 2007 год в Украине был объявлен *Годом гендерного равенства*.

Коротко подытожив, можно сказать, что правовое положение женщины в Украине «вчера» было достаточно защищенным, в том числе, правом, традициями, обычаями. Сегодня украинские женщины сталкиваются с проблемой гендерной дискриминации в политической жизни, на рынке труда, в карьерном росте и других сферах жизни. Остается надеяться, что женское движение, благодаря которому были инициированы и приняты все документы, о которых здесь говорится, сможет изменить существующий механизм правового регулирования и уже завтра обеспечить надлежащий уровень фактического равенства женщин и мужчин. Ориентируясь на европейские стандарты жизни, Украина просто обязана будет перейти к реальному воплощению задекларированных обещаний. Для этого необходима политическая воля и серьезная работа и государственных, и женских неправительственных организаций, направленная на формирование политической и правовой культуры для разрешения основных вопросов гендерной политики в установлении равных прав и равных возможностей для всех граждан общества, независимо от пола.

Максимова В.Н.,
Братский государственный университет (Братск)

Повседневная жизнь сибирской женщины во второй половине XIX — начале XX века

В отечественной исторической науке в течение нескольких десятилетий упорно реанимировалась идея растворения индивидуального в общественном. В последние годы идет процесс гуманизации общественных наук, наблюдается переориентация внимания на личность и ее субъективный социальный опыт. Исследователей все более привлекает реконструкция «жизни незамечательных людей». Казавшиеся ранее периферийными и недостойными научного осмысления особенности частной жизни представительниц «прекрасного пола» сегодня вызывают значительный интерес, и не только в среде женщин-исследователей.

Воссоздать даже относительно полную картину повседневной жизни сибирской женщины во второй половине XIX — начале XX века весьма сложно, прежде всего, из-за огромного количества разноплановых источников, подлежащих разысканию и обработке. Необходимо учесть

социальные, сословные, правовые, национальные, конфессиональные, семейные, возрастные составляющие вопроса. Поэтому мы обратимся к одному из ярких его элементов: повседневной жизни женщин на каторге и в ссылке в Восточной Сибири в начале XX в.

Проблема женской повседневности в условиях заключения и ссылки представляется важной для изучения формирования индивидуальных стратегий экстремального выживания и трансформации ценностных ориентиров и приоритетов под влиянием ограниченного пространства, специфического окружения и правовой регламентации.

Первоначальная стратификация, оговоримся, достаточно условная, позволяет подразделить женскую каторгу и ссылку на «политическую» и «уголовную», с присущими каждой из них особенностями, начиная с численности, состава, режима, условий содержания и существования и заканчивая отношением к материнству и детству. В рассматриваемый период царское правительство продолжало применять высылку осужденных в отдаленные районы России в трех видах: ссылку в каторжные работы, на определенный срок или бессрочно; на вечное поселение по суду и после окончания срока каторги; под гласный надзор полиции, на определенный срок, по постановлению министра внутренних дел и местных властей. Каждый вид ссылки имел собственную правовую регламентацию и предполагал различную степень контроля, а, следовательно, «свободы» частной жизни женщины.

Избранный период насыщен событиями: строительство Транссибирской железной дороги, русско-японская война, первая российская революция и, как следствие, начало периода массовой политической ссылки в Сибирь, переселенческое движение в рамках столыпинской аграрной реформы, не прекращавшееся «наводнение» территории административными ссылными и различного рода уголовным элементом. Рассмотрение проблемы повседневной жизни женщины через призму событийной истории и изучение влияния повседневности на исторические события представляет возможность реконструкции отдельных элементов в единую систему их взаимосвязей.

Хронологические рамки предмета изучения, исключающие возможность лично и вслух «задать вопрос прошлому», ориентируют исследователя на работу с традиционными письменными памятниками. Основу исследования составили архивные материалы и опубликованные источники. С учетом происхождения, назначения, вида и содержания их можно разделить на несколько групп: законодательные акты и правовые документы, материалы судебно-следственных органов, центральных и местных карательных учреждений Российской империи, историко-статис-

тические описания, периодическая печать, эпистолярное наследие и мемуары бывших каторжан и ссыльных, фотодокументы. Среди них следует выделить эго-документы — биографии, мемуары, дневники, письма. Именно они позволяют понять человека и его поступки в конкретной ситуации, то, что отличает его повседневность от жизни и поведения других, находящихся в тех же обстоятельствах.

Комплексное изучение источников дало возможность выявить ряд проблем, подлежащих дальнейшему изучению. Прежде всего, обращают на себя внимание причины, по которым женщина оказывалась в сибирской ссылке, осознанный выбор или случайность руководили работницей динамитной мастерской, забитой мужем крестьянкой и внешне благополучной благовоспитанной барышней.

Насколько устоявшиеся жизненные стереотипы выдерживали давление внешней, подчас, весьма агрессивной окружающей среды, какие качества и стратегии способствовали не только выживанию, но и внутреннему самосохранению в условиях принудительного общежития и постоянных ограничений.

Представляется важной разработка проблемы насилия по отношению к женщинам-ссыльным как со стороны конвоя, так и осужденных мужчин. Насилие, как правило, в уголовной среде, проявлялось уже на пути следования к месту каторги или приписки и не прекращалось после прибытия, ломая моральные установки женщины и не позволяя впоследствии адаптироваться к обычной жизни, делая своеобразной заложницей «статуса».

Неоднозначным являлось отношение и в «политической» и в «уголовной» среде поселенков к традиционным ролям супруги, матери, хозяйки. Если осужденные революционеры стремились к возвращению к активной партийной деятельности, и семья не входила в число их приоритетов, то осужденные по уголовным статьям женщины рассматривали детей как обузу, предпочитая сожительство с партнером для выживания в непривычной обстановке, в которой женщине прокормить себя трудом было значительно труднее.

Одним из немаловажных аспектов повседневной жизни женщин-ссыльных являлась проблема трудоустройства после выхода на поселение: переполнение мест приписки ссыльными, небольшой перечень работ, делали положение женщин особенно тяжелым. Тогда как мужчины могли уйти на прииски, женщины, были вынуждены перебиваться случайными заработками, нелегально перебираться в города, рискуя быть наказанными.

Сформированная на сегодняшний день источниковая база позволяет реконструировать жизненные стратегии женщин — политических ссыль-

ных, определить среди этих стратегий типичные и уникальные, выявить значимость различных факторов в их построении, проследить субъективный опыт переживания отдельными индивидами важнейших социально-исторических процессов. В отношении женской «уголовной» ссылки на данный момент обнаружено относительно небольшое число источников личного происхождения, что придает части выводов гипотетический характер.

Марасанова В.М.,

Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова

Женское образование в российской провинции до 1917 г. (на материалах Ярославской губернии)

История дореволюционного женского образования в России и в Ярославском крае в последние годы привлекает постоянный интерес исследователей. В научный оборот вводятся обширные архивные фонды, дореволюционная периодическая печать, мемуары и другие исторические источники, освещавшие данный вопрос. Цель проводимого исследования — выявление основных этапов и тенденций развития женского образования в российской провинции на примере Ярославской губернии.

Данные о специальном обучении девочек в Ярославле встречаются в последней четверти XVIII столетия. Это вполне соответствовало общероссийской ситуации, ведь первый в стране Смольный институт в Санкт-Петербурге начал работу только в период правления Екатерины II (1764 г.), и лишь в 1843 г. появилось следующее женское учебное заведение — училище для девиц духовного звания в Царском Селе. Тем не менее, даже до появления специальных женских учебных заведений некоторые девочки уже могли получить начальное образование. В 1786 г. открылся Ярославский Дом призрения ближнего. В него поселили ярославских сирот, и для них открылась школа, в которой учились 18 мальчиков и 21 девочка. Сначала дети в школе в течение двух лет учились читать и писать, а затем еще два года изучали арифметику, геометрию, грамматику и катехизис. Вскоре к ним присоединились «своекоштные» ученики, т. е. проживавшие не в приюте, а в родительских домах. Согласно отчетам Совета управителей, к концу 1786 г. в Доме призрения ближнего жили уже 80 ярославских сирот (в том числе 56 мальчиков и 24 девочки). Однако в

последующие годы численность учениц в школе при Доме призрения ближнего только уменьшилась и составляла, например, в 1800 г. всего 19 воспитанниц. Всего в 1788 г. в уездных училищах Ярославского наместничества числились 456 учеников (из них всего 8 девочек — 1,8%).

Все первые специальные женские учебные заведения в Ярославле являлись частными — это пансион Тюреи и Донкур (1803), пансион Карла Кюкюэля (1805), пансион Доротеи Берте (1811), Институт благородных девиц (в 1816 г. его основал учитель Ярославской мужской гимназии и пансиона при «Ярославском высших наук училище» Луи Дювенуа) и Благородный женский пансион Адель Матлен (основан в 1820 г., с 1850 г. им руководила О.А. Солюс, а с 1855 г. — Л.-М. Биго). В 1820-е гг. возник пансион г-жи Эдельман, а в 1836 г. — пансион М.К. Буткевич (в 1844 г. его возглавила Е. Комарова). Мария Карловна продолжила семейную традицию, ведь ее отец — лектор Демидовского училища К. Кюкюэль — уже владел подобным заведением в Ярославле. В 1845 г. домашнюю частную женскую школу создала Е.П. Духовская — выпускница пансиона М.К. Буткевич. Проведенное исследование позволило установить факт существования в Ярославле частного пансиона, о котором ранее в исследовательской литературе не упоминалось. В 1824 г. разрешение на открытие в Ярославле пансиона для благородных девиц получила Екатерина Нейман — супруга учителя Демидовского училища Федора Неймана.

Всего за первую половину XIX в. были выявлены 9 частных женских пансионов города. Их значительное количество свидетельствовало о том, что в городе присутствовала явная тяга девушек из дворянских семей к получению образования, а также навыков организации и ведения домашнего хозяйства. При отсутствии светских и духовных школ частные владельцы весьма оперативно среагировали на такую потребность и заложили основу специализированного женского образования в городе. Во второй половине XIX в. число частных пансионов в Ярославле заметно сократилось, а существующие несколько изменили свой профиль и стали как бы подготовительной ступенью для среднего образования. В частности, в 1877 г. в Ярославле открылся частный пансион Е.А. Рыкачевой, который готовил девочек для 1-го и 2-го классов женской гимназии.

Новым типом учебных заведений в регионе в первой половине XIX в. стали церковно-приходские школы, которые курировал Синод. По уставу 1804 г. в таких школах могли обучаться дети «без разбору пола». Обучение включало Закон Божий, чтение, письмо, арифметику. Иногда появление учебных заведений было связано с экстренными обстоятельствами. Так, в период русско-турецкой войны в 1878 г. в Ярославле по-

явилась начальная школа в приюте потомственной почетной гражданки П.А. Соболевой для 11 девочек-сирот из Болгарии.

Первое женское среднее учебное заведение в Ярославле являлось духовным. В 1846 г. вслед за училищем для девиц духовного звания в Царском Селе и по его образцу второе подобное училище открылось в городе Солигаличе Костромской губернии. В 1848 г. это училище перевели в Ярославль. Срок обучения составлял 6 лет. В 1850-х годах в училище занимались 85 девушек, а в начале XX века — 200. Они были в основном дочерьми священников Ярославской, Костромской и Вологодской губерний. В списках учениц встречались также представительницы Рязанской, Тверской, Киевской, Курской, Владимирской, Санкт-Петербургской и других губерний. Это учебное заведение действовало до 1918 г. и готовило учительниц для начальных школ.

Первые женские гимназии открылись в Ярославле в 1861 и 1876 гг. Срок обучения составлял 8 лет. Обучение в восьмом классе давало возможность заниматься педагогической деятельностью. В гимназиях постепенно сокращалась доля дворянок, и росла численность воспитанниц из городской и крестьянской среды. Вслед за Ярославлем женские гимназии открылись в других городах губернии — Рыбинске, Ростове и Угличе. В этих учебных заведениях насчитывалось 1,5 тыс. учениц. К 1914 г. число женских гимназий в губернии увеличилось с 5 до 12 (а мужских соответственно только с 2 до 7).

Однако на рубеже XIX–XX вв. образование выше начального в Ярославской губернии имели только 1,1% женщин. При этом губерния по уровню грамотности занимала четвертое место в Европейской России. На 1897 год в 2 мужских гимназиях губернии обучались 770 юношей, а в 3 женских гимназиях — 1048 девушек — или в 1,5 раза больше. Следовательно, девушки более быстрыми темпами, чем юноши, восполняли недостаток среднего образования. В 1897 г. грамотными в Ярославской губернии были более половины мужчин и только 24% женщин. Однако наибольший процент грамотных женщин был в возрастной группе от 10 до 19 лет — 51,3%, что практически не уступало уровню грамотности среди мужского населения по губернии в целом.

В 1914 г. в учебных заведениях Ярославской губернии обучались 4,5 тыс. лиц мужского пола и 5,3 тыс. — женского (54%). Таким образом, именно девочки и девушки стали преобладать в числе учащихся. Кроме того, в начале XX в. 64% преподавательских кадров в земских школах составляли учительницы, а не учителя-мужчины. Женское образование в Ярославле, возникнув значительно позднее мужского, от-

личалось более быстрыми темпами роста, как по числу средних учебных заведений, так и по количеству обучающихся в разных типах школ девочек и девушек.

Меньшикова Е.Н.,
Белгородский государственный университет (Белгород)

**Эволюция правового статуса купеческой женщины
Центрального Черноземья в 60–90-х годах XIX века**
(на материалах Курской и Воронежской губерний)

Адекватному пониманию и оценке положения купеческой женщины в провинциальном обществе Центрального Черноземья пореформенного периода способствуют данные, полученные при анализе основных составляющих её правового статуса, в частности, прав состояния, имущественных и наследственных прав, а также комплекса прав, связанных с занятием профессиональной деятельностью — «производством торговли». Как известно, основными вехами в эволюции юридического статуса российского купечества во второй половине XIX века являлись реформы 1863–1865 и 1898 годов.

Для того, чтобы проследить эволюцию правового статуса женщины купеческого сословия в 60–90-е годы XIX века, целесообразно, прежде всего, остановиться на выяснении смысловой нагрузки определений, идентифицирующих её статус. Это необходимо в связи с тем, что в исследуемый период в документах официального характера применительно к женщине купеческого звания использовались несколько словесных определений: с одной стороны, просто «купчиха», с другой — «купеческая жена», «купеческая вдова», «купеческая дочь», «купеческая невестка». Главным критерием различий вербальных форм, использовавшихся для обозначения статуса купеческой женщины, являлся способ зачисления в торговое сословие. Поэтому официально купчихой могла называться только женщина, получившая гильдейское свидетельство, взятое на своё имя. Именование женщин купеческими жёнами, дочерьми и невестками указывало на то, что они пользовались правами купеческого сословия на основании принадлежности к неразделённому семейству, глава которого выбрал на своё имя купеческое свидетельство, внося туда членов семьи.

Женщина купеческого звания могла претендовать на упрочение своего социального положения при переходе из купечества в другую сословную категорию — почётное гражданство.

Приобретение женщиной прав купеческого состояния или почётно-го гражданства было неразрывно связано с жизненным сценарием мужчины — её отца или супруга. Таким же образом обстояло дело и с потерей данных прав. Женщина могла их лишиться при вступлении в брак с женщиной, находящимся в более низком сословии; при переходе мужа в другое состояние, в том числе более низкое, вызванное признанием его несостоятельным или при произвольном оставлении им торговой деятельности; при совершении уголовного преступления, за которое было определено наказание, сопряжённое с лишением всех прав состояния¹.

Подходя к рассмотрению имущественных прав купеческой женщины, изначально следует обратить внимание на закреплённый в российском законодательстве принцип раздельного владения имуществом супругами — «каждый из них мог иметь и вновь приобретать отдельную свою собственность»². Данный принцип определял то обстоятельство, что мужчина в купеческой семье не обладал, с юридической точки зрения, доминирующим правом распоряжаться денежными средствами и собственностью жены, управлять её имуществом и использовать его с целью получения выгоды. Исключением были ситуации, когда мужчина-купец становился официальным доверенным лицом своей жены. Соответственно, по закону купеческая жена была экономически самостоятельна и могла распоряжаться своим имуществом, «не испрашивая» разрешения и согласия у мужа. Ограничением купеческой женщины в полном распоряжении личным имуществом являлся запрет на выдачу векселей без согласования с мужем, которое, впрочем, было упразднено во второй половине 90-х годов XIX века³.

Подтверждение реализации владельческих прав женщиной купеческого звания Курской и Воронежской губерний в 60–90-х годах XIX века находим в источниках. Наглядной демонстрацией материального благосостояния купеческой женщины в 60–90-е годы XIX века являлось личное владение в городе недвижимой собственностью.

Одним из видимых показателей финансового благополучия женщины купеческого сословия в исследуемый период являлось владение зем-

¹ Свод законов Российской Империи. Т. X. Ч. I. СПб., 1900. Гражданские законы. Ст. 240–241, 565.

² Там же. Ст. 109.

³ Там же. Ст. 114.

лѐй — как участками в черте города (усадебных и дворовых мест), так и вне её пределов (земли сельскохозяйственного характера). В целом для купечества Центрального Черноземья ввиду аграрной специализации региона было характерно устойчивое стремление к обзаведению земельной собственностью. В пореформенный период представители купеческого сословия стали основными покупателями дворянской земли.

Немаловажным признаком достатка в купеческой среде, особенно уездных городов и сельской местности, считалось владение домашним скотом.

Относительная имущественная независимость купеческой женщины в семье основывалась ещё и на том, что она изначально владела собственностью, выделенной ей родителями по случаю замужества в качестве приданого. Следует заметить, что в купеческой среде центрально-чернозёмного региона в 60–90-х годах XIX века распространённой практикой, как и прежде, был обман с приданым. Бесспорно, подобные ситуации значительно усложняли положение молодой жены в новой семье мужа. В отношении приданого мужу могли быть предоставлены лишь некоторые права — право пользования, управления, но не собственности. Однако в случае непосредственного получения мужем приданого, оно считалось его даром по случаю брака.

Самого пристального внимания заслуживают наследственные права купеческой женщины в пореформенный период, поскольку они также дополняют картину, которая характеризует её имущественный статус. В соответствии с законами, женщина-купчиха не являлась наследницей своего мужа¹. Она имела право только на фиксированную часть имения, которая составляла седьмую часть от недвижимого имущества и четвертую от движимого². Тем не менее, женщина нередко становилась преемницей всего имения умершего супруга. Это происходило тогда, когда оставались малолетние дети, и женщина становилась их опекуной. В этот период купеческая вдова распоряжалась имуществом по своему усмотрению. Контроль над соблюдением воли умершего купца в сфере защиты интересов детей исполнял такой властный орган, как сиротский суд.

Таким образом, в сумме парафернальную собственность купеческой женщины в семье составляли приданое и имущество, приобретённое во время замужества. Такая имущественная обеспеченность женщины являлась залогом складывания в купеческой среде во многом партнёрских по своему характеру семейных отношений.

¹ Там же. Ст. 1148.

² Там же.

На отсутствие явной правовой асимметрии между полами в купеческих семьях в 60–90-х годах XIX века указывает и такое обстоятельство, что юридически женщина-купчиха имела право сделать выбор в сфере организации своей профессиональной деятельности — торговле. На этот счёт российское законодательство второй половины XIX века имело прямое указание: «Лица женского пола причисляются к купеческим гильдиям на одинаковых с мужчинами основаниях»¹. Торговый и Кредитный уставы, регламентировавшие все стороны занятия торговой деятельностью в России, закрепляли три варианта участия купеческой женщины в осуществлении торговли.

Таким образом, гражданское законодательство Российской империи в 60–90-е годы XIX века, закрепляя наличие строгой семейной иерархии во взаимном положении полов в купеческой среде, наделяло купеческую женщину широким кругом имущественных прав, а также давало альтернативные возможности принятия окончательных решений, касающихся способа вовлечения в торговую деятельность. Названные права в конечном итоге обеспечивали женщину купеческого звания прочным положением в социальной структуре провинциального общества.

Митина Н.Г.,
Тихоокеанский государственный экономический
университет (Владивосток)

Экофеминизм и гендерное равенство

Двадцатый век стал веком самых стремительных за всю историю человечества изменений в науке, технологиях и общественной жизни. К сожалению, беспрецедентные масштабы человеческого и экологического развития привели к возникновению глобальных противоречий: с одной стороны, появились реальные возможности для искоренения или значительного сокращения нищеты, голода, болезней, неграмотности, защиты прав человека и решения других проблем современности, касающихся большинства населения планеты; с другой стороны, они стали причиной двух мировых войн и поставили нас сегодня на грань экологической катастрофы. Для выхода из экологического кризиса необходимо не только переосмысление и изменение отношений между человеком и природой,

¹ Свод законов Российской Империи. Т. XI. Ч. II. Тетрадь 2. СПб., 1857. Торговый устав. Ст. 4.

но и отношений между людьми. Необходимо коренное преобразование самого общества, изменение его ценностных ориентаций и приоритетов.

Международное женское, экологическое, правозащитное движения решают задачу ликвидации дискриминации, неравенства, выступая в защиту прав личности. Экофеминизм основывается на утверждении, что потребительское отношение к природе и притеснение женщин в обществе тесно взаимосвязаны. Современное движение за права человека выросло из противостояния древним традициям господства, ставящим одного человека над другим, мужчину над женщиной, одну нацию над другой, человека над природой. Женщины оказались несправедливо отстраненными от выполнения равной с мужчинами роли в общественной жизни. Экофеминизм рассматривает женщин в качестве силы, играющей ключевую роль в переходе к стабильному, динамично развивающемуся миру, подчеркивая истинную глубину богатства отношения женщины, как к природе, так и к обществу¹.

Общество, как считает Дж. Роулз, должно обеспечить абсолютно равное распределение свобод и возможностей достижения социального успеха с учетом особенностей каждого пола². Сегодня общество пришло к выводу о необходимости переоценки ценностей, в том числе и в вопросе равенства полов, что стало причиной выдвижения новой идеи эгалитарного равенства. Конкретно-исторически оно возможно, но традиционные философские подходы не позволяют нам найти причину существования дискриминации, а значит и возможные пути ее уничтожения. Только с созданием гендерной теории и философии исследователи определили причину мужского доминирования в обществе, скрывающуюся в существующих социокультурных стереотипах.

Понятие гендерного равенства раскрывает сущность равенства полов. В общем виде оно означает признание и равную оценку различий между женщинами и мужчинами и разных ролей, которые они играют в обществе³. Следовательно, гендерное равенство подразумевает право быть различными и создавать реальное партнерство мужчин и женщин. Гендерное равенство — это одна из составляющих концепции прав человека, которая должна постоянно защищаться, продвигаться и переос-

¹ Айслер Р. Чаша и клинок. Пер. с англ. Л. Васильевой. М., 1993. <http://www.lib.ru/URIKOVA/AJSLEK/klinok.txt>

² Роулз Дж. Теория справедливости. Новосибирск, 1997.

³ Гендерная интеграция: концептуальный подход, методология и представление удачных практик / Ред.-сост. О.Б. Савинская, Е.В. Кочкина, Л.Н. Федорова // Гендерная интеграция: возможности и пределы социальных инноваций. СПб, 2004. С. 113–114.

мысливаться по мере изменения общества. Только в этом случае решение проблемы станет возможным.

Основные цели гендерного равенства предполагают: осознание и полное претворение в жизнь прав женщин как прав человека; развитие и улучшение представительной демократии; создание условий для индивидуальной экономической независимости и образования; общее признание мужчинами и женщинами необходимости устранения дисбаланса в обществе и их общей ответственности за решение этих задач и целей. На пути их достижения можно выделить несколько проблем, изучение которых позволяет объяснить причину того, что и в современном обществе не преодолена гендерная дискриминация. Первая из них заключается в самом слишком узком определении равенства, не позволяющем защитить субъекта от дискриминации при таком его понимании. Вторая проблема состоит в изолированности механизмов равенства, слабости их влияния на важнейшие сферы социальной политики, равнодушии общества к данной проблеме в целом. И третья проблема кроется в шаткости позиций женщин во властных структурах, связанных с принятием решений. Следовательно, целью гендерного равенства является интеграция гендерного подхода во все сферы политики, чтобы все слои общества были включены в продвижение равенства.

В России изменения в отношении равенства полов начались только в постсоветский период. Прежде всего были предприняты усилия по обеспечению равенства полов через конституционные и нормативно-правовые акты. Законодательство советского периода можно характеризовать как «охранное», льготное, то есть по сути дискриминационное. В 90-е годы XX века появляется целый ряд правовых документов, в которых государство заявляло о необходимости расширить права и возможности женщин. Среди них такие законодательные акты, как «О первоочередных задачах государственной политики в отношении женщин» (1993 г.), «О повышении роли женщин в системе федеральных органов государственной власти и органов государственной власти РФ» (1996 г.), «О государственных гарантиях равных прав и свобод женщин и мужчин и равных гарантиях их реализации» (2003 г.), проекты модельного закона «О государственных гарантиях равных прав и равных возможностей для мужчин и женщин» (2004 г.) и «Стратегий гендерного развития РФ». Однако эти документы имели скорее декларативный характер, и поэтому, подчеркивает С.Г. Айвазова, все эти меры не сделали проблему гендерного равенства приоритетной при создании новой социальной конструкции российского общества, а гендерная асимметрия по-прежнему

му остается одной из наиболее характерных черт сферы социального управления, российской социальной политики¹.

Для достижения гендерного равенства необходимы новые подходы, стратегии и методы. Одной из таких стратегий на современном этапе является «гендерная интеграция» (gender mainstreaming). Важность ее определяется следующими причинами: она ставит людей в центр властных решений; влияет как на женщин, так и на мужчин и полностью задействует человеческие ресурсы; визуализирует проблемы гендерного равенства в обществе; учитывает различия между женщинами и мужчинами. С точки зрения целей и ценностей, гендерная интеграция может быть определена как стратегия сотрудничества, к которой призывают и сторонники экофеминизма.

Муравьева М. Г.,

Российский государственный педагогический университет
им. А. И. Герцена (С.-Петербург)

Облики насилия: формы и методы насилия над женщинами в России XVIII в.

Современные международные документы широко трактуют термин «насилие над женщинами», включая в него помимо исторически традиционных форм насилия, таких как изнасилование или домашнее насилие, новые виды, присущие современному осознанию подчинения женщины в условиях патриархата, а именно: торговля женщинами в целях сексуальной эксплуатации, проституция, моббинг, буллинг, психологические насилие, сексуальное преследование, вербальная и эмоциональная агрессия². Несмотря на международные и национальные инструменты защиты прав женщин и, прежде всего, права на жизнь, здоровье и телесную неприкосновенность, уровень насилия против женщин остается достаточно высоким. Россия является одной из стран, где в условиях резко возросшего насилия против женщин отсутствует осоз-

¹ Айвазова С.Г. Проблемы гендерного равенства и политический процесс в России XX века // Гендерные аспекты политической социологии: сб. ст. / Под ред. С.Г. Айвазовой, О.А. Хасбулатовой. М.: 2004. С. 123.

² CEDAW. General Recommendation 19. Violence Against Women. U.N. Doc. A/47/38 at 1 (1993).

нение серьезности проблемы масштабов данного насилия. Современное российское законодательство недостаточно эффективно защищает женщин от насилия. В частности, в УК РФ отсутствует такой состав как «домашнее насилие», «сексуальное преследование», слабо регулируется психологическое насилие. Надо отметить, такая ситуация является вполне логичным результатом развития российского законодательства в Новое время.

Так называемые «сексуальные преступления» вплоть до первой четверти XVIII в. относились к юрисдикции духовного суда и квалифицировались согласно церковному праву. Кормчая рассматривала изнасилование как вид табуированной сексуальности и особое внимание уделяла изнасилованию девиц («отроковиц») и «жен на говейном житии», практически не упоминающая о замужних женщинах. В Уложении 1649 г. упоминается три случая изнасилования: изнасилование военными на государственной службе (глава VII, ст. 30), проникновение в жилище с целью похищения и изнасилования хозяйки дома (глава XXII, ст. 16) и «блуд» господина с «рабою» (глава XX, ст. 80)¹. Военный артикул Петра I объединил обе традиции и в 20-й главе «О содомском грехе, насилии и блуде» обозначил все формы «сексуальных преступлений»: изнасилование (ст. 167), похищение с целью изнасилования (ст. 168), прелюбодеяние (ст. 169), любодеяние (ст. 170, 173, 174), проституция (ст. 175)². В 1722 году Петр личным указом перевел такие преступления как «изнасилование, любодеяние, кровосмешение» и др. в сферу ведения светского суда³. Однако смерть Петра не позволила принять новое Уложение и российские судьи остались с довольно несистематизированным набором отрывочных норм, применение которых также представлялось затруднительным, так как светские судьи не имели опыта и необходимой компетенции в применении норм церковного права, а светское законодательство не давало необходимой защиты, так как Воинский артикул хоть и использовался в практике, но не являлся универсальным уголовным кодексом. Таким образом, на практике светские судьи часто оставляли «блудное насилие» в ведении духовной команды, куда оно чаще всего изначально попадало в силу разных причин. Только по «Уложению о наказаниях уголовных и исправительных» 1845 года изнасилование было окончательно закреплено за светскими судами.

¹ Соборное Уложение 1649 года // Акты земских соборов / Под ред. А. Г. Манькова. М., 1985.

² Артикул Воинский // Российское законодательство X–XX вв. / под ред. О. И. Чистякова. М., 1985. Т. 4: Законодательство периода становления абсолютизма / Под ред. А. Г. Манькова.

³ ПСЗ, VI, № 3963.

Домашнее насилие было хорошо известно в российском праве рассматриваемого периода. Побои являлись законной причиной развода, и именно эта причина часто упоминалась в бракоразводных процессах XVIII–XIX вв.¹. Духовные власти разработали целую систему мер, помогавшую защитить женщину от домашнего насилия. В частности, на период расследования женщина могла быть помещена в монастырь или вернуться в отчий дом или переехать к другим родственникам. Однако, церковный суд часто не расторгал такой брак, считала сохранение брака приоритетным по отношению к безопасности женщины.

Проституция и торговля женщинами в целях сексуальной эксплуатации также являются известными русскому праву составами. Шишков в своем знаменитом труде указывает, что в XVII–XVIII вв. была распространена торговля женами среди русского населения Сибири. Уложение 1649 г. (глава XXII, ст. 25) и многочисленные указы XVIII в. запрещают «делать свадьбы на блуд», то есть сутенерство².

В целом, основная проблема русского права в области защиты женщин в XVIII в. оставалась, как и всегда, в правоприменительной практике, что особенно хорошо видно при назначении наказаний за те или иные деяния. Так, например, за изнасилование полагалась смертная казнь, как по Уложению, так и по Воинскому артикулу. Однако, случаи смертной казни за изнасилование единичны и, как правило, связаны с дополнительными факторами, такими как кровосмешение и растление детей³. Обычным наказанием стал кнут и заключение в монастырь под начал, а в некоторых случаях и штраф⁴. Более того, процессуальное право, в данном отношении основывавшееся на толковании к ст. 167 Воинского артикула, в целом не способствовало осуждению мужчин за данное преступление. Во-первых, судье рекомендовалось не верить словам «скверных женщин», в категорию которых включаются не только откровенные блудницы, но и женщины с подмоченной репутацией. В этом случае необходимо было опросить свидетелей, слышали ли они крики о помощи. В случае удаленности места преступления, верить ни одной женщине нельзя (даже честной), а следует смотреть на следующие признаки: раны, синяки и разорванная одежда у обоих, возраст и физичес-

¹ См., например, Цатурова М. К. Русское семейное право XVI–XVIII вв. М., 1991. С. 43–44.

² См., например, ПСЗ, IX, № 6947.

³ См., например, дело арзамасца Аратского: ПСЗ, VII, № 5181.

⁴ См., например, дело Евреинова: ПСЗ, XIV, № 10206, 10209. Поздеев А. В. Тетрадь записная словесного воеводского суда // Енин Г. П. Словесный воеводский суд. СПб., 1995. С. 76, 77, 98, 99.

кие данные жертвы (малолетство и «несравненность с силою насильника») и быстрота донесения судье (в тот же день). Данное толкование вполне соответствует подходу процессуального европейского права к рассмотрению дел об изнасиловании, где наблюдался процесс «рационализации» изнасилования, предполагавший особое внимание к деталям, применение тактики перекрестного допроса к обвиняемому, жертве и свидетелям с целью выявить «истину», так как наказание — смертная казнь — предполагало исключительную серьезность последствий судебной ошибки — смерть преступника, мужчины и гражданина. Те же правила относились и к другим криминализированным формам насилия против женщин. Можно довольно определенно утверждать, что русское право в теории и на практике не ставило своей задачей защиту женщины как личности, также как и матери и хозяйки дома. Более законодатели были обеспокоены преступлениями против государства и понимаемого широко государственного порядка, на что указывает криминализация именно тех случаев и форм насилия, которые могли бы нанести ущерб государству в целом.

*Мухина З.З., Пивоварова Л.Н.,
Старооскольский технологический институт (Старый Оскол)*

Русская женщина-крестьянка во второй половине XIX в.: черты обычно-правового положения в семье (на примере Курской губернии)

Положение женщины-крестьянки в семье в Курской губернии, как и в целом по России, во второй половине XIX в. было регламентировано обычно-правовыми традициями.

Как государственное, так и обычное право выработали ряд общих условий вступления женщины в брак. Согласно постановлению Синода от 19 июля 1830 г., брак допускался лишь по достижении совершеннолетия, которое определялось для девушек в 16 лет, а для юношей — 18 лет¹. Обычно же считали возможным заключать брак в более раннем возрасте. Выходили замуж девушки в Курской губернии, как и по всей России, очень рано. В работе Ф. Ильинского «Русская свадьба в Белгородском уезде Курской губернии» указывается, что «девушки выходят замуж 16–

¹ Полное собрание законов Российской империи. Т. X. Ч. I. С. 3.

17 лет... А 20-летняя девушка считается засидевшейся невестой и выходит замуж за парней, отбывших воинскую службу»¹. При выдаче замуж дочерей соблюдалась строгая возрастная очередность. В тех случаях, когда младшая сестра выходила раньше старшей, последняя нередко оставалась навсегда вне брака. Безбрачие резко осуждалось общественным мнением. Женщин, оставшихся вне брака, называли «старыми девами», «вековухами», «пустоцветами», «сиднями», «пустокормами», «зазнайками», «перестарками», «обойденными». Положение замужних женщин, согласно нормам обычного права, было выше, чем иных, в браке не состоящих. Так, например, в решениях волостных судов оскорбление замужней бабы наказывалось строже, нежели вдовы или девицы².

Порядок наследования у крестьян также определялся нормами обычного права³. Из наследства женщина получала обычно только 1/4 часть имущества мужа, а если у нее были дети, то ее доля в их пользу уменьшалась до 1/8 части. Однако из общего имущества выделялось личное имущество женщины. Впрочем, в любой крестьянской семье того времени женщины имели и свою собственность — приданое (коробь), подарки от матери и жениха, доходы (от ткачества, прядения и других промыслов)⁴, которые в случае их смерти переходили к дочерям или возвращались родителям.

По обычному праву дочери при наличии сыновей не имели право на наследство. Но со временем, чтобы обеспечить их существование в случае смерти отца, из имущества братьев им стали «отводить часть»⁵. Если происходил полный раздел семьи, то братья, по возможности, строили незамужней сестре избушку, наделяли ее известным количеством зерновых припасов и прочего, выделяли кое-что из птицы или домашнего скота, а также небольшой участок земли для посева льна⁶.

Однако к концу XIX в. в положении женщины-крестьянки происходили некоторые изменения в результате приобщения мужчин-крестьян к отхожим промыслам. Иногда и сами женщины-крестьянки отправлялись на заработки в «чужие люди». Отходничество смягчало семейные нравы. Женщины приобретали значительную самостоятельность в хозяйственных делах, в распоряжении своим имуществом. Женщина,

¹ АРГО. Ф. 19. Оп. 1. Ед. хр. 40. Л. 1.

² Красноперов В.В. Крестьянские женщины перед волостным судом // Сборник правоведения и общественных знаний. Т. 1. СПб., 1893. С. 273.

³ Мухин В. Обычный порядок наследования у крестьян. СПб., 1888. С. 31.

⁴ Левин М. Деревенское бытие: нравы, верования, обычаи // Крестьяноведение. Теория. История. Современность. Ежегодник. М., 1997. С. 86.

⁵ Шишков С.С. История русской женщины. СПб., 1878. С. 266.

⁶ Миронов Б.Н. Социальная история России. Т. 2. СПб., 2000. С. 73.

оставаясь в деревне мужа, принимала на себя обязанности хозяина, даже могла участвовать в жизни общины.

Согласно нормам обычного права, в абсолютном большинстве крестьянских семей главой семьи («большаком») являлся мужчина. Отношение к мужчине как безусловному главе семьи в сложных (неразделенных) семьях обычно поддерживала «большуха» — жена старшего по возрасту и положению в семье мужчины¹. Однако и «большуха» не была до конца самостоятельной, особенно в имущественных делах. Дочери, снохи, вдовы, солдаты, жившие вместе с нею, выполняли общие работы по дому и оказывались еще более зависимы экономически. В случае ухода мужа на военную службу и ее возвращения с детьми в родной дом, сноха могла требовать выдела. Бездетная сноха требовать выдела не имела права, она могла лишь уйти из дома мужа и взять с собой лично ей принадлежавшее имущество. Положение вдов и солдаток, живших в семьях мужей на правах «подворниц» (батрачек), определялось обычным правом и зависело от состава семьи и характера ее членов.

В то же время в малой крестьянской семье бездетная вдова после смерти «кормильца» наследовала всю недвижимость и землю.

В литературных источниках и периодической печати отмечается, что власть мужа над женой была бесконтрольной во всех отношениях. Священник одного из уездов Курской губернии пишет: «Крестьянин сознает, что он глава жены, что жена должна бояться своего мужа, вот он и выражает свое превосходство перед нею, внушает ей боязнь, уважение к себе кулаком, да вожжами»².

В крестьянской повседневности супружеские конфликты иногда получали трагическую развязку. Об этом свидетельствуют многочисленные заметки в «Курских губернских ведомостях». Хотя уже в первой половине XIX в. был принят закон, по которому запрещалось бить, а тем более увечить жен³, сельский мир и в конце века жил, в отличие от официальной России, по неписаному праву. В сельской повседневности поводов для семейного рукоприкладства всегда было более чем достаточно. Побой мужа не ставились ему в укор и принимались как должное. Однако беспричинное битье жены в народе осуждалось, и мужа могли привлечь к судебной ответственности. Так, например, в практике волостных судов существовало наказание мужей розгами за жестокое обращение с женами. Дела о жестоких побоях могли быть начаты волостными суда-

¹ Очерки общей этнографии. Европейская часть СССР. М., 1968. С. 124.

² АРЭМ. Ф. 7. Оп. 2. Д. 686. Л. 23.

³ См.: Развитие русского права в первой половине XIX века. М., 1994. С. 154.

ми по жалобе потерпевшей, по заявлению старосты, волостного старшины или крестьян целой деревни¹.

Многие женщины, будучи не в силах выносить надругательства, уходили в дом родителей. Но такое явление рассматривалось как нарушение женщиной обычных норм, и поэтому она через некоторое время возвращалась в семью мужа, а родители, давшие приют дочери, осуждались крестьянами как потворщики «женского своеволия». В XIX в. происходит усложнение бракоразводной процедуры: уменьшение поводов к разводу, прежде всего — в отношении права на него женщин. Экономические условия жизни крестьянской семьи диктовали жесткое отношение к разводу. Поэтому юридический развод крестьяне заменили фактическим разводом. Последний состоял в заключении между супругами «расходки» по инициативе одной стороны или по обоюдному согласию обеих сторон². Заключенным актам давали санкцию волостные суды. При расходе по обоюдному соглашению прекращались не только имущественные, но и личные отношения между супругами.

Следует отметить, что взгляды крестьян на взаимоотношения супругов, определявшие их повседневное поведение, во многом совпадали с требованиями закона. И законодательство активно влияло на общественное сознание крестьян.

Таким образом, в Курской губернии, как и в центральных и южных губерниях России, в конце XIX века положение женщины-крестьянки в семье продолжало регламентироваться обычно-правовыми традициями.

Нальчикова Е.А.,

Кабардино-Балкарский Государственный университет (Нальчик)

Женское самоубийство в адыгском обществе

В рамках повседневного существования человеческого социума определены четкие идеологические установки по отношению к добровольному уходу из жизни членов данного сообщества. Уважение, оказываемое

¹ См.: Якушкин Е.И. Обычное право. Вып. 1. Ярославль, 1896. С. 541; Земцов Л.И. Крестьянки в волостном суде / Социальная история российской провинции в контексте модернизации аграрного общества в XVIII–XX вв. Мат-лы междунар. конф. Тамбов, 2002. С. 328.

² См.: Лещенко В.Ю. Русская семья (XI–XX вв.): Монография. СПб., 2004. С. 565.

адыгами людям, погибшим насильственной смертью (т. е. на поле сражения, в равном бою, в мужском поединке), не распространялось на такую ее разновидность, как самоубийство. В адыгской среде добровольный уход из жизни был табуирован, встречался редко и осуждался обществом (и даже в этих исключительных случаях он был обусловлен причинами глубокого социокультурного характера, оправданными с точки зрения общественной морали).

В вопросах смерти принципиальное значение всегда имел гендерный фактор. Суицид вообще в мировой практике считался (и считается), как правило, мужским феноменом. У адыгов, напротив, немногочисленные зафиксированные в письменных источниках и фольклорных материалах случаи самоубийства связаны с «женской» моделью поведения. Вполне возможно, что общество «извиняло» женскую слабость, или подходило к самоубийству с позиций мужского сознания, особенно в ситуации, когда женщина подобным образом мстила за свою честь. А у мужчин был более приемлемый с точки зрения национальной ментальности выход — гибель на поле боя. Незначительное общее количество самоубийств позволяет подчеркнуть: речь идет об исключительных случаях («Хажихан хотела бы убить себя, но в нашем краю нет такого обычая»¹). Более поздняя по времени аргументация излагается у адыгского просветителя А.-Г. Кешева: «Душу вложил аллах, и он один вправе отнять ее»². Таким образом, традиционная мотивация недопустимости самоубийства со времени распространения ислама была дополнена религиозной легитимизацией.

Приведем ниже несколько иллюстрирующих примеров и попытаемся проанализировать причины женского суицида в свете случаев, получивших огласку. Многие полулегендарные случаи женского самоубийства связаны с любовными переживаниями. После гибели Хасанша Шогенова его невеста «схватила стальные ножницы, бывшие при ней, и тут же умертвила себя»³. К. Кох стал свидетелем попытки принудить рабыню к браку с нелюбимым человеком, в результате чего она «с горя повесилась на дереве»⁴. Кстати, обращаясь к лингвистическим данным, можно отметить фиксируемую адыгским языком выделенность именно подобного способа самоубийства, который обозначается отдельным термином —

¹ Адыгские песни времен Кавказской войны / Под ред. В.Х. Кажарова. Нальчик, 2005. С.106.

² Кешев А.-Г. Записки черкеса. Нальчик, 1988. С.112.

³ Кабардинский фольклор / Под ред. Г.И. Бройдо. Нальчик. 2000. С.175.

⁴ Кох К. Путешествие по России и в Кавказские земли // АБКИЕА. Нальчик, 1974. С.611.

«зыфИлъэжа» (повесился), во всех остальных случаях обычно говорится «зиучИыжа» (убил себя) с дальнейшими комментариями, указывающими на способ — отравление, утопление, с использованием огнестрельного или холодного оружия. Очевидно, распространенным и характерным побудительным мотивом женского суицида у адыгов являются интимные переживания (гибель любимого человека, принуждение к браку с нелюбимым). Другим фактором, провоцирующим женщин на добровольный уход из жизни, можно считать раскаяние и чувства стыда. Н. Дубровин пишет о женщине Фатиме, оклеветавшей невинную жертву, после гибели которой, из раскаяния, она «бросилась к ближайшему черкесу и, выхватив у него кинжал, мгновенно поразила себя»¹. Еще одна история со смертельным исходом приведена современным исследователем С.Х. Мафедзевым². Девушка не сумела сберечь свою честь до брака, узнав об этом, жена аталыка (воспитательница) всю вину за этот позорный факт взяла на себя и покончила жизнь самоубийством.

Особо следует оговорить ситуацию самого трагического периода черкесской истории — Кавказской войны. Н. Дубровин описывает типичный для того времени случай — жена одного из убитых дворян «сама подожгла строения, окружавшие ее и сгорела...»³. Или другой — самоубийство девушки, оскорбленной поведением офицеров: «Не в обычае у нас, чтобы женщин остриями штыков кололи!» — так сказав, бросилась на штыки дочь Шогеновых Гошехурей»⁴. Иногда встречаются примеры шантажного суицида, декларируемого, но не реализуемого. При этом в немногочисленных фольклорных описаниях попыток женского самоубийства типично женским орудием являются ножницы: «Тут любовница схватывает стальные ножницы... покончу с собою, — говорит»⁵. Интересно, что ножницы в руках женщины выполняли ту же роль, что кинжал в мужских. Носились они также обычно на поясе, а их отсутствие служило сигналом траурного состояния⁶. Ножницы традиционно выступали маркером «женских» курганных захоронений, позже их изображение на могильных плитах означало женский характер погребения. Возможно, это и объясняет популярность подобного орудия для женского самоубийства, хотя

¹ Дубровин Н. Черкесы (Адыге). Нальчик, 1991. С.175.

² Мафедзев С.Х. Межпоколенная трансмиссия традиционной культуры адыгов. Нальчик, 1991. С.224.

³ Дубровин Н. Указ. соч. С.95–96.

⁴ Кабардинский фольклор... С. 357.

⁵ Там же. С. 299.

⁶ Карпов Ю.Ю. Женское пространство в культуре народов Кавказа. СПб., 2001. С.314–315.

противоречит наблюдениям ученых, которые обращают внимание на принципиальное несовпадение средств, используемых мужчинами и женщинами в ситуации добровольного ухода из жизни (первые, как правило, прибегали к огнестрельному и холодному оружию, наносящему открытые раны, вторые применяли приемы, исключавшие пролитие крови).

Сегодня значительно изменилась мотивировка женского суицида. Из традиционных причин, по-прежнему, ведущими остаются личностные, интерперсональные и семейные конфликты. Женщин, как и раньше, волнуют ревность, измена или несправедливое отношение (оскорбление личного достоинства, распространения порочащих слухов, угроза дискредитации в глазах общественного мнения). В прошлом часто урегулированием подобных проблем (конфликтных ситуаций) занимался отец или брат женщины, но изменившиеся гендерные роли поставили женщину перед необходимостью решать их самостоятельно, иногда — посредством добровольного ухода из жизни. Помимо традиционных побудительных мотивов женского суицида можно отметить новые, связанные с изменившимся статусом женщины в адыгском обществе — ее вовлеченностью в производственную, общественную и учебную (образовательную) деятельность, а также урбанизационные и цивилизационные процессы.

Проведенный анализ феномена добровольного ухода из жизни позволяет сделать вывод о значительности гендерного фактора, а также категории стыда как этнокультурной дефиниции и в выработке негативного отношения к самоубийству, и в качестве побудительного мотива к нему. И хотя ответственность перед родственниками и общиной не позволяла человеку распоряжаться собственной жизнью в зависимости от личных обстоятельств, но для женщин в отдельных случаях делались исключения.

Нижник Н. С.

Санкт-Петербургский университет
МВД России (Санкт-Петербург)

Правовой статус женщины и институт брака в советском семейном праве: становление новой парадигмы

Трансформация политико-правовой системы государства после Октября 1917 г. коснулась и самого консервативного ее элемента — семейного права. Формирование новой парадигмы семейного права было

детерминировано прежде всего стремлением законодателя реализовать принципиально новый взгляд на брак и семью, закрепить принципиально новое правовое положение мужа, жены и ребенка.

Концептуальной основой преобразований семейного права являлся марксистский взгляд на брак. Буржуазный брак, по Энгельсу, основан на экономическом подчинении жены мужу как кормильцу семьи. Но в результате общественного переворота положение женщины должно измениться, она перестанет продаваться мужчине за деньги в жены, поскольку тоже сможет участвовать общественном производстве. Достигнутое равноправие мужчины и приведет к тому, что браки будут заключаться по взаимной склонности, а ведение домашнего хозяйства, уход за детьми и их воспитание возьмет на себя государство. Если женщина почувствует склонность к другому мужчине, ничто теперь не должно помешать ей оставить прежнего и заключить новый брак.

Первыми актами, положившими начало советскому семейному праву и закреплявшими новый правовой статус женщины, были декреты ВЦИК и СНК РСФСР от 18 декабря 1917 г. «О гражданском браке, о детях и о ведении книг актов состояния» и от 19 декабря 1917 г. «О расторжении брака». Декреты свидетельствовали о том, что юридическое значение теперь придавалось только гражданскому — зарегистрированному в светском органе (органе записи актов гражданского состояния) — браку. Лица, желавшие вступить в брак, должны были устно или письменно заявить об этом органам ЗАГСа «по месту своего пребывания». Претерпели серьезные изменения условия вступления в брак: больше не требовалось согласие на брак родителей, не имела значения принадлежность к сословию, расе, религии. Устанавливались моногамная форма брака и возраст вступления в него мужчин — 18 лет, женщин — 16 лет. Уравнивались в правах и обязанностях внебрачные дети и дети, рожденные в браке. Отцом и матерью ребенка записывались мужчина и женщина, подавшие заявление об этом и «давшие соответствующую в том подписку». По желанию одного или обоих супругов устанавливался свободный развод.

Закрепление новой парадигмы отношений в сфере семьи и брака нашло свое отражение и в первом в истории советского права кодексе — «Кодексе законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве», принятом ВЦИК 16 сентября 1918 г. Однако ни Кодекс, ни декреты, ни иные нормативные правовые акты того времени не содержали определения брака. Из контекстов в правовом поле было очевидно, что представления о браке были неразрывно связаны с утверждением о том, что его основой должна быть взаимная склонность, лю-

бовь. Не случайно один из авторов проекта кодекса законов о брачном, семейном и опекунском праве В. П. Верховский настоятельно акцентировал внимание на необходимости «индивидуальной половой любви в браке»¹, а сессия ВЦИК в 1925 г. подчеркивала, что «брак основан на взаимном притяжении, на культурном и идейном единомыслии и на половых отношениях»².

Наличие склонности или хотя бы хорошего отношения супругов друг к другу было в этот период не формальным требованием к браку, а серьезной установкой в судебной практике³. При решении практических вопросов работники суда, например Витебского губернского отдела юстиции, исходили из утверждения о том, что «брак есть свободное сожитие двух лиц»⁴. И хотя необходимость регистрации брака была законодательно закреплена, при «наличии склонности друг к другу» мужчины и женщины проявлялось пренебрежение к действующей норме закона. Это было объяснимо в контексте господствовавшей в обществе идеи о том, что регистрация брака — пережиток, со временем она исчезнет, а на данном этапе развития государства она должна осуществлять функцию борьбы с церковным браком⁵.

Попытки разрушить дореволюционные представления о браке, о положении женщины в семье находили свое отражение как в законодательной деятельности и судебной практике, так и в реальных отношениях между мужчиной и женщиной. Традиционные семейные ценности заменялись идеологическими догмами и новыми понятиями о человеческом счастье. А. Коллонтай утверждала, что Советская Россия «представляет собой опытное поле, на котором выявляются разнообразные формы брачные отношения, ближе отвечающие идеалам пролетарского класса

¹ Верховский П. В. Новые формы брака и семьи по советскому законодательству. С приложением проекта нового кодекса законов о брачном, семейном и опекунском праве, разработанного Народным комиссариатом внутренних дел. Л., 1925. С. 23.

² ВЦИК XII созыва. Вторая сессия. Стенографический отчет. М., 1925. С. 246.

³ Примером серьезной оценки роли взаимоотношений супругов может служить одно из определений гражданской кассационной коллегии Верховного Суда РСФСР, в соответствии с которым брак был признан прекращенным на основании того, что муж умершей женщины тиранил ее, бил и тратил ее заработок. Наследственные права за пережившим супругу мужем кассационной коллегией в этом случае признаны не были. — См.: Судебная практика РСФСР. 1930. № 7.

⁴ Государственный архив Российской Федерации (далее — ГАРФ). Ф. 353. Оп. 5. Д. 226. Л. 47.

⁵ См.: Диспут о браке и семье в Доме Союзов, Москва // Еженедельник советской юстиции. 1925. № 48–49. С. 1504.

и будущего коммунистического общества. ...Многих пугает та свобода, которая намечается во взаимоотношениях между полами. Но при всех уклонах и временном извращении новой пролетарской правды во взаимоотношениях между полами чувствуется свежее здоровое веяние, говорящее о том, что прежний мещанский взгляд на семью и брак бесповоротно отмирает, нарастает и создается новая половая мораль, отвечающая интересам трудового коллектива»¹.

Новая мораль молодого поколения строителей коммунизма формировалась в лозунге «Долой стыд!», любовь объявлялась буржуазным предрассудком. Не случайно, что в провинциальных городах России имел хождение Декрет о социализации женщин, в соответствии с которым «с 1 мая 1918 г. женщины с 18 до 32 лет объявляются государственной собственностью. Всякая девица, достигшая 18-летнего возраста и не вышедшая замуж, обязана под страхом строгого взыскания и наказания зарегистрироваться в бюро «свободной любви» при комиссариате призрения. Зарегистрированной в бюро «свободной любви» предоставляется право выбора мужчины в возрасте от 19 до 50 лет себе в сожителя супруга... Мужчинам в возрасте от 19 лет предоставляется право выбора женщин, записавшихся в бюро, даже без согласия на то последних, в интересах государства. Дети, произошедшие от такого сожительства, поступают в собственность республики»².

В этом же направлении пытались действовать органы новой власти города Владимира, которые безусловно полагали, что совершеннолетняя незамужняя девица — государственная собственность. Она обязана встать на учет в бюро «свободной любви» и имеет право один раз в месяц выбирать мужа. Но если мужчина избрал ее в качестве «дамы сердца», отказать ему она не может³. В Саратове было объявлено, что частная собственность на женщин отменяется, и представительницы слабого пола становятся общественным достоянием⁴, а в Пермской губернии в 1918 г. советские органы выдавали удостоверения следующего содержания: «Настоящим удостоверяем, предъявитель сего... уполномочивается на право приобретения себе барышни, и никто ни в коем случае не может сопротивляться, на что даются ему широкие полномочия...»⁵.

¹ См.: Коллонтай А. Быт и семья // Огонек. 1923. № 20.

² Социализация женщин. Пг., 1918. С. 4–5.

³ Вилькотский В. Комбесстыдство // Огонек. 1997. № 44. С. 32

⁴ Там же.

⁵ Объединенный архив Челябинской области (П.). Ф. 596. Оп. 1. Д. 153. Л. 57.

Молодежь, охваченная революционным порывом, училась решать проблему отношений мужчиной и женщиной крайне просто: на комсомольском собрании «слушали о половых сношениях. Постановили: половых сношений избегать нельзя, не будет половых сношений, то не будет мировой революции»¹.

В условиях нового быта, нового правового статуса женщины отношения между мужчиной и женщиной следовало «ценить и поддерживать только...по взаимной склонности и только до тех пор, пока эта склонность продолжается»². Поэтому советские граждане, в декабре 1917 г. в соответствии Декретом «О расторжении брака» получившие свободу разводов (для которого было достаточно желания одного из супругов), не замедлили воспользоваться своим правом. С мест в Наркомат юстиции шли сообщения: «Наблюдается более интенсивное предъявление исков о расторжении брака без всякой основательной причины, а просто по одному только чисто животному влечению, ибо в законе нет никакого ограничения в этом отношении»³. Большое количество разводов, использовавшихся крестьянством «исключительно в корыстных целях»⁴, зафиксировал президиум губернского совета народных судей Вологодского судебного округа, а отдел юстиции Смоленского губисполкома отмечал злоупотребления на почве разводов, граничащие с преступлениями: «Мужчины при такой свободе имеют возможность обольстить и сделать несчастными какое угодно количество девушек, поочередно прибегая к бракам и разводам неопределенное число раз»⁵.

Реалии семейной жизни советских граждан нашли свое отражение в прессе. «В нашей среде замечается определенная распущенность в вопросах взаимоотношений между парнем и девушкой. У нас считается признаком хорошего тона расходиться после небольшого промежутка времени», — отмечала московская газета «Молодой ленинец»⁶, а «Вятская правда» сообщала: «В деревне Осетровской Иван Иванович Осколков с Иваном Павловичем Шитовым переменились женами. Кроме бабы Шитов получит от Осколкова корову в придачу»⁷.

¹ Вилькотский В. Комбесстыдство. С. 32.

² Верховский П. В. Новые формы брака и семьи по советскому законодательству... С. 4.

³ ГАРФ. Ф. 353. Оп. 5. Д. 226. Л. 54.

⁴ Там же. Л. 63.

⁵ Там же. Л. 22.

⁶ Молодой ленинец. 1924. 10 мая.

⁷ Яговкин И. Оргазм в стиле ретро // Московский комсомолец. 1998. 5–12 февраля. С. 2.

Октябрь 1917 г. стал точкой отсчета процесса формирования системы новых семейно-брачных отношений и закрепления нового правового статуса женщины. Государство пыталось законодательно закрепить новую идеологию семьи и брака, новые представления о роли и месте женщины в социалистическом обществе. При этом жизненные реалии зачастую опережали законодательные парадигмы, либо принципиально не совпадали с ними.

Никонова Л.И., Илькаева Е.П.

Научно-исследовательский институт гуманитарных наук при
Правительстве Республики Мордовия

Семья и семейные отношения — основные хранители культуры в иноэтническом окружении народов Кавказа в Республике Мордовия

Миграционные процессы в современном мире носят разнообразный и многоаспектный характер. В последние годы все большее внимание привлекает этнокультурная сторона этих процессов. Одним из возможных оснований классификации миграционных процессов служит степень добровольности принятия решения о миграции. На территории Мордовии согласно переписи 2002 г. из народов Кавказа в основном проживают: армяне — 1 310, азербайджанцы — 672 и грузины — 395 и в основном — это добровольные мигранты. К прим., согласно имеющимся данным большинство азербайджанцев переселилось в Мордовию из Азербайджана, но также из Грузии, Армении и Дагестана. Для мигрантов семья и семейные отношения являются основными хранителями культуры в иноэтническом окружении издавна живущих народов Республики Мордовия. Благодаря взаимодействию локальных и этнических культур возникает система общения, поддерживаются различные стили и типы поведения, ценностные ориентации, сохраняется их этническая самобытность. На формирование семьи влияют различные факторы: социальные, экономические, культурно-бытовые, которые на определенных исторических этапах имеют свои особенности. Рассмотрим этот вопрос на примере азербайджанцев, которые живут в близком соседстве с представителями разных национальностей (русскими, мордвой, татарами и др.). В прошлом у азербайджанцев браки заключались преимущественно по сговору

и по выбору родителей. Желания молодых людей и тем более девушек в расчет не принимались. Теперь они, как правило, заключаются по обоюдному выбору молодых людей. В последние десятилетия произошли заметные изменения в характере добрачных отношений юношей и девушек. У них появилось гораздо больше возможностей для того, чтобы лучше узнать друг друга до заключения брака. Достаточно распространенным среди азербайджанцев остается явление, когда родители или другие родственники выбирают жениха или невесту, но носит это скорее характер рекомендации, совета. «Когда обоюдное решение — это проще, спокойнее», — говорят они¹.

В этнографической литературе, посвященной Азербайджану, имеются работы, так или иначе затрагивающие вопросы брачно-семейных отношений у азербайджанцев, в которых можно найти материалы о брачном возрасте, структуре и внутренней организации семьи и т. д. В них отмечается, что у азербайджанцев традиционно преобладающий вид брака — эндогамный. Между тем азербайджанский этнос имеет довольно значительный процент долгожителей: доля лиц в возрасте 90 лет и более на 1000 человек старше 60 лет составляет в Азербайджане от 60 до 70 % — один из наивысших показателей на Кавказе. Для азербайджанцев характерны близкородственные браки: между двоюродными братьями и сестрами, как по материнской, так и по отцовской линии. В случае преждевременной смерти одного из супругов, новый брак старались заключить с представителем той же семьи, откуда был умерший, чтобы не нести дополнительных расходов на свадьбу². Препятствием для заключения брака служили шариатские запреты для определенных категорий ближайших родственников, искусственное родство (усыновление, побратимство, молочное родство и т. п.), а также близкая к нему связь между членами семьи, в которой устраивалось обрезание (суннеттой) и членами семьи кирвы — человека, принимавшего непосредственное участие в обряде. В настоящее время молодежь в основном отрицательно относится к родственным бракам, однако азербайджанцы в Мордовии говорили о том, что у некоторых из них брак — близкородственный. Это семья Алима Томяр оглы Азизова (г. Баку), Юриса Гасан оглы Рзаева (г. Баку), Чирку Халил оглы Мамедова (Грузия), Ганбара Гайдар оглы

¹ ПМА: Аббасов Иншаллы Аббас оглы, 1961 г. р., с. Ромоданово Ромодановского района, записи 2005 г.; Гасанов Иерафим Вилоят оглы, 1965 г. р., с. Черемисево Лямбирского района, записи 2005 г.; Гасанов Адалат Илес оглы, 1965 г. р., с. Протасово Лямбирского района, записи 2005 г.

² См.: Страны и народы. М., 1984. С. 86.

Аббасова (г. Баку), Сафхана Искендер оглы Байрамова (с. Субатан, Варденинский р-н), Бахараддима Ахад оглы Рагимова (г. Шеки)¹. На вопрос о возрастной очередности при заключении браков сыновей и дочерей, информаторы говорили, что это чаще соблюдалось в прошлом. Однако если младший женится раньше, то пусть формально, но советуется со старшим братом.

Наибольшее число знакомств будущих супругов, проживающих в Республике Мордовия происходило по месту работы, в процессе обучения в средних и высших учебных заведениях, в местах проведения досуга. Ильхам Гамит оглы Байрамов, проживающий в с. Хитровка Старошайговского района познакомился с будущей супругой Людмилой Ивановной (русская, уроженка г. Саранска), работая на Саранском телевизионном заводе «Спектр» после окончания техникума в г. Баку (1984 г.). Сейчас они имеют 3 сыновей. Джаваншир Гусейн оглы Абдулаев родом из с. Муганлу Нахичеванского района приехал в с. Сасово Рязанской области в 1993 г. и там познакомился с будущей женой, мордовкой по национальности, Райсой Васильевной Кику. В настоящее время они живут в с. Анаеве Zubovo-Полянского района.

Знакомства будущих супругов происходили и во время службы в армии, отъезда на заработки, в командировках и т. д. Паша Исмаил оглы Мамедов родом из с. Еникент Кахского района, живет в пос. Ушаковка Темниковского района. У него 2 брата (уже нет в живых) и 2 сестры (живут в Азербайджане). Служил на Урале, после службы переехал в Свердловскую область работать строителем, потом работал на шлакобетонном заводе, где познакомился с Анной Павловной Амелиной, мордовкой из с. Жегалова Темниковского района. Они поженились и сейчас живут в с. Ушаковка Темниковского района. Бахтияр Габулахович Джалилов из с. Армудлы Кахского района в настоящее время живет в с. Атяшеве. С будущей женой Надеждой Дмитриевной Поксараскиной познакомился в Казахстане (Жетыбайский район, 1967 г.). После службы в армии уехал туда по комсомольской путевке и работал на стройке. Познакомились на вечере у подруги. Поженились. Расписались в мест-

¹ ПМА: Азизов Алим Томяр оглы, 1957 г. р., с. Теньгушево Теньгушевского района, записи 2003 г.; Рзаев Юрис Гасан оглы, 1968 г. р., с. Теньгушево Теньгушевского района, записи 2003 г.; Мамедов Чирку Халил оглы, 1956 г. р., с. Старая Федоровка Старошайговского района, записи 2005 г.; Аббасов Ганбар Гайдар оглы, 1946 г. р., с. Свербеевка Лямбирского района, записи 2005 г.; Байрамов Сафхан Искендер оглы, 1960 г. р., с. Ромоданово Ромодановского района, записи 2005 г.; Рагимов Бахараддим Ахад оглы, 1959 г. р., с. Сабур-Мачкасы Чамзинского района, записи 2005 г.

ном ЗАГСе. Домой сообщили позже. Там же родилась дочь. Через год поехали к нему на родину сообщить о семье. Мама сказала, что нужно сделать свадьбу по местному обычаю. Эмин Али оглы Гусейнов учился в Саранске в машиностроительном техникуме (1987–1989 гг.) заочно и одновременно работал на заводе СИС—ЭВС, где познакомился с Татьяной Ивановной Земсковой (эрзя, из с. Старое Ардатово). Через несколько месяцев решили пожениться. Свадьба проходила в Азербайджане по местному обычаю.

Для современного азербайджанцев характерны малые семьи, состоящие из одной брачной пары с детьми или без детей. Это относится и к исследуемым семьям в Мордовии. Например, малые семьи имеют Араз Иззат оглы и Ганиза Гара кызы Рустамовы (Зубово-Полянский район), Айша Гамзат кызы и Айдын Мустафа оглы Эфендеевы, с ними же живут их дети Эльвин и Айдын (г. Саранск). Существуют семьи, усложнившиеся по тем или иным причинам. Например, супруги с детьми принимают в свою семью одного из овдовевших престарелых родителей, нуждающегося в помощи. Бывают случаи, когда с семьей брата поселяется овдовевшая сестра с детьми, так как считается, что долг старшего брата заботиться о сестрах. В Мордовии чаще родители приезжают к своим детям, живут у них поочередно несколько месяцев. На родине же распространены семьи, состоящие из престарелых родителей и женатого сына (или замужней дочери). Это объясняется рядом причин: традицией, согласно которой один из сыновей остается жить в родительском доме (чаще в сельской семье); необходимостью взаимной помощи старшего и младшего поколений (дети оказывают поддержку престарелым родителям, а те, в свою очередь, помогают ухаживать за внуками). В современности же в силу экономических условий: если родителям экономически в такой семье живется плохо, то они имеют право переехать к любому из детей по выбору, в том числе в Мордовию. В настоящее время принцип минората в значительной степени нарушен и в связи с процессом миграции молодежи, особенно из сельской местности в город или другой регион, с отцом и матерью живет тот из сыновей, который остается в родном селении.

В браки вступали в довольно раннем возрасте. Юношей женили в 18—23 года, девушек выдавали замуж порой в 13—14 лет. Иногда обручали и раньше, когда дети находились еще в колыбели (люлечное обручение), а иногда договаривались о заключении брака и не родившихся детей (условное обручение). Согласно сведениям информаторов, женщины обычно рожают первого ребенка в 22—23 года. Заканчивается деторождение в 36—37 лет. У мужчин картина несколько иная: первый ребенок

появляется в 27—29 лет, последний — в старших поколениях — на 45—52-м году жизни, в средних — на 38—39-м году. По мнению информаторов, мужчина должен обеспечить материальную сторону своего брака, поэтому вначале он старается трудоустроиться, материально быть независимым от родителей, по возможности иметь дом или квартиру, а потом уже думать о женитьбе и детях. В связи с этим дети появляются в 27—30 лет, а нередко и чуть позже. Среднее количество детей — 2—3, что характерно и для азербайджанских семей в Мордовии.

Азербайджанцы сохраняют тесные родственные отношения между разделившимися родственниками независимо от места жительства. Такие семьи оказывают друг другу хозяйственную помощь, моральную и материальную поддержку. Сивуш оглы Мустафаев, 1978 г. р. (г. Саранск), грузчик на рынке «Заречный» приехал из с. Чалы Сердобского района. Временно жил у сестры, имеющей собственную квартиру с мужем Шамо Магомед оглы Керимовым в г. Саранске. Джаниев Гамзат оглы Зияведдин приехал из с. Магамалар Белоканского района живет у сестры в г. Саранске. Фахраддин оглы Гафламов из с. Домбабино Закатальского района проживает в с. Баете Ардатовского района в собственном доме и оказывает своим родственникам посильную помощь (прописка, работа и т. п.).

В Азербайджане часто представители семей, живущие в городе, помогают сельским родственникам обрабатывать приусадебные участки, получая взамен часть продуктов. Городские родственники проводят отпуск в селении, посылают туда детей на все лето. Иногда летом в сельском доме одновременно живут несколько братьев и сестер со своими родственниками (повсеместно). Особенно тесные связи поддерживаются между родственниками, проживающими в одном селении, но если есть возможность, то отделившиеся сыновья стараются строить новый дом недалеко от дома родителей. Иногда женившийся сын строит дом в том же дворе. Это связано, прежде всего, с повышением внимания, особенно в последние годы, к развитию приусадебного хозяйства сельских жителей, стремлением к постоянным, обыденным контактам родственников между собой, что дает возможность контролировать различные события — проведение досуга, праздников и обрядов. Это же можно наблюдать и в Мордовии. Информаторы говорят, что проживание родственников в одном дворе или рядом — удобно: так легче помогать друг другу¹.

¹ ПМА: Джалилова Надежда Дмитриевна, 1950 г. р., с. Атяшево, Атяшевского района, записи 2005 г.; Эфендеева Айша Гамзат кызы, 1965 г. р., г. Саранск, записи 2005 г.

Семейному быту азербайджанцев присущи авторитарная власть старшего мужчины, иерархизованные статусы других членов семьи, выраженная этикетизация внутрисемейного и семейно-родственного общения и т. п., что наложило отпечаток и на современную семью. Это исходит из собранных полевых сведений среди азербайджанцев. О семье информаторы говорят: «У нас порядок в семье в большинстве своем обычно регулируется нормами мусульманских народов, заработок и благосостояние семьи лежит на мужчине, а быт — на женщине, она хозяйка в доме, но если принимается какое-то серьезное решение, в семье обычно советуется со старшими — за ними последнее слово»¹. В с. Рождественно Ичалковского района о почитании старших говорят так: «Человека ценят по уму, а дерево — по возрасту». Одна из пожилых женщин-азербайджанок рассказала о нравах в семье: «Главой семьи являлся старший мужчина — отец, дед, реже старший брат. Женщины не имели права возглавлять семью, и если у покойного главы не было взрослого сына, то назначалась опека кого-либо из родственников-мужчин. Глава семьи являлся владельцем всей земли, скота, другого имущества семьи. Формально он мог единолично решать все вопросы, связанные с внутренней жизнью семьи, но фактически, как правило, советовался по ряду вопросов со «старшей» женщиной. Тем не менее именно ему принадлежало решающее слово в делах, касавшихся производственной деятельности семьи, денежных расходов, вопросов женитьбы и замужества детей и т. п. Младшие члены семьи — дети, невестки — находились в полном подчинении у родителей, даже женатый сын, живущий в родительском доме, не мог предпринять серьезных шагов, не посоветовавшись с отцом, не смел ему возражать и т. д.». По этому поводу в народе говорили: «По хозяину и коня подковывают», «У мужчины одно слово, а не два»².

Обычно в азербайджанской семье жена беспрекословно подчиняется мужу. Например, когда мы приходили в дом к информаторам, жена обычно несколько раз повторяла: «Я бы не против вести с Вами беседу, но что скажет муж», «Вначале его спрошу», поэтому приходилось ждать решения и приходить повторно. На вопросы о семейной жизни (как знакомилась, как женились, какие при этом были обряды и т. п.) жены также

¹ ПМА: Аббасова Хадиджа Сеид кызы, 1986 года рождения, с. М. Елховка, Лямбирского района, записи 2005 г.; Рустамова Ганиза Гаракызы, 1966 г. р., пгт. Zubovo-Поляна Zubovo-Полянского района, записи 2004 г.; Эфендеева Айша Гамзат кызы, 1965 г. р., записи 2005 г.

² Никонова Л.И. «Этнокультурная адаптация мигрантов Закавказья в Республике Мордовия (на примере азербайджанской диаспоры) / Л.И. Никонова, А.Ф. Мельник ; [отв. Ред. В.А. Юрченко]. Саранск, 2007. 176 с.

говорили о том, что следует спросить мужа, а то сердиться будет или рассказывали, но все время оговаривались: «Вдруг он меня потом поругает».

Женщины-азербайджанки рассказывали: «В прошлом, беспрекословное подчинение мужу выражалось, в том, что по адатам она не наследовала имущества, а по шариату наследовала лишь половину доли мужчины. И если муж желал развестись с женой, для этого ему достаточно было в присутствии свидетелей трижды произнести, что эта женщина ему больше не жена, и брак расторгался. Сама же женщина могла потребовать развода лишь в крайне редких, строго оговоренных ситуациях. В таком случае она, как правило, теряла право на получение мехра — определенной суммы денег, оговоренной брачным договором, которая выплачивалась ей в случае, если развод совершался не по ее вине. Разведенная должна была покинуть дом мужа, оставив в нем детей. Ей разрешалось взять только совсем маленького ребенка, нуждавшегося в уходе матери, которого она впоследствии, обязана была вернуть в семью мужа». Но в селах, где они раньше жили, выдержать такие нормы было сложно, (семьи большие общее хозяйство и т. д.), эти грани стирались. Сейчас о них помнит только старшее поколение. О том, что муж в семье хозяин, женщины не переживают. «А что, — говорят они, он зарабатывает, ведет хозяйство, обеспечивает нас продуктами, заботливо относится к детям и если принимает решение, то вначале обдумает»¹. Однако зависимость жены от мужа сохранилась до сих пор. По сведениям информаторов, особенно это проявляется, когда живешь вне родины: «На работу устроиться сложно, да и детей надо накормить, проводить в школу. Дома можно было бы их оставить под присмотром пожилых родителей, а здесь можно положиться только на самих себя». В связи с этим большинство опрошенных женщин находятся дома и занимаются бытом: готовят пищу, воспитывают детей (мальчиков — до определенного возраста, пока их воспитанием не начинал заниматься мужчина), ходят на рынок или в магазин за продуктами (кроме мяса, его покупает мужчина), стирают белье, убирают дом или квартиру. Тем не менее в ходе беседы выяснилось, что многие из них хотели бы устроиться на работу, некоторые работали бы с укороченным рабочим днем.

По воспоминаниям пожилых женщин — матерей, которые живут вместе с детьми в Мордовии, семейный уклад на новом месте жительства намного отличается от их прежнего. В прошлом в азербайджанской семье существовало строгое половозрастное разделение труда. Оно могло варьироваться в зависимости от типа и состава семьи, но всегда

¹ Там же.

строго регламентировались мужские и женские работы. Мужчина, которого заставляли за выполнением не престижных женских работ, подвергался насмешкам и осуждению со стороны односельчан. Иногда исключением в этом отношении был 40-дневный период после родов, когда женщина считалась «нечистой» и ей нельзя было выполнять ряд домашних работ (заквашивать тесто, молоко, подавать на стол и т. д.). Если в доме не было других женщин, то мужчина мог временно выполнять некоторые женские работы, не подвергаясь насмешкам со стороны окружающих. В семье в той или иной степени также сохраняется половозрастная регламентация труда: в сельских семьях больше, в городских меньше. В сельской местности женскими считаются уборка дома, приготовление пищи, уход за детьми, обработка огорода и уход за домашним скотом. Мужчина выполняет тяжелые физические или требующие специальных навыков работы: строительство и ремонт дома, выпас скота, заготовка дров и кормов, а также некоторые другие. В условиях города, особенно крупного, большая часть таких работ отпадает. Здесь же в Мордовии мужья чаще помогают женам: отводят детей в детский сад, в школу. В некоторых семьях помогают в приготовлении пищи, при уборке квартиры. Но по-прежнему их основной обязанностью является обеспечение семьи продуктами: в большинстве случаев именно мужчины и в городе и в селе ходят на рынок, так как считается неприличным для женщины носить тяжести, а также торговаться с мужчинами-продавцами. Для людей преклонного возраста в семье характерными являются сильная работа дома или на приусадебном участке, присмотр за внуками, помощь молодым в приготовлении пищи.

В современных семьях обычно между братьями и сестрами устанавливаются равные, дружеские отношения, хотя мальчики по-прежнему пользуются большей свободой: в отличие от девочек они часто посещают кино, проводят много времени в играх на улице и т. д. Девочкам неохотно позволяют посещать вечерние киносеансы, тем более не разрешают поздние ночные прогулки. Наибольшим авторитетом среди братьев и сестер, как и в прошлом, пользуется старший брат: он имеет право наказывать младших в их спорах, помогать в учебе. Этот статус сохраняется за ним на протяжении всей его жизни.

Результаты проведенного исследования свидетельствуют о том, что процесс первоначальной адаптации переселенцев протекает сложно. Его специфика определяется целым рядом факторов. Согласно проведенному опросу выяснилось, что оставшаяся в Азербайджане семья старается «выжить в условиях, когда муж уезжает на заработки». Но они стараются или сами поехать в Мордовию, если муж долго не может вые-

хоть, или же переехать в Мордовию на длительное время вместе с детьми. Однако это бывает не всегда так: многие семьи вынуждены жить раздельно, т. е. разрушается привычный уклад жизни, что приводит к ограничению потребностей, поэтому из-за бытовой неустроенности резко возрастает нагрузка на женщину: ей приходится все делать самой и воспитывать детей, убирать помещение и заниматься сельским хозяйством и содержать скот. Молодые мужчины нередко в Мордовии имеют и внебрачную жену.

Общение — одна из важнейших сторон культуры. Человек все время общается с другими людьми, а общение вне родины, тем более не на родном языке — это не просто. На родине формы общения уже проверенны, они создавались веками: как обращаться к родителям, как разговаривать с соседями, что прилично сказать в одной ситуации и нельзя говорить в другой. Все это передается человеку вместе с бытом, с окружающей жизнью, и он чувствует себя уверенно в этом мире, который сам создал вокруг себя, вернее — создали его предки, и он получил его уже готовым. Готовые формы общения рожают уверенность в человеке. Он понимает людей вокруг себя, понимает ситуацию, в которой находится, и знает, как ему себя вести¹. Азербайджанцы в Мордовии между собой общаются на родном языке, а с окружающими — на русском. Дети же дошкольного и младшего школьного возраста многие родным языком не владеют. По сведениям родителей, у них сложились привычки и манера общения той местности, где они живут. Например, в семье Эфендеевых, сын, который учится в 10-м классе, поездку в Азербайджан воспринимает как наказание: «У меня там нет друзей, мне там неинтересно, скучно, в г. Саранске у меня друзья и т. п.»².

В небольшом коллективе, который объединяет людей, связанных взаимной привязанностью, образом жизни, симпатиями, родством, традициями, создаются нормы, которые потом становятся нормами общества. Такие небольшие центры всегда выступают лабораториями культурной жизни, лабораториями способов общения — будет ли это группа людей, связанных профессионально, родственно или же какими-либо общими интересами по защите своей культуры. Эти коллективы, по сути дела, держат культуру. Там, где нет малых коллективов, там нет и большой культуры³. На территории Мордовии азербайджанцы нуждаются друг в друге и во время общения они создают свою культуру общения на новой

территории проживания, в том числе через беседу. Беседа — это мир культурного общения, который создает ритуал разговора¹. Общение бывает трудным, особенно в новых условиях проживания и далеко не всегда можно найти слова и возможность искренне, глубоко и серьезно передать себя другому человеку. Это одна из сложных проблем для человечества вообще и для человека, в частности. Люди разделены языками, национальными традициями, возрастом, полом, культурным опытом, интересами. Как известно, психологический климат внутри семьи во многом зависит от взаимоотношений с более широким кругом родственников. Между тем подобные родственные контакты часто нарушаются в результате переселения. В Мордовии азербайджанские семьи строят взаимоотношения с приезжими родственниками и друзьями по работе. Обычно, чтобы приехать из Азербайджана в Мордовию, родственники советуются, куда лучше поехать. В беседе выясняют, кто как и где устроился. После этого, выяснив, что кто-то из них устроился неплохо, едут к нему. Приехав туда, вначале живут в его доме или квартире, временно встают на учет через паспортно-визовую службу и определяются на работу, иногда временную. Родственники или друзья оказывают помощь в трудоустройстве и быту (питание, ночлег, хранение и уход за одеждой, оказание связи с родными). Например, Сивуш оглы Мустафаев, 1978 г. р. (г. Саранск), работает разнорабочим на рынке «Заречный». Приехал из с. Чалы Сердобского района, живет у сестры. Сестра готовит еду, приводит в порядок одежду, а он старается заработать, покупает в ее семью продукты и, конечно, хотел бы жить рядом с ними в Мордовии, так как в селе, откуда он родом, заработать денег не возможно. Джаниев Гамзат оглы Зияведдин, родом из с. Магамалар Белоканского района, образование среднее в настоящее время живет у сестры. Она с мужем и детьми живет в г. Саранске около 15 лет (дети с первого класса учатся в школе № 11). Он хочет устроиться на постоянную работу, здесь же купить квартиру и перевезти семью. Но в настоящее время ему помогает семья сестры: здесь он находит кров, еду и уход. Камиль Шамсадин оглы Сафаров, проживающий в собственном доме в с. Баеве Ардатовского района, также помогает обустроить жизнь брату Исрафилу Шамсадин оглы Сафарову из с. Гегям Закатальского района. По его словам, «Одной рукой узел не завяжешь», «Рука руку моет, а руки — лицо».

Одна из важнейших функций семьи — дети и их воспитание. «Украшение дома — ребенок, украшение стола — гость», «Желанье ребенка сильнее приказа падишаха». Раньше в многодетной крестьянской семье

¹ Лотман Ю. М. Воспитание души. СПб., 2003. С. 420.

² ПМА: Эфендеев Эльван Айдын оглы, 1989 г. р., г. Саранск, записи 2005 г.

³ Лотман Ю. М. Указ соч. С. 442.

¹ Там же. С. 446.

не уделялось особого внимания уходу за детьми и их воспитанию. С ростом достатка и культуры положение изменилось: значительно улучшился уход за маленькими детьми (с учетом современных требований), родители стали уделять больше внимания различным видам воспитания, например эстетическому, а не только трудовому и нравственному, как было прежде. Значительное число родителей усиленно помогают школьному обучению детей: проверяют выполнение домашних заданий, освобождают детей от тех или иных домашних трудовых обязанностей во время учебного года. Многие родители ориентируют детей на получение высшего и среднего специального образования, поддерживают их материально во время обучения. Примечательно, что это касается и дочерей, так как многие родители считают, что, прежде чем выйти замуж, девушка должна получить специальность и образование, хотя еще сравнительно недавно (в послевоенные годы) дочерей ориентировали главным образом на замужество.

Обязанности по уходу за детьми и их воспитанию распределяются по-разному в семьях различного типа. Там, где есть бабки и деды, обычно им принадлежит большая роль в процессе воспитания, особенно если мать работает. В нуклеарных малых семьях воспитанием детей занимаются сами родители, причем значительно возросла роль отца (он ходит с детьми гулять, отводит в детский сад, в школу, проверяет домашние задания, посещает родительские собрания). Этот процесс затронул прежде всего городские семьи, но и в сельской местности отцы, особенно молодые, все больше внимания уделяют воспитанию детей. Среднее количество детей в старшей возрастной когорте женщин достигает почти 7 человек, в то время как у каждой женщины средней возрастной когорты не более 5 детей. Дети — это высшая награда (все равно — мальчик или девочка).

Детские игры и игрушки являются своеобразным отражением культуры, хозяйственного быта, социального строя, верований народа и в тоже время отражают новые формы материальной культуры. Наоборот, различные предметы быта, вышедшие из употребления, часто превращаются в игрушки, которые становятся, таким образом, своеобразным свидетельством прошлого. Например, по воспоминаниям информаторов, обучая детей играм в Мордовии, вспоминали, во что в этом возрасте играли на родине. Другие информаторы думают иначе: мальчики с детства должны быть смелыми, ловкими, выносливыми, иметь сноровку и ловкость. Этому способствуют игры. Третьи говорят о том, что мальчики начиная с 8—12 лет должны участвовать в скачках на лошадях, метании камней и т. п., участие в таких играх должно постепенно воспитывать

перечисленные качества. Каким же играм и состязаниям взрослые пытались и пытаются обучить детей в Мордовии? Это — метание и стрельба из лука и «ружья», фехтование, борьба, бег, прыжки. Воспитанию ловкости служит и игра в мяч. Но сегодня дети редко играют в эту игру и чаще применяют рогатку «для баловства». К метательным играм можно отнести также «чижик», стрельба из лука, сохранились игры «в ножики», «в топор» и др. Что касается девочек, то, как и везде, их любимой игрушкой была кукла. По мнению информаторов, игры в семейном воспитании детей имеют большое значение. Кроме воспитания ловкости, смелости, выносливости, незаметно прививаются и такие качества, как любовь к традициям, своим корням и чувство гордости за культуру своего народа¹.

Таким образом, семья и традиции семейных отношений у азербайджанцев, проживающих на территории Мордовии, устойчиво сохраняются (особенно в несмешанном браке) и подвергаются инкультурации (чаще в смешанных браках), но это не отражается при адаптации в иной культурной среде. Азербайджанская семья относительно стабильна, причем определенную роль в этом играют традиции. Брак и семья рассматриваются как большая ценность в жизни человека и общества, сохранилось отрицательное отношение к разводам. Владение родным языком сохранилось у взрослого населения, дети, особенно дошкольного и младшего школьного возраста, его утрачивают.

Новикова Н.В.,

Ярославский государственный педагогический университет

Первый Всероссийский женский съезд: объединение или раскол движения женщин?

Проведение Первого Всероссийского женского съезда в 1908 г., безусловно, стало этапным событием в истории движения женщин. На волне спада политической активности женских групп, снижения их численности и в обстановке усиливающего полицейского давления на гражданские инициативы заседания съезда встряхнули демократичес-

¹ Никонова Л.И. «Этнокультурная адаптация мигрантов Закавказья в Республике Мордовия (на примере азербайджанской диаспоры) / Л.И. Никонова, А.Ф. Мельник ; [отв. Ред. В.А. Юрченко]. Саранск, 2007. 176 с. + цв.вкл.

кую общественность и способствовали популяризации российского феминизма.

Наверное, еще большее значение съезд обретает в исторической ретроспективе, поскольку и современницами, участницами съезда, и исследователями русского феминизма события декабря 1908 г. трактовались в соответствии с общим пониманием природы и характера женского политического активизма. Действительно, уже в конце XIX — начале XX века на свет появилось множество описаний женских политических кампаний, как и феминистских интерпретаций так называемого «женского вопроса», которые наглядно демонстрируют, что идейно и политически движение не было однородным. Как правило, эти тексты служили (и продолжают служить) важнейшим инструментом феминистской политической самоидентификации. К началу XX века существовали по крайней мере три «конкурирующих» историографических канона, созданных феминистками для описания женского движения в России. Первый изображает движение как специфический «русский» феномен, отличный от «западных» социальных движений, и дистанцируется от них даже риторически (Е. Щепкина, А. Шабанова)¹. Вторая традиция, напротив, ассоциирует русских активисток с международным суфражистским движением и наделяет их именем «феминистки» (А. Кальманович)². Третья традиция, восходящая к марксистскому историографическому канону, представляет женское движение в терминах классовой, а не национальной идентичности (А. Коллонтай)³.

Намеченные в рамках этих подходов интерпретации Первого Всероссийского женского съезда, который описывается как начало объединения женских феминистских групп, либо как место, где произошел раскол российского женского движения, существуют и поныне⁴. В предлагаемом выступлении содержится попытка оценить ситуацию, сложившуюся в женском движении России к началу XX века, и роль Первого съезда в процессе его институционализации в узком пространстве российского конституционализма, отвоеванном первой русской революцией.

¹ Щепкина Е. Из истории женской личности в России. Лекции и статьи. СПб., 1914; Шабанова А. Очерк женского движения в России. СПб., 1912.

² Кальманович А. Женское движение и отношений партий к нему // Труды Первого Всероссийского женского съезда при Русском женском обществе в С.-Петербурге. СПб., 1909. С. 779–791.

³ Коллонтай А.М. Социальный основы женского вопроса. СПб., 1909.

⁴ См., напр.: Юкина И.И. Первый Всероссийский женский съезд // Вы и Мы. Диалог женщин. М., 1998. С. 13–16.

Как известно, в условиях самодержавного режима возможности для проявления политических инициатив не было ни у мужчин, ни у женщин. Образование свободных ассоциаций, политических союзов и партий было невозможно, а существовавшие организации находились на нелегальном положении. Первые женские товарищества, общества взаимопомощи с большим трудом пробивали себе дорогу к существованию и находились под неусыпным контролем полиции. Созданные в конце 1850-х-начале 1860-х годов, на волне реформаторской эйфории, Общество доставления дешевых квартир и других пособий нуждающимся жителям Санкт-Петербурга и Женская издательская артель переводчиц свидетельствовали о начале организованного социального движения в интересах женщин. Особой страницей в истории движения стала кампания за возможность получения женщинами высшего и профессионального образования, развернутая при деятельном участии так называемого «женского триумвирата» — лидеров русского феминизма того времени, М. Трубниковой, Н. Стасовой и А. Filosoфовой. После царевубийства в 1881 г. наряду с другими общественными объединениями были запрещены и женские организации, и только в 1895 г., после смерти Александра III, благодаря усилиям и личным гарантиям приближенной ко двору А.П. Filosoфовой было получено разрешение на формирование Русского женского взаимно-благотворительного общества, обреченного лишь на филантропическую работу.

Только русская революция 1905 года впервые за всю историю страны создала условия для формирования партийно-политической структуры и конституционно-правового государства. В новой обстановке рождались многочисленные либеральные и демократические партии, политические объединения, которые настаивали на признании царизмом необходимости демократизации общественной жизни. Российские женщины сумели использовать свой внушительный политический потенциал, и в феврале 1905 года в Москве был образован Всероссийский союз равноправности женщин — первая, и наиболее благополучная независимая массовая организация женщин, провозгласившая политические цели. Из программы следует, что Союз равноправности женщин довольно последовательно проводил идею о женском равноправии. Эта же цель была выражена и в передовице первого выпуска его официального органа Союз женщин, где говорилось: «Перед нами должна стоять задача популяризировать идею участия женщин во всеобщем избирательном праве. Для женщин мы ставим эту задачу, вместе со всем западным миром твердо веря, что до проведения этой идеи в жизнь не могут быть осуществлены ни демократизация общества, ни коренные социальные

реформы»¹. Очевидно, что в своей аргументации и деятельности участницы Союза равноправности женщин воспроизводили модель политического движения американских и европейских суфражисток. Постоянное обращение к их опыту и авторитету свидетельствует о том, что россиянки, безусловно, поддерживали доминировавшую в международном феминистском движении точку зрения, согласно которой эффективнее всего интересы женщин можно обеспечить, добившись для них избирательного права. Отличительной же чертой деятельности этой организации являлось стремление расширить и укрепить свою социальную базу, для чего Союзом прилагались специальные усилия по организации пропаганды своих идей среди работниц и крестьянок (к середине 1906 года объединение женщин насчитывало по всей стране около 8 тыс. членов²).

Рубеж 1905–1906 гг. можно назвать периодом наивысшей активности женских политических групп. Наряду с уже упомянутыми Русским женским взаимно-благотворительным обществом (которое после 1905 года в рамках своей структуры сформировало специальный комитет избирательных прав женщин) и Союзом равноправности женщин тогда же громко заявила о себе Женская прогрессивная партия во главе с женщиной-врачом Марией Покровской. Решение о регистрации в Петербурге в марте 1907 г. новой женской организации, Лиги равноправия женщин, принималось в обстановке, когда политический энтузиазм женщин пошел на убыль. Первые месяцы существования этой группы не оставили какого-либо заметного следа, так что многие поговаривали тогда о «естественной» и незаметной смерти Лиги. Только Первый Всероссийский женский съезд, состоявшийся в декабре 1908 года, заставил российских феминисток обратить внимание на эту структуру и использовать ее с целью создания всероссийской организации, «в которой могли бы соединиться женщины, желающие послужить делу борьбы за свое равноправие»³.

Таким образом, накануне съезда в среде российских феминисток сложилось убеждение в необходимости единения сил и формирования соответствующей политической структуры, способной обеспечивать эффективное «женское лобби» в условиях становления парламентаризма в России (С. Тюрберт, А. Тыркова) и представлять страну на уровне

международного женского движения (А. Философова, А. Шабанова). Острая идейная борьба, развернувшаяся на заседаниях съезда, показала не только разнообразие мнений и политических позиций, свойственных женскому движению России, но и готовность к конструктивному сотрудничеству значительной части деятельниц движения. Дальнейшие события подтвердили значение Первого Всероссийского съезда, который, безусловно, способствовал сплочению и мобилизации российских феминистских групп.

Ожигова Л.Н.,
Кубанский государственный университет (Краснодар)

Кризис гендерной идентичности у современных российских женщин: «переходы» и инициации

Представления о мужском и женском многообразны в различных социальных традициях и у разных народов, то есть биологическое по-разному репрезентируется в общественных отношениях. Общественные дебаты и академические работы феминисток и гендерных исследователей доказали, что мужское и женское — это не результат биологического развития, а продукт социального конструирования и бесконечного числа личностных выборов, согласующих культурные требования и собственные потребности (С. де Бовуар, С. Бем, Б. Фридан, Н. Чодорой).

Личность, как отмечает С. Бем в своей теории гендерных схем, конструирует свое «Я» через «линзы» гендера — особые гендерные схемы, существующие в социуме. В большинстве случаев модели гендерных схем андроцентричны и гендерно-поляризованы, очень четко очерчивают границы ролей мужчин и женщин, оставляют мало возможностей индивидуального выбора в вопросе: каким(ой) же надо быть, чтобы чувствовать себя мужчиной или женщиной.

Гендер становится той универсальной культурной линзой, которая подготавливает заранее predetermined стратегии жизнедеятельности и поведения, которые кажутся настолько нормальными и естественными, что какие-то иные жизненные направления даже не приходят в голову.

Почему социальные системы стремятся к воспроизводству гендера, к поддержанию иерархического порядка и нормативизации? Что удерживает отношения мужчин и женщин в зоне конфликта? На эти и дру-

¹ Союз женщин. 1907. № 1. С. 2.

² Петров-Эннкер Б. Женщины наступают: об истоках женской эмансипации в России // Отечественная история. 1993. № 5. С. 180.

³ Союз женщин. 1909. № 2.

гие вопросы о власти и дискриминации полов феминистские и гендерные исследования уже дали различные варианты ответов на разных уровнях: макро, межличностном и внутриличностном. Но мы задаем другой вопрос: не *что* заставляет личность выбирать ту или иную группу (идентичность), а *как она совершает этот «переход» в другую группу (систему)*.

В традиционной культуре существуют очень четкие процедуры перехода индивида из одного статуса в другой. Эти процедуры фиксированы в обрядах — это совокупность действий (установленных обычаем или ритуалом), в которых воплощаются какие-нибудь религиозные представления, бытовые традиции.

Обряд, с одной стороны, поддерживает и укрепляет определенные системообразующие для данной группы представления об устройстве отношений, быта и порядке всего бытия. С другой стороны, обряд включает в себя, ряд процедур, фиксирующих и выделяющих то, ради чего или кого совершается обряд. Важнее всего, что в композицию обряда включена инициация — определенное испытание или даже несколько испытаний для индивида, меняющего свой статус (роль), совершающего переход в другую группу.

Воспроизводство социальных отношений напрямую зависит от воспроизводства человека как биологического вида, поэтому во всех культурах особое место отводится обрядам и инициациям, сопровождающим становление мужественности и женственности. Целая серия инициаций сопровождает переход индивида из мальчика в мужчину-мужа-отца-деда и из девочки в женщину-жену-мать-бабушку.

В каждой культуре, народе и племени существуют свои сложные или простые, иногда долгие и жестокие обряды сватовства, свадьбы, кулачных боев и т.д. Какие-то из этих обрядов публичны, включают большое количество и действующих лиц и зрителей, а какие-то приватны, скрыты, латентны, требуют участия отдельных посвященных лиц.

Так, символика мужского и женского в традиционной русской культуре пронизывала все области народной культуры, что распространялось на трудовые обязанности и пространственные представления. Тематика пола в культуре проявлялась: в отношениях между полами; мужских и женских сообществах, празднествах и трудовой деятельности; а также в ролях и статусах (полоролевая структура); символах и атрибутах (символизм пола); идеях и верованиях, на которых базировались понятия «мужественности» и «женственности» (мифология пола); в том числе и в усвоении мужских и женских ролей, форм поведения в процессе воспитания (социализация мужчин и женщин).

Мужчины и женщины проходили этапы инициации мужественности и женственности в разные периоды своей жизни. Каждый «переход» происходил через определенные испытания и вызывал внутренние противоречия в личности, когда необходимо осознать свои имеющиеся роли, статусы, идентичности и интегрировать новую.

Инициации всегда сопровождают различные этапы в жизни личности в обществе, позволяют пережить и интегрировать различные части своего Я в ситуации кризиса идентичности, который неминуемо возникает в процессе взросления человека. Инициация позволяет личности публично и одновременно на глубинном внутриличностном уровне перейти к новому жизненному этапу, повзрослеть.

Современное общество не всегда сохраняет традиционные формы инициации, но не всегда предлагает новые. В итоге личность оказывается не готовой к изменившейся жизненной ситуации, может проявлять старые иногда инфантильные формы поведения, «застрять» в личностном кризисе.

Гендерные исследования в области кризиса гендерной идентичности показывают, что у современных российских женщин он проявляется в следующих кризисных состояниях: ролевой конфликт; боязнь успеха; различные варианты депрессии (чувство неполноценности, синдром домохозяйки, «внушенная беспомощность» и др.); повышенное чувство аффилиации; страх потери феминности (приобретения маскулинности).

Таким образом, к традиционным кризисам, связанным со сменой гендерного статуса (девушка-женщина-мать) добавились кризисы, связанные со сменой профессиональной роли (ученик-специалист-мастер и т. д.). Действительно, и семья (традиционное место реализации женщины), и профессиональная деятельность выступают, в качестве важнейших смысловых составляющих современных российских женщин. Причем профессиональная деятельность является актуальной сферой для женщин различных возрастов и находящихся на разных этапах профессионализации.

В нашем исследовании, которое было направлено на изучение ценностных ориентаций городских и сельских женщин в возрасте от 19 до 35 лет (158 чел, методика «Ценностные ориентации» М. Рокича в модификации Е.Б. Фанталовой), выявлено, что молодые девушки и работающие женщины в общем не удовлетворены реализацией важнейших ценностей — общественное признание, уверенность в себе, познание и развитие, наличие хороших и верных друзей, высокое служебное положение.

Для молодых девушек доступна продуктивная жизнь, любовь и здоровье, но не доступны интересная работа, свобода, семейная жизнь. Для городских женщин не доступно: здоровье, свобода и любовь. Для всех

женщин недоступной является материальная обеспеченность. При всем при этом молодые девушки удовлетворены, продуктивностью, здоровьем и любовью, а зрелые женщины вполне удовлетворены своей продуктивностью, работой и семейной жизнью.

Таким образом, ведущими смыслами и ценностями личности, на которых базируется гендерная идентичность молодой российской девушки, являются: поиск свободы, интересной работы, материальной обеспеченности и создание семьи. Для зрелой женщины ценностями являются — здоровье, свобода, гармония с любимым человеком, материальная обеспеченность. Нереализация данных ценностей определяет особенности кризиса гендерной идентичности для женщин.

Мы видим, что в смысловой структуре личности женщины происходит некоторая борьба ценностей, которые формируют кризис гендерной идентичности. И если раньше в разрешении такого кризиса было задействовано и заинтересовано все сообщество (племя, община), то сейчас личность часто остается одна перед лицом наваливающих на нее проблем. Если раньше, по мнению Клариссы Пинкола Эстесс, женщина имела непосредственный контакт и поддержку от так называемой Первозданной женщины, которые передавались от старшей к более молодой, то теперь женщина не всегда может или не умеет опереться на опыт всех тех женщин, которые предшествовали ей.

Отсюда возникает драматизм кризисной ситуации личности: утрачены ценности предшественников, а новые не утверждены. Тогда душа теряет питание и гибнет. Кризис гендерной идентичности толкает личность к поиску истинного источника, питающего личность. Перед личностью возникает новая задача — вспомнить себя.

В итоге можно обозначить, что в традиционной культуре существуют отрицательные последствия публичной инициации: легализация психологической, физической, социальной и экономической несостоятельности или неготовности личности к инициации, к смене статуса; сильные энергетические и другие затраты на подготовку и сам процесс инициации; временная потеря индивидуальности, невозможность контролировать и управлять процессом и необходимость подчиниться требованиям сначала процедуры инициации, а затем самому новому статусу.

Однако существуют **психологические выгоды** инициации для личности:

1) Сфокусированное проживание этапа «перехода» — легализация психологических страхов и переживаний, за счет идентификации и обмена опытом, эмоциями с другими членами общества, прошедшими подобную процедуру.

2) Изменение статуса, как правило, включение в новую более статусную, взрослую, влиятельную группу.

3) Обретение нового имени, маркера, позволяющего изменить поведение, сферу контактов, образ жизни, получить доступ к «привилегиям», соответствующим данному статусу.

4) Катарсис (освобождение) от напряжения, ощущение взросления или обновления (развития, роста, движения).

5) Обретение и осознание новых целей и четкость границ и этапа своей жизни в соотношении с жизнью рода, общества, группы.

Отсюда возникают различные социальные способы и пространства, которые современное общество может активнее использовать для разрешения кризиса — это и специально организованные ритуалы и обряды в семейной или профессиональной сфере, которые творчески организует сама эта небольшая социальная группа, или ритуалы и процедуры, которые использует консультант-психолог. Различные психологические ритуалы успешно используются в ряде психотерапевтических направлений (символ-драме, танатотерапии, сказкотерапии и т. д.).

Орлова Н. Х.

Санкт-Петербургский государственный университет

Женщины русского религиозного зарубежья первой волны

Христианский дискурс о взаимоотношениях мужчины и женщины отражает в себе амбивалентный подход к оценке роли женщины в Церкви. Интересен диалог У. Эко и кардинала Мартини по этому вопросу¹. В своем ответе философу кардинал признает «горячим» вопрос о женщине в клире, уточняя, что это скорее богословская проблема, чем этическая. Церкви еще предстоит осознать и «извлечь полезные уроки» из противоречащего культурным традициям своего времени послания Христа, что женский пол ничем не хуже мужского. Принцип *sexus masculinus est nobilior quam feminus* (мужской пол благороднее женского) стал камнем преткновения: с одной стороны, он до недавнего времени казался очевидным, с другой, явно противоречил отношению Христа к женщине. Ни герменевтический, ни символический, ни биологический подходы не

¹ Эко Умберто и Мартини, кардинал. Диалог о вере и неверии. М., 2004. С. 38–45.

разъясняют запрет на женское священство. В современном богословии возникает проблема согласования двухтысячелетней церковной практики с повышением роли и участия женщин в общественной и церковной жизни. Ярчайшим примером того, что «христианский дискурс всегда вписан в культурный контекст и несет его отпечаток»¹ является драма множества женских судеб русского послереволюционного зарубежья.

По некоторым данным после революции из России выехало 23 миллиона жителей. Это была так называемая первая волна эмиграции. Она, по мнению исследователей, была событием эпохального значения, в результате которого за границы России была экспортирована культура, которая до сего времени Западу была недоступна и почти неизвестна². С этой волной был связан важный этап отношений России и Запада. В основе этих отношений лежало, как писал Г. Флоровский, имя Христа, которое соединяло Россию и Европу, «как бы ни было оно искажено и даже поругано на Западе». На фоне «глубокой и не снятой религиозной грани» между Россией и Западом, сохраняется «внутренняя мистико-метафизическая их сопряженность и круговая христианская порука». И Россия, как живая преемница Византии, раскрывается и сохраняется во всей полноте православия «для неправославного, но христианского Запада внутри единого культурно-исторического цикла»³. Для русского религиозного зарубежья Запад стал убежищем и одновременно очагом изгнанной из страны элитарной культуры.

Среди представительниц русского религиозного зарубежья первой волны следует назвать такие имена как Монахиня Бландина (Оболенская Александра Владимировна)⁴, Монахиня Варвара (Суханова Вера)⁵, Игуменья Магдалина (Габбе Нина Павловна)⁶, Игуменья Евгения (Митрофанова Елизавета Константиновна)⁷, Игуменья Екатерина (Ефимовс-

¹ Бер-Сижель Э. Служение женщины в Церкви. М., 2002. С. 43.

² Ахиезер А. Эмиграция из России: Культурно-исторический аспект // Свободная мысль. М., 1993. № 7. С. 70–78.

³ Флоровский Г.В. Евразийский соблазн / Современные записки. Париж, 1928. Кн. 34 С. 312–346.

⁴ Княжна. В эмиграции активная участница Русского студенческого христианского движения (РСХД). Приняла постриг в 1937 г.

⁵ Из купеческой семьи. В эмиграции в Югославии. Приняла постриг в 1930-е годы. Автор житий святых для детей.

⁶ Графиня. Дочь Павла Николаевича Габбе и сестра епископа Григория (Габбе). В эмиграции в Югославии, затем во Франции. Приняла монашество в Белграде.

⁷ Родилась в семье сенатора К. Турау. Во время гражданской войны возглавляла организацию помощи офицерам — участникам белого движения «Белый Крест». Эмигрировала в Константинополь, где (после кончины мужа) приняла монашество (1922).

кая Евгения Борисовна)¹, Монахиня Иоанна (Рейтлингер Юлия Николаевна)², Игуменья Нина (Косаковская Наталья Григорьевна)³, Игуменья Мелания (Лихачева Екатерина Любимовна)⁴, Монахиня Мария (Скобцова Елизавета Юрьевна)⁵.

Удивительным образом традиции русского женского монашества сохранились и проросли в дружелюбной к русским эмигрантам Сербии. Епископ Досифей Нишский выписал весь Леснинский монастырь. Семьдесят монахинь погрузились на баржу и по Дунаю прибыли в Белград. Для Сербии, давно утратившей традиции женского монашества, это событие имело огромное значение. Местечко Хопово, в котором обособился на правах аренды Леснинский монастырь, быстро приобрело значение духовно-религиозного центра. Сюда потянулась сербская и русская, главным образом, интеллигентная молодежь. Игуменья мать Екатерина была просвещенным и глубоко религиозным человеком. К ней тянулись за духовным учительством. Довольно скоро женское монашество нашло свое развитие во вновь родившихся сербских монастырях, обогатив тем самым всю духовную культуру сербского народа.

В первые годы эмиграции стараниями Митрополита Евлогия (Георгиевского) было организовано сестричество. Для него это было реализацией давнишних планов еще в России. В дореволюционное время

¹ Графиня. Закончила Московский университет. В 1884 г. по благословению старца Амвросия Оптинского основала православное сестричество в с. Лесна. Позднее сестричество было преобразовано в Леснинский женский монастырь и получило известность в предреволюционной России. Эмигрировала вместе с монастырем в мест. Хопово (Югославия).

² Иконописец, духовная дочь протоиерея Сергия Булгакова. Расписывала многие православные храмы во Франции, Англии и Чехословакии. В начале 1930-х гг. приняла, по примеру матери Марии (Скобцовой), монашеский постриг «в миру». После кончины отца Сергия Булгакова жила в Чехии. В 1955 г. вернулась в Россию, где продолжала писать иконы.

³ Из семьи дворянства. Наряду с игуменией Екатериной (Ефимовской) была основательницей получившего известность в предреволюционной России Лесненского монастыря. Эмигрировала с монастырем в Югославию.

⁴ Училась на Бесстужевских курсах в Петербурге. Эмигрировала во Францию. Основательница женского православного монашества во Франции. В 1934 г. была пострижена в мантию с именем Мелания.

⁵ Дочь крымского помещика-ботаника. Первая женщина, окончившая Санкт-Петербургскую духовную академию (заочно). До революции была членом партии эсеров. В 1917 г. — городской голова г. Анапа. Эмигрировала в 1921 г. и поселилась в Париже. Приняла монашество в 1932 г. Казнена в газовой камере Равенсбрюк (1945). Причислена к лику святых Православной Церкви (2004).

препятствием к этому служила жесткая бюрократическая система Церкви. В революционные годы, как вспоминает митрополит Евлогий, приходы ожили, кое-где появились женские кружки — сестричества, — ревностно защищавшие церкви, охранявшие благолепие храмов, благочиние церковных служб»¹. Именно они в годы гонений прятали и хранили церковное имущество, спасали священников. Совершенно логично, что в ситуации спасения духовной культуры в изгнании, женские прицерковные объединения играли колоссальную роль. Первая такая организация родилась в Берлине. Во главе ее встала деятельная Е.Н. Безак. Заботой сестер были не только чистота и порядок в храме, но и широкая благотворительная деятельность в больницах, лагерях военнопленных и пр.

Такое же сестричество организовалось и в Париже. Возглавляла парижское объединение Вера Васильевна Неклюдова, незаурядная личность и широко одаренный человек. Ей принадлежит заслуга создания церковноприходской школы, в которой обучали не только Закону Божию, но и русскому языку, географии и истории России. Таким образом, сберегая Россию вне России.

Добрую память о подвиге служения в лагерях для военнопленных оставила бывшая сестра милосердия Кауфманской общины В. Масленникова, которая в эмиграции приняла монашеский постриг с именем Марфы. Своим примером высокой духовности и жертвенности она привлекала влиятельных друзей для организации благотворительных столовых и иной помощи обездоленным.

Как Ева и Мария, как матери и дочери Ветхого завета и Евангелия, как мученицы и святые вселенской Церкви, так и женщины русской эмиграции первой волны сыграли активную роль в истории спасения духовной культуры своего народа. История их служения еще не получила должного освещения в исследованиях и литературе.

¹ Евлогий (Георгиевский) митрополит. Путь моей жизни: Воспоминания. М., 1994. С. 378.

Павлов А.А.,
Сыктывкарский государственный университет

Женщина и свобода (*libertas*) в исторической концепции Тита Ливия

Проблема свободы была впервые поставлена и развита в античной исторической и философской литературе. Именно с ней ассоциируется и восприятие римского, а вслед за ним и современного, республиканского устройства. У основания этих идей, подхваченных затем авторами эпохи Возрождения, а впоследствии ставших знаменем современного либерализма, был римский историк Тит Ливий, труд которого — «История Рима от основания города» — стал подлинным гимном свободе (*libertas*). «Историю» Ливия можно определить как историю свободы римского народа (*populus*), гражданской общины (*civitas*) и граждан (*cives*). Однако, говоря о гражданской общине и гражданах, Ливий (как, впрочем, и вся античная традиция) имеет в виду только *polites* — мужчин, обладающих полнотой гражданских прав и прежде всего политических, поскольку в их осуществлении и выражается *libertas*. В этой связи позволительно задать вопрос, в каком отношении находятся у него понятия «женщина» и «свобода»?

Образы женщин встречаются в труде Ливия достаточно часто, воплощая морально-наставительный дидактический характер. Из их описания мы можем говорить о важной роли, которую римляне отводили женщине в своей жизни¹. Однако, если взглянуть на место женщины в концепции свободы Ливия, то картина оказывается совершенно иной. В сохранившейся части термин *libertas* встречается 331 раз и фигурирует почти во всех сохранившихся книгах (кроме XL, XLIV). В связи с женщиной мы встречаем его лишь в четырех сюжетах (III. 44–48; 52. 4; XXIV. 24–25; 26. 7; XXXIV. 2; 7; XLII. 34. 3) около 10 раз. Важными для выявления гендерных различий *libertas* являются те синонимические ассоциации и антиномии, которые появляются в связи с «женской» *libertas* и которые существенно отличаются от «мужской» политической *libertas*. В пассаже о суде по поводу статуса Вергинии, учиненном

¹ О женщине у Ливия см. напр.: Маяк И.Л. Женщина в раннем Риме (V–IV вв. до н.э.) // Женщина в античном мире. М., 1995. С. 75–103; Кучеренко Л.П. Образ римской женщины ранней Республики в сочинении Тита Ливия // Гендерная теория и историческое знание: Материалы международной научно-практической конференции / Отв. ред. А.А. Павлов. Сыктывкар, 2003. С. 54–56.

децемвиром Аппием Клавдием (III. 52. 4; ср. XLII. 34. 3), оппозицией к *libertas* Вергинии выступает *libido* Аппия Клавдия, синонимом же — *pudicitia* (целомудренность), которая определена Ливием, наряду с *libertas*, как *sancta* (священная). Несмотря на ряд имеющихся у Ливия оппозиций, *libido* фигурирует только в отношении свободы Вергинии, тогда как в отношении «мужской» свободы в значении «произвола» он использует «*licentia*». Именно физическое насилие над женщиной, нарушение ее *pudicitia*, является нарушением ее личной *libertas*, при этом женщина может искать помощи у своего отца (Вергиний), под чьей властью она находится, который и выступает стороной в процессе. Об иных средствах защиты, традиционных для «мужской» свободы (обращение к народу, апелляция к плебейским трибунам) Ливий ничего не сообщает¹, что подчеркивает сугубо частную природу ее свободы, причем в коннотации телесной целостности. *Pudicitia* и *libertas* тесно увязаны для женщины, и утрата одного означает одновременную утрату и другого.

Утрата мужчиной *libertas* сравнивалась римскими юристами со смертью (D. 50.17.209; 35.1.59.2)², но смертью, прежде всего, не физической, а гражданской: мужчина, становясь рабом (*servus*), утрачивал гражданский статус (*status civitatis*) вследствие так называемого наибольшего умаления правоспособности (*capitis deminutio maxima*)³. При освобождении из рабства, получая свободу, он возвращал свои гражданские права и, соответственно, гражданский статус⁴. Сын мог быть продан отцом три раза⁵, при этом всякий раз восстанавливая свой первоначальный статус. То же мы можем наблюдать и в публичной сфере, когда свобода общины может быть утрачена, но может быть и возвращена (посредством войны, либо договора)⁶. Утрата же *libertas* (*pudicitia*) жен-

¹ Эти средства во время децемвирата были недоступны, ведь децемвиры были магистратами без права провокации, а плебейские трибуны не избирались, но Ливий не говорит о такой возможности. Ицилий же выступает зачинщиком публичного сопротивления и обращения к войску (плебсу), тогда как существовал запрет на обращение к народу.

² См.: Смирин В.М. Сравнение со смертью в языке римских юристов («Рабство мы обыкновенно сравниваем со смертью») // ВДИ. 1996. № 1. С. 136–141.

³ Gai. I. 159–162.

⁴ D.49.15.19pr.: «Естественной справедливостью введено также, что тот, кто противозаконно удерживался чужеземцами, после возвращения на свою территорию получает свои прежние права».

⁵ Leges XII tabularum. IV. 2.

⁶ Таких примеров у Ливия очень много. См. напр.: XXXIII. 30. 4; XXIV. 2. 4; XXXVI. 9. 4; XXXIII. 12. 4; 12. 10; 31. 7; XXXIV. 33. 6; 32. 3; XXXVI. 17. 3; XLIII. 8. 6; XXXIV. 58. 11; XXX. 37. 8; XXXIII. 31. 10; Per. LXXXI; etc.

щиной означает у Ливия смерть не юридическую, а физическую, что мы видим на примерах Лукреции и Вергинии, в силу невозможности восстановления *pudicitia*, в отличие от *ius* для мужчины. Примечательна и другая особенность. Как римская *libertas*, так и *pudicitia feminae* являются *sancta*¹. Римские юристы относили *res sanctae* к вещам божественного права; с ними были связаны магические запреты, нарушение которых влекло за собой смерть. Соответственно, нарушителей *libertas* (*civitatis*) ждала смерть (или изгнание — гражданская смерть) в силу *ius divine*, что позволяло сохранить свободу общины. В случае же с женщиной смерти подвергалась сама женщина, которая оказывается виновной в утрате *pudicitia*². Перефразируя известное римское юридическое правило («Женщина же является своей фамилии и началом, и концом»³), свобода возникает и умирает вместе с женщиной, ибо женщина — природа⁴, а мужчина — право.

Наиболее четко гендерные различия в отношении *libertas* выражены Ливием в речах оппонентов Марка Порция Катона и Луция Валерия (XXXIV. 2–4; 5–7), произнесенных ими в 195 г. в связи с полемикой вокруг отмены сумптуарного закона Оппия 215 г., ограничившего роскошь римских женщин⁵. Катон, обращаясь к квиридам, называет свобо-

¹ D.I.8.8: «Является святым (*sanctum*) то, что защищено от противоправных действий людей...»; D.I.8.9.3: «В собственном смысле слова мы называем святым (*sancta*) то, что не является ни священным (*sacra*), ни светским (*profana*), но что является неприкосновенным; так, законы являются святыми (*sanctae*), ибо они закреплены некоторой санкцией. Что подкреплено некоторой санкцией, то является святым, хотя бы и не было посвящено богу; иногда в санкции устанавливают, что тот, кто совершит там нечто, наказывается смертью».

² Позже (по *lex Iulia de adulteries*) виновной в прелюбодеянии будет считаться женщина, а мужчина — соучастником. Павел в 11 книге «Комментариев к эдикту» говоря о *stuprum* заметил: «для честных людей этот страх должен быть сильнее страха смерти» (D. 4.2.8.2).

³ D.50.16.195.5: *Mulier autem familiae suae et caput et finis est.*

⁴ На то указывает и ассоциация *libertas* женщины с плодovitостью (*fecunditas*), более важной для женщины даже чем наличие у нее *bona* (*dos*), что для мужчины невозможно, ибо гражданство (как и свобода) невозможны без имущества; недостаток же *fecunditas* мужчина всегда может восполнить через усыновление (*adoptio* или *adrogatio*). Liv. XLII. 34. 3.

⁵ Liv. XXXIV. 1. 3: «...закон запрещал римским женщинам иметь больше полуунции золота, носить окрашенную в разные цвета одежду, ездить в повозках по Риму и по другим городам или вокруг них на расстоянии мили, кроме как при государственных священнодействиях». См.: Квашнин В.А. Законы о роскоши в древнем Риме эпохи Пунических войн. Вологда, 2006. С. 28–49; 71–93.

ду «nostra» («наша»), противопоставляя ее женщинам, которые, по его мнению, пытаются захватить ее у мужчин, захватить то, что до сих пор они не имели, и что грозит нарушением существующего порядка. Это проявляется прежде всего в стремлении уподобиться мужчинам в политической сфере, влиять на принятие законов и выборы¹. Однако женщина — это лицо не политическое, частное; женщины не составляют единого политического организма, их местом является не форум, а дом. Женщина, стремясь к *libertas*, на самом деле может достичь только *licentia*². Сама женская природа противоречит возможности *libertas* и способствует ее *licentia*. Если подлинная свобода неразрывно связывается Ливием с умеренностью (*moderatio*, *modestia*, *temperantia*)³, согласием (*concordia*), обычаем предков (*mos maiorum*), гражданским духом (*animus civilis*), миром (*pax*), то женщина наделяется такими характеристиками как: *natura impotens* (бешеная, необузданная природа), *animalis indomita* (существо безудержное, неукротимое), *iniquo animo...patiuntur* (с трудом переносящие, возлагаемые на них требования законов и обычаев)⁴. Луций Валерий, выступая за отмену закона, будучи оппонентом Катона, в оценке свободы женщин все-таки сходится с ним в том, что женщина и свобода понятия несовместимые, хотя и исходит из иной частно-правовой коннотации женской свободы. Женщины «сами ненавидят свободу, какую дает им вдовство и сиротство», ибо нормальное положение для женщины быть под рукой, либо опекой (XXXIV. 7. 12–13).

¹ Liv. XXXIV. 2. 11: «Предки наши не позволяли женщинам решать какие-либо дела, даже и частные, без особого на то разрешения; они установили, что женщина находится во власти отца, братьев, мужа. Мы же попушением богов терпим, что женщины руководят государством, приходят на форум, появляются на сходках и в народных собраниях».

² Liv. XXXIV. 2. 13: «В любом деле стремятся они к свободе, а если говорить правду — к распушенности». Перевод Г.С. Кнабе здесь не точен, ибо *licentia* женщин(ы) не отличается от *licentia patrum*, *nobilium* или *plebis*, выражая всякий раз не свободу, а произвол части.

³ Monreal P.R. Apuntes de lexicografía a propósito de los términos *moderatio*, *modestia* y *temperantia* en Tito Livio // Cuadernos de Filología Clásica. Estudios latinos, n.º 13. Madrid, 1997. P. 61–71.

⁴ Говоря о борьбе за власть в Сиракузах после убийства Гиеронима (XXIV. 24–25), Ливий характеризует Дамарату, жену претендовавшего на престол Адранадора, как «преисполненную царской спеси и женского высокомерия». Она уговаривала мужа уничтожить свободу, пока «свобода внове, пока ничто еще не перебрало и не устоялось» (XXIV. 24. 2) и Ливий приписывает ей и женщинам стремление к *regnum*.

Таким образом, свобода женщины оказывается возможной у Ливия только в частно-правовом смысле, как свобода от рабства (*servitus*). Однако такая ее *libertas* ограничена нахождением под властью отца или мужа (*in manu*). Женщина является прежде всего частью *familia*, но не *civitas*. Не обладая публичными правами, женщина не может иметь и *libertas* в публично-правовом смысле, ибо участие в собственности общины, принятии решений в народном собрании, возможности избирать и быть избранным, а также защита общины и составляют «мужскую» *libertas*. Женщины в публично-правовом смысле рассматриваются как оппонент *libertas*, в связи с чем с ними ассоциируется *licentia*, как и стремление к *regnum* и *spiritus*. Невозможность обладания *libertas* объясняется и природой женщины, которая в отличие от мужчины, которому присущи умеренность, способность к компромиссу и согласию, необузданна, тщеславна, в чем ее характеристика совпадает у Ливия с характеристикой толпы (*multitudo*), которая «или рабски пресмыкается, или заносчиво властвует... не умеет жить жизнью свободных, которые не унижаются и не кичатся» (XXIX. 25. 8).

Пушкарева Н.Л.,
Институт этнологии и антропологии РАН (Москва)

Женская и гендерная история: итоги и перспективы развития в России

Может ли *пол* может служить таким же инструментом социальной детерминации, как *класс* и *этнос*? На этот вопрос нашли ответ работы исследователей, чья сфера интересов лежит в области изучения истории феминности, маскулинности и гендерных отношений, то есть реализующих гендерный подход к анализу социально-исторических явлений. Успехи этого направления начинаются с «невидимой революции» конца 1960-х гг — появления «женских исследований» в системе гуманитарного знания и «размывания» традиционного представления об истории как общем для всех прошлом. Социально-политические предпосылки и теоретико-методологические источники новых воззрений на роль пола в истории позволяют увидеть историю становления антропологически ориентированной гуманитаристики. С 1975 г. — благодаря Нин Коч — в научном обиходе присутствует термин «феминология», под этим назва-

нием «женские исследования» поначалу закрепились в российском научном дискурсе. В настоящий момент чаще употребляется дефиниция «женская история». В идеале это направление в науках о прошлом должно выполнять ту же функцию, что и женские исследования в иных гуманитарных дисциплинах (быть ориентированным на *критику наук*, на *критику общества*, в силу *связанности с женским движением*; находясь на *пересечении научных дисциплин*). В реальности же критическая составляющая «женской истории» в нашей стране не всегда сильна.

Между тем на Западе на появление «женских исследований» вначале откликнулись историки-феминистки. Они выяснили, что о женщинах долгое время молчало общество (т. к. они отсутствовали в общественном пространстве). Следствием молчания общества была скудость следов, оставленных женщинами. Третий уровень молчания о женщинах — молчание исторического повествования, отдававшего пальму первенства публичному (политическим, военным, религиозным событиям, царствованиям и войнам) в ущерб семейному, частному.

В начале 1970-х гг., когда родился призыв написать историю «*глазами женщин*», с позиций их социального опыта, в США и ряде стран Европы возникли факультеты и исследовательские проекты, работавшие в этой области. С середины 1970-х гг. начался этап сближения «истории женщин» с феминистской теорией. Но поскольку не все исследователи согласились разделить феминистские воззрения, постольку с начала 1980-х гг. «женские исследования в истории» разделены на два течения. *Одно* представлено попытками изучать женщин в истории, опираясь на понятия феминизма (женский социальный опыт, женское сообщество, женское письмо, женская идентичность, система ценностей, женское видение мира и т.п.). *Другое* являет собой попытки откеститься от него, создать исследования по женской истории, претендующие на полную «независимость». Приверженцы двух направлений представлены в созданной в 1989 г. и существующей поныне «Всемирной федерации исследователей, изучающих историю женщин», объединившую около 100 стран.

К середине-концу 1980-х гг. социально-политический контекст развития гуманитарного знания изменился. «Островное» положение женских исследований позволила преодолеть концепция гендера, позволившая изучать различия полов, не связанные с физиологией, а созданные культурой и историей, отделившая понятие «пол в социальном контексте» от понятия «пол в биологическом и сексуальном смысле слова». Гендер — это скальпель, вскрывающий ткань очевидного (что «различия полов предопределены природой»). «Историки женщин» хотели *вписать* женщин в историю. Гендерологи поставили задачу *напи-*

сать другую историю / истории женщин, мужчин, трансвеститов, гомосексуалистов, объединив историю сексуальности, историю гомосексуальности, женскую и мужскую «истории», описывая механизмы иерархизации, создания условий для преимуществ одних перед другими. В отличие от историков женщин, создававших исторические портреты женщин определенного социального слоя, описывавших положение женщины в семье в разные эпохи, гендерологи уделяют больше внимания контекстуальному, выдвигая на первый план соотношение между социальной и гендерной иерархиями, мифологиями, историями.

В СССР в конце 1980-х гг. господствовал концепт о решенности женского вопроса в СССР, так что признанию «женской темы» самостоятельной проблемой мешали старые подходы. Согласно им, прошлое было «историей всемирно-исторического поражения женского пола», а победу женщины могли одержать, лишь решив женский вопрос в марксистском духе. Однако первые историки женщин появились у нас именно тогда. Другой вопрос — о признанности «женских исследований». Этот процесс был настолько долгим, что, вероятно, не завершился до сих пор. Как вестернизация «варварской» России в начале XVIII в. не могла быть успешной без социально-культурных трансформаций века XVII-го, так и «доместикация» западных концептов (в том числе концепции *гендера*) в постсоветский период не могла бы быть успешной без теоретического и практического опыта предшественников (тех, кто занимался «женской темой» еще при социализме и собирал фактические данные в течение нескольких десятилетий развития догматизированной советской науки).

Развитие направления гендерных исследований в истории не было в нашей стране реакцией на «мужской шовинизм» (так было на Западе, где оно шло в «лоне» феминистского сознания). Именно поэтому они лишены у нас запальчивости и радикализма, характерных для западного гуманитарного знания. Более академичные по характеру, чем на Западе, женские исследования в истории рождены у нас как реакция на унификацию половых различий, характерную для советской идеологии и идеологизированной науки.

Чего достигли «женские и гендерные исследования» в истории? «Вернули женщин» общим курсам истории, а историю — женщинам. Доказали, что *полученное ранее «единое и полное» знание о прошлом таковым не является*, потому что в нем почти отсутствуют женщины и сексуальные меньшинства — а они имели во все эпохи свое мировидение и свою систему ценностей, порой не совпадавшую с традиционной. Вывод о существовании в доиндустриальных обществах *двух*

соединяющихся сфер или доменов существования - сферы господства Мужчины (политика, дипломатия, военное дело) и Женщины (дом, семья, домохозяйство) заставил изучать оба домена на-равных. Историки женщин доказали, что сферы эти были не «сепаратными», но «соединяющимися». Родились новые темы: «история прислужничества и найма кормилиц», «история домашней работы», история практик, продуцировавших мужественность (политическое гражданство как клуб собратьев, спорт, мужские клубы). Появилось *новое измерение в социально-экономической истории*, вместе с новыми темами («феминизация бедности», «феминность безработицы», «политическая экономия домашней работы»). *Разрушили проявления мужского мифотворчества в социальной истории*, поставив под сомнение оценки некоторых процессов и эпох в мировой истории (античной демократии, Ренессанса, Великой Французской революции 1789 г.) Показали, как «экторы» истории могут стать из «творцов» истории - «жертвами». Заставили исследовать формы сексуальности, отвечая на вопрос: является ли гетеросексуальная форма единственно приемлемой? Как, с каких пор она была превращена в норму, исключаящую и клеймящую позором все другие формы? Исследование истории феминистских идей позволило феминисткам *реабилитировать феминизм как политику*, в основе которой лежит принцип свободы выбора женщиной пути самореализации. Заставило рассматривать даже не взаимоотношения полов сами по себе, а *множественность социальных связей, не упуская фактора пола*. Гендерная история оказалась «другой историей», позволяющей сделать видимым социальный опыт не только женщин и мужчин, но и представителей квир-сообществ, геев, лесбиянок. Социальная структура — при гендерном подходе и с учетом исторической изменчивости — требует многомерного подхода, а не простого вписывания женщин в уже известные элементы конструкции. Гендерные исследования в истории дали возможность *обнаружить непривычное в привычном* (мужскую дискриминацию и подчинение в патриархатном обществе), позволяют *понять конструирование иерархий как взаимодействие*, а не однонаправленный процесс. Гендерный подход и гендерная концепция помогли анализу прошлого, четко *ориентированного на решение современных задач* (скажем, о путях о маргинализации, «забывания» той или иной социальной группы, о ее правах). При этом была преодолена узость отдельных самостоятельных «историй» — историй женщин, мужчин, гомосексуалистов, поскольку функция гендерной истории *синтезирующая*.

Причины недостаточной популярности «женской темы» в нашей исторической науке. *Отсутствует социальный заказ* (исследования

социологов, психологов, медиков или демографов могут иметь конкретный практический выход); «женская тема» в истории по-прежнему *считается чем-то иллюстративным*; в России «женский вопрос» решался на государственном уровне десятилетиями, считался «решенным»; *привыкание к мысли о том, что — в сущности — ничего еще не сделано, происходит с трудом*; «женские исследования» не «звучали» в российском политическом контексте, т.к. проблема борьбы за соблюдение прав женщин не стала в РФ одной из составляющих борьбы за права человека. Отношение к понятию «феминизм» остается в РФ *негативным*. *Отсутствуют подготовленные специалисты* в крупнейших вузах, курсы по «женской истории» читаются силами энтузиастов в российской глубинке. Гуманитарно-академическая среда с трудом соглашается признать новые методические практики (например, метод «устной истории» с трудом институционализируется в системе традиционных исторических исследований).

Радина Н.К.,
Нижегородский государственный университет

«Женские стратегии» освоения российского мультикультурализма

Современный рост ксенофобии и преступлений на национальной почве актуализирует научные дискуссии относительно проблем толерантности и национализма, которые, развиваясь, непременно приводят к анализу мультикультурализма как научной доктрины и социальной практики. Классическая американская концепция мультикультурализма постоянно «примеривается» отечественными исследователями на поликультурную российскую реальность, подчеркиваются «достоинства» мультикультурализма (сохранение культурного плюрализма, признание и защита многообразных меньшинств, отказ от ксенофобии, шовинизма, расовых предрассудков) и его «недостатки» («этнизация социальных отношений», институционализация культурных различий, игнорирование либерального принципа приоритета прав индивида).

Сердцевина понятия «культурное многообразие» по В.А. Тишкову — признание многообразных форм самих культурных общностей (не только «русской или «аварской», но и «российской и дагестанской»), признание и спонсирование не только различий, но и схожести, которые

чаще всего преобладают над различиями¹. Также, по мнению исследователей, сама конституция РФ правовым порядком закрепляет основную идеологию мультикультурализма, поскольку запрещает пропаганду расового, национального и языкового превосходства, с одной стороны, а, с другой стороны, предусматривает особые права для малочисленных народов (например, народов Севера), реализуя основной постулат мультикультурализма — защиту государством отдельных культурно отличных групп². Однако культурное содержание «классического мультикультурализма» российскими исследователями спонтанно прочитывается исключительно в этнических терминах. При этом критика мультикультурализма не ограничивается осуждением статичного понимания «этнического», а сопровождается «расчленением» мультикультурализма на подходящий (этнический) и неподходящий (другие «меньшинства»)³.

Все дискуссии относительно концепции мультикультурализма российских исследователей также вращаются исключительно вокруг проблемы «этнического». Так, В.С. Малахов поясняет, что «мультикультуралисты» исходят из представления об этнокультурных различиях как всегда-уже-данных, поэтому социальные противоречия выглядят в рамках этого дискурса как культурные⁴. В.А. Тишков предостерегает от мыслей об этнических меньшинствах только как о страдающих от господствующего большинства и лишенных возможности удовлетворения базовых культурных потребностей⁵. А.А. Осипов, анализируя этническое как социальное и культурное, подчеркивает, что рассмотрение этнических отношений преимущественно в конфликтном контексте приучает людей относиться к мигрантам и к меньшинствам не как к равноправным членам общества, иногда нуждающимся в защите, а исключительно как к источнику проблем⁶.

¹ Тишков, В.А. Этничность и национализм в постсоветском пространстве <http://www.ic.omskreg.ru/>

² Дерябина С.Р. Россия и опыт мультикультурализма: за и против // Этнопанорама. 2005. №1–2. С. 14–18.

³ Там же.

⁴ Малахов В.С. Культурный плюрализм versus мультикультурализм. <http://intellectuals.ru/>; Его же. Мультикультурализм и идеология «инакости». <http://intellectuals.ru/>

⁵ Тишков В.А. Этничность и национализм в постсоветском пространстве. <http://www.ic.omskreg.ru/>; Его же. Культурное многообразие в современном мире // Диалоги об идентичности и мультикультурализме / Под ред. Филипповой Е. и Ле Коадика Р. М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 2005.

⁶ Осипов А.Г. Конструирование этнического конфликта и расистский дискурс // Расизм в языке социальных наук / Под ред. В. Воронкова, О. Карпенко, А. Осипова. СПб., 2002. С. 45–68.

Итак, мультикультурализм по-российски признает исключительно этнический плюрализм, при этом подчеркивается, что этнические меньшинства нередко представляют свой «этнический капитал» в конфликтном дискурсе, следовательно, стоит задаться вопросом о самой возможности «артикуляции этнического». Такой поворот дискуссий кажется невероятно знакомым. Российские научные дебаты по большому счету избежали фокусирования на проблемах гендерного неравенства. Однако в публицистических, журналистских, а нередко и научных дискуссиях априори утверждается, что женщины, представляющие «слабую половину» человечества, преимущественно и являются жертвами в конфликтах с применением насилия, самим фактом своего «слабого» существования бросая вызов доминирующей группе мужчин. Поэтому в ситуации преступления или ужасной интриги — «chercher la femme».

Следовательно, не только «этническое», перманентно пребывающее в конфликтном дискурсе, искажает представление большинства о мигрантах и этнических меньшинствах, но и «женское» как «провокаатор насилия» нуждается в переозвучивании и, возможно, в социальном исключении, хиджабе и парандже? Дабы продолжить данную дискуссию на основе конкретного материала, проанализируем деятельность одной из женских неправительственных организаций, которая может быть классически представлена в концепции мультикультурализма как дважды представляющая «меньшинства»: она женская и этническая.

Эта организация — «Проект Кешер», международная женская еврейская общественная организация, являющаяся в настоящее время одной из наиболее активных женских организаций в России¹. «Проект Кешер» представляет миссию и цели организации в типичном контексте «женских организаций» (дискурс ответственности и заботы о слабых, ориентация на семью), никак не артикулируя в миссии или целях организации «этническую специфику».

«Этнические меньшинства», объединенные данной организацией, не просят ни социальной помощи, ни политических предпочтений: они выходят в «поле» общественной и политической практики и служат обществу наравне с «большинством», зачастую более активно и ответственно, чем «большинство». Таким образом, двойное позиционирование «Проекта Кешер» не только не ослабляет образ и позицию организации, но укрепляет и саму организацию, и дискурсы «гендерного» и «этнического» в обыденной социальной практике. Данное «усиление» происходит

¹ О Проекте Кешер - <http://www.projectkesher.ru>

за счет усложнения образа, за счет внесения терминов «этничности» в просоциальный «женский контекст».

Так гендерный акцент, интегрируясь с этническим, создает непривычную для российской политической аналитики систему координат, весьма традиционно вписывающуюся в классическую версию мультикультурализма.

В область технологий межкультурного взаимодействия переносятся технологии «женского участия» и «женской ответственности», межэтническое взаимодействие оказывается перемещенным в область помощи нуждающемуся, в область содействия личностному и социальному развитию любого человека, в область развития индивидуального политического, в область развития гражданского сознания. Происходит как бы стирание границ: приходится или гендерные отношения маркировать как этнические, или признать, что «этническое» — характеристика культурной специфичности, подчеркивающая особенности более общих — социальных отношений (предикативная, а не атрибутивная характеристика).

Таким образом, участницы «Проекта Кешер» становятся не теоретиками, а практиками социального конструирования¹. Вместо политической риторики, призывающей к толерантности в межкультурных отношениях, они собственными социальными действиями демонстрируют условность конструирования этнических границ, осуществляя помощь и поддержку любому, нуждающемуся в помощи, независимо от принадлежности к этнической группе.

*Рутчайльд Р.,
Гарвард (США)*

Съезд 1908 года: его значение тогда и теперь (The 1908 Women's Congress: Then and Now)

One hundred years ago, at the City Duma building near here, over one thousand people, mostly women, gathered for the opening session of the First All-Russian Women's Congress, held from December 10–16, 1908. This was the largest women's public gathering before the February Revolution in 1917. Greeted by St. Petersburg's mayor, N.A. Reztsov, the Congress was

¹ Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М., 1995.

extensively covered in the press and made a large impact at the time. As we know, the Congress disappeared into the dustbin of history after the Bolshevik Revolution, the movement it represented and its leaders ridiculed or rendered invisible. This occurred even as the «resolution of the woman question» became at least in theory a key aspect of Soviet policy. It is therefore particularly important today to acknowledge the contribution of so many of the historians present at this conference who have helped unfold the rich history of Russia's pioneering women's rights movement and of Russian and Soviet women's history in general and given it the serious attention it deserves.

In looking back at the First All-Russian Women's Congress a century later, what are some of the key issues to consider in assessing the seven day gathering? In the Soviet period, the Congress was labeled as bourgeois feminist and stigmatized for that. In this post-Soviet world, so many western words have become part of the Russian language—*business*, *capitalism*, *gender*, to name a few. Yet feminism is still one of the few foreign words that is derided rather than embraced.

I will examine four persistent myths about the Congress. First, that this was a gathering almost completely of upper class or bourgeois women. Second, that the Congress and its feminist focus did not address issues of concern to the Russian female masses, both workers and peasants. Third, that the politics of the Congress were liberal, and that the main Russian liberal party, the Kadets, dominated the Congress. Fourth, that the Congress had little or no impact on the overall course of events in Russia at the time and has little significance now¹.

¹ See Edmondson L. *Feminism in Russia*. Stanford: Stanford University Press, 1984, and subsequent writings, for the most nuanced approach among western scholars. For examples of common assumptions among western historians, see Elise Kimerling Wirtschafter, who writes that: «The reformist advocates of women's rights never attracted a mass following», and «the context in which their feminist consciousness evolved was largely irrelevant to the vast majority of women» (Kimerling Wirtschafter E. *Social Identity in Imperial Russia*. DeKalb: Northern Illinois, 1997. P. 16–17). McDermid J. and Hillyar A. accept the Kollontai argument that feminist demands for equal rights had little relevance to women workers (McDermid J. and Hillyar A. *Midwives of the Revolution. Female Bolsheviks and women workers in 1917*. Athens: Ohio, 1999. P. 174; Hillyar A. and McDermid J. *Revolutionary women in Russia, 1870–1917. A Study in Collective Biography*. Manchester, 2000. P. 157). References to «bourgeois» feminists can be found in: Choi Chatterjee. *Celebrating Women: Gender, Festival Culture, and Bolshevik Ideology, 1910–1939*. Pittsburgh, P. 36, 41, 217. She disputes Linda Edmondson's challenges to a stark feminist-socialist dichotomy, arguing that the British scholar «gives little evidence to the contrary» in claiming that «the divide between socialists

Congress Participants

First, I will address the issue of the Congress participants. Was this, as Alexandra Kollontai, the daughter of a general, claimed, a «ladies congress»?² Was the Congress dominated by bourgeois women? Neither Kollontai nor any of the historians labeling the feminists bourgeois has defined this term. Is the label, as Françoise Picq noted, «not predicated on sociological fact, but political condemnation»?³

Who did compose the Congress crowd? It's true that baronesses and princesses were in attendance, but so were the Socialist Revolutionaries Maria Spiridonova and Olga Vol'kenshtein, and the Bolshevik Anna Gurevich⁴. Most contemporary observers were particularly impressed with the size of the gathering, the «rippling sea of women's heads». The worker Anna Ivanova saw: «the 'cream' of the Petersburg and provincial aristocracy

and feminists was not absolute at this point...» (172, fn 81). On the general use of the term «bourgeois feminism» as it applied to western feminist movements, see: Picq F. «Bourgeois Feminism» in France, A Theory Developed By Socialist Women Before World War I. Trans. by Irene Ilton, in: *Women in Culture and Politics: A Century of Change*. Ed. Friedlander J., Cook B.W., Kessler-Harris A., and Smith-Rosenberg C. Bloomington, 1986. P. 330–343. Marilyn Boxer offers a wide ranging critique, incorporating recent scholarship in: «Rethinking the Socialist Construction and International Career of the Concept «Bourgeois Feminism» // *American Historical Review*, 112, no. 1 (February 2007). P. 131–158. Barbara Engel uses the term «liberal feminists» to make a distinction between them and «lower-class women». But this blurs the differences among the feminists themselves. Boxer's comments about French feminists apply also in the Russian case: «Many women identified as «bourgeois feminists» considered themselves socialists and participated in socialist organizations» (Engel B. *Women in Russia, 1700–2000*. Cambridge, 2004. P. 135; and Boxer M. «Rethinking...» P. 152). Criticizing the feminists «exalting the primacy of the ballot», Stites argues that the «'bourgeois feminist' tendencies owed much more to the *feminist* than to the *bourgeois* impulse». He does not define his use of these terms here (Stites R. *The Women's Liberation Movement in Russia. Feminism, Nihilism, and Bolshevism, 1860–1930*. Princeton, 1991. P. 228). Of the general histories of the Russian Revolution, Rex Wade devotes the most space to women's activism and the successful campaign for the vote, but he claims that the feminists were «more closely tied to the Kadet Party» and links this to their «generally middle-and upper-class social status» (Wade R.A. *The Russian Revolution, 1917*. Cambridge, 2000. P. 116). On women's suffrage as helping to legitimize parliamentary democracy but ultimately meaningless after the Bolshevik Revolution, see: Evans R. *The Feminists*. New York, 1977, rev. ed. 1979. P. 217–220).

² *Trudy 1908*, II.

³ Picq F. Op. cit. P. 330–331.

⁴ For the list of attendees, see *Trudy 1908*... P. 907–920.

and bourgeoisie, the wives of ministers, high officials, factory owners, merchants, well known lady philanthropists». Another observer downplayed the heavy high society presence, noting that «evening dresses and frock-coats completely disappeared in the vast multitudes of women». The Menshevik journalist Osip A. Ermanskii noted three identifiable groups. On the stage, behind a long table, «comfortably seated in two rows of chairs, sat the members of the organizing committee», «typical Petersburg 'lady-patronesses'». On the other side of the hall, sharply contrasting with the women on the dais, were a small group of women workers. Young, dressed simply, unused to such a gathering, they talked shyly among themselves and to their *intelligentki* sympathizers. By far the largest group, filling the hall and overflowing into the corridor, was distinct from both the ladies and the workers. Many belonged to the progressive intelligentsia; badges identifying participants as doctors were common. Most were affluent enough to afford the five ruble registration fee, but hardly wealthy. Although Ermanskii's observations about the ladies at the dais must be taken with a grain of salt, his description of the mass of participants accords with other accounts.

Although there were clearly women of privilege attending, the Congress crowd did not exude privilege. Most were simply dressed. A number wore physicians' insignias. Aside from physicians, there were teachers, translators, writers, journalists, lawyers. Many, clearly the majority, were from the newly emerging female educated and professional class. It was from this group that most women activists came. And it was women in the professions, especially teachers and physicians, who by the nature of their work, had ample opportunity to interact with, influence and be influenced by female peasants and workers.

Peasants and women workers

Many western scholars assert that the Congress and feminism in general did not interest peasants and workers. It is true that peasant women, representing the majority of the female population, were noticeably absent from the gathering. Many factors kept peasant women away, including the difficulties of travel, family responsibilities, lack of money, ignorance about the Congress. Government repression made it much harder for many of those feminists who had made contact with the countryside in 1905–1906 to re-establish those connections. Rural teachers, who had done important outreach to peasant women, were very much affected by this repression. Key political allies with ties to the countryside were unable or unwilling to help the Congress organizers.

Peasant women did not attend, but women workers did. Feminist recruiting efforts targeting women workers were extensive. Although the evidence is not conclusive, it is clear that the notion of a Congress that would address issues of concern to women was something that appealed across class, to poor women as well as rich, to peasants as well as workers. The conflict which resulted in the workers group walkout was not about economics, but about women's suffrage. The actual walkout was not unified, more like a trickle than a surging stream. And among those who stayed, many supported the departing workers by refusing to vote on the final suffrage resolution¹.

The Kadet Party and the Congress

Was the Congress dominated by the Kadets? The battle over the suffrage resolution demonstrates Kadet influence. Many on the Organizing Committee, especially Tyrkova, Miliukova, von-Ruttsen, and Shapir, had connections to the Kadets. Miliukov, demonstrating his turnabout on the female vote, sent a congratulatory telegram². But, despite the heavy Kadet presence, they and their allies were unable to control the gathering. The Congress reflected both solidarity and diversity. There were all kinds of feminists present, some who focused on philanthropy, some who equated sexuality and sin, some who wanted only to seek votes for women separate from other social issues.

The myths about the Congress, that it was bourgeois, of little interest to women peasants and workers, slave to the Kadet agenda, are not supported by the evidence. What about the charge that the Congress had little impact? What was and is the significance of the Congress? What is its legacy?

The Legacy of the Congress

What can we learn from the Congress and why is it important now? The Congress is an important example of the rich historical legacy of Russian feminism. Russian feminists traveled abroad, spoke at international congresses, and were aware of and influenced by the global women's movement. Feminism had strong roots in Russian society. In this regard, Russia was similar to the United States. Both were large countries on the periphery of the then centers of power in Western Europe. Both had strong

¹ Novaia Rus'. December 18. 1908. P. 111.

² *Trudy 1908...* P. V (Chekhov role), P. 22 (Miliukov telegram); Yukina I. The First Russian National Women's Congress // *We/Myi*. № 6. P. 3–4. <http://www.we-myi.org/issues/22/congress.html> (accessed June 5, 2003). See: *Trudy 1908...* P. 921–927, for the list of speakers.

women's rights movements inspired by the struggles against the oppressive systems of serfdom in the Russian case and slavery in the U.S. case. But while the U.S. suffrage movement has become part of the Anglo-centric paradigm for feminist history, the history of Russian feminism is relatively unknown. There are many reasons for this, including the Soviet reshaping of concepts of women's liberation while vilifying feminism. In order to gain a fuller picture of women's activism in the world, Russia's significant place in this history must be more widely acknowledged.

Overall, on the issue of women's rights, Russia came farther and faster than other countries. Russian feminists achieved their main goals in twelve years. Women's political organizations only became possible as a result of the 1905 Revolution, yet by 1917 Russian women had won suffrage. One of the great achievements of the twentieth century was the extension of political rights to women. Previous revolutions, notably the French and the American, had won democratic rights for men. Russian women advocated for themselves, and the Provisional Government which emerged from the February 1917 Revolution was forced to pay attention, extending democratic rights to all adult women. Russia was the first major power to grant women suffrage. In honoring this achievement, it is important to stress that the groundwork was laid by Russian feminist activists who, between 1905–1917, fought persistently with an autocracy and then with a revolutionary democracy for their rights. At a time of especially harsh reaction and repression, the 1908 Congress was an important and courageous step in that struggle.

Рыблова М.А.,

Волгоградский государственный университет

Женщина в Донской казачьей традиции: конструкты и практики

Томас М. Барретт в недавно вышедшей статье «Не годится казаку жить одному»: Женщины и гендер в казачьей истории» написал, что как ни удивительно, «но гендерные вопросы долгое время игнорировались в историографии казачества именно потому, что образы казаков были до крайней степени гендерными». Это абсолютно точное замечание: буквально с момента зарождения «казачьей историографии» исследовате-

ли отмечали и особо выделяли такие вопросы, как положение женщин на Дону, специфика семейно-брачных отношений, но констатация наличия здесь особого гендерного стереотипа не сопровождалась специальным его анализом. В отдельных работах, впрочем, рассматривались основные пути формирования семейных отношений на Дону в XVI–XVII вв., однако и истоки, и последующие трансформации семейно-брачных отношений на Дону еще нуждаются в дальнейших исследованиях.

М. Барретт отмечал также, что перед казачьими сообществами уже в ранний период их истории стояла проблема воспроизводства, что делало особо острым «женский вопрос». Он же отметил и высокий статус женщин в казачьих сообществах. Представляется, однако, что и проблема естественного воспроизводства, и повышение статуса женщин-казачек — явления, относящиеся к более позднему времени (конец XVII–XVIII в.), когда на Дону утвердились производящие формы хозяйствования (в первую очередь — земледелие) и появилась необходимость сочетать сельскохозяйственный труд с государственной военной службой. В своем сообщении мы попробуем показать, что семейно-брачные (и шире — гендерные вообще) отношения на Дону радикально изменялись, соответственно изменялся и статус женщины-казачки, и процесс этот шел параллельно тем социокультурным трансформациям, которым подвергались казачьи общины на Дону в течение XVI–XIX вв.

Мы определяем раннее донское казачество как **социокультурную группу**. Казачьи сообщества на Дону в XVI–XVII вв. формировались из представителей разных конфессиональных и этнических групп. Определяющим в это время был статус мужчины-воина — человека, порвавшего с прежней социальной средой. Социокультурная модель раннего казачества обладала чертами мужской военизированной организации. Важнейшие ее характеристики: однородный половой состав, наличие системы возрастных классов и социального равенства, отказ от производящих сфер хозяйствования в пользу присваивающих (военные набеги и военная служба); коллективная собственность; властные структуры, приближенные к так называемой «военной демократии»; военизированный уклад жизни; крайняя суженность семейно-брачной сферы жизни. Маргинальность, напрямую связанная с изменением первичного статуса взрослых мужчин, с их превращением в воинов-бродяг, и архаичность — главные признаки и ранних сообществ, и создаваемой ими культурной среды.

Кратко определяя специфику семейно-брачной сферы этого времени, можно отметить чрезвычайно низкий статус женщин, сочетающийся с высокой степенью сакрализации гендерных отношений, особенно в сексуальной сфере. Ранние казачьи военизированные сообщества, провозглашая

первостепенными принципы мужского братства, отрешались от норм и принципов прокреативной зоны — всего, что связано с «семейственностью» и женским миром. Сакрализация гендерных отношений проявлялась, прежде всего, в строгой их регламентации, в попытке противопоставить кровнородственным связям духовные узы мужского братства. Отсутствие на Дону в этот период производительной сферы приводило к низведению женщин до положения наложниц, жизнь которых ценилась очень мало. Маргинальный характер ранних братств обуславливал и маргинальный статус женщин. Об этом свидетельствуют фольклорные тексты, в которых рассказывается о традиции убийства женщин и детей. Совсем не обязательно считать, что они были напрямую связаны с подобной (хотя бы и ритуальной) практикой, однако судить по этим текстам о положении женщин на Дону в период вольных братств все-таки можно.

Мы рассматриваем и другие фольклорные тексты, характеризующие положение женщины в условиях Дикого Поля. Интересно, что, будучи в истоках связанными с ритуальными лишь практиками, они впоследствии используются как конструкты для закрепления сниженного статуса женщин-казачек в повседневной жизни. Вместе с тем в текстах раннего периода казачьей истории нередко подчеркивается особая сексуальность женских образов.

Существенные изменения в положении женщин-казачек происходят в течение XVIII–XIX вв., и связаны они с очередным витком социокультурных трансформаций, когда казачество превращается в привилегированное сословие в рамках Российского государства. В рамках этого этапа социокультурных трансформаций на Дону окончательно складываются сельская поземельная община и патриархальная семья. В это время формируется и закрепляется в текстах почти сакральный образ матери-казачки. Однако специфика военизированного быта казаков-воинов накладывала отпечаток и на всю сферу семейно-брачных отношений вообще, и на статус женщины-казачки, в частности.

К числу поздних специфических черт семейно-брачной сферы могут быть отнесены: относительно широкие внутрисемейные полномочия замужних женщин, особенно в период отбытия их мужьями воинской службы, выполнение ими многих мужских ролей и функций; особое почитание матери; сочетание патриархальной строгости внутрисемейных нравов с относительной терпимостью со стороны семьи и общины к внебрачным связям и внебрачным детям; особый статус женщин-жалмеров; широкое бытование института снохачества; наличие своеобразного института контроля сферы семейно-брачных и вообще гендерных отношений со стороны сообществ парней и молодых мужчин.

Основные этапы женского нонконформизма в России

Исследование философских основ женского нонконформизма определяет основы теории и практики женской эмансипации. Это подход для осознания новой женской идентичности, основанной на отказе — явном или скрытом — от традиционной женской роли. Женский нонконформизм нами определяется как совокупность идей, движений и принципов, направленных на «взрыв» (эволюционный скачок) традиционных ценностей, норм и правил, формирующих социальное неравенство полов в частной и общественной сферах. Социальные проявления женского нонконформизма имеют различные и часто противоречивые формы выражения. В российской истории женский нонконформизм принимал формы бунташного движения и дворцовых переворотов, интеллектуального и идейного протеста, нигилизма, феминизма и др.

Исследование мировоззренческих и философских оснований женского нонконформизма в контексте русской культуры и философии подвергает анализу ментальные причины гендерных диспропорций современного общества.

В русской философской мысли конца XIX — середины XX в. идею «греховности» полового разделения и деторождения с разной степенью радикальности отстаивали Н.Ф. Федоров, Н.А. Бердяев, Л.Н. Толстой¹, резко отрицательно они относились к самой идее нонконформизма, усматривая предназначение женщины в ее жертвенности ради любви, детей, мужа, а ее высший «героизм» — в признании этого предназначения.

Онтологическими основаниями женского нонконформизма являются: определение биологической природы женщины как вечно заданной социальной роли; идея «инаковости» и «греховности» женщин; отчуждение женщины от публичной и образовательной сфер в приватную сферу; восприятие женщин в культуре как «молчаливый пол»; правовые, семейные и религиозные нормы, закрепляющие гендерные асимметрии русской культуры.

В качестве основных этапов женского нонконформизма в российской социальной истории нами определяются:

Стихийный нонконформизм XVII–XVIII вв.

Ряд гендерных исследователей в области деконструкции мужественности, женственности показали, что в основе гендерной организации

социальной реальности лежат отношения власти. В выработанных обществом ментальных стереотипах дискриминация маскируется под различия. Изменяя традициям классической философии, где предметом манипуляции власти всегда оказывалось сознание, М. Фуко рассмотрел технологии воздействия власти на тело¹. Представительница американской школы феминистской философии Андриенна Рич полагает, что у женщины всегда было два пути: либо, руководствуясь мужскими теориями, становиться телами, принадлежащим мужчинам, либо существовать вопреки им. Очевидно, поэтому уже на ранних этапах российской истории женщины иногда взрывали устоявшиеся нормы жизни, удивляя и возмущая современников. К примеру, сподвижница Степана Разина Алена Арзамасская — Темникова, собрав войско, овладела г. Темниковым и более двух месяцев управляла им.

Реформаторский нонконформизм XVII–XVIII вв.

Этот период связан с реформаторскими начинаниями царевны Софьи и её сподвижников. Они коснулись экономического и правового положения русских женщин. Опорные основания для формирования женского нонконформизма в России заложил духовный союз «двух Екатерины»: императрицы Екатерины Великой и ее сподвижницы Екатерины Воронцовой-Дашковой. Они оказали громадное влияние на женское самосознание, в первую очередь, устройством своей жизни.

Первый этап российского женского движения — 1859—1895 гг.

Это этап становления, когда женское движение формировалось из разрозненных благотворительных организаций. Характерной чертой данного этапа являлось отсутствие координирующих центров между женскими организациями. Представительницами данного этапа являются Мария Трубникова, Анна Filosofova, Надежда Стасова.

Второй этап российского женского движения 1895—1917 гг.

Дальнейшее развитие идей женской эмансипации и женского самосознания продолжилось И. Арманд, А. Коллонтай, О. Шапир, практиковавших эти проблемы в духе феминизма². Их гражданская позиция, зафиксированная в ряде выступлений и философских работ, состояла в идее воспитания новой эмансипированной женщины. Они провозглашают новые женские добродетели: прагматизм, профессионализм, свободу от «рабства любви». Арманд и Коллонтай развивали идеи равенства

¹ Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. М., 1996.

² См., напр.: Арманд И.Ф. Избирательные права женщин // Арманд И.Ф. Статьи, речи, письма. М., 1975; Коллонтай А.М. Избранные статьи и речи. М., 1972.

¹ См.: Бердяев Н.А. Смысл творчества. Харьков, М., 2002.

полов в духе марксистского эгалитарного феминизма, О. Шапир шла еще дальше, настаивая на развитии собственно женской культуры. Ее идеи определили направление в русском феминизме — феминизм «разности».

Идейный нонконформизм — конец 70-х гг. XX в.

Это этап возрождения женского нонконформизма в виде независимой женской прессы (журналы «Мария», «37» и др.). В советском тоталитарном государстве женщины выражали идейный протест нормам патриархатной культуры и ставили онтологические проблемы смысла жизни и закономерностей бытия.

Концептуализация основных идей феминизма в рамках гендерной философии — 80–90 гг. XX в. — настоящее время

В настоящее время в России женский нонконформизм в теоретическом аспекте развивается в рамках гендерной философии. Феминистская философия демонстрирует обостренное понимание и квалифицированное объяснение проблем женщин, внося свой вклад в дело освобождения женщин посредством критики стереотипов мышления. Впервые в российской философии открыто обсуждаются проблемы гендерной идентичности и социального равенства полов, проблемы мужской и женской сексуальности, семейного насилия, гомосексуальной любви, аборт и многого другого.

Саламатова О.В.,

Поморский университет (Архангельск)

Вдовы как объект призрения по английским законам о бедных (XVI–XIX вв.)

Активное вмешательство государства в социальную сферу в Англии началось еще в XIV веке после эпидемии Черной Смерти. В XVI — начале XVII веков в связи с обострившейся проблемой бедности государство было вынуждено взять на себя обязанности по регулированию всей сферы призрения, бывшей в средние века преимущественно полем деятельности церкви.

Бедность достигла невиданных размеров в связи с бурным демографическим ростом, охватившем всю Европу. Он стимулировал скачок цен, привел к избытку рабочих рук, не находивших себе применения в экономике, и появлению «лишних» ртов, для которых не хватало продуктов питания. Аграрный сектор Англии отреагировал на растущий спрос тех-

нологическими нововведениями в земледелии и ростом товарного овцеводства. Однако эти прогрессивные мероприятия разрушали общинное землевладение и вели к вытеснению с земли мелких арендаторов, пополнявших ряды пауперов в городах. Города весь XVI век и первую треть XVII века испытывали периодические торговые кризисы, так как в тот период экспорт большей частью находился в застое¹. Жалобы на переполненность пауперами поступали в Тайный Совет как от крупных, так и от мелких городов. Ситуация особенно обострялась в кризисные годы, когда имели место эпидемии и неурожаи.

Секуляризация монастырских земель и королевская Реформация разрушили церковную благотворительность и явились еще одним фактором формирования государственной системы призрения. Третьим фактором было развитие в XVI веке на базе христианского гуманизма теории «общего блага», принявшей у Тюдоров и ранних Стюартов форму государственной идеологии.

В средние века христианское милосердие требовало оказания помощи любому бедному, так как бедность воспринималась как естественное и даже богоугодное состояние. Однако уже в 1349 г. статут о работниках запретил подавать милостыню здоровым нищим. Разделение бедных на способных и неспособных к труду окончательно закрепилось в Англии в XVI веке, и законы требовали сурового наказания здоровых и праздных пауперов. К концу века правительство осознало, что существует немало людей, впавших в бедность отнюдь не из-за нехватки трудолюбия, и разделение стало более тонким. Закон о бедных 1601 г. говорит о помощи не только бедным детям, а также старым, увечным, больным и слепым взрослым, но и об обязанности прихода предоставлять здоровым пауперам работу, сырье для изготовления изделий и пособия. Физически здоровые бедные были отнесены к категории заслуживающих помощи, если они не бродяжничали и не избегали работы.

Закон 1601 г. (An Act for the Relief of the Poor) принято считать завершением тюдоровского законотворчества в сфере призрения бедных. Его положения оставались в силе вплоть до Закона о бедных 1834 г., а налог в пользу бедных продолжал существовать и дольше. Однако на деле отношение государства и общества к бедным регулировал целый комплекс актов, статут, прокламаций и директив разнообразного характера. Это репрессивные статуты против бродяг, законы, регулирующие ученичество, акты о создании госпиталей и домов коррекции, билли против пьян-

¹ Fisher F.J. Tawney's Century // Essay in the Economic and Social History of Tudor and Stuart England. Cambridge, 1961. P. 3.

ства, постоянных дворов и пивных, против незаконного рождения детей, профанации воскресенья и богохульствования.

К началу XVII в. законодательство выделяло две основные категории бедняков: достойные и недостойные помощи. Ни один из актов не рассматривал женщин в качестве особой категории призываемых бедных. В большинстве случаев употреблялось слово «person» (лицо), как было принято в юридических документах. В ряде случаев есть уточнения «any person, he or she» (всякое лицо, он или она), а также конкретные указания на пол и возраст. В законах можно встретить требования к поведению замужних и незамужних женщин в определенных обстоятельствах, но большей частью женщин трудно разглядеть за текстами актов XVI–XVII веков. Однако исследования отчетных документов приходов, богаделен, работных домов показывают, что женщины получали значительную часть помощи, предназначенной бедным. Внимание к этому факту поможет преодолеть безликость законодательства и ощутить за ним отношение общества к женщинам, находящимся на грани существования. Не меньший интерес представляют вопросы: учитывали ли репрессивные законы о бродягах разницу между полами представителей этой маргинальной группы, и как на это различие реагировало общество.

Можно выделить несколько категорий женщин, так или иначе входивших в группы достойных и недостойных бедных в XVI–XVII веках. К первой относились вдовы, покинутые жены, пожилые одинокие женщины, незамужние взрослые (т. н. *spinsters* — «прядильщицы», старые девы) и девочки, находящиеся в ученичестве. Ко второй — женщины-бродяги, нищие попрошайки, мошенницы (*rogues*), незамужние беременные. В данной статье мы сосредоточим внимание на вдовах.

Вдовы, особенно многодетные, были традиционными объектами призрения. Помощь им была само собой разумеющейся. Поэтому отсутствие упоминания о вдовах в законах о бедных XVI–XVII веков не стоит рассматривать как парадокс. Оно вписывается в логику восприятия милосердия современниками. Английский исследователь истории призрения XIX в. Т. Фауль вообще относил вдов к отдельному «классу», не входящему ни в одну из двух основных категорий бедных и имеющему особый статус в получении пособий. Эту оценку повторила и специальная парламентская Комиссия 1905 г., созданная для пересмотра законодательства о бедных¹.

С экономической точки зрения, в XVI–XVII вв. помощь вдовам была обоснованной. Смерть кормильца создавала критическую ситуацию. Так,

например, в Солсбери в 1635 г. бедный человек зарабатывал в среднем 1 шиллинг и 2 пенса в неделю. Самыми высокооплачиваемыми были ткачи: их заработок составлял 3 шиллинга в неделю. Женщина или ребенок, занятые в текстильной отрасли, в неделю зарабатывали всего 8–9 пенсов. В других небольших городах разница в заработке была примерно той же¹. П. Слэк исследовал шесть сохранившихся переписей бедных в шести городах Англии (1557–1635 годы). Они показывают, что в Солсбери, например, в 1635 г. одиноких женщин (вдовы, покинутые жены) среди бедных было вдвое больше, чем замужних. Пропорция относительно общего числа бедных семей между полными семьями и семьями без кормильца различается в разных городах — от 62% к 36,1% в Норвиче (1570 г.) и до соотношения 26,6% к 62,2% в Солсбери (1635)². Но в нашем случае важнее качественные показатели: не количество вдов, терпящих лишения, а глубина этих лишений и шансы на помощь.

В небольших деревнях вдовы были наиболее частыми объектами помощи. Они могли составлять половину всех получающих пособие. Только в самых маленьких местечках вдовы могли стать тяжелым бременем для прихожан. Соседская помощь также играла большую роль. Это были общества «лицом-к-лицу», где достойные бедняки были хорошо известны и даже могли надеяться на некоторый кредит.

В городах рассчитывать на это было сложнее. Но большие города, особенно Лондон, были полем деятельности частных благотворителей. Пока одна часть общества беднела, другая наживала крупные капиталы, пользуясь возможностями рынка, и часть их перераспределялась в целях милосердия. Закон 1601 г. поставил частную благотворительность в определенные рамки. Она стала более целенаправленной. Вдовы составляли значительный контингент богаделен, содержавшихся на частные пожертвования. По данным У.К. Джордана, в десяти исследованных им графствах с 1480 по 1660 годы было учреждено 309 богаделен, и в них вложено пожертвований на 417 тыс. ф. ст.³ Не является исключением состав обитателей богадельни в Челмсфорде. В 1639 г. там содержалось 17 человек, и 10 из них были вдовами⁴.

Однако в небольших городах, испытывающих упадок, получить необходимую помощь от частных благотворителей было гораздо сложнее.

¹ Slack P. *Poverty and Policy in Tudor and Stuart England*. London, 1988. P. 75, 82.

² Ibid. P. 75, 79.

³ Jordan W.K. *Philanthropy in England, 1480-1660*. Allen and Unwin, 1959. P. 371.

⁴ Slack P. *Op. cit.* P. 165.

¹ Фауль Т. Призрение бедных в Англии. СПб., 1899. С. 43.

Поэтому вдовы часто жили совместно с другими нуждающимися в помощи людьми и помогали друг другу. Это могли быть и их собственные внуки, и совершенно чужие люди. Слэк описывает крайний случай подобного сожительства, одновременно являющийся примером переполнения городов пауперами. В Манчестере в 1613 г. под одной крышей жили семейная пара, дочь жены от первого брака и четверо или пятеро ее детей; вдова, ее сестра и двое или трое их детей; женщина с двумя детьми, оставленная мужем; еще одна покинутая жена с двумя детьми вместе с ее сестрой и другим ребенком и разные мужчины «свободного поведения»¹.

Размер приходских пособий для вдов был больше в богатых городах и меньше в маленьких городках и деревушках. Но даже небольшое денежное пособие, помощь одеждой, топливом, продуктами являлись альтернативой нищенству, проституции и другим, дающим дополнительный заработок, но вызывающим осуждение занятиям. В XVI — первой половине XVII в. вдовы неизбежно должны были поддерживать себя собственным трудом. Они занимались типично женской работой: прядением, шитьем, приготовлением еды, уходом за детьми. Эти виды работ были мало оплачиваемыми, но женщины могли выполнять их в любом возрасте, и это был устойчивый заработок. Вдовцам было намного сложнее. В пожилом возрасте традиционные работы, которые когда-то они выполняли с легкостью, теперь требовали усилий. Других занятий для мужчин было относительно немного. Потеря со смертью жены небольшого, но устойчивого заработка могла привести вдовца к серьезной нужде. У вдов деловые связи наладились в сообществе еще в молодости. Им не надо было перестраиваться, и если у них была хорошая репутация, их могли приглашать работать, даже когда они прошли пик своей трудовой формы — в виде уважительной формы милосердия².

Близким к положению вдов было положение покинутых жен. Бедные семьи распадались по экономическим причинам. Мужья скрывались, будучи не в силах уплатить долги, ренту за жилье или прокормить детей. За оставление семьи они подлежали суровому преследованию по закону. С одной стороны, правительство стремилось к контролю за нравственностью бедных. С другой, содержание такой семьи ложилось дополнительным бременем на приход. По статуту против бродяг 1609 г., человека, который убежит от семьи и оставит ее на приход, следовало наказать как неисправимого бродягу. Согласно статуту 1604 г., неис-

правимые бродяги кроме порки подвергались клеймению. Того, кто угрожал на словах оставить семью, отправляли в дом коррекции, где он находился до тех пор, пока кто-нибудь из прихожан не давал за него поручительство. Однако Закон о бедных 1601 г. сам по себе провоцировал бегство отцов семейств, так как они были уверены, что приход позаботится об их женах и детях.

С середины XVII в., когда стал ощущаться экономический подъем, размер пособий начал постепенно расти, и положение вдов стало улучшаться. Решительное превращение вдов в «класс», безусловно получающий от прихода значительную помощь, произошло после принятия Акта Гилберта в 1762 г., когда помощь бедным на дому (outdoor relief) получила преимущество перед помощью в работных домах (indoor relief). При этом приходские власти и мировые судьи не обращали внимания на то, работает вдова или нет, и имеет ли она уже достаточный заработок. Кроме роста экономического благосостояния в перемене отношения к бедным в Англии большую роль сыграли представления сторонников идей Просвещения о правах человека и гражданском равенстве.

Интересно, что новый Закон о бедных 1834 г., направленный уже на прекращение злоупотреблений помощью на дому, «не замечал» вдов так же, как и старый закон о бедных. Они были упомянуты лишь в 1844 г. среди пяти исключительных случаев разрешения «открытой» помощи. Помощь оказывалась вдове в течение 6 месяцев после смерти мужа и вдовам с законными детьми без средств к существованию¹.

С 1870 г. начался «крестовый поход» Центрального департамента против всех видов помощи на дому. Циркуляр от 2 декабря 1871 г. Департамента местного самоуправления, центрального органа управления системой призрения с 1871 г., не рекомендовал оказывать помощь трудоспособной вдове с одним ребенком. Циркуляр 1872 г. не рекомендовал оказывать помощь брошенной жене в течение 12 месяцев после ухода мужа, чтобы пресечь мошенничество ради получения пособия. Однако, судя по данным парламентской Комиссии по реформе системы призрения 1905 г., у местных властей было свое представление об этом предмете. Они не стали менять сложившийся порядок. Комиссия обнаружила, что вдовы в Англии получали пенсию от 1 до 3 шиллингов еженедельно лично на себя, независимо от возраста, состояния здоровья и возможности работать. На детей они также получали пенсию: 1 шиллинг и 6 пенсов в неделю на ребенка, а если ребенок законнорожденный — 2

¹ Ibid. P. 68.

² Botelho L.A. Old Age and the English Poor Law, 1500–1700. Chippenham, 2004. P. 156.

¹ Гаген В.А. Обязательное призрение трудоспособных бедных в Западной Европе. М., 1910. С. 73.

шиллинга и более. Члены Комиссии не высказали в целом категорических возражений против этого явления, хотя меньшинство Комиссии поставило необычно звучащий вопрос: можно ли считать женщин трудоспособными¹?

История призрения вдов позволяет уточнить степень «стыковки» государственной системы призрения бедных в Англии с восприятием бедности и милосердия в английском обществе. Отношение к вдовам дает основание предполагать, что там, где установки Закона о бедных совпадали с традиционными представлениями общества о милосердии, со стороны государства не требовалось особых мер (а в данном случае — никаких мер), чтобы убедить население оказывать помощь бедным. И даже когда закон выступал против такой помощи, она продолжала существовать за счет налогов на местные приходы. Каждая семья могла оказаться в такой ситуации, в какой находились вдовы, и англичане это хорошо понимали и в XVI и в XIX веках.

Салахова Л.М.,

Братский государственный университет (Братск)

Жизненные стратегии женщины в художественной среде молодых индустриальных городов Восточной Сибири второй половины XX века

Модернизационные процессы второй половины XX в. приводят к тому, что на ранее малоосвоенных и малозаселенных территориях Восточной Сибири возводятся гидроэлектростанции, индустриальные гиганты: металлургические и лесопромышленные комплексы, прокладываются железные дороги и т. д. Социокультурный облик этого пространства, по преимуществу аграрного, кардинально меняется под воздействием динамично протекавших урбанизационных процессов. Получают развитие сложившиеся центры городской культуры: Красноярск, Иркутск, Улан-Удэ и др. На этом фоне феноменом времени является формирование особого типа городов в районах нового освоения, оказавшихся на значительном расстоянии от культурно-административных центров: Братск, Усть-Илимск, Лесогорск, Северобайкальск. Всего менее чем за полвека было построено 19 таких городов.

¹ Там же. С. 74–75.

Социальная и культурная биография профессионального художника в молодых сибирских городах может быть отнесена к малоизученным областям. Вхождение профессиональных живописцев в общественную жизнь индустриального города привнесло новые обертоны в культурные ориентиры представителей разных социальных групп.

Путь, который проделала культурная биография художника в обозначенной среде, оказался более спрессован: с середины XX века эволюция общественного положения художника стремительно прошла этапы, которые в пространстве исторически сложившихся культурных центров страны заняли более чем одно столетие.

Художественное творчество, развивающееся то под покровом политической и промышленной элиты, то сближающееся с ориентирами представителей интеллигенции и ощущавшими потребность в духовном обогащении рядовыми горожанами, испытывало множество неоднозначных стимулов. Опыт изучения темы позволяет утверждать, что творческая деятельность определялась не только творческими факторами, но и общественными установлениями и нормами, которые заставляли искать свой особый путь, корректировали жизненные планы художника, нарушали предсказуемость художественной деятельности. Размышления по этому поводу приводят нас к необходимости собрать как можно больше биографических нарративов художников, разнообразных визуальных текстов — то, что принято именовать культурными артефактами прошлого, способными прояснить многие художнические импульсы, осмыслить жизненные стратегии.

В условиях таким образом формирующегося социокультурного пространства особенно интересно проследить, каким же образом женщиной-художницей решается проблема выбора жизненного пути, в том числе и выбора профессии, что влияет на трансформацию ее жизненных стратегий, способов адаптации, изменение привычных форм жизни, поиск новых жизненных ориентаций.

Как правило, в нашем распоряжении больше документов, происходящих из публичной сферы, которые являются конвенциональными источниками. Они подходят для изучения официальных событий, то есть тех, где преобладают мужчины. Исследование же жизни женщин в творческой среде делает неоценимым содержание личных писем, дневников, автобиографий, устные истории, творческие работы, выполненные ими. Сопоставление этих групп источников дает возможность понять, как женщина выработала свою устойчивую жизненную позицию, насколько она способна к самостоятельному построению своей жизни, что повлияло на выбор приоритетов и определило принципы решения жизненных задач.

Изучение и интерпретация нарративов требует обращения к качественным методам, которые позволяют осмыслить жизненные стратегии творческой интеллигенции не с точки зрения статистических обобщений, а с позиций выявления диапазона и вариативности зафиксированных в текстах смысловых структур.

Наиболее полное представление обо всей структуре осознаваемого жизненного опыта нам дают устные рассказы. Они позволяют не только выявить «формулы» жизни, но и увидеть их социальную типичность, а через нее социальное пространство и творческую личность в нем.

Особое место занимают фотографии и фотоальбомы как визуальные репрезентации, иллюстрации и набор мемориальных пунктов. При прочтении фотодокументов важно использовать анализ невербального языка, обращая внимание на тексты, которыми сопровождаются отдельные снимки или помещенные в качестве предисловия в альбомы. Не менее важно пространственное расположение фигур на фотографии, скажем, место которое выбрано фотографом для субъекта (женщины, мужчины), какой ракурс он выбрал, в какой последовательности расположен материал. Комплексная работа по анализу источников позволила выявить условия личной, социальной и культурной успешности женщины творческой профессии в социокультурном пространстве городов-новостроек. Большое значение имеет региональный аспект: географические показатели удаленности от центральной части России, периферийный характер социально-экономического и культурного развития, и т. д. Несомненно, это сужает пространство выбора и определяет круг доступных жизненных стратегий. Женщины-художницы оказались в рабочей среде, где появились не только новые возможности, но и новые препятствия для самореализации. Особую актуальность приобрели субъективные причины. Сложившиеся условия требовали выстраивания своей жизни через поиск способов разрешения противоречий между внешними и внутренними условиями реальной жизни. В таких обстоятельствах в полной мере могли состояться только те женщины, которые обладали сформированными андрогинными качествами. В связи с этим наиболее осязаемыми в их жизненной стратегии оказались такие проблемы, как: стремление заниматься художественным творчеством и отсутствие условий для этого; необходимость включения в активную производственную деятельность и отсутствие социальной практики в этой области; неизбежная ломка стереотипов патриархального общества, которые продолжали сохраняться в жизненных практиках советских людей; выстраивание системы взаимоотношений с «коллегами по цеху», среди которых преобладали мужчины, с предубеждением относившиеся к творческим

возможностям представительниц противоположного пола; существование непреодолимого (на протяжении всего изучаемого периода) контраста в общественном сознании горожан между проявлением публичного интереса к искусству и скромным местом, которое оно занимало в повседневной жизни. В условиях строительства новых городов, где социум в большинстве своем, по объективным причинам, маргинален, а вследствие этого общество типологически неустойчиво, постоянно идет процесс накопления и трансформации социокультурного опыта. Можно смело утверждать, что сложившееся в сознании современников восприятие женщины-художницы и ее положение в социуме — все это было важным фактором мотивации творчества, наряду с влиянием собственно художественного опыта и традиции. Но вместе с тем «города без прошлого»¹ стали суровым испытанием, выдержать которое удалось не многим.

Сальникова А.А.,
Казанский государственный университет (Казань)

Еще раз о правах мальчиков и девочек: к вопросу об особенностях русского «детского» письма XX века (гендерный аспект)

Одним из безусловных и неотъемлемых прав ребенка является право на вербальную саморепрезентацию, а одним из возможных и доступных для детей способов реализации этого права могут служить так называемые «детские» тексты — тексты, созданные самими детьми и являющиеся носителями, хранителями и трансляторами «детской» памяти и «детского» опыта, в том числе и «донарративного». Речь не идет о служебных формализованных автоисточниках, которые в этой возрастной авторской группе практически отсутствуют, или об обязательном школьном «письме», где авторское «детское» *Я* находится, как правило, в подавленном и даже угнетенном состоянии, хотя присутствия его нельзя отрицать. В данном случае имеются в виду детские «свободные» нарративные тексты, изложенные в разных формах (школьные сочинения, сказки, рассказы, стихи, песни, дневниковые и «летописные» (хроникаль-

¹ Рожанский М. Память города без прошлого / В кн.: Биографический метод в постсоциалистических обществах. СПб., 1997. С. 58–63.

ные) записи, письма, корреспонденции в газеты и журналы и пр.), обладающие разной степенью «детской» инициации и «взрослой» подконтрольности (провоцированные и самопроизвольные, цензурируемые и бесцензурные, легальные и нелегальные и т. д.), но по большому счету представляющие собой совершенно самобытные тексты-воспоминания.

Содержательно они подчас не только подтверждают и восполняют, но нередко и прямо противоречат свидетельствам взрослых. Такая избирательность и «раскол» памяти по возрастному (и/или «поколенческому») признаку естественно дополняется гендерными особенностями меморизации, которые у мальчиков и девочек проявляются не менее очевидно, чем у взрослых мужчин и женщин, и сказываются на конструировании и структурировании текста и его семантико-семиотических особенностях.

Особый способ существования и бытования ребенка в Детском мире — мире, четко отграниченном от мира взрослых и в то же время органично вписанном и неотъемлемым от него — породил особые детские репрезентативные стратегии и практики, в том числе и практику спонтанного «детского» письма.

Основными характеристиками такого рода нарративов являются их авторство (определяемое возрастом, а, соответственно, психическими и психологическими особенностями создателей текстов), содержание (достаточно очевидная ориентация на мир семьи, школы и «детской» и представление Большого мира через семейно-ролевые аналогии и сценарии), жанр (мемуарный, обычно — манифестно или латентно автобиографический, но с апелляцией не только к индивидуальному или коллективному «детскому» опыту, но и к авторитету и опыту взрослых), структура текста (замещение последовательно событийного логического временного нарратива аффективно-эмоциональным описанием с высокой степенью символизации), стиль письма (его так называемая «плохость», несовершенство, «наивизация»). Все эти признаки позволяют говорить о «детском» письме как о явлении маргинальном, но не в смысле «культурно иного» внутри существующей на каждом историческом этапе культуры письма, а в смысле образца письменной культуры Детства, не до конца приобщившейся к письменной культуре взрослых, хотя и стремящейся к этому.

Указанные характеристики неизбежно сближают письмо «детское» и «гендерное». По мнению Элен Сиксу, писать текст и для женщины, и для ребенка — это значит длить ситуацию незавершенности и бесконечности: такой текст не имеет ни начала, ни конца, и не поддается присвоению. В нем отражается наивное, не отягощенное рефлексией

восприятие, существующее до всяких языковых категорий, основанное на «телесной» коммуникации с физическим миром вещей посредством внерациональных ощущений вкуса, запаха, цвета¹. Алогизм образов и ситуаций, изображение обыденного как впервые увиденного, простого как необычайного ведет к опровержению общепринятых представлений и формированию нового видения окружающего мира и себя в этом мире.

Главной отличительной особенностью «свободного» «детского письма» является отход, а подчас и прямое пренебрежение и противопоставление рутинным языковым моделям и стандартам (этот подход активно используется взрослыми профессиональными авторами при создании так называемых «пуерилистских», «симплифицированных» текстов — текстов, написанных характерным «детским» стилем письма и часто предназначенных для детского чтения). Это касается не только собственно детского лингвистического творчества, но и социальных новшеств в языке, которые, как известно, особенно активно усваиваются и распространяются детьми и юношеством. По мере взросления носителей этих языковых новшеств, последние постепенно приобретают статус устойчивых языковых норм, что всегда учитывалось во властной лингвистической политике и может быть рассмотрено на примере раннесоветского и постсоветского «языкового взрыва».

Большое значение уделяется в детских текстах звуковой форме слова. Эпатаж, каламбуры, «заумь», столь близкие детской душе, становятся основой многих произведений детского литературно-художественного творчества.

Особенности «детского» письма всегда тесно пересекались и накладывались на особенности письма «мужского» и «женского», что было обусловлено как психосоматическими, так и социальными детерминантами мальчиков и девочек в обществе. Так, например, в первые послеоктябрьские годы эти различия прослеживались в способах приобщения детей к новому политическому пространству (мальчики — преимущественно через улицу, девочки — через семью, школу); в превалировании цвето-звуковых образов и чувственно-эмоциональной памяти о революции у девочек над предметно-вещественной символикой и рационально-логическим описанием ее у мальчиков; в совершенно различной персонификации образов революции; и даже в самом языке «мужских» и «женских» «детских» текстов. Эти отличия позволяют выделить созданные мальчиками и девочками источники в особые группы документов ментального рода, аккумулировавшие в явном или неявном виде

¹ Cixous H. The Laugh of Medusa // Signs. Summer, 1976. № 1. P. 875–899.

оценки, понятия, представления, живые образы и свидетельства прошлого, отложившиеся в детском «женском» и детском «мужском» сознании.

Реконструкция детского интертекста XX столетия — предсоветского, советского и постсоветского — предполагает рассмотрение всех созданных детьми нарративных документов как единого вида источника с обязательным учетом его внутреннего структурного, содержательного, жанрового и хронологического разнообразия, особых условий и форматов его возникновения, бытования и существования в культуре, особых подходов к его изучению и прочтению. Так складывается новое источниковедческое исследовательское поле, по самому существу своему предполагающее движение в сторону междисциплинарности и вариативности исследовательских моделей и постулатов, а сама история детства формируется и как особая дисциплина, и одновременно как особый подход в системе современного гуманитарного знания.

Сарсенова К.,
Университет Лунда (Швеция)

The Nation and I: Post-Soviet Women's Autobiographical Writing

Studies of Russian autobiographical texts have exposed the strength of a tradition created by the intelligentsia of the 19th century: to constitute the autobiographical self exclusively in relation to the historical development of the nation¹. The individual is here understood as an agent in a historical process, with a mission to take Russia from its «backward» position towards a brilliant future. In this context, the autobiography becomes a narrative about success and failure in relation to this mission.

This way of constituting the self is gendered, and corresponds to a masculine position within nationalistic discourse. Nira Yuval-Davis has pointed to the gendered dimensions of nationalism². Even though men and women often participate with equal zeal in nation-building processes, the roles assigned to them on a representational level remain essentially different. Women are imagined as responsible for the reproduction of the nation both in terms of biology and culture. Masculine national identity, on the other

¹ Hellbeck J., Heller K. (eds) *Autobiographical Practices in Russia and the Soviet Union (19th–20th cc)*. Berlin, 2004.

² Yuval-Davis N. *Gender & Nation*. London, 1997.

hand, relies on images of defenders of a feminized, virtuous nation, which provides men with agency for change and expansion into the future. Women's repetitive labor of cultural transmission function as links to an (Arcadian) past, which together with their general task of symbolizing the nation deprives them of the agency assigned to men.

The Soviet period in Russian history strengthened the political tendency of the autobiographical genre, Hellbeck speaks about a «massproduction of historical personalities»¹. During this period, women's use of and access to the genre changed: Marianne Liljestrum shows in her book *Useful Selves* how both women who participated in the revolutionary struggle, and those who testified about Stalin's repression during the Thaw, used the authority of the genre of autobiography to open up space for women subjects in the public sphere.

In contemporary practice, numerous generic terms are used to label autobiographical writing, apart from the most obvious «autobiography»: in Russian (*авто*)документальная проза, воспоминания, записки, дневники, мемуары are the most frequent ones. All of these terms suggest that focus lies beyond the individual and its inner life, and rather deals with, for instance, a historical period, an event, a geographical area etc. This type of generic terms dominates within Russian literature: the works that classifies themselves as «автобиография» constitute only a tiny fraction of the extensive Russian memory writing². The term «автобиография» is avoided, partly because the homonymy: the term also denotes what in English rather could be called a CV. But the main reason is probably the proclaimed focus on the individual imbued in the etymology of the term. I start out from the premise that there is something special with the works that dare to use the vexed term «autobiography». Because of the proximity between autobiographical writing and nationalistic concerns noted by Hellbeck & Heller, I presume that by using the term «autobiography», a literary work makes a conspicuous statement about its author's relationship to the nation. By studying a corpus of such works, I want to find out how, and in what contexts women are allowed to, or claim their right to, relate to the nation.

Methodology

In order to survey the genre during the post-Soviet period I have used the electronic catalogues of Russian National Library and Russian State

¹ Hellbeck J. & Heller K. Op. cit. P. 290.

² Harris J.G. Introduction // *Autobiographical statements in twentieth-century Russian literature*. 1990; Liljestrum M. Introduction // *Models of self : Russian women's autobiographical texts*. 2000.

Library, complemented by the electronic version of the National Bibliography kept by the Russian Book Chamber, and finally Worldcat. However, these catalogues cannot generate a complete list of all autobiographies published. The funds of the two Russian national libraries are far from complete: when the publishing trade reorganized after 1991, there was no longer any incentive for delivering the obligatory copy, and the Russian Book Chamber estimates that it received only 40–45% of the published materials during 1991–1993¹. Since then, the percentage has increased, and is now estimated to 80%². In spite of this, and many more complications, I nevertheless believe that a combined search in the four catalogues will give us a fairly representative picture of post-Soviet Russian writing labeled «autobiography».

When working with the above-mentioned databases, I have searched for works containing the word «autobiography» or derivations of it in their title, and for works that has been catalogued under the subject «autobiography». The term «post-Soviet» was defined temporally as 1991–2008, and geographically as works written by Russian-speaking authors in Russian. Such a definition generated 424 entries, among which 76, i.e. 18%, were written by women. In this corpus we also find new prints of classical works; the contemporary, now living authors amount to 60%. Only 22% of the entries include the pretentious term «autobiography» as a noun — the rest use less assuming variants of the adjective: *автобиографические заметки, рассказы, записки* etc.

The position of the autobiographical self is an important parameter: in what capacity do I write an autobiography? This question receives a satisfactory answer only after a close reading of each work. For my purposes it has sufficed to find out what is officially known about each writer, using data from biographical encyclopedias, and borrowing their classifications: writer, actor, scientist, etc. In the catalogue of the Russian State Library, each work classified as an autobiography also includes information of the author's occupation, which I have copied gratefully.

Results

A quick overview of the results tells us that the writers make up the largest category — not surprisingly — they constitute 41% of the whole corpus. In general, representatives of the entertainment business, to which writers also counts, dominate among the authors of autobiographies: 61% of the authors make their living as artists, musicians, actors and the like.

¹ Dzhigo A.A. New Version of the Russian Obligatory Deposit Law // Slavic & East European Information Resources. Vol. 5(1/2). 2004. P. 4.

² Ibid. P. 6.

The average number of printed copies is also higher in this group than the general average of the corpus. This category's task is to represent, formulate, express and strengthen the national identity, i.e. to fabricate the texture of national mythology, which also creates a national interest in these individuals.

After having divided the corpus into male and female authors, a host of interesting differences appear. The most conspicuous one is the difference in numbers of titles: only a fifth of the corpus consists of works written by women. The strong statement about the individual's relationship to the nation associated with the autobiographical genre is obviously a statement that mostly men feel called upon to do.

Within the female group, the share of authors working within the entertainment business is higher than in the male one: 70% in the female group, 59% in the male one. The actresses attract special attention: they constitute the largest category within the female group, next to writers, and the average number of printed copies per title is higher in this category than in the author-category. In the male group, the second position after writers according to number of titles is held by scientists and the largest (statistically significant) print run is found among authors and politicians.

Within the female group only singular authors write from positions with an active relationship to the nation, i.e. as militaries, politicians, scientists, professionals. These categories, on the other hand, constitute 28% of the male group. Although the literary market was flooded with testimonies from Stalin's repression and the Great Patriotic War after 1991, there are only three women in this corpus that have written from the position of a survivor of these events. On the other hand, women dominates completely in the category of relative to a famous person — no man write from this position.

This quantitative survey indicates that women's access to and use of the autobiographical genre is limited. The genre favours women from the entertainment business, and especially occupations of strong visual impact: actresses, ballerinas, and singers. Generally it supports Nira Yuval Davis division between women's symbolical function and men's active relationship to the nation. A reading of the works might very well prove the opposite — but that is next step in the investigation.

**Struggle of Polish women for voting rights at the end of 19th
and the beginning of the 20th century — political discourse
and reality**

The legal status of Polish women in partitioned Poland in 19th century was in general terms very similar on the territories under Russian, Austrian and Prussian rule. Irrespective of their social origin women belonged to the non-privileged or even discriminated strata of society.

From eighties onwards the first feminist (or emancipation) movement has evolved, which postulated legal equality of men and women. One of its main goals was to achieve political freedoms for all women. The first to fight for voting rights were women from the autonomous Galicia. From 1905 we can observe women's activities of this kind in the Kingdom of Poland and in the western Russian *gubernyas* which before the partitions belonged to the Polish-Lithuanian Commonwealth. The women from above-mentioned territories were granted political rights in 1918 in independent Poland, as one of the first in Europe.

Firstly the paper gives an account of methods used by women when fighting for political rights. Then it shows the relationships between the feminist movement and various political groupings in Poland. The attitude of these circles to the women's question was influenced by political circumstances (such as the lack of own state, the issue of denationalization under Prussian and Russian rule, social and political position of workers and peasants). The question was raised whether in such a situation Polish women (and the feminists among them) should fight for their laws, or rather for the independence of Poland. Another problem that appeared in the so called Western *gubernyas* was connected with the emergence of Lithuanian, Belarussian and Ukrainian national movements.

First of all the paper analyses the arguments of those who were for and against granting political rights to women. In this discourse one can find arguments of universal value and some characteristic only for feminist movement in Poland. The contemporary women publicism underlines *i.a.* women's merits in the struggle against Partitioners occupying Poland and stress the positive values, which women, as a «new power» can bring to the politics.

**Социальное положение иностранных гувернеров и гувернанток
в России (вторая половина XVIII — первая половина XIX в.)**

Нам представляется, что профессия гувернера / гувернантки маргинальна, так как человек «выпадал» из привычного круга жизни, попадая в «чужое» окружение. Это мог быть переход как вниз (в случае банкротства семьи), так и вверх, когда знания и прекрасные манеры позволяли человеку выйти за рамки своего социального круга, поскольку по внешним параметрам он / она соответствовали требованиям высшего общества. Особенно незавидна была участь наставника в первом случае: привыкнув к высокому социальному статусу в прежней жизни, люди тяжело мирились с униженностью зависимого положения. Гувернерами и гувернантками могли быть лица аристократического происхождения, в силу политических или финансовых обстоятельств лишившиеся возможности вести соответствующий сословной принадлежности образ жизни. Французская революция заставила покинуть Францию и искать возможности обеспечить себя большое количество юношей и девушек хорошего происхождения, которые в другой ситуации не должны были бы трудиться. Следующая волна эмигрантов — люди периода Реставрации, не смилившиеся с монархией Луи-Филиппа.

Второй случай попадания в наставники — подъем по социальной лестнице. Этот вариант также был непростым: гувернеры и гувернантки должны были обучить практикам поведения, характерным для более высокой статусной группы, чем та, к которой они принадлежали сами. Для этого им надо было самым виртуозно освоить все символы, обозначающие принадлежность к «обществу». Выступая своего рода экспертами по правилам хорошего тона и поведения в «обществе», но в большинстве случаев к этому «обществу» не принадлежа, гувернантка и гувернеры оказывались в ложной ситуации, чреватой неправильными репрезентациями и фальшивыми ожиданиями. Трудно было не теряться и не изумляться «пред блеском роскоши». В общественном мнении профессия воспитателя никогда не воспринималась как престижная, а люди, занимающиеся этим делом, чувствовали свою «второсортность».

Несмотря на маргинальность профессии, гувернанткам запрещалось думать о выходе в более высокую статусную группу. Статусы гувернантки и гувернера претерпели определенную динамику. В конце XVIII века,

когда число иностранных наставников было гораздо меньше числа дворян, желающих получить их услуги для своих чад, а русские воспитатели отсутствовали как таковые, необразованные родители полностью доверяли воспитание своих детей наставникам, к гувернерам и гувернанткам относились не как к слугам, а как «к друзьям дома»¹. Они, со своей стороны, «держали себя так, как будто они находились среди дикарей, кои должны почитать за счастье, что они живут у них и могут научить их сделаться людьми»². К 30–40-м годам XIX в. в семьях образованных родителей ситуация была прямо противоположной: гувернанток и гувернеров контролировали, но при этом уважали их знания и труд. К концу XIX в. потенциальным работодателям рекомендовали относиться к гувернанткам и гувернерам как к людям, равным по уму, а иногда даже превосходящим умом и образованием. Статус гувернантки и гувернера был максимально высок по сравнению с другим обслуживающим персоналом. В то же время эта «высота» была столь относительной, не уравнивающей с хозяевами, что остальная прислуга относилась к наставникам обычно без должного почтения.

Случаев сомнительного происхождения гувернеров и гувернанток было столь много, что можно было и обобщать. Для второй половины XVIII в. об этом писали Т. де Белькур: среди гувернёров «попадают люди с понятиями и манерами наших парикмахеров и лакеев»³, Корберон: «Как плохо представлена здесь наша нация! Сюда едут одни подонки нашего общества»⁴, Ф. де Пиль: «все гувернёры, которые получают здесь 400–500 рублей в год, имеют бесплатный стол и квартиру, вышли из бывших барабанщиков, лакеев, фореиторов и компаньонов»⁵, а о первой трети XIX в. писал журнал «Сын Отечества»: «сорванцов Французов всегда была у нас пропасть; которому не удастся расторгнуться табаком или помадою, тот идёт в учителя; не посчастливится Француженке делать шляпки, она принимается в дом — Гувернанткою»⁶, затем Е.А. Сабанеева: «Двадцатые годы ознаменовались у нас поездками наших дворян за границу, увлечением французскими модами и гувернер-

ским воспитанием, которое наделало столько вреда. Мало было тогда удивляться слепоте родителей, должно было негодовать за это гнусное направление. Кому только не доверяли тогда русских детей, лишь бы нашелся иностранец! Какой позор для России!.. и сколько вреда наделали в нашем отечестве эти бродяги, оставшиеся на нашей территории от наполеоновских полчищ»¹. Сомнительным происхождением отличались не только французские воспитатели. Англичанин Джонс, побывавший в Москве в середине 20-х годов, признавался, что некоторые английские гувернантки, которых он встретил в России, вероятно, были на родине поварами или прислужой: «их разговор выдает бедность их познаний, отсутствие способностей и плохое воспитание», они пишут с грамматическими ошибками².

Разлад в семье, развод особенно часто служили причиной того, что женщина нуждалась в заработке и выбирала наиболее приличную в таком случае профессию гувернантки. Для мужчин обращение к профессии гувернера также могло быть связано с семейными обстоятельствами. Инспектор французской полиции Жозеф д'Эмри, собирая досье на парижских литераторов в середине XVIII в., указал, что перебивавшийся случайными заработками у книготорговцев А.-Ж. Шомекс «ухватился за место частного учителя в России и сбежал, бросив жену с малышкой-дочерью на руках»³.

Свою роль сыграла и иммиграционная политика властей: в Россию привлекались иностранцы для занятий сельским хозяйством в Поволжье, но вскоре они оказывались на месте учителей в частных домах российских дворян. Принадлежащие к другим социальным группам французы, прибывая в Россию с мыслью заняться своим ремеслом, быстро переориентировались и становились гувернерами. Ш. Массон, наблюдая своих соотечественников в России, обобщал: «Трудно сказать, что представляют из себя французы. Большинство меняет звание ежегодно, приехав лакеем, он делается учителем, а потом советником; его видишь то актером, то гувернером, торговцем, музыкантом, офицером»⁴.

¹ Рунич Д.П. Из записок Д.П. Рунича // Русская старина. 1901. № 1. С. 52.

² Там же.

³ Белькур. Древняя и новая Россия // Русский быт по воспоминаниям современников. XVIII век. Ч. 2. Вып. 2. М., 1922. С. 29.

⁴ Цит. по: Артёмова Е.Ю. Культура России глазами посетивших её французов. С. 179.

⁵ Там же.

⁶ Письма из Москвы в Нижний Новгород // Сын Отечества. 1813. № XXXIX. С. 11.

¹ Сабанеева Е.А. Воспоминания о былом. 1770–1828 гг. // История жизни благородной женщины / Сост., вступ. ст. и примеч. В.М. Боковой. М., 1996. С. 389.

² Ерофеев Н.А. Туманный Альбион: Англия и англичане глазами русских. 1825–1853 гг. М., 1982. С. 67.

³ Цит. по: Дарнтон Р. Великое кошачье побоище и другие эпизоды из истории французской культуры / Пер. с франц. М., 2002. С. 204.

⁴ Массон К. Воспоминания // Русский быт по воспоминаниям современников. XVIII век. Ч. 2. Вып. 2. М., 1922. С. 43.

Ф.Ф. Вигель язвительно заметил по этому поводу: «А мне приходит иногда на мысль, что эти господа французы, прежде отправления в Россию, вероятно, советуются между собой, а может быть и мечут жребий, кому за кого себя выдавать»¹. Маргинальность губернаторов и губернаторок была и в том, что они, носители одной культуры, жили в чужой им культурной среде², а человека, живущего и сознательно участвующего в культурной жизни и традициях двух разных народов, называют маргинальной личностью. Именно изначальная маргинальность — культурная, статусная и т. п. — основа значительного количества проблем иностранных наставников в России.

Старкс Триша,
Университет Арканзаса (Файетвилль, США)

Smoking, Gender, and Health: 1844–1929

While tobacco came to Russia in the seventeenth century, it did not take off with large-scale consumption until the late nineteenth century with the introduction of the cigarette, and its peculiar Russian cousin the *papiros*. Cigarettes allowed for a more portable and intense tobacco experience and when machinery was introduced to make their production cheaper, their popularity rose quickly³.

In both the rise of the cigarette and in the initial reaction of health, public, and moral authorities to its use, Russian encounters with tobacco mirrored those of the west. In western nations at the turn of the century, temperance advocates and public health groups joined in attacking the cigarette. In the United States they succeeded in some places in banning smoking entirely, and in others restrictions for youth smoking or women's smoking were enacted.

¹ Вигель Ф.Ф. Записки: в 2 кн. М., 2003. Кн.1. С. 45.

² Платонов Ю.П. Этническая психология. СПб., 2001. С. 122.

³ Bogdanov I. Dym otechestva, ili kratkaia istoriia tabakokurenii. М., 2007; Goodman J. Webs of Drug Dependence: Towards a Political History of Smoking and Health // Ashes to Ashes: The History of Smoking and Health. Ed. S. Lock, Reynolds L.A. and Tansey E.M. Amsterdam, 1998. P. 16; Goodman J. Tobacco in History: The Cultures of Dependence. London, 1993. P. 5–6. In Russia, cartridge machines could produce up to 80,000 paper-tubes a day and one woman, working one tobacco-packing machine could fill 1800 cartridges in an hour (Brokgauz and Efron, eds. Entsiklopedicheskii slovar XXXII. P. 422).

Russian temperance groups were viewed with distrust by the state and no such large-scale anti-smoking initiatives were made in the imperial period¹.

Even without the support of the state or any nation-wide anti-cigarette movement, Russian public figures reacted. With the rise in use, unease grew among the rising public health figures that tobacco was dangerous to men and women — and particularly to their reproductive functions.

In pamphlets and articles, doctors, religious leaders, and public figures attacked tobacco as the basis for neurasthenia, male nervous disorders, and a general degeneration of racial stock. Authorities warned that women who smoked were more prone to miscarriage, nervous disorder, and weakening².

Even as Russian public health advocates built their case against tobacco, producers countered health claims and contested the idea of cigarettes as a danger to society. They instead depicted cigarette smokers as healthier. In contradiction to the health authorities, advertisers — Talisman, Vazhnyia, or Peri — promoted smoking as a habit that enlivened the male member as much as the male mind. It seems that Russian women, too, felt an attraction to smoking. While statistical evidence is impossible to obtain, pamphlets on female smoking, speeches, special women's brands and accessories, and foreign accounts indicated that larger numbers of women smoked and used other forms of tobacco in Russia than in western nations.

In pre-revolutionary advertisements such as those for the brands Talisman, Sladkaia, Frenkel', Kometa, Shaposhnikov, and Isadzhanova women were depicted as more beautiful and alluring, more motherly and independent for their smoking.

With revolution, the leadership changed, but the message against smoking remained remarkably consistent. In 1920, the Commissar of Health N.A. Semashko even attempted a ban on smoking at the national level that would have allowed no smoking under the age of 18 by male or female and severely rationed tobacco to men and women in their peak years for child bearing. While he was ultimately unsuccessful, he did put out a good amount

¹ Tate C. Cigarette Wars: The Triumph of 'The Little White Slaver. New York, 1999; McKee W.A. Sobering Up the Soul of the People: The Politics of Popular Temperance in Late Imperial Russia // The Russian Review. № 58 (April 1999). P. 224, 227–8.

² Il'inskii A.I. (Dr. Med.) Tri iada: Tabak, alkohol' (vodka) i sifilis. 2-oe izd. М., 1898 P. 1; Preis N.P. Tabak i vino — Vragi chelovechestva. 5-oe izd. Khar'khov, 1902. P. 1–3, 18; Bek. Kurenii: V obshchedostupnom izlozhenii. Besplatnoe prilozhenie k zhurnalu «Narodnoe zdravie». St. Petersburg, 1902. P. 34; A.V. Shtogovoriat' uchenye liudi o kurenii tabaka. St. Petersburg, 1914. P. 9.

of propaganda on smoking that echoed the sentiments of pre-revolutionary health advocates¹.

The sanitary propaganda of Semashko, however, could not begin to compete with the lure of NEP-era tobacco advertisements which employed some of the best artists of the time, including, ironically, Maiakovskii, whose anti-tobacco slogan «Quit your smoking — it's paper wrapped poison!» appeared in many health propaganda pamphlets and posters. Countering hygienists anti-tobacco harangues, advertisers' conveyed subtle, sensual, exotic images, and pushed the idea that the cigarette made men more potent and women more alluring. In advertisements such as those for Maikapor and Sapho women appeared smoking and alluring. Pachka and Pushka advertisements showed virile men smoking with ruddy faces as argument against health propaganda.

Instead of failure, cigarette manufacturers wound down the decade in triumph having seen a steady rise in production and consumption of their product. Even though general consumption was up, the number of women smoking seems to have fallen.

The number of advertisements geared towards women decreased, and those women who did appear in advertisements were often not smoking but instead seen as further evidence to the masculine prowess of the male smoker from a smoking lifestyle. The liberated female smoker disappeared to be replaced by the cigarette girl of Mosselprom.

Сморгунова А. Л.,

Российский государственный педагогический университет
им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург)

Анализ проблем насилия над женщинами в англо-американской феминистской криминологии

Проблема женской преступности и насилия над женщинами традиционно игнорировалась в криминологии до становления в этой науке

¹ Semashko N. *Nezabyvaemyi obraz*. Moscow, 1959. P. 11; GARF f. a-482 op. 1 d. 155, l. 444; GARF f. a-482 op. 1 d. 288 l. 112–113, 120; GARF f. a-482 op. 1 d. 155 l. 447; RGASPI f.19 op. 2 d. 627 l. 3; Sazhin I.V. *Pravda o kurenii*. Leningrad, n. d. P. 18. pub. 10,000; Sazhin I.V. *Pravda o Kurenii*. Leningrad, 1926; Sigal. *Vrednaia privychka (Kuren'e tabaka)*. Moscow, 1929; Sigal B.I. *Sud nad pionerom kurivshim i II. Sud nad neriashlivym pionerom: Dve instsenirovki*. M, 1927.

феминистского направления в 60-е гг. XX века. Женщина как жертва преступления является важным объектом феминистских исследований на первом этапе развития феминизма в науке о преступности, в котором традиционно выделяют четыре основных направления: либеральный феминизм, радикальный, марксистский и социалистический.

Представители либерального направления основное внимание концентрируют на изучении вопроса о женской преступности, причины которой они видят в гендерной социализации, в процессе которой создаются феминные и маскулинные идентичности¹.

Три других вида феминистской мысли (радикальный, марксистский и социалистический) разделяют общую позицию, согласно которой проблемы женщин, включая как женскую преступность, так и насилие над женщинами, возникают в связи с существованием в обществе института патриархальности (контроля мужчин над женским трудом и сексуальностью).

Хотя патриархальное устройство существовало в докапиталистических обществах, именно при капитализме произошли значительные изменения в гендерных взаимоотношениях. Постепенно женщины вытесняются из системы производства, что одновременно подкрепляется увеличением заработка белых мужчин, содержащих семью и состоящих в профсоюзе. Женский труд по воспроизведению потомства и домашнему хозяйству не оплачивается и рассматривается как незначительный, хотя он способствует развитию и функционированию капиталистической системы. Постепенно женщина становится все более далекой от возможности реализации своих способностей в сфере оплачиваемого труда и политики, она лишилась возможности контролировать свою сексуальную жизнь и деторождение. Контроль мужчин над этими сферами подкреплялся с помощью насилия². Экономические, культурные и юридические ограничения, низкий уровень оплаты труда заставляли женщин искать поддержки мужчин в гетеросексуальной, моногамной, патриархальной семье.

Не все представители феминизма одинаково оценивают взаимодействие патриархальности и капитализма, хотя признают, что они лежат в основе подчиненного положения женщин и насилия, которое над ними осуществляется. Одни считают, что патриархальность является культур-

¹ Bohm R. *A Primer on Crime and Delinquency Theory*. London: Wadsworth, 200. P. 122.

² Jurik N. *Socialist Feminism, Criminology, and Social Justice* // Arrigo B. (Ed.) *Social Justice/criminal justice: the maturation of critical theory in law, crime, and deviance*. London: West/Wadsworth, 1999. P. 38.

ным проявлением экономического неравенства; другие, что капитализм и патриархальность — это две автономные, но влияющие друг на друга системы; третьи — что капитализм и патриархальность — это две стороны одной и той же экономической системы, которая эксплуатирует женщин¹.

Марксистские феминистки (Э. Моулдс, Н. Рафтер, Е. Наталиция) считают, что подавление женщин началось с возникновением института частной собственности. Частная собственность была сосредоточена в руках немногих, преимущественно мужчин. Мужское доминирование над женщинами, таким образом, является одним из продуктов капитализма, господства капитала над трудом. Н. Рафтер и Е. Наталиция подчеркивали, что правовая система общества направлена на подавление женщин, поскольку она не учитывает их потребности и интересы, традиционно считая женщин «собственностью» мужчин. В законодательстве и в практике его применения не находят должного отражения вопросы привлечения к ответственности за такие преступления, как изнасилования и применение насилия в семье. А поскольку данные преступления чаще совершаются в отношении женщин из низших слоев общества, в этом случае класс приобретает даже большее значение, чем гендер².

Решение проблемы угнетения женщин марксистские феминистки видят в трансформации капитализма в социализм. В социалистическом обществе не существует экономического угнетения рабочего класса, а также брака и других отношений между мужчиной и женщиной, основанных на идеях частной собственности³.

Радикальный феминизм придерживается мнения, что патриархальные взаимоотношения предшествуют классовым отношениям и частной собственности в качестве источника подавления женщин. Основой подавления является контроль над женским телом и сексуальностью. Станко утверждает, что насилие является повседневным явлением, с которым сталкиваются женщины, они проявляют больше страха перед преступностью, чем мужчины. Подверженность женщин оскорбляющим и насильственным действиям связана не с их биологической, а с социальной позицией, с неравенством полов, с безвластием женщин⁴. Д. Кляйн проанализировала та-

¹ Ibid.

² Rafter N., Natalizia E. Marxist Feminism: Implications for Crime and Justice. // Crime and Delinquency. 1981, № 27. P. 81–98.

³ Bohm R. A. Op. Cit. P. 122.

⁴ Stanko E. Intimate Intrusions: Women's Experience of Male Violence. London: Routledge and Kegan Paul, 1985. Цит. по: Moyer I. Criminological Theories: Traditional and Nontraditional Voices and Themes. Thousand Oaks: Sage Publications, 2001. P. 253.

кой вид преступлений, как избиение жен, который является не только проявлением отклоняющегося от нормы психопатического поведения, но и результатом жизни в капиталистическом патриархальном обществе, проявлением неравенства в гетеросексуальной семье¹.

Представители радикального феминизма считают, что для изменения ситуации недостаточно перехода от капитализма к социализму, главным является изменение патриархальных отношений.

Социалистические феминистки, используя марксистскую методологию, а также методологию радикальных феминисток, пытаются объединить идеи феминизма и радикальной криминологии. Поскольку, по их мнению, гендерные и классовые отношения в равной степени являются источниками угнетения женщин, то патриархальные и капиталистические классовые отношения должны быть изменены одновременно.

Исследуя проблемы виктимизации, феминистские ученые, как представляется, всех направлений пытались продемонстрировать, как представители системы уголовной юстиции относятся к женщинам-жертвам насильственных преступлений сквозь призму мужского взгляда, постоянно сравнивая их с мужчинами и размещая соответствующим образом в социальном пространстве. Так, их подозревают в обмане, унижают, высмеивают; оценивают, насколько женщина «заслужила» преступное поведение в отношении себя в зависимости от того, насколько она соответствует той роли, которая отведена женщине в обществе. Целый ряд гендерных символов и отличительных признаков (одежда, манеры, внешний вид, поведение, место и время) используется для того, чтобы унижить жертву и заподозрить в том, что она сама спровоцировала преступника (выглядела доступной, шла домой одна, недостаточно сопротивлялась и т. д.)². Мужчин — жертв преступлений, особенно насильственных, как правило, не считают виновными в случившемся, за исключением гомосексуалистов и транссексуалов, которые находятся за пределами основной формы маскулинности.

¹ Klein D. The dark side of marriage: Battered wives and the domination of women. // N. Rafter, E. Stanko (Eds.) Judge lawyer victim thief: Women, gender roles, and criminal justice. Boston: Northeastern University Press, 1982. См. также: Голоса молчащих: книга о насилии по половому признаку / Сост. Х. Казе. Таллинн, 2004.

² Davis N. Systemic Gender Control and Victimization among Homeless Female Youth. // Socio-Legal Bulletin, 1993, № 8. P. 22–31. Цит. по: Jurik N. Socialist Feminism, Criminology, and Social Justice // Arrigo B. (Ed.) Social Justice/criminal justice: the maturation of critical theory in law, crime, and deviance. London: West/Wadsworth, 1999. P. 117.

Феминистская интерпретация проблем насилия над женщинами может быть подвергнута определенной критике. Данные о преступности действительно свидетельствуют о том, что большинство преступлений совершается мужчинами, однако феминистское утверждение о том, что преступник — это мужчина, чьей жертвой, как правило, становится женщина не соответствует действительности. Именно мужчины, а не женщины, чаще становятся жертвами насилия. Сведение преступности и насилия к проблеме реализации маскулинности приводит к чрезмерным требованиям усиления мер контроля именно над мужским преступным поведением.

Заслугой феминистской криминологии является ее ориентированность на практику — традиционно феминистки в криминологии активно участвовали в деятельности организаций, защищающих права женщин (жертв, преступниц, заключенных). Идеи феминистских ученых оказали значительное воздействие на практику работы правоохранительных органов за рубежом, особенно в сфере противодействия семейному насилию.

Суркова И.Ю.,

Саратовский Государственный Технический Университет, (Саратов)

Нарушение прав женщин в Российской Армии

Армия является особой сферой рекрутирования гендерной идентичности. Доступ женщин на военную службу привел к изменению воспроизводства гендерных контрактов, принятых в обществе, вследствие чего женщины-военнослужащие стали подвергаться дискриминации со стороны сослуживцев.

К сожалению, последствия дискриминации, ее проявления и формы в армейской жизни для женщин очень сложно оценить. Виной является несовершенно законодательство, репрезентация гендерных стереотипов и господство маскулинной культуры в средствах массовой информации, негласные гендерные контракты (женщин не принимали в особо престижные учебные заведения, такие как институт военных переводчиков, военные и милицейские училища и вузы). В связи с этим при всей актуальности проблема нарушения прав женщин находится по-прежнему в латентном состоянии¹.

¹ Ярская-Смирнова Е.Р. Одежда для Адама и Евы: Очерки гендерных исследований. М., 2001. С. 93.

Диапазон дискриминации женщин-военных достаточно широк. Любые сокращения на рабочем месте в первую очередь касаются женщин. Казарменное положение провоцирует сексуальные домогательства (женщина выступает в качестве «походно-полевой жены»). Сами женщины относят к нарушению своих прав следующие моменты: задержки с выплатой денежного содержания, пособий и компенсаций, несоблюдение режима труда и отдыха, хамство, грубость и оскорбления со стороны начальников и сослуживцев, непредоставление военного обмундирования, привлечение к внеурочным работам. Хотя, с другой стороны, эти примеры негативной дискриминации относятся к нарушению прав как мужчин, так и женщин.

Проведенная Главной военной прокуратурой Российской Федерацией в 1998 году проверка перевела латентные проблемы военнослужащих-женщин в разряд явных и даже актуальных в современной армии. Подобные вопросы стали широко обсуждаться в средствах массовой информации, начали отслеживать судьбу дел, где потерпевшими были военнослужащие женского пола. К сожалению, один из сотрудников Главной военной прокуратуры отметил «хорошее дело было — проводить проверки по устранению нарушений прав женщин в армии, но со сменой руководства, в частности, главного военного прокурора, это дело заглохло и проверок не стало»¹. В прокуратуру поступают сведения о нарушениях законодательства, направленного на обеспечение социальной защиты, безопасных условий службы, прав военнослужащих-женщин, проходящих военную службу, но все они разрознены. Отследить судьбу каждого дела практически не возможно. А отсутствие проверок не дает полной картины о ситуации в различных военных округах Российской Федерации.

Нами был проведен анализ уголовных дел, связанных с преступлениями, совершенными против военнослужащих женского пола с 1994 года по май 2002 года. Всего в Главную военную прокуратуру за изучаемый период времени поступило 551 уголовных дела, где потерпевшими были женщины-военнослужащие. Внимание было акцентировано на таких аспектах, как преступления против половой неприкосновенности, превышение власти, преступления против жизни и здоровья, включая убийства, вымогательства, хулиганства, а также преступления против собственности. Большая часть преступлений (248) носила характер дорожно-транспортных происшествий, поэтому в исследовании они не учитывались. Эти преступления связаны с нарушениями правил дорож-

¹ Интервью с работником Главной военной прокуратуры РФ.

ного движения и не имеют отношения к дискриминации женщин-военнослужащих со стороны мужчин.

Из полученных сведений нам удалось сделать вывод, что самое большое количество уголовных дел против женщин в армии направлено против их собственности (129). На втором месте — в два раза меньшее количество преступлений, направленных против жизни и здоровья женщин, в частности, с нанесением им тяжких телесных повреждений (61). Третье место занимают преступления, основанные на хулиганстве (30). Четвертое место отводится домогательствам на рабочем месте (28). Пятое место делят преступления против женщин на основании превышения власти и изнасилования (по 21).

Отметим, что многие уголовные дела возбуждаются по нескольким статьям. Поэтому нельзя говорить, например, только об одном виде причиненного вреда потерпевшей. Многие преступления сочетают в себе, например, изнасилование и тяжкие телесные повреждения. Некоторые преступления совершаются в течение длительного периода времени.

В расположении части, закрытой зоны, куда доступ посторонних лиц строго воспрещен, очень сложно доказать факт изнасилования или попытки его совершить. Многие женщины, боясь потерять работу, терпят унижения со стороны начальства и покрывают их преступления. Именно этим объясняется тот факт, что подполковник Ерохин В.В., являясь командиром соединения воинской части и начальником гарнизона, в течение двух лет с 1998 по 1999 год использовал служебное положение для организации и совершения изнасилования женщин, находящихся от него в служебной зависимости¹. Эти преступления носили масштабный характер, и одним из мотивов такого поведения было то, что женщина не должна служить в армии, а если она туда попала, значит должна терпеть и удовлетворять все нужды мужчины-командира.

Материалы военных ведомств закрыты от общественности, поэтому многие преступления, осуществляемые против женщин в армии, не афишируются. Часто военнослужащие женского пола скрывают факты притеснений своих прав, потому что в ответ могут услышать: «В армию вас никто не звал, а если вы сюда пришли, то терпите». И такая позиция может привести к уголовным преступлениям на почве сексизма.

В результате проведенного исследования мы пришли к выводу, что одной из причин возникающих конфликтов в армии является определенный «перекосяк» в системе подбора кадров военнослужащих и формиро-

вания войск. В некоторых воинских коллективах одинаковые штатные должности занимают военнослужащие обоих полов. При таком положении полное и безусловное осуществление всех прав и гарантий военнослужащих ложится дополнительным бременем на военнослужащих мужчин, вызывает необходимость выполнения ими за военнослужащими-женщинами дополнительных нагрузок и обязанностей. Другой важнейшей причиной является господство гендерных стереотипов, которые активизируют сексизм в армейской среде. Необходимо наладить горячую линию «телефона доверия», по которой женщины-военнослужащие могут связаться со специалистами и решить свои проблемы. Следует издать пособие, в котором будут описываться меры предосторожности против насилия в армии, а также важно проводить занятия среди женщин-военнослужащих и командиров подразделений, посвященные предотвращению любых форм дискриминации в армии.

Таким образом, на наш взгляд, можно сократить факты противоправных действий против военнослужащих женского пола. Для активной адаптации женщин в воинских коллективах следует вырабатывать у них психологическую готовность к конкурентной борьбе с мужчинами. Одним из необходимых аспектов повышения внимания к проблемам женщин-военнослужащих является систематическая пропаганда гендерного равноправия в войсках.

Сушкова Ю.Н.,
Мордовский государственный университет
им. Н.П. Огарева (Саранск)

Обычно-правовое положение женщины у мордвы конца XIX — начала XX века

Существенное положение в определении юридического статуса женщины у мордовского народа в конце XIX-начале XX в. занимали нормы обычного права, регулировавшие комплекс ее прав и обязанностей в условиях традиционного этносоциума. На протяжении жизни женщина (мокш. *рвя*, эрз. *ни*, *урьва*) помимо общегражданского положения в общине и государстве обладала рядом специфических, характерных лишь для нее прав и обязанностей, что обуславливалось ее ролями в качестве дочери, невесты, молодухи, жены, матери, большухи.

¹ Фамилии и имена в связи с конфиденциальностью информации были изменены.

Мордовская семья, поддерживавшая традицию многодетности, не мыслилась без дочерей. «Семья без дочки, что дом без печки, «Сын — утеха отцу, а дочь — матери», — говорится в мордовских пословицах¹. Народная молва справедливо утверждала, что в семье нужны не только пахари и сеятели, но и ткачихи, и пряжи. В устно-поэтическом творчестве немало примеров, подтверждающих, что рождение дочери воспринималось как счастливое событие и являлось богатством семьи: «Ой, мокшанин, мокшанин богатый, ой, мужик, мужик он зажиточный, ой, и чем же мужик богат? Ой, и чем же мокшанин славен? Не хлебом мужик богат, не солью мокшанин славен. Дочерьми мужик тот богат, ой, детьми тот мокшанин славен. Семь дочерей у мокшанина, у мужика семь барышень»².

Мать играла большую роль в воспитании детей. «Мать рождает, мать растит, отец учит», — говорилось в народе. Мать вместе с отцом должны были кормить, одевать, обувать, содержать своих детей в чистоте, равно как и воспитывать, наставлять их, прививая общепринятые нормы морали и обычного права. По отношению к дочери главным родительским долгом являлось обеспечение ими своевременного и выгодного замужества.

Этносоциальная значимость брака способствовало появлению в народной среде глубокого убеждения об обязательности супружества. В мордовских селах Оренбуржья около домов родителей, не сумевших выдать замуж дочь, ставили чучело или просто полено, изображающее сноху. Наложение на себя обета безбрачия был весьма редким явлением среди мордвы, однако о его существовании в правовой истории народа сохранились некоторые свидетельства.

В обычном праве в отношении женщины большое внимание уделялось выбору невесты, которая должна была обладать физическим и умственным здоровьем, обладать положительными личными и деловыми качествами. Народный идеал женской грации ярко воспевается в фольклоре. Мордовская красавица слывет «ростом-статью, ясными очами», лицо у нее «белое, тонкое», «голова кудрявая». Важное значение в антропозстетическом образе мордовской женщины имели ноги. Если мордва хотела «выхвалить красоту девушки», то обязательно говорила: «ноги, как дубы». У мордвы бытовал даже специальный обычай, согласно которому женщины, не имевшие этого достоинства, обертывали свои ноги в «бесчисленное количество раз-

ных полотняных и даже суконных онуч, чтобы слыть красивой»¹. Родители охотно поощряли стремления своих дочерей выглядеть красивыми, ибо в рассматриваемый период девушки составляли предмет торговли, для выгодной продажи которого семья должна была показать «свой товар лицом». Обязательным брачным требованием было сохранение целомудрия.

Важную роль в выборе жены придавалось положению семьи в системе социально-правовой иерархии общины, устанавливавшей определенные социальные круги брачения, требования к общественному и экономическому соответствию будущих супругов. Основным показателем достатка семьи девушки служили ее наряды, по которым можно было также определить социо-возрастной статус их носителя. Одним из основных требований считалось достижение девушкой 16 лет. В этнографической литературе, материалах фольклора нашел отражение долгое время бытовавший у мордвы обычай женить малолетних мальчиков на взрослых девицах. Этот обычай для молодых девушек представлялся очень жестоким и нередко приводивший жену к злым намерениям убить младенца. Бытовали обычаи «колыбельного сговора», сорората. Среди основных табу был запрет на вступление в брак молодых, состоящих в близком родстве и в отдельных случаях свойстве. Браки заключались в пределах своего не только этнического, но и вероисповедного круга.

С развитием патриархальных начал в определении статуса женщины стали формироваться обычаи, закрепляющие ее приниженное положение. О широкой правосубъектности мужей (мокш., эрз. *мирде*) можно судить по их юридическим возможностям подчинять жен своей воле, порой доходившим до грубого обращения с ними. Положение молодухи было особенно тяжелым. В рамках семейных отношений молодуха была обязана соблюдать обычай избегания, подчиняться старшим членам семьи, прежде всего мужу и большаку. В то же время власть мужчин над женщиной нельзя считать неограниченной, ибо последние, формально не допускавшиеся к принятию юридически значимых решений, нередко оказывали большое влияние на своих мужей. Место женщины в процессе регулирования семейных отношений во многом определялось ее ролью в хозяйственном быте мордовской семьи. Ее компетенция в сфере управления домашним хозяйством обеспечивала ей определенную самостоятельность.

¹ Мордовские пословицы, присловицы и поговорки. Саранск, 1968. С. 30.

² Устно-поэтическое творчество мордовского народа. Саранск, 1963. С. 186.

¹ Майнов В.Н. Результаты антропологических исследований среди мордвы-эрзи. СПб., 1883. С. 440.

Увеличению юридических гарантий замужней женщины-мордовки способствовала ее личная собственность, включавшая приданое, часть калыма (мокш., эрз. *питне*), наследство, подарки, а также заработки. Подтверждением права женщины иметь собственное имущество служили специальные пристрои в избе, отводившиеся под хранилище женского добра. В приданое обязательно входили одежда, постельные принадлежности, набор украшений, домашний скот. Личная собственность женщины была неприкосновенна для других членов семьи и без ее согласия не могла быть использована на нужды семейного коллектива. В случае необходимости большак с согласия других членов семьи мог заключить сделку со своей женой или снохой: взять у них в долг, продать что-нибудь из их имущества, но потом взятая сумма обязательно возвращалась или компенсировалась.

Управление семейными делами осуществлялось большаком (мокш., эрз. *кудазор*), который считался главным безапелляционным семейным судьей. Споры же между женщинами была вправе разрешать его жена — большуха (мокш., эрз. *кудазорава*), как правило, старшая женщина в семье. Никто из дочерей и особенно невесток не осмеливался ничего сделать без спроса и доклада. Большуха была единственной женщиной в семье, с которой согласно обычному праву, должен был считаться большак. В ряде семей после смерти кудазора, его место занимала вдова, все женатые сыновья и их семьи подчинялись ей.

Текуева М. А.,

Кабардино-Балкарский государственный университет (Нальчик)

Частная жизнь адыгской женщины: традиционное сознание и повседневность

Шитье и связанные с ним вышивание, обработка шерсти и ткачество были главной обязанностью адыгских женщин. «Остальные для домашнего быта нужные ремесла отправляют женщины: ткут сукно и ковры, валяют войлоки и бурки, шьют женское и мужское платье, шапки, башмаки, делают шелковые с серебром и золотом тесьмы для обшивки кафтанов и шапок, из дикой конопли выделывают толстые нитки»¹.

¹ Бларамберг С. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. Нальчик, 1999. С. 198.

«Черкешенки отличаются замечательным искусством в женских работах: скорее изорвется материя, чем шов, сделанный их рукой; серебряный галун их работы неподражаем»¹.

Наиболее трудоемким производством была обработка шерсти, включавшая множество операций: вымачивание шерсти, «выколачивание ее до чистой воды», отжим и сушка, разрыхление, расчесывание, взбивание и сортировка на пряжу и войлок. Ко всем этим работам привлекались девочки с 10–12 лет. В производстве бурок, сукна и черкесок четко просматривается разделение труда среди разных возрастных категорий. Девочки с десяти лет разбирали шерсть руками под наблюдением и с помощью пожилых женщин, чесали шерсть женщины среднего и молодого возраста, укладывали на циновку мастерицы специальной квалификации, уваливали наиболее сильные молодые женщины.

Для расчесывания шерсти организовывались «*цыпх ицыхьэху*»: созывались опытные чесальщицы для помощи какой-то одной хозяйке. Это могли быть девушки и молодые невестки, компенсировавшие с помощью подобных актов взаимопомощи дефицит социальной активности. Шерсть чесалась с помощью приспособления, сооруженного из трех досечек в виде треугольника, вершину которого венчал частокол стальных игл. Неловкость в деле могла обернуться разодранными в кровь руками. С полутупитивного сетования на острые зубцы чесалки — «*цыпх*» начинаются все песни, посвященные этому процессу. Об этом пели на «*цыпх ицыхьэху*» чесальщицы: «Чесалка, чесалка — меч острый!» или «Уа, подобные шилу иглы чесалки Мое сердце заставляют вдвое сжиматься».

Здесь, кстати, мы подошли к вопросу о гендерно-некорректном толковании/переводе некоторых явлений, связанных с женской сферой жизнедеятельности и сознания. Это повсеместное в этнографической литературе явление связано с тем, что исследователи прошлого (наблюдатели и комментаторы) в подавляющем большинстве были мужчинами. В соответствии с собственными культурными ожиданиями, информация, полученная в ходе полевых исследований, трактовалась ими в рамках мужского опыта. В раскрытии данного тезиса иллюстративна информация, приводимая антропологом Еленой Гаповой со ссылкой на зарубежные научные исследования. Археологи описывают найденную на раскопках первобытного стойбища палку, отмеченную тридцатью зарубками. По поводу этих знаков высказываются два мнения. Первое: палка — это своеобразный календарь, обозначающий дни

¹ Секретная миссия в Черкесию русского разведчика барона Ф.Ф. Торнау. Нальчик, 1999. С. 282.

лунного месяца (существование другого календаря в эпоху камня предположить невозможно, как, впрочем, не существует и тридцатидневного лунного месяца). Второе: на палке зафиксировано количество охотничьих трофеев. И хотя для женщины-исследователя наиболее очевидным объяснением смысла данного артефакта может служить третья гипотеза — зарубки использовались для подсчета менструального цикла — она даже не предлагается для обсуждения¹.

И современные переводчики и фольклористы находятся в шорах патриархатно-центристских представлений, трактуя материал в рамках мужского опыта. Используем для иллюстрации процитированные выше фольклорные источники. Адыгские песни имеют особую форму стихосложения, предполагающую связь слов не по рифме, а по созвучию последнего слова в предыдущей строке с первым словом последующей строки. И эти словосочетания могут содержать необычные эпитеты и метафоры, усиливающие смысл или вызывающие эмоциональный всплеск, хотя для непосвященного они требуют специального пояснения. Возможно поэтому почти каждое народное сказание сопровождается комментариями. Жанр шуточных песенок или трудовых обрядовых песен в силу своей очевидности для их исполнителей-современников не требовал пояснений. Но если смысл песен аробщика или погонщика, пахаря или пчеловода оставался открытым для мужчин, песни утратившего сегодня значение женского ремесла, в нашем случае «Песня чесальщиц», непонятна толкующему ее фольклористу. Поэтому ему кажется, что сравнение чесалки с острым мечом — это похвала своему инструменту², что выказывает истинно мужское (фаллоцентристское) пиететное отношение к оружию — его использование в качестве метафоры изначально не может носить негативной коннотации. При этом игнорируется связь этой фразы с последующими сетованиями на причиняемые зубьями чесалки раны. Одно неосторожное движение чесальщицы, неопытность молодых девушек были чреваты кровоточащими порезами пальцев и кистей рук. Мужчине-исследователю настолько неясен смысл женской песенки, что он относит непонятную ему связь метафоры «чесалка — меч острый» с «сжимающимся от боли сердцем» за счет того, что незамкнутая, как у аробщиков и пахарей, композиция поэтических текстов песен о расчесывании шерсти позволяла девушкам свободно их варьировать, импровизировать на любую тему. Поэтому тек-

сты песен чесальщиц шерсти не имели единого движения мысли, единых мотивов и единых сюжетов. На самом деле трудно понять не знакомому с процессом производства стороннему человеку смысл фразы: «Уа, о наших горестях / Ни нана ни дада не знают. / Хотя и не знают — [подобно тому, как от] конопляной пыльцы / Горечь во рту — заесть бы баджиной!»

Жалоба старикам на боль, обозначенную в первом куплете, объясняется исполнительницами горечью во рту или горле, вызванной пылью от обрабатываемой шерсти, засевшей в горле подобно пыльце с коноплянного стебля. Дальше по тексту становится ясно, что эти жалобы — шуточная форма выпрашивания перерыва в работе на угощение от хозяев дома. Сравнение с коноплей приводится потому, что конопля традиционно употреблялась в домашнем хозяйстве для изготовления толстых ниток и грубого полотна, что, к слову заметить, также являлось женским производством. А по поводу шерстяной пыли наш информатор Дахалина Текуева из сел. Псыгансу (1906 г.р.) сообщала, что в послевоенные годы она зимние сезоны посвящала обработке шерсти на бурки и войлоки и их изготовлению, а затем всю весну плевала черной «шерстяной» мокротой. Но эти женские нюансы ремесла не могут учитываться мужчинами, и они переводят этот отрывок следующим образом: «Уа, о наших печалях / Ни нана, ни дада не знают. / Не сеют коноплю поздно, / Во рту горько у нас — [ешь] беджину»¹!

То есть, действительно о женских печалях не знает никто. Для объяснения необъяснимой связи жалобы в первых строках с коноплей, упоминаемой в следующих строчках, предлагается следующий комментарий: «Типичная для текстов этого вида песен структура — варьируемый традиционный зачин, несколько клишированных мотивов..., несколько хозяйственно-бытовых истин: «Не сеют коноплю поздно, во рту горько — ешь беджину»... и т. д. Дальше текст песен чесальщиц содержит в разных вариантах ряд шуточных выпадов против тех, для кого они собирались, или кому предназначается конечный продукт их труда, а также элементы вербальной магии»². То есть, исследователь не видит связи начала песни с логическим смыслом ее продолжения. Несмотря на деликатность комментатора, создается мнение о специфической (женской?) бестолковости чесальщиц шерсти.

Гендерный же подход к интерпретации различных аспектов повседневности, в частности, лирического восприятия отдельного трудового

¹ Гапова Е. Гендерная проблематика в антропологии / Введение в гендерные исследования. Ч.1. Харьков, СПб, 2001. С. 375.

² Народные песни и инструментальные наигрыши... С. 8.

¹ Народные песни и инструментальные наигрыши... С. 61.

² Там же. С. 8–9, 56–62.

цикла женского ремесла, позволяет реабилитировать исполнительниц «странных» текстов, непонятность и смысловая бессвязность которых «извинялась» монотонностью производства. Главным же результатом нашего анализа стоит признать возможность сделать видимой женщину с ее ощущениями боли и усталости, их преодоления с помощью чувства юмора и коллективного общения. Перспективность же такого исследования не вызывает сомнений и обусловлена, в первую очередь, тем, что историю повседневности интересуют «обычные люди» в их ежедневных взаимоотношениях и взаимосвязях, особенности организации и восприятия того «вещного мира», в котором протекает их обыденная жизнь, их проявляющаяся изо дня в день эмоциональность как выражение их индивидуальности, и все это детерминировано не только этнической, социальной, культурной, но и половой принадлежностью.

*Трофимова Е.И.,
МГУ (Москва)*

Женский вопрос в публицистике и прозе Александры Коллонтай

В идеологической и государственной практике большевизма важной мыслилась и коренная перестройка человеческих отношений, в частности, изменение роли и статуса мужчины и женщины. В этом контексте мы можем более полно понять идейное наследие А.М. Коллонтай (1872–1952).

Представления о «новой женщине» складывались у неё в первое десятилетие XX века по мере вовлечённости в деятельность РСДРП, изучения марксистской теории, знакомства с «женским» и «рабочим» вопросами. Иначе — изменение гендерных стереотипов для Коллонтай было неразрывно связано с системной и радикальной модификацией общественных институтов.

Практическая работа в реальной обстановке России, постоянное общение с женской аудиторией, необходимость объединения вокруг внятной сформулированной программы, заставляли Коллонтай постоянно осмысливать и формулировать идеологическую сторону женского движения. Базовым фактором становится активное участие женщин в экономических процессах и, соответственно, равноправие с мужчиной, и в отношении доступа к профессиям, и в оплате труда. Эта идея, с которой как будто бы были со-

гласны и феминистки и социалистки, в действительности понимается ими по-разному. На данной антитезе Коллонтай разворачивает и конкретизирует смысл и способ экономической эмансипации женщины.

Значительное место в работах Коллонтай уделяется и такой вопиющей форме проявления угнетения и эксплуатации женщины, которой является проституция. Вполне в духе марксистской теории Коллонтай усматривает здесь два источника: меркантильный дух буржуазного брачного договора и безжалостную эксплуатацию трудящихся женщин, чей заработок чрезвычайно низок. Затрагивается ею и тема «свободной любви», которая займет особое место в дискуссии по «женскому вопросу». Мысль о формах любви, а точнее, о сущности и проявлении интимных отношений, в новом обществе стала особенно актуальной для Коллонтай после победы Октября-17, когда, казалось, появились широчайшие возможности для коренного изменения социальных связей, в том числе и отношений полов. Остановлюсь на рассказе «Любовь трёх поколений». В нём — на примере судеб женщин одного семейства — повествуется об эволюционном понимании свободной любви.

В статье «Дорогу крылатому Эросу!» Коллонтай подчёркивает, что внешняя, юридическая, форма и хронологическая длительность союза между мужчиной и женщиной, столь важная для буржуазного общества, в рамках новой морали не имеют никакого значения. То есть, имущественная сторона партнёрства должна отмирать вместе с отмиранием института частной собственности. Акцент переносится на внутреннюю, сущностную сторону любви: нужно требовательнее относиться к содержанию любви, к оттенкам чувств, душевно-духовные качества должны служить развитию и закреплению чувства товарищества. Нет сомнения, перед нами программа гендерной деконструкции, пересмотра символическо-культурной репрезентации полов, ревизия смыслов, наполняющих понятия «женственности» и «мужественности». Наблюдается попытка ввести в оборот новую терминологию через понятия «Эрос крылатый», «Эрос бескрылый», «любовь-товарищество», которые должны были не столько выражать, сколько создавать новые смыслы, трансформируя язык. Но это были латентные усилия генерации новых лингвистических инструментов для освобождения речи от патриархатных клише. Другим важным аспектом была мысль о движении к равенству полов через десекуализацию общества, то есть через отказ от отношения к женскому телу как объекту потребления. Именно этим обусловлено резко-отрицательное отношение Коллонтай к проституции, которой она противопоставляет истинную свободу любви, основанную на принципе взаимного равенства и уважения полов.

Преображение женщины для А. Коллонтай было невозможно без коренного изменения внешних обстоятельств и внутренней ментальности. Внешние перемены она связывала с социалистической революцией, призванной заменить формальное буржуазное равенство на реальное правовое пространство, где полностью исчезло бы подчинение одной общественной группы другой, что связано и с ломкой гендерных стереотипов, и с трансформацией мышления. Именно поэтому так волновала Коллонтай проблема любви, и она настойчиво стремилась принизить значение сексуальной стороны в пользу бихевиористского аспекта. Свобода для Коллонтай мощный внутренний инструмент, который способен демонтировать бытующие в сознании представления и предрассудки патриархатной власти, генерировать не декларативное, а сущностное равенство женщины и мужчины.

Трошина Т. И.,

Поморский государственный университет (Архангельск)

Феномен «женской активности» в революционную эпоху (на материалах Европейского Севера России)

Современники отмечали, что у Русской революции было «женское лицо». Но если на первых этапах революции это был образ романтической девушки, русской «Свободы на баррикадах» — образованной, из обеспеченных слоев общества, то с 1917 года он обернулся лицом измученной житейскими невзгодами и материальной необеспеченностью — лицом женщины «из народа».

Любая революция при переходе к активным действиям приступает к поискам «массы», для чего стремится опереться на группы, обладающие наиболее униженным социальным статусом. К таковым относились русские женщины вообще, а женщины из «низших» слоев подвергались особой социальной дискриминации; их энергия на протяжении веков под влиянием культурных стереотипов сублимировалась в жесткие нормы одобряемого обществом поведения.

Социальная вседозволенность революционной эпохи, дополненная повышением статуса женщины в эпоху тотальной мировой войны, сделала женщин активными участниками событий. Тема «женской революционной активности» достаточно изучена и дает классические примеры

социокультурного конфликта — конфликта ментальных установок и новых социальных требований. Конкретные проявления принятия «нового» происходили в основном на уровне личности, как результат ее индивидуализации. Это касается не только наиболее «продвинутых» революционерок, но и обыкновенных женщин. Их поведение менялось благодаря ослаблению социального контроля, а не новых идеологических установок.

С другой стороны, некоторые примеры женской «революционности» были, скорее, проявлением традиционного женского поведения, которое всегда отличалось стремлением добросовестно выполнять предъявляемые к ним требования. Как показывают конкретные жизненные ситуации, женщины-«делегатки», «рабселькорки», активистки являются как раз примерами такой социальной дисциплинированности. Безусловно, традиционное поведение в этих случаях дополнялось определенным уровнем индивидуализации личности.

Так называемые «бабьи бунты» были другим примером действия традиционной культуры. В этих инцидентах проявлялся «эффект толпы», когда женщина получила возможность нового выражения своего подсознательного протеста. (Прежде, запертая в четырех стенах, приставленная к люльке и ухвату, она могла «самовыразиться» только в пресловутой женской сварливости).

Схожие проявления женской активности на гребне революционных преобразований зафиксированы в различных культурах и в разные исторические эпохи. Многие ученые склонны искать объяснение им в психологии женщин. Цель настоящего сообщения — выявить региональную специфику такой активности, найдя ей объяснение в особых историко-географических условиях развития Русского Севера.

Зависимое поведение женщины является признаком аграрной культуры. На севере европейской России мужчины занимались преимущественно промыслами, что значительно повышало экономическую и социальную ценность женщин. Вместе с тем государством были затребованы конформные личности, которые воспитывались в условиях именно аграрного производства. Поэтому и здесь с помощью различных культурных операторов (в первую очередь православной церкви), происходило формирование соответствующих социополовых ролей.

Изучая описания женских типов, распространенных на Русском Севере, мы видим некоторое их отличие от «нормативных» для земледельческих культур. Специфика северно-русской территории состоит в том, что климатические условия не располагали к занятиям сельским хозяйством, однако население (в основном переселенцы из центральных рай-

оно, носители традиционно земледельческой славянской культуры) продолжало — по привычке, или будучи принуждаемым к тому социальными обстоятельствами, — ими заниматься. В этих условиях тяжелый труд хлебопашца не всегда был вознагражден хорошим урожаем, что формировало у населения равнодушие к этому труду, желание подыскать себе другие занятия. Это служило причиной распространения среди мужчин «туристствования» (по местному выражению, означавшему стремление, не всегда ответственное, уйти из дома ради заработка или в поисках более легкой жизни), пьянства, лени и прочих пороков, которые современниками отмечались как массовые явления.

Женщине в таких условиях приходилось либо брать на себя не только домашнюю, но и традиционно мужскую, земледельческую работу, либо нести экономические и психологические тяготы постоянных лишений. При этом от нее требовалось то зависимое и покорное поведение, которое считалось идеальным в традиционно земледельческих культурах. Неустойчивость социального статуса могла приводить, выражаясь языком психологов, к фрустрации (состоянию тревожности), которая сопровождалась различными отрицательными эмоциями. Неоднократно описанное «икотничество» — истерическое состояние, которым страдали в основном женщины, — встречается именно на территориях с «полужемледельческими» занятиями.

На севере региона женщины не занимались изнурительным сельскохозяйственным трудом — по причине его отсутствия. Мужчины уходили на промыслы, где обходились без женщин, нередко выполняя их обязанности (брать с собой «женок» в качестве кухарок и прачек стали только в начале XX века). Отсутствие экономической потребности в женщинах приводило к поздним бракам; только девушки из богатых семей могли стать объектом «купли-продажи» ради приданого. У более бедных поморов была возможность проявления индивидуальной избирательности брака (то есть браков «по любви»), которая, как утверждают психологи, ведет к меньшей его устойчивости. Отсутствие экономической заинтересованности ослабляло контроль над замужними женщинами со стороны семьи и общества. Незамужние, вдовы и «брошенные» женщины нередко сами шли на заработки, нарушая тем самым привычный социальный стереотип, и становились «бесшабашными головами».

В поморских селениях было также принято выполнение женщинами обязанностей общественной службы «по выбору» за отсутствующих мужей (были женщины-«десятские», помощники старост и проч.). Этнографы XIX века с удивлением отмечали высокий социальный статус

северных «женок», которые имели по обычаю право участвовать за отсутствующих мужей в сходах и при земельных разделах. С другой стороны, чиновники отмечали женскую «социальную пассивность» — стремление не пользоваться этим правом. Дело в том, что участие в общественной жизни всегда было обратной стороной некоей жизненной неустроенности. Так, правом участвовать на сходах обладали вдовы и те, чьи мужья отсутствовали (на заработках, или были отстранены от роли главы семейства по причине бесхозяйственности, пьянства, распутства); тем самым они демонстрировали отсутствие положительного статуса «замужней» женщины. Кстати, после введения в 1917 году всеобщего права голоса женщины с удовольствием делегировали свои голоса мужьям и отцам.

К 1910-м годам своеобразные типы северных женщин несколько нивелировались и стали схожи с характерными в целом для русской культуры. Причиной, возможно, стали успехи деятельности «культурных операторов» (православного духовенства, школьного образования). Типичная женщина стремилась быть хозяйкой при работающем муже, однако при неблагоприятных условиях могла стать и самостоятельной работницей, что, однако, было нежелательным, поскольку означало ее социальную несостоятельность. Были, конечно, женщины, отличающиеся протестными признаками в своем характере. Вынужденно сдерживая свои устремления, они нередко заболевали психическими расстройствами («икотой»). Протест против униженного состояния выражался ими и в «уходе в религию», благо в «зараженном» расколом регионе такое самовыражение женщин было вполне возможным и даже санкционировалось обществом. Позднее у таких женщин появились другие каналы для неодобряемых обществом устремлений (они уходили от жесткого контроля на заработки в город; вступали в революционные кружки).

Революционные события заставили всех женщин столкнуться с перестройкой всех привычных жизненных стереотипов. Пружина, сдерживаемая веками, разжалась. Женская активность стала не только поощряться, но активно культивировалась — причем всеми противоборствующими сторонами разгоравшегося гражданского конфликта. Безусловно, под влияние лозунгов могли попасть только женщины, наименее социально адаптированные к прежним условиям жизни. Большинство же проявляло типичную для женщин консервативность. Например, когда в 1920 г. на «делегатском собрании женщин» их пытались увлечь идеями раскрепощения труда (устройством общих столовых и детских садов) и личной жизни (легкостью расторжения браков), в прениях преоблада-

ли заявления: «Если мы соберемся в общую столовую, то передеремся, и я первая!» (и тому подобные)¹.

Женщины проявляли «активность» в условиях, когда другого выбора у них не было, нередко это было проявлением женского «самопожертвования». Так, жестокое подавление крестьянских восстаний, прокатившихся по стране в 1920–1921 гг., привело к отправке их зачинщиков и участников в лагеря. В основном наказаниям подвергались мужчины, а без них крестьянское хозяйство оказывалось на грани разорения. Возможно, желанием сохранить работников руководствовались организаторы «бабьего бунта» 1921 г. против продразверстки в Вельском уезде Вологодской губернии: участвовали в беспорядках одни женщины, а мужчины «сидели по домам». Более того, карателям были выданы под видом «зачинщиков» беременные женщины, очевидно, в расчете, что их наказывать не будут².

Большевики делали особую ставку на сознательных женщин. За малым числом таковых активизировали работу по пробуждению сознательности различными способами. В 1919 года заведующая уездной женсекцией отчитывалась: «Что касается женщин в деле строительства новой жизни, то они хотя и участвуют на общих собраниях и митингах, но активного участия не проявляют — по своей врожденной уступчивости перед мужчиной и по своей малосознательности»³. Однако и в этой «косной среде» удавалось найти «до 3–16 сознательных женщин на волость»⁴. Сознательных или просто крикливых — сказать трудно. Возможно, по привычке «затыкать дыры» женщинами (мол, новое начальство требует выслать каких-то активисток — вот и пошлем самых скандальных и бессемейных), их отправляли на различные съезды. К сожалению, отчеты мандатных комиссий не дают представления, по каким критериям происходили выборы «делегаток». Но учитывая, что еще за несколько лет до этих событий отъезд женщин и особенно девушек из дому не поощрялся, можно предположить, что это были либо «бесшабашные головы», либо те рассудительные женщины, которые намеревались высказать свои претензии власти, оберегая от возможных репрессий «более ценных» для хозяйства мужиков.

Для Советской власти и такой критерий отбора не был непреодолимым. Женщины были более впечатлительны, чем мужчины, менее кри-

тично относились ко всему новому. В 1920 г. председатель губернской женсекции отчитывалась: «По приезде делегатки были настроены оппозиционно против всех мероприятий советской власти и коммунистической партии», однако после лекций, экскурсий, всевозможных агитмероприятий «уезжали уже политически подкованные»¹. У активисток, которые невесть каким способом попали на эти собрания, появился реальный шанс социальной реабилитации; им говорили: «мы заменим вами нетрудовой элемент, засевший в учреждениях! Вы малограмотны, но мы посадим вам спеца, которого вы будете контролировать и заставлять работать»². Многие «проявили» себя весьма активно: направленная таким образом на «усиление» делегатка докладывала: «сперва меня засадили за клейку конвертов, но меня эта работа не могла удовлетворить, и я стала следить за несвоевременным приходом на службу сотрудников. Я навела порядок так, что за опоздания и сам заводилом отработал 3 дня на распиловке дров. Я часто слышу колкости и вижу презрительное к себе отношение, но на это мало обращаю внимания... Товарищи, идите в отделы, чтобы со временем заменить негодный элемент!»³

Дальнейшая история женского движения показывает, что победившей идеологии удалось направить «проснувшуюся» женскую активность в нужное для себя русло.

Хорунжая Т.М.,
Сыктывкарский госуниверситет (Сыктывкар)

Женское движение и празднование 8 марта в Коми автономной области в 1920–1930-х гг.

Женское движение в Коми автономной области, существовавшее в 1920–1930-х гг., возникло как часть общероссийского общественно-политического движения под руководством коммунистической партии. Главными задачами в работе среди женщин были ликвидация их неграмотности и вовлечение в хозяйственное и социально-культурное строительство. Одной из форм организации массовой работы среди женщин женотделы области считали проведение празднования Дня 8 марта. Обозначенный в

¹ ГААО ОДСПИ (Государственный архив Архангельской области, отдел документов социально-политической истории). Ф. 104 (Каргопольский уком ВКПб). О. 1. Д. 192. Л. 8.

² ГААО ОДСПИ Ф. 8660. О. 3. Д. 421.

³ ГААО ОДСПИ. Ф. 1. О. 1. Д. 44. Л. 2 об.

⁴ ГААО ОДСПИ. Ф. 1. О. 1. Д. 44. Л. 64.

¹ ГААО ОДСПИ. Ф. 1. О. 1. Д. 185. Л. 6.

² ГААО ОДСПИ Ф. 1. О. 1. Д. 189. Л. 33.

³ ГААО ОДСПИ. Ф. 1. О. 1. Д. 185. Л. 5.

черере памятных дат как «женский день», он был призван формировать женское самоопределение в рамках существовавшего патриархального уклада жизни, особенно в регионах национальных окраин.

В этой работе прослеживаются два этапа. На первом (1920-е гг.) главным было просвещение женщин, ознакомление их с сущностью женского движения, с основами законодательства (прежде всего в отношении материнства и детства). В 1921 г. в Усть-Сысольске, административном центре Коми автономии, было проведено четыре квартальных собрания женщин по истории этого дня, а также общий митинг, на котором присутствовало до 600 женщин. После митинга были показаны детские ясли, устроен обед в общественной столовой, где отобедали 800 женщин. Вечером был устроен показ пьес самодеятельных авторов. На митинге и квартальных собраниях первые женщины — управленцы увязывали празднование женского дня с необходимостью ликвидации неграмотности и формированием их сознательного участия в экономическом строительстве области. Было сказано о правилах применения декрета о льготах для женщин в налоговом деле при их объединении в кустарно-промысловые артели, об охране женского и детского труда¹. С приветственными речами перед женщинами выступили представители партийных, советских и профсоюзных организаций. Это подчеркнуло заинтересованность властных и общественных организаций Коми области в объединении женщин.

В дальнейшем к празднованию женского дня было приурочено создание фонда помощи матери и ребенку. Для этого все учреждения города 8 марта 1923 г. работали два часа сверхурочно с последовавшей передачей заработанных средств в фонд помощи. Вечером было проведено «торжественное собрание с художественными номерами», в ходе которого руководители излагали задачи женского движения. Члены областного женотдела разъясняли, что часть средств будет использована на продолжение работы по устройству детских яслей и площадок, где дети находились под присмотром воспитателей и получали двухразовое питание, а их матери могли работать, не беспокоясь о них². Одновременно говорилось об оказании трудовой помощи женщинам в до- и послеродовой период³. На этом же этапе в ходе торжественных заседаний стали организовывать книжные выставки (8 марта 1924 г. такую выставку посети-

¹ Образование Коми автономной области. Сб. док. Сыктывкар. 1971. С. 42, 45.

² Подробнее см.: Хорунжая Т.М. Зарождение основ женского движения в Коми АССР в первой половине XX века. Сыктывкар. 2007. С. 32.

³ Постановления Коми областных партийных конференций(1–V). Усть-Сысольск. 1929. С. 46; Культурное строительство в Коми АССР. 1918–1937. Сб. док. Сыктывкар. 1979. С. 105–106.

ло 212 человек). Организация мероприятий с привлечением большого количества женщин значительно усиливала эффект агитации и пропаганды. Постепенно собрания в честь Дня 8 марта из женских стали превращаться в общегражданские. На них определялись задачи вовлечения женщин в Советы, кооперацию и т.п.

На втором этапе развития женского движения (конец 1920-х — середина 1930-х гг.) четко прослеживается реализация идеи вовлечения и сознательного участия женщин в хозяйственном и культурном строительстве. 8 марта 1930 г. был проведен смотр состояния работы по улучшению условий труда и быта женщин, организации детских садов и яслей. Поначалу они организовывались на общественные средства, получаемые за счет отчислений от сверхурочного безвозмездного труда, организации спектаклей, концертов, лотерей, вечеров, выставок. Семьи, чьи дети посещали летние детские ясли, должны были обеспечивать ясли дровами, приносить по две кринки молока в декаду, картофель и овощи. На работу в них привлекались женщины-активистки. Но с апреля 1929 г. городские ясли стали постоянно действующими¹ и были переведены на местный бюджет. Одновременно Комиссия по улучшению труда и быта женщин проверила их обеспечение на лесозаготовках и лесосплаве производственной одеждой и обувью, бытовое обслуживание и организацию общественного питания на лесозаготовках, проведение культурно-воспитательной работы среди них. По результатам проверки было вынесено решение в числе прочих вопросов улучшить бытовое обслуживание женщин, организовать курсы по подготовке женщин для выдвижения их на административную работу и т.п.²

8 марта 1931 г. руководители женского движения области посвятили созданию женских бригад для практической работы в колхозах, на лесозаготовках и сплаве древесины. Стартовавшая кампания прошла под лозунгами укрепления связей работниц и крестьянок с зарубежными трудящимися женщинами и за выполнение программы хозяйственного года первой пятилетки. На лесозаготовках было организовано 16 бригад с охватом 169 женщин, на весеннем сплаве работали 12 бригад с охватом 126 женщин. 149 женщин отработали на субботниках 1931г. по 5–7 дней. Добровольные взносы в фонд обороны страны составили 300 руб., в пользу организации детских яслей — 1251 руб.

8 марта 1932 г. в письме к Н.К. Крупской коми женщины сообщали, что к 1930-м гг. были подорваны основы унижения женщины, она ста-

¹ Хорунжая Т.М. Указ. соч. С. 35.

² Там же. С. 39, 44.

ла равноправным с мужчиной участником социалистического строительства. Практической реализации выдвижения женщин в государственные и общественные организации был посвящен День 8 марта 1935 г.

В середине 1930-х гг. с ликвидацией самостоятельного женского движения в стране и Коми области особенно активизировалась деятельность областной партийной организации ВКП(б) по развитию различных форм трудового участия женщин в выполнении народнохозяйственных планов, укреплении ее обороноспособности, овладении женщинами так называемыми «мужскими профессиями» шоферов, трактористов и т. п., некоторыми воинскими специальностями стрелка, радиста и др. Официальное празднование Международного женского дня 8 марта в Коми республике возобновилось с созданием Международной демократической федерации женщин в декабре 1945 г.

Цыбульников А.А.,

Армавирский государственный педагогический университет
(Армавир)

Особенности торговли женщинами на Северном Кавказе в XVIII–XIX вв.

В XVIII–XIX веках торговля женщинами была широко распространена на всем Северном Кавказе, чему способствовал не только уровень социально-экономического развития горских обществ, но и торговый интерес Турции и Ирана, замешанный на вполне понятных геополитических устремлениях. У горцев рабыня заменяла деньги и могла послужить эквивалентом обмена наравне со скотом, оружием или солью. Так, Н.Ф. Дубровин приводит такие расценки: «лучший панцирь» стоил «двух рабынь; другой панцирь стоил одной рабыни; налокотники — одной рабыни, другие налокотники и шишак — одной рабыни; шашка — одной рабыни, еще шашка похуже — пять лошадей», при этом хорошая лошадь могла стоить одной рабыни. Даже калым (гебен-хак) за невесту достаточно часто платился рабынями. Горянка могла стать объектом продажи вследствие нескольких событий¹:

¹ Калым также мог выплачиваться оружием или скотом, а с конца XVIII века — под воздействием торговых отношений с Россией — деньгами.

1) Если она была похищена в результате организованного индивидуального рейда для выкупа или продажи работорговцам в силу своей необычайной красоты или высокого положения.

2) Если она была захвачена в результате военных действий между враждебными кланами или племенами. Захват молоденьких пленниц был одной из главных целей горских набегов. По замечанию английского путешественника Эдмонда Спенсера, побывавшего на Кавказе в первой половине XIX века, горские племена «привыкли совершать грабительские набеги на территории друг друга исключительно для цели похищения юных женщин»¹.

3) Если она была дочерью пленников, то продавалась как собственность господина по достижению девичества, когда ее цена становилась максимально высока². Французский путешественник Фредерик Дюбуа де Монпере в первой половине XIX века записал: «Другую цель преследует еще черкес женитьбой своих рабов: рождающиеся дети также его невольники... горькая участь ожидает этих детей пленников... властелин отнимает их у родителей и отправляет куда-нибудь на воспитание для того, чтобы продать затем туркам...»³

4) Если она была уличенной в измене женой. По замечанию кавказского офицера Ф.Ф. Торнау, у черкесов «утрата чести вменяется замужней женщине в преступление, влекущее за собою смерть или рабство»⁴. На этот кавказский обычай обращали внимание и многие иностранные путешественники. Например, француз Тэбу де Мариньи записал в своем дневнике, что у черкесов изменившую жену «наказывают побоями или продажей; некоторые жестокие мужья отрезают им нос или уши...»⁵.

¹ Спенсер Э. Путешествия в Черкесию / Перевод Н. Нефляшевой. Майкоп, 1994. С. 98.

² По словам Н.Ф. Дубровина, девочки-невольницы у горцев «приобретались покупкой преимущественно детей рабов или захваченных в плен» (Дубровин Н.Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. Т. 1. Книга 1. СПб, 1871–1888 // Н.Ф. Дубровин о народах Центрального и Северо-Западного Кавказа. Нальчик, 2002. С. 186.).

³ Дюбуа де Монпере Ф. Путешествие вокруг Кавказа, у черкесов и абхазов, в Колхиде, Грузии, Армении и Крыму. Т. 1. / Перевод В.М. Аталикова // Серия «КЛИО». Раздел «История». Выпуск 7. Том 1. Нальчик, 2002. С. 150–151.

⁴ Торнау Ф.Ф. Воспоминания кавказского офицера. М., 2000. (Репр. воспр.: М., 1864.)

⁵ См. например: Мариньи Т. де. Путешествие по Черкесии / Перевод В.М. Аталикова // Серия «КЛИО». Раздел «История». Выпуск 7. Том 1. Нальчик, 2002. С. 52.

5) *Могла быть продана в рабство нищими родителями в надежде поправить свое благосостояние или обеспечить лучшую долю ей в богатых гаремах Турции или Египта.* В начале XVIII века Абри де ла Мотрэ писал, что «на Кавказе очень обычным явлением для отцов, матерей, дядей, тетей и т. д. является обмен или продажа детей, племянников и племянниц. Жизнь научила их, что кроме выгоды, получаемой ими самими от этой продажи, их дети, и в особенности девушки, получают таковую еще в большей степени, так как этим способом они проникают в гаремы богатых турок и даже часто во дворец самого великого султана, становясь государынями, одеваясь как принцессы и великолепно питаюсь. Является ли это результатом полученного воспитания или предубеждения, но девушки, отданные в обмен или проданные своими родителями, покидают их без сожаления и слез, в то же время как эти последние желают им со своей стороны удачи и приятного путешествия...»¹.

Обычно свободный горец не продавал своих дочерей в рабство — главный торг составляли юные пленницы, хотя из этого правила встречались и исключения. Французский путешественник Дюбуа де Монпере, заметил, что у черкесов «отцу дано право продажи своих детей, хотя этим правом пользуются только бедняки, которых толкает на это их нищета»². По замечанию Морица Вагнера (1840-е годы), у черкесов «большой частью туркам продаются дочери пшитлов (крепостных) и тхфокотлей (освобожденные крепостные); ворк (дворянин) реже решается отдать свою дочь или сестру за блестящие пиастры, но, однако, все-таки иногда это случается»³.

В целом, как показывают факты, большинство кавказских женщин вполне лояльно относились к возможности быть проданными в рабство. По мнению Ф. Торнау, служившего на Кубани в 30-х гг. XIX в., это объяснялось тем, что «у мусульман девушка, выдаваемая замуж, равномерно продается»⁴ (почему для нее продажа в рабство и являлась лишь сменой хозяина, причем зачастую в лучшую сторону). Именно поэтому, по словам Н.Ф. Дубровина, «в этой продаже, смотря глазами

¹ Мотрэ А. де ла. Путешествие господина А. де ла Мотрэ в Европу, Азию и Африку... // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв. Нальчик, 1974. С. 119–147.

² Дюбуа де Монпере Ф. Указ. соч. С.150.

³ Вагнер М. Кавказ и земля казахов в годы с 1843 по 1846 // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв. Нальчик, 1974. С. 629–631.

⁴ Торнау Ф.Ф. Указ. соч. С. 179.

продаваемых, не было ничего оскорбительного их человеческому достоинству»¹.

Особенно стремились кавказские девушки к продаже их туркам, надеясь на более лучшую долю, чем нищета, ожидавшая их после замужества на родине. А.Ф. Швейгер-Лерхенфельд писал, что «черкешенки, проданные в рабство, не особенно жалеют о своей участи. Подобно грузинкам, они считают это избавлением от невыносимо тяжелых условий своей жизни на родине»².

Положительное отношение к возможности попасть наложницей в турецкий гарем формировалось у горянок с детства. Мориц Вагнер в 1840-х годах заметил, что черкесским девушкам, «чтобы смягчить бесчеловечность этой насильственной разлуки с их родными, уже с самого детства рассказывают много о пышности и роскошной жизни в турецких гаремах», поэтому они «покидают обычно без большого горя свои суровые горы и бесчеловечных родителей»³. В середине XIX века Карл Кох отметил следующее: «Тщеславие стать полновластной повелительницей в гареме побуждает часто девушку самой просить отца о продаже в гарем. Нередко случается так, что такая девушка через много лет возвращается на родину, нагруженная богатством, и охотно рассказывает о радостях, испытанных ею, и о чести, которая ей была оказана»⁴. По замечанию И.Ф. Бларамберга «зачастую быть проданной является единственным желанием молодой девушки, уверенной в том, что ей удастся занять место в гареме где-нибудь в Турции... Некоторые из них, после нескольких лет пребывания в гареме, получали свободу и возвращались на родину с небольшим состоянием»⁵.

Поэтому, по традиции, во время продажи девушкой-горяной внешне выражалось недовольство этим фактом, но данные проявления горя в большинстве случаев носили сугубо обрядовый характер. Жизнь невольницы в Турции была для большинства кавказок так привлекательна, что иногда «освобожденные русскими судами пленницы турецкой

¹ Дубровин Н.Ф. Указ. соч. С. 142–143.

² Швейгер-Лерхенфельд А.Ф. Женщина. Ее жизнь, нравы и общественное положение у всех народов земного шара /Пер. с нем. СПб, 1885. С. 35.

³ Вагнер М. Кавказ и земля казахов в годы с 1843 по 1846 // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв. Нальчик, 1974. С. 629–631.

⁴ Цит. по: Сукунов Х.Х., Сукунова И.Х. Черкешенка. Майкоп, 1992. С. 71.

⁵ Бларамберг И.Ф. Историческое, топографическое, статистическое, этнографическое и военное описание Кавказа // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв. Нальчик, 1974. С. 353–434.

кочермы, везущиеся для продажи на чужбину, вместо благодарности готовы были выброситься за борт и кидались с кулаками на своих нежеланных освободителей»¹.

Таким образом, в отличие от российских и европейских женщин, горянки в большинстве своем положительно относились к возможности быть проданной в рабство — особенно если речь шла о возможности попасть в восточные гаремы. Такое отношение формировалось у девушек с детства рассказами о богатой жизни кавказских наложниц в Турции.

Чикалова И.Р.,

Белорусский государственный педагогический университет
(Минск)

Женское образование на Белорусских землях в составе Российской Империи (1772–1917 гг.)

К моменту первого раздела Речи Посполитой на территории края действовала определенная система образования мужчин. В сети иезуитских школ и коллегиумов выделялись *Полоцкий коллегиум* и *Виленская иезуитская Академия* (1579) — первое в ВКЛ высшее учебное заведение. Шляхетские дочери получали домашнее образование, а с 18 века к их обучению подключились женские католические монашеские ордена.

Первые светские учебные заведения, охватывавшие образованием часть мужчин, на белорусских землях организовывались по мере их присоединения к Российской империи в ходе разделов Речи Посполитой. В результате реформы российской системы образования (1803–1804) на базе *Главной Виленской школы* был создан *Виленский университет*. Ему подчинялись губернские гимназии, которым, в свою очередь, — мужские поветовые, а им — приходские училища. После закрытия в 1820 и 1831 г. *Полоцкой иезуитской академии* и *Виленского университета* лишь единицы из выпускников местных гимназий могли поехать на учебу за свои средства в зарубежные или столичные университеты. Возможность учиться за казенный счет в столице или в Москве имела

¹ Виноградов Б.В., Клычников Ю.Ю. К проблеме контрабанды и «пленопродавства» на Кавказе в XIX в. // Вопросы северокавказской истории. Вып. 6. Ч. 1. Армавир, 2001. С. 49.; Клычников Ю.Ю. Очерки истории прошлого народов Северного Кавказа. / Под ред. проф. В.А. Казначеева. Пятигорск, 2004.

условии возвращения на родину и отработки определенного срока в школах на территории края.

Некоторая система начального женского образования на белорусских землях возникла и установилась на протяжении второй половины XIX в. «Временные правила для народных школ Виленской, Ковенской, Минской и Витебской губерний» (1863) давали девочкам право учиться в них наравне с мальчиками, поэтому смешанные народные училища стали самым многочисленным типом начальных училищ. Появились также женские народные, приходские и городские училища, женские смены при приходских и народных училищах. Функционировали женские еврейские школы (хедеры, талмуд-торы, казенные училища), а также школы Синода — церковно-приходские и школы грамоты, уровень обучения в которых был ниже. «Положение о городских училищах» (1872) регулировало деятельность мужских учебных заведений, но во многих городах допускалось совместное обучение в них. Тем не менее, степень охвата начальным образованием и уровень распространения грамотности среди лиц женского пола значительно отставал, хотя и среди мужчин он также был невысоким¹.

Одновременно принципиальным являлся вопрос о доступе женщин к среднему образованию: возможность его получения — основная предпосылка для продолжения учебы в высших учебных заведениях. Еще в 1807 г. впервые в истории российской педагогической мысли И.Ф. Богдановичем была высказана мысль о том, что женщины одарены от природы теми же способностями, что и мужчины, поэтому они должны получать аналогичное образование². Хотя вслед за ним многие авторы педагогической литературы стали переходить от критики общих проблем женского образования к созданию конкретных проектов учебных заведений и программ, правительственная политика в деле расширения даже среднего образования на женщин отличалась противоречивостью. На белорусских землях Министерство народного просвещения взамен закрытых в 1840-е гг. женских пансионов при монастырях стало учреждать женские учебные заведения, приближавшиеся по уровню образования к гимназиям. Открытое в 1860 г. в Гродно Мариинское семиклассное училище (в 1862 г. переименовано в гимназию) стало первым государственным средним женским учебным заведением на территории Бела-

¹ Даже по переписи 1897 г. в границах современной Беларуси грамотных среди женщин было 15,2% на фоне 36,4% — среди мужчин: Улащик Н.Н. Грамотность в дореволюционной Беларуси // История СССР. М., 1968. № 1. С. 108.

² Богданович И.Ф. О воспитании юношества // Антология педагогической мысли России первой половины XIX в. М., 1987. С. 113—114.

руси. В 1860-е гг. были открыты женские гимназии в остальных губернских городах — Могилеве, Минске, Витебске, для которых в 1879 г. была утверждена единая и обязательная программа обучения. Однако окончание их рассматривалось в качестве вершины женского образования и не предполагало поступления в университет¹.

К 1916 г. число женских министерства просвещения и ведомства императрицы Марии гимназий увеличилось до 14, частных — до 63². Но, хотя в начале века были предприняты шаги по упразднению различий в учебных планах и программах мужских и женских гимназий (например, в женских был расширен курс математики), женское образование по качественному уровню продолжало уступать мужскому. Под женским гимназическим образованием понимали несколько облегченное традиционное классическое образование с включением в него т. н. «женских предметов» (рукоделие, танцы, хоровое пение), а также значительного числа практических сведений (например, из области медицины).

Увеличение числа женских классов в начальной школе заставило рассмотреть вопрос о создании заведений по подготовке для них учительских кадров: в 1874 г. Министерство народного просвещения приняло специальное положение об открытии восьмых (педагогических) классов при женских гимназиях. Однако они начали организовываться в Полоцке, Бобруйске, Бресте, Витебске лишь в годы первой российской революции. К существующим добавились педагогические классы в Минске (1908), Гомеле (1909) и Пинске (1910)³. В отсутствие правительственных субсидий обучение в них было платным. Гимназистки получали подготовку по общеобразовательным и специальным дисциплинам, участвовали в практических занятиях в школах. В учебном плане отдельным предметом стоял курс педагогики, программа которого представляла собрание разрозненных сведений из дидактики, теории воспитания, физиологии, психологии и школьной гигиены.

Следующим шагом по расширению и улучшению качества женского специального педагогического образования стало принятие Министерством народного просвещения «Положения о женских учительских семинариях» (1908). Его черта — ориентация на соответствующий

¹ К тому же, в 1861 г. женщинам был запрещен доступ в российские университеты даже в качестве вольнослушательниц.

² Евдокимова Е.Л. Развитие гимназического образования в Белоруссии (XIX — начало XX вв.): Дисс. ... канд. пед. наук. Мн.: НИО, 1995. С. 41.

³ Лухверчик В.Н. Становление и развитие среднего педагогического образования в дореволюционной Белоруссии: Вторая половина XIX — начало XX в.: Дисс. ... канд. пед. наук. Мн., 1997. С. 58.

документ о мужских четырехклассных учительских семинариях¹. Женские учительские семинарии были открыты в Орше (1911) Борисове (1915), Гомеле (1915), Бобруйске (1916)² и обеспечивали подготовку учителей со средним педагогическим образованием в наиболее прогрессивной для того времени форме: финансировались из бюджета, имели хорошую материальную базу и должным образом организованный учебно-воспитательный процесс. Тем не менее, в отличие от мужских, они не давали права поступления в открытые в 1910–1914 гг. трехлетние учительские институты: Могилевский, Витебский, Минский. А последние, в свою очередь, не давали ни высшего образования, ни права поступления в университет — их выпускники преподавали в городских и высших начальных училищах.

Таким образом, к началу XX в. женское начальное, среднее и специальное профессиональное образование заняло довольно заметное положение в системе народного просвещения края, но отличалось своими особенностями: шло вдогонку за мужским; в борьбе с польским влиянием правительство обращало особое внимание на женские учебные заведения и вводило отдельное законодательство для них в белорусских губерниях, поддерживало более демократичный состав учениц. Жительницы края, хотя и получили доступ к начальному и, весьма ограниченный, к урезанному по качеству и охвату среднему и специальному профессиональному образованию, в отношении получения высшего образования оставались ущемленными, впрочем, как и мужчины, чьи возможности для академического обучения были немногим шире.

*Шарифуллина Э. М.,
НИЦ «Регион» (Ульяновск)*

Переопределяя девичество: гендерный подход в исследованиях молодежи

В докладе на примере анализа современных исследований молодежи и категории «девичество» актуализируется необходимость обращения к

¹ «Положение об учительских семинариях» и «Инструкция для учительских семинарий министерства народного просвещения» были утверждены в 1870 и 1875 гг.

² Мужские семинарии действовали в Молодечно (1864), Полоцке (1872), Несвиже (1875), Свислочи (1876), Рогачеве (1909).

самоопределению девушек, которое позволяет расширить рамки изучения их опыта и практик.

«Гендерная слепота» исследователей молодежи, нивелирующих девичий опыт была актуализирована в критике субкультурного подхода, проблема которого состоит в том, что «жизненные истории, которые исследовались учеными, могли быть отнесены лишь к одной «мужской» половине молодежи, следовательно, только на анализе субкультурных форм этой «половины» и были построены все теории»¹. Одним из объяснений этого является то, что большинство из них «связано с преобладанием биологического подхода, согласно которому девушки по «природе» своей более пассивны, конформны и не испытывают потребности объединяться в группы». В рамках посмодернистского подхода, пришедшего на смену субкультурному феминистские исследования не только «обнаружили» «спрятанный» женский опыт, но обратили внимание «на подразумевающуюся, а подчас и явную, идентификацию исследователей-мужчин с исследуемыми ими мужскими группами», так же отметили необходимость борьбы с «маскулинными ценностями самого исследовательского подхода»². Изменение подобного положения возможно в ситуации обращения исследователей к опыту девушек и преодолению исследовательских стереотипов.

Достижение девушкой фертильного возраста знаменует собой вступление в девичество, стадию жизненного пути женщины, охватывающую добрачный период³. Если вопрос женщины как Другого относительно мужчины, рассматривается не одно десятилетие и с определенной долей условности может быть перенесен на пару девушка-юноша, то тема разделения внутри женского сообщества вдоль вектора возраста пока представлена не столь массивным корпусом текстов. Категория «женщина» в научных публикациях феминисткой и гендерной направленности раскрывается через анализ сексуальности, способности к деторождению, отношений в семье, творчества и профессиональной деятельности. В этом случае девушка, не имеющая сексуального опыта, не состоящая в партнерских/семейных отношениях, не родившая ребенка и не имеющая опыта профессиональной занятости выпадает из поля зрения исследователей. Девушка воспринимается как несостоя-

¹ Омельченко Е. Молодежные культуры и субкультуры. М.: Изд-во «Институт социологии РАН», 2000.

² Омельченко Е. Молодежь: Открытый вопрос. Ульяновск: Изд-во «Симбирская книга», 2004.

³ Муравьева М.Г. Девичество // Словарь гендерных терминов / Под ред. А.А. Денисовой. М.: Информация-XXI век, 2002. С. 82.

шаяся женщина, потенция женщины и невидима как полноценный субъект. Здесь трудно не вспомнить известную песню Britney Spears «I'm not a girl, not yet a woman». Так, на уровне популярной/доминирующей культуры вскрывается противоречивость позиции девушки. Она находится «между», ей нужно самой решить, кем она хочет быть, обнаружить свою зрелость. Вместе с тем, в песне обозначен тот, кому проговариваются все эти размышления, для которого девушка из лирической композиции должна «стать» — проявляется фигура юноши. Именно он в данном случае откроет девушке доступ в «мир женщины».

С точки зрения возраста девушка входит в ряды молодых женщин, значит, несет в себе «важнейший потенциал развития общества», которому «следует незамедлительно создать гибкий и продуманный механизм реализации ... прав и возможностей, в том числе для защиты в различных кризисных ситуациях»¹. Она «нуждается» в заботе/контроле со стороны взрослых.

Включение в содержание девичества, наряду с «половой» составляющей, возраста позволяет сделать видимым тот факт, что девушки определяются не только юношами, но и взрослыми/женщинами. Даже самая поверхностная оценка ситуации со всей очевидностью демонстрирует, что отсутствие девушки как полноправного субъекта в символической структуре сопровождается дискурсивным господством образа молодой девушки в современной визуальной культуре (см. рекламу, женские журналы).

Амбивалентность положения девушки заключается в том, что она с одной стороны подчинена символическому контролю со стороны взрослых и с другой — юношей. Однако важно, помятуя о несимметричности логических оппозиций бинаризов Ив (Евы) Косовски Сэдзвик², принять во внимание, что эта двойственность положения вместе с тем открывает доступ к определенным возможностям. Во-первых, девушка может сделать выбор в пользу одного «авторитета». Во-вторых, присутствие под взглядом взрослого наблюдателя создает слепое пятно для юноши, и наоборот. В-третьих, апеллируя на уровне риторики, то к важности первого, то второго, речевым лавированием отвоевать себе пространство реальной свободы.

Описание «девичьей культуры» приобретает в связи с вышесказанным особую значимость. Так, Борисов С.Б. в своей работе «Мир русского девичества»³ обращается к речевым и письменным формам освоения

¹ Словарь гендерных терминов / Под ред. А.А. Денисовой. М.: Информация-XXI век, 2002. С. 150

² Кософски С.И. Эпистемология чулана. СПб.: Питер, 2000.

³ Борисов С. Б. Мир русского девичества. 70–90 годы XX века. М., 2002.

девушками меняющейся телесности и женской роли, которая прочитывается через деторождение, материнство, сексуальность, любовь и взаимоотношения с партнером. Вместе с тем, освещение сферы девичества, в которой фигура юноши не является определяющей, позволяет нам рассмотреть иные его основания. В рамках специфики современного общества риска девушка сама вольна совершать любой выбор в той или иной ситуации, только при условии, что он не ставит под сомнение состоятельность существующего социального/гендерного порядка. В данном случае важно обратиться к самоопределению девушки, фокусировать внимание не на проблемах (домашнее насилие, сексуальность, социальное положение, профессиональная дискриминация и так далее), а на ее повседневности и культурных практиках.

*Шубина Т.Ф.,
филиал ВЗФЭИ (Архангельск)*

Отношение к браку и материнству в молодежной среде (по материалам социологического исследования, проведенного среди молодежи Архангельской области)

Мыслят не индивиды, мыслят люди в определенных группах, разработав специфический стиль мышления в результате бесконечных реакций на типичные ситуации, характеризующие общую для них позицию. Социальные перемены воздействуют на формирование у молодежи отличного от предыдущих поколений опыта и способов его рефлексии. Молодые люди вносят в жизнь новое содержание, а не копируют предлагаемые образцы поведения и взаимодействия даже в такой консервативной сфере, как семья. Без серьезного анализа процессов, происходящих в сфере семейной жизни, невозможно полноценное понимание целостной общественной жизни. Это связано с тем, что семья не только испытывает на себе мощное влияние всех действующих факторов социальной динамики, но во многом и сама эти факторы определяет и воспроизводит.

Сегодняшняя семья более проста, демократична и подвижна. Семейные отношения все больше становятся сферой равноправного личностного партнерства, приносящего большее удовлетворение в браке. Брак не дается, как это было раньше, в готовом виде, а задается как задача, для решения которой необходимы согласованность усилий. Процессы изме-

нения брачно-семейных отношений в сторону автономизации происходят во всех экономически развитых странах. Не стала исключением и наша страна. Постепенно и здесь стал формироваться тип семьи, характеризующийся более поздним вступлением в брак, внутрисемейным регулированием рождаемости. В нашем регионе в силу специфичности условий (низким уровнем доходов населения, проблемами с жильем, высоким уровнем безработицы и т. д.) семья особенно тяжело переживает перемены. Так, проведенный анализ брачности свидетельствует о резком снижении частоты браков, темп которого в Архангельской области значительно опережает Россию в целом (43% и 34,5%, соответственно).

На основе эмпирического социологического материала мы попытались выявить и проанализировать изменение отношения к институту брака и материнства среди молодых людей нашего региона, поскольку в их мнениях можно найти подтверждение предположений о поиске наиболее оптимальных форм адаптации молодежи к изменяющимся условиям современного общества. Выборочную совокупность составила молодежь Архангельской области в возрасте 18–30 лет.

Исследования показывают, что люди, состоящие в браке, более счастливы, чем одинокие. Они больше удовлетворены собственной жизнью, дольше живут, меньше страдают психическими и хроническими заболеваниями. Основу семьи составляет брак. По результатам нашего исследования¹, 40,9% из числа опрошенных выбрали основанием, служащим вступлению в брак, «желание создать семью, воспитывать детей, постоянно быть вместе». Причем в возрастной группе старше 25 лет и среди респондентов, имеющих достаточный семейный опыт (состоящих в браке свыше 3-х лет), таких 60%. К этой группе относится больше всего респондентов, указавших на желание иметь много (до 5) детей в семье. Расчет на обеспеченную жизнь связали с мотивом вступлением в брак только 2,5% респондентов. Это проживающие в незарегистрированном браке женщины с детьми или мужчины-студенты, оформившие свои отношения официально в надежде укрепить материальное положение совместными усилиями. Материальные мотивы при выборе супруга играют очень слабую роль у респондентов, имеющих или получающих высшее гуманитарное образование (особенно в отношении требований к мужу со стороны жены). Однако для молодых женщин с относительно низким уровнем образования мечта «найти богатого» или «выйти замуж за иностранца» становится определяющим фактором вступления в брак. Общность интересов и вкусов своим мотивом вступления в брак назвали

¹ Исследование проходило весной 2006 года. Выборка составила 500 человек.

18,2% респондентов. Часть браков заключается с целью легализовать зачатого вне брака ребенка с тем, чтобы избежать нравственного осуждения со стороны ближайшего окружения. Так, для 22% участников опроса основным аргументом для вступления в брак послужило ожидаемое рождение ребенка. Среди входящих в данную группу эту причину называли 75% женщин и 25% мужчин. Подчас такие браки для одной из сторон, а иногда и для обеих, оказываются нежелательными, вынужденными. А для некоторых даже рождение ребенка не является достаточным доводом в пользу оформления своих отношений официально (продолжают жить в гражданском браке). Большинство из этой группы отношения, складывающиеся в семье, оценивает как удовлетворительные. 1,8% от числа участников опроса называли другие причины, в частности, мужчины в основном отвечали: «по глупости».

Одним из популярных ответов о мотивах вступления в брак является «страстная любовь». Так думают 40% человек, принимавших участие в исследовании. Среди остановивших свой выбор на данном утверждении мужчины составляют 47,1%, женщины — 52,9%. Как видим, мнения разделились практически поровну. Распространенный в обществе стереотип о меньшей подверженности мужчин эмоциям в данном случае оказывается ошибочным. Страсть побеждает рациональный расчет. Дальнейший анализ показал, что к данной группе относятся респонденты — молодожены, чей семейный стаж не превышает 1–2-х лет. Или это, наиболее юные по возрасту вступления в брак респонденты (создали семьи в возрасте до 20 лет женщины и до 21,5 года мужчины). На этот мотив указали также и те, кто хотел бы постоянно быть вместе, или те, у кого страстная любовь «спровоцировала» скорое рождение ребенка.

Итак, можно сделать вывод о том, что причинами вступления в брак служит желание создать прочную, счастливую семью. Но не сугубо прагматический союз, в котором все усилия направлены на создание подобающего уровня жизни, а союз, в основе которого лежат эмоционально-окрашенные отношения между супругами и совместные интересы, прежде всего по рождению и воспитанию детей.

Успешность функционирования молодой семьи можно спрогнозировать, анализируя предбрачное поведение вступающих в брак. Каждый субъект вписан в определенные нормативные параметры и заставляет контролировать себя, чтобы не выйти за установленные обществом границы. Общественное мнение формирует определенную культуру пола, и у человека создаются четкие представления о том, когда наступают «правильные» периоды для создания семьи, рождения ребенка, профессиональной карьеры, а отклонения от нормы всегда вызывают неодобрение. За человеком зак-

репляется статус «нормального» или «маргинального» субъекта общества.

Так, проживание в нерегистрируемом браке с позиций «правильности» осуждается. Однако социально-экономический кризис заставил россиян пойти на многочисленные жертвы. Основными стратегиями стали экономия во всем и поиск дополнительного заработка. В этих условиях отказ от вступления в официальный брак при его фактическом наличии стал естественным явлением, внебрачные сожительства стали приемлемой социальной нормой. По данным нашего исследования, 43% опрошенных живут в незарегистрированном браке, причем заметна тенденция снижения возраста мужчин состоящих в таких браках по сравнению с женщинами. Из числа опрошенных респондентов — мужчин, использующих подобную практику, 25% находятся в восемнадцатилетнем возрасте, тогда как у женщин пик приходится на возраст от 21 до 25 лет (2/3 опрошенных).

Однако радикализм молодого поколения сглаживается наследуемой системой ценностей. Как мы установили в ходе исследования, мужчины выбирают наиболее подходящую мать для своих детей. Они считают, что она должна быть официально зарегистрированной женой; положительно относятся к венчанию в церкви, сами хотели бы венчаться. Считают, что мать должна быть серьезной, целеустремленной, упорной женщиной, жизнерадостной и активной. Многие молодые мужчины и себя в роли родителя ассоциируют не со своим отцом, а с матерью.

Современный брак предполагает не только союз между представителями разных полов, но и между двумя личностями. Устойчивость брачно-семейных отношений зависит от готовности молодых людей к семейной жизни, где готовность к браку понимается как система социально-психологических установок личности, определяющая эмоциональное положительное отношение к семейному образу жизни.

Шульман Е.,
Техасский технический университет (США)

«Скорее странные обычаи»: секс и власть на Советском Дальнем Востоке

*In Adres podviga — Dal'nii Vostok: Muzhestvo Komsomol'ska, a 1974
publication lionizing heroic builders of Komsomol'sk-na-Amure, a vignette
about three inseparable girlfriends who came to the region as patriotic*

volunteers captures something of the unease about sex and marriage that echoes experiences revealed in archival documents. A young woman rushes to her dormitory to tell her friends about a marriage proposal. The subsequent fictional dispute between the girlfriends embodies, to a surprisingly accurate extent, the qualms and contention on the topic of sexual behavior and marriage that took place forty years earlier. One of the girlfriends welcomed the news, while the other, Taisa, did not hide her displeasure and exhorted, «What did we come here for? To work, build a city, study, to defend the border. What will happen if we all jump into marriage? Have you thought of that?» Her friends rejected this position as ridiculous. Taisa persisted, «I'm speaking like a revolutionary, like a Bol'shevichka....» Her friends fired back, «Bol'shevichki were never ascetics!» Taisa was undaunted. «Marriage is a sign of weakness!» The woman who planned to marry cut off the debate, «It is love, girls... she said firmly but quietly. The time will come and you will fall in love». Eventually all the friends married and moved out of the dormitory. The authors interjected, «And such is life. Its laws are eternal»¹.

In fact, love, sex and marriage were anything but uncomplicated paragons of the «eternal» for female migrants who had participated in the Khetagurovite Campaign for Resettlement of Young People in the Far East. Because the campaign was initially aimed specifically at women and because the region suffered from an overabundance of men, contemporaries and modern scholars have assumed that female Khetagurovites departed for the Far East in search of husbands². With a female figurehead, in the person of Valentina Khetagurova and the prominence it gave to seemingly autonomous single women, the Khetagurovite campaign made the movement's participants vulnerable to insinuations of sexual iniquity. Accusations of sexual voraciousness made up a large part of the repertoire of those who sought to diminish women's authority with their arrival in previously all male spheres³. The choices young women made in their private lives and in their marriage partners once in the region came under intense scrutiny.

Young adults who numerically predominated in newly built industrial settlements like those in the Far East stumbled into nebulous social zones where they made up their own rules and produced a variety of meanings

¹ Khlebnikov G. and Dorodnov E. Adres podviga-Dal'nii Vostok. Muzhestvo Komsomol'ska. Khabarovsk, 1974 P. 146.

² Stephen J. The Russian Far East. A History. Stanford, 1994. P. 197–198.

³ For a discussion of anxiety about female sexuality arising out of women's «colonization» of new spaces see: Goodman P. «Patriotic Femininity»: Women's Morals and Men's Morale during the Second World War // Gender & History. Vol. 10, no. 2 (August 1998). P. 278–293.

concerning sexual unions and the institution of marriage¹. This anonymity gave young people greater control over their sexual lives and choices in the selection of marriage partners. However, for women newly found autonomy in other spheres did not translate into an equal distribution of choice or control within sexual relationships. The contours of these dynamics are apparent in the experiences of Khetagurovites who remarked on sex and marriage in the «special conditions» of the Far East.

The consequences of non committal sexual relationships and casual attitudes toward marriage had taken on greater gravity for young women who had lost access to abortion in the summer of 1936. *Komsomol'skaia pravda* insisted that progress toward socialism and national defense was in jeopardy because of seeming sexual disorderliness among young people. The signals from Moscow and attempts to censure young women indicate the relatively recent and concomitantly troubling recognition of young women as autonomous sexual beings. The tendency of the public debate to unduly blame young women for failed relationships and unplanned pregnancies simultaneously suggest that many also assumed that women were not simply victims of male lust but conscious actors who should have made the right decision². This was a departure from Soviet and pre-Revolutionary legal and social practices that absolved women of guilt for complicity in criminal or dissolute behavior and assumed that «individual autonomy remained a male preserve»³.

The arrival of Khetagurovites in a border region populated by current and former prisoners, special settlers and suspect groups plunged them into

¹ Sheila Fitzpatrick has discussed the changes in behavior among university students in the late 1920s (Fitzpatrick S. Sex and Revolution: An Examination of Literary and Statistical Data on the Mores of Soviet Students in the 1920s // Journal of Modern History. Vol. 50, no. 2 (1978). P. 252–78).

² Sheila Fitzpatrick argues that «family propaganda» in the late 1930s was «anti-men. Women were consistently represented...as the nobler, suffering sex, pillars of the family...Men, in contrast, were portrayed as selfish and irresponsible» (Fitzpatrick S. Everyday Stalinism. Ordinary Life in Extraordinary Times: Soviet Russia in the 1930s. Oxford, 1999. P. 143). The discussion in *Komsomol'skaia pravda* suggests that at least in messages aimed at a younger generation, women were not always the victims.

³ Engelstein L. Gender and the Juridical Subject: Prostitution and Rape in Nineteenth-Century Russian Criminal Codes // Journal of Modern History. Vol. 60 (September 1988). P. 493. Women were also not held fully responsible for their deviant actions in the 1920s (See: Kowalsky S. Who's Responsible for Female Crime? Gender, Deviance and the Development of Social Norms in Revolutionary Russia // Russian Review. Vol. 62 (July 2003). P. 366–386).

a social landscape where boundaries between «us» and «them» were simultaneously critical and hard to discern. Often, to the surprise and disdain of Khetagurovites former prisoners and special settlers worked in positions of authority¹. Along with the potential for status confusion and «contamination» from «alien elements», the perception that Khetagurovites were available and must have arrived in search of male company tacked an extra layer of pressure on young women.

Authorities thought they had cause to be concerned. Stories of women accused of sexual dissolution were common among employees of the GULAG system and in enterprises that used prison labor in isolated circumstances. All of these institutions and enterprises experienced extreme cadre shortages and indiscriminately hired large groups of Khetagurovites who were hard to place in any other jobs². Young women who were sent to labor camps were more likely to personally witness another kind of truth about Soviet power and the plight of prisoners. None of those who volunteered to go to the Far East could have had any inkling that they would be assigned to work in the labor camp system or among convict laborers in the lumber and gold-mining camps. Once the women were registered as residents and employees there was little chance for them to easily abandon their jobs without serious consequence or at least excessive costs. Lack of alternatives forced women to endure conditions that were uncomfortable and potentially compromising. The consequences of sexual encounters fell into the domain of «women's problems».

The campaign evident in *Komsomol'skaia pravda* to subdue sexual disorderliness by placing greater blame on young women provided ample opportunities for men to exploit women's sexuality. Women were held responsible for poor judgment while men were left off the hook. The extremes of disorganization, apathy and shortages of housing and goods pushed many women into sexual exchanges or hasty marriages as a means of survival. Their behavior quickly became infamous among Far Easterners and sullied the reputation of all Khetagurovites for those prone to doubt the motivations of migrating women. Young women's geographic mobility and choices of professions offered an unprecedented spectrum in the officially demarcated realms of Soviet womanhood. No longer seen as passive victims of male

¹ One of these ex-prisoners who become an acclaimed author is the subject of Thomas Lahusen, *How Life Writes the Book: Real Socialism and Socialist Realism in Stalin's Russia* (Ithaca, 1997).

² Utkina, herself an NKVD investigator, lamented that other Khetagurovites working in the NKVD were «very illiterate. They hardly know how to write». Ibid. P. 272.

lust, young women had also moved much closer to the realms of conscious person-hood endowed with the ability to make good and bad choices. This was part of the expansion in normative gender boundaries. At the same time, the politicization of their sexuality and the expectations that as women they would be responsible for the success of marriages crystallized a stark divide between the emotive attributes assigned to Soviet men and women.

Щербинин П.П.,
Тамбовский государственный университет
им. Г.Р. Державина (Тамбов)

Влияние войн и революций начала XX в. на развитие общественной инициативы и самостоятельности женщин в городах Черноземного Центра (1904–1917 гг.)

Для развития женского самосознания и общественной инициативы в городах аграрного Черноземного Центра (Воронежской, Курской, Орловской и Тамбовской губерний) выдающееся значение имели события войн и революций начала XX в. Так, в период русско-японской войны 1904–1905 гг. происходила демократизация женского, направленного на помощь больным и раненым воинам, семьям призванных на войну нижних чинов¹. Однако необходимо учитывать, что участницы движения за равноправие женщин мало интересовались нуждами и потребностями сотен тысяч солдатских жен в военные годы. Русские феминистки были так увлечены полемикой о равноправии в избирательной сфере и образовании, борьбой за равный доступ к профессиям и т. п., что не считали важным оказывать реальную практическую помощь нуждающимся в ней соотечественницам.

В провинции в первые недели войны стали возникать губернские, а потом и уездные дамские комитеты. Средства для своей деятельности женские организации обычно черпали из нескольких источников: взносов членов дамских комитетов, пожертвований частных лиц, доходов от проведения увеселительных мероприятий (балов, маскарадов, лотерей, спектаклей и др.), кружечных сборов. Обычно лишь около десяти процентов членов женских объединений занимались конкретной деятельностью, а остальные предпочитали вносить членские взносы или

¹ Подготовлено при поддержке РГНФ, грант № 06-01-00279а.

пожертвование и не отягощать себя дополнительной нагрузкой и общественными заботами. Причины этого явления крылись как в неподготовленности многих членов женских объединений к общественной деятельности, так и в традициях образа жизни женщин в их социуме. Для замужних женщин вероятность повседневного участия в патриотических и других акциях была весьма незначительна.

Иногда мужчины также изъявляли желание оказывать содействие дамским комитетам в их деятельности в годы войны. Женщины-общественницы в большинстве случаев выступали за «чистоту рядов», не желая делить с мужчинами ответственность за участие в патриотических инициативах.

Казалось бы, активное участие женщин в годы войны в деятельности общественных организаций и свидетельства результативности их деятельности должны были коренным образом изменить отношение в обществе к положению женщины, способствовать ликвидации неравноправия россиянок в профессиональной и политической сферах. Однако попытки обсуждения вопроса о возможности участия женщин в выборах в земское самоуправление отвергались самими земцами.

В городах Черноземного Центра в 1905 г. возникли союзы равноправия женщин (в дальнейшем — СРЖ). Возникновение СРЖ было тесно связано с организацией профессионально-политических союзов интеллигенции и служащих. Региональные отделы СРЖ осуществляли свою деятельность в следующих направлениях: 1) поддержка участников революционного и оппозиционного движения, прежде всего забастовщиков: открытие столовых, клубов для рабочих, сбор пожертвований в фонд забастовки и для помощи семьям политзаключенных и др.; 2) принятие резолюций с требованиями отмены смертной казни, освобождения политзаключенных, осуществления демократических перемен в обществе; 3) разъяснение программы СРЖ путем сбора подписей под петициями, апелляция к органам местного самоуправления, общественному мнению.

Основу местных отделов СРЖ в городах ЦЧР составляли представительницы женской интеллигенции: учительницы, фельдшерицы, врачи, лица свободных профессий. Практически отсутствовали в региональных отделах СРЖ представительницы рабочего класса, прислуга. Всего в регионе имелось 10 отделений СРЖ: в Воронеже, Дмитрове, Землянке, Орле, Малоархангельске, Ельце, Курске, Тамбове, Козлове и Моршанске.

Общий спад революционного движения, отсутствие реальных успехов, репрессии властей привели к постепенному затуханию движения за равноправие женщин, которое вспыхнуло с новой силой в марте 1917 г.

В период Первой мировой войны 1914–1918 гг. большинство женских обществ подчиняло свою работу потребностям фронта и тыла. Именно силами женских организаций создавались курсы сестер милосердия, собирались пожертвования, открывались приюты для беженцев и др. Создание женских объединений инициировали не только дворянки, но и жены земских деятелей, преподавательницы местных учебных заведений и медицинские работники. В составе некоторых комитетов были представлены работницы и крестьянки. Таким образом, Первая мировая война 1914–1918 гг. способствовала не только расширению масштабов женского патриотического движения, но и демократизации состава женских организаций.

В военные годы значительно увеличилось количество женских организаций не только в губернских, но и в уездных городах, а также в некоторых крупных селах. Кроме того, многие дамские комитеты уездных центров имели филиалы в самих уездах. Женщины не ограничивали свое участие в общественной деятельности рамками только дамских комитетов и других подобных им женских организаций. Война способствовала тому, что женщины получили представительство в самых разных общественных организациях: попечительских советах, комитетах по устройству беженцев и т.п. Кроме того, «бабы сходы» стали обычным явлением, а административные обязанности старост, сотских и других чинов деревенской администрации успешно исполняли женщины, заменив призванных на войну мужчин. Женщины принимали участие и в деятельности кооперативов, потребительских лавок, выполняли поручения по проверке нуждаемости семей призванных, несли другие общественные нагрузки.

В 1917 г. наступил новый этап женского общественного движения. Часть дамских комитетов в российской провинции продолжала свою деятельность, другие трансформировались в союзы женщин, союзы женского равноправия, продолжая традиции патриотической подвижнической деятельности в новых условиях. В то же время многие дамские комитеты были закрыты или самораспускались под напором революционного настроения в обществе, нередко выражавшегося в недоверии к общественным объединениям, существовавшим при «прежнем режиме».

В шести городах региона: Тамбове, Воронеже, Орле, Путивле, Елатме и Козлове, образовались местные организации женщин под названиями женского союза или отделения Лиги равноправности женщин. Де-факто женщины пополняли городские думы, исполнительные комитеты и Советы.

Одним из важнейших итогов деятельности женских общественных объединений военной поры было и изменение отношения провинциаль-

ного социума, властей, духовенства к женской роли и положению россиянок в обществе. Война и революция позволила женщинам продемонстрировать не только свои организаторские способности, но и реально добиться равноправия в профессиональной сфере и общественной жизни российской провинции.

Юкина И. И.,

Невский институт языка и культуры (Санкт-Петербург)

Русский феминизм: обретения и потери

В современной отечественной историографии уже оформилось традиция изучения женского и феминистского движения России, как первой волны (середина XIX — начало XX века), так и современного. Но вопрос о том, что дало гражданам России движение равноправов, в полной мере еще не осмыслен.

Основная идея данных тезисов заключается в том, что это движение, при всей его кажущейся узости (оно было ориентировано на решение исключительно женских проблем) и кажущейся маломощности (это было городское, элитарное движение женщин привилегированных групп, преимущественно дворянок), сильно повлияло на общественное сознание и продвижение России по пути модернизации.

Участницы движения начали свою деятельность с решения вопроса женского образования. Проблема была совершенно очевидна для них, но не для большинства представителей дворянского сословия, которое находилось у власти и из среды которого рекрутировались участницы движения. Вслед за проблемой образования в повестку дня движения в серьез и надолго вошла проблема труда и занятости женщин.

Подготовка женщин в средних и высших женских учебных заведениях сделала принципиально возможной их работу в сфере «интеллигентного» труда, т. е. профессионального, престижно и неплохо оплачиваемого. Эти инновации российской жизни повлекли за собой социально-культурные изменения — были пересмотрены нормы женского поведения, красоты и женственности, требования к внешнему виду женщин, начало меняться отношение к женщинам. Социальные последствия этих изменений трудно измерить, но трудно и переоценить. Они имели длительное влияние.

Эта деятельность первых активисток движения на ниве образования и трудоустройства женщин встретила открытое сопротивление как социальных институтов, так и многих общественных и политических деятелей, а также известных и влиятельных людей, как например, гр. Л.Н. Толстой. Проблема заключалась в том, что женщина в системе ценностей патриархальной культуры не рассматривалась как личность, а только как член семьи, полностью ей подчиненный, не имеющей и не могущей иметь своих личных интересов. Поэтому самостоятельная трудящаяся женщина «выпадала» из структур патриархального общества и реакция на нее поначалу была резко отрицательной.

Таким образом, женское движение решало в высшей степени сложную задачу — оно меняло культурные нормы традиционного общества, которые стояли на пути к свободной женской личности.

В разные годы в рамках движения действовали различные благотворительные женские организации, которые обеспечивали деятельность женских учебных заведений (медицинских, педагогических, архитектурно-технических, высших женских курсов), поддерживали курсисток «недостаточных классов», создавали инфраструктуру жизни одинокой образованной женщины (общегития, «детские очаги», дешевые столовые, клубы, потребительские общества и т. д.).

Поэтому женское движение России на своем начальном этапе (1858–1905 гг.) институционализировалось в общественном сознании россиян как благотворительно и благотворительно-просветительское.

К началу 1880-х годов движение достигло высокого уровня институционализации. Его идеи и деятельность позитивно воспринимались обществом, а правительство вынуждено было признать структуры высшего женского образования легитимными и разрешить женщинам трудиться в образовательной, медицинской сферах, телеграфном ведомстве и в учреждениях Ведомства императрицы Марии. Таким образом, движение стало реальным субъектом социальных изменений.

Институционализация движения предполагает изменение политических институтов, т. е. включение движения и его организаций в социальные и политические институты общества и изменение общественного мнения, т. е. принятие широкой публикой его идей и форм деятельности, а также поддержание его целей со стороны людей высокого уровня влияния.

В начале 1880-х годов «женский вопрос» начал рассматриваться в России как государственная проблема, требующая действий правительства. Другими словами, система начала откликаться на запрос движения.

Следующим шагом активисток движения был переход к законодательному оформлению прав женщин. Они пришли к выводу, что «равноправность мужчин и женщин» должна быть оформлена законодательно и что движение должно работать в правовом поле. Но идеи, на которых строилось движение, — о несправедливости положения женщины, об ограничениях на пути развития женской личности, о необходимости ее развития в интересах общества, — оказались уже недостаточными для широкой мобилизации, особенно в условиях введения в стране избирательного права (1906 г.). Возникла острая потребность в идеологии не благотворительно-патронажного характера, а наступательной, объясняющей причины дискриминации женщин и намечающей пути ее преодоления самими женщинами как самостоятельными субъектами политики.

Таким образом, равноправки связали проблему женских прав с проблемой развития правового государства и правосознания самих женщин. Равноправность по закону и слом на его основе обычаев и традиций, репрессирующих женщин — стало движущей идеей и требованием следующего этапа движения. Это было возможно только в ситуации процесса демократизации и развития гражданского общества. И они работали на эту идею осознанно.

Эта переориентация женского движения, разработка наступательной феминистской идеологии, основанной на идеологии индивидуализма и включавшая в себя задачу развития самостоятельной женской личности, расширение гражданских прав и свобод женщин в экономической, культурной, общественной сферах, оказывала влияние на развитие демократических процессов в стране. Эмансипационная, феминистская идеология противостояла также коллективистской идеологии народничества, пестуемому духу общинности, интеллигентским идеям о долге перед народом. С другой стороны, она находилась в оппозиции православному идеалу женской жертвенности, жизни во имя другого.

Российский феминизм провозглашал новые ценности, утверждал новые нормы поведения для женщины, переформулировал, что есть женщина, и создавал новую женскую идентичность. Одно из достижений феминистского движения — осознанная коллективная идентичность россиянок, распространяющаяся в том числе и на женщин «не владеющих групп». Этот фактор стал решающим для зарождения женского пролетарского движения в 1917 году. Таким образом, другим достижением русского феминизма стала поддержка становления молодого пролетарского женского движения, которое достигло своего пика в виде советского феминизма 1920-х гг. и решило проблемы, которые не успело решить «старое» феминистское движение.

Сформировав свою идеологию, феминистское движение превратилось в силу, которая, влияя на общественное сознание (через утверждение новых ценностей), на принятие новых правовых норм, постепенно пересматривало традиционные женские роли, меняло структуру гендерных отношений и положение женщины в обществе и, тем самым, оно меняло общество в целом.

К достижениям феминистского движения, безусловно, нужно отнести получение женщинами России трех групп прав — права на образование и труд, политических прав и прав женщин в сфере брачно-семейных отношений, в том числе репродуктивных прав. Эту последнюю задачу успешно решил советский феминизм.

И главное, одним из условий модернизации страны выступает наличие в обществе ориентированной на себя, свободной человеческой личности. Феминистское движение решило эту проблему в отношении женщин, способствуя своей деятельностью становлению россиянок как ответственных гражданок.

К потерям феминистского движения стоит отнести быструю утрату своих завоеваний и отход большинства российских женщин в советское время от идеалов, провозглашенных феминистским движением до такой степени, что термин «феминизм» сегодня оценивается российском общественным мнением как негативное явление.

Яковлева Г.Н.,
ВГУ им. П.М. Машерова (Витебск)

Женщина и ее права в теоретическом наследии российских народников

К середине XIX в. быть русским интеллигентом означало быть поборником решения женского вопроса¹. В поиски ее решения оказались втянуты и представители народничества, понимаемого в данном случае в широком смысле, как все умонастроения 40–80-х гг., а не только как революционное движение 70-х гг. XIX века. «Творцом женского вопроса» стал М.Л. Михайлов — переводчик, поэт, критик. Статья «Женщи-

¹ Пушкарёва Н.Л. «Дерзкие и беспокойные» («Женская история» России 1801–1905 гг.: формы социальной активности) // Отечественная история. 2002. № 6. С. 57.

ны, их воспитание и значение в семье и обществе» (1858) была написана под впечатлением споров о женской эмансипации во Франции 50-х гг., и, с посвящением Л.П. Шелгуновой, была впервые опубликована в России в 1860 г.

М.Л. Михайлов прямо связал благоденствие общества, во-первых, с уравниванием прав мужчин и женщин, во-вторых, с совершенным равенством прав жены и мужа. «Если отец и мать пользуются одинаковым голосом, одинаковым влиянием на детей своих, так и на касающиеся их дела общества, возможность диктатуры в общественном управлении исчезает сама собой»¹. Эгоистический произвол должен быть устранен как из общества, так и из семьи. По мнению М.Л. Михайлова, говорить в защиту женщины — это пока доказывать возможность и женщине быть гражданкою умственного и нравственного мира, составляющего привилегию мужчин. Михайлов не только одним из первых сформулировал требование равноправия двух полов в социально-политической жизни, но и разработал программу мер по решению женского вопроса. Отрицая разделение знаний на мужские и женские, он выступал за полное равенство образования, в том числе и высшего; считал, что совместное обучение лучше prepares их к деятельности в жизни. «Личные способности каждого решают степень участия его в успехах науки, в делах общества», — писал Михайлов². Уравняв женщину в праве на образование, необходимо обеспечить ей доступ и ко всем родам деятельности, составляющим исключительно привилегию мужчин. В какой мере воспользуется женщина всеми представленными правами — это ее личное дело. При таких условиях брак станет высоконравственным союзом, а интересы и деятельность супругов будут направлены к одной цели. Обратим внимание на то, что Михайлов не отрицал семьи вообще и смог предсказать опасность формального равенства женщин и мужчин.

Если статья М.Л. Михайлова «произвела в русских умах землетрясение», то роман Н.Г. Чернышевского «Что делать?» стал руководством к действию для десятков юношей и девушек, желавших осмысленной, ценностно ориентированной жизни. Выстраивая жизнь по-новому, молодежь пыталась практически организовывать коммуны и артели, рационально и коллективно организовывать жизнь, а также видела в романе рекомендации по устройству семейной жизни и решению личных проблем. Можно только согласиться с мнением Н.Л. Пушкиревой, подчер-

¹ Михайлов М.Л. Женщины, их воспитание и значение в семье и обществе / Утопический социализм в России. Общ. ред. А.И. Володина. М., 1985. С. 307.

² Там же.

кивавшей роль статей поборников женских прав и литературных романов второй половины XIX века как «учебников жизни» для молодежи России¹. У народников 70-х гг. происходит уточнение взглядов на решение женского вопроса и сущность женских прав. С одной стороны, П. Заичневский, Н. Соколов, М. Бакунин, П. Ткачев требовали в своих теоретических и публицистических работах «уравнивания прав женщины, как политических, так и социально-экономических, с правами мужчины...» и были уверены, что без свободы женщины не будет и прогресса². С другой стороны, они критиковали господство стереотипов поведения в обществе, привычки и обычаи, консервирующие устаревшие общественные формы, будь то деспотизм правительства или деспотизм главы семьи. «Здоровое общество есть общество, прогрессирующее в постройке своих форм, а не успокоившееся на определенной системе привычек»³.

«Постройка своих форм» у народников 70-х гг. предполагала устранение физического, умственного и нравственного неравенства между людьми. Одним из объектов борьбы за преодоление неравенства становился институт брака и семьи и семейно-брачное право. Требовал уничтожения брака и семьи П. Заичневский. Клеймил «деспотизм мужа, отца, а потом старшего брата» М. Бакунин, характеризуя семью как «безнравственную по своему юридически-экономическому началу», как школу торжествующего насилия и самодурства, и требовал уничтожения семейного права и брака, как церковного, так и гражданского. П.Н. Ткачев предполагал, что революционное государство постепенно уничтожит семью, основанную на принципе подчиненности женщины, рабства детей и эгоистического произвола мужчин⁴. Отрицание семьи и брака привело многих теоретиков народничества к требованию общественного воспитания детей и содержания их за счет общества. Бакунин считал необходимым для образования и обучения детей обоих полов создать фонд, куда будут идти все средства от отмененного права наследования. Осторожнее относился к вопросу о будущем семьи П.Н. Лавров. Он признавал, что строй семейных отношений общества находится в тесной связи с его политическими и экономическими условиями. Но его не удовлетворяли те предложения по решению семейного вопроса, которые содержались в работах его со-

¹ Пушкирева Н.Л. Указ. соч. С. 60.

² Бакунин М.А. Наша программа / Утопический социализм в России... С. 402.

³ Лавров П.Л. Из истории социальных учений / Утопический социализм в России... С. 426.

⁴ Бакунин М.А. Прибавления «А». / Штурманы будущей бури. М., 1987. С. 409. Его же. Наша программа / Утопический социализм.... С. 402. Ткачев П.Н. Набат (программа журнала) / Штурманы будущей бури... С. 76.

временников. «Будущему периоду развития социальных учений принадлежит дополнить эти учения и научным решением вопроса об удовлетворении здоровых аффективных потребностей человека», — писал П. Лавров. В.В. Берви-Флеровский в своей работе «Как должно жить по закону природы и правды» утверждал, что всякому при рождении должно давать одинаково, всех детей воспитывать, содержать и учить надо одинаково, однако не отрывая детей от семьи, а мужа от жены, ибо без семейства человек печалится и от горя-тоски развращается»¹. В своем романе «На жизнь и смерть. Изображение идеалистов» он утверждал, что счастье можно найти в браке, но при условии безусловного исчезновения собственности в отношениях между супругами и исчезновения всякого принуждения, всякого навязывания себя другому.

Таким образом, говоря словами Бакунина, каждый человек должен быть сыном своих дел, а не своего пола или сословия, поэтому все народники требовали полного уравнивания прав мужчины и женщины и связывали прогресс в обществе с расширением свободы для них. Не столь единодушны были народники в вопросах брачно-семейного права и воспитания детей.

Якушкина Е.И.,

Воронежский государственный университет (Воронеж)

Особенности женского движения в провинции (на примере Воронежской области)

Женское независимое движение в России развивается достаточно динамично. Наряду с правозащитным и экологическим движением оно является наиболее активным сегментом третьего сектора.

В российской провинции женские организации, их деятельность, имеют определенные специфические черты.

Каковы же особенности регионального женского движения, в частности, в Воронеже и Воронежской области?

Все женские организации в регионе можно разделить на две большие группы: женсоветы и независимые женские организации.

¹ Берви-Флеровский В.В. Как должно жить по закону природы и правды / Штурманы будущей бури... С. 86.

Женсовет — привычная форма объединения женщин в Воронеже и области. В последние годы женсоветы становятся все более многочисленными и активными. Сегодня эти организации объединяют около 200 000 чел¹.

Можно легко увидеть вертикаль, проходящую от областного до поселкового женского совета. Они существуют не только в каждом районе области, но и в селах районов. Так, в Калачеевском районе Воронежской области 26 женских советов². В работе женсоветы придерживаются традиционных форм, беря на вооружение четкое структурирование, вертикальные связи, уставные формы советского времени. Женсоветы поддерживают тесные связи с местными органами власти, зачастую им предоставляется бесплатная аренда офисных помещений, их мероприятия и акции частично финансируются исполнительной властью.

Прочные вертикальные связи женсоветов объясняются тем, что председатели этих объединений или их члены, как правило, работают в то же время в органах государственной власти³. Сращивание с исполнительной властью лишает эти общественные организации самостоятельности и независимости. В то же время работа женсоветов всегда имеет точечный адресный характер, ресурс исполнительной власти помогает решать острые вопросы. Занимая важное «пространство» в работе с населением, женсоветы сотрудничают с властью, но не критикуют ее⁴.

Женсоветы особенно активны в селах и райцентрах области. Подчас это единственная форма женского объединения.

В то же время женсоветы районов и сел лишены тех информационных и профессиональных возможностей, которые есть у городских женских организаций, поэтому так важна для них поддержка местной власти, но и власти, безусловно, нужна поддержка со стороны электората.

Независимые женские организации Воронежа составляют вторую группу женского движения.

На сегодняшний день только в Воронеже существует 44 женских некоммерческих организаций⁵. Их можно разделить по следующим направлениям:

- организации, общественная работа которых связана с помощью семьям с детьми-инвалидами, многодетным семьям, семьям погибших военнослужащих.

¹ Из интервью с Л.Д. Шевляковой 20/02/2007.

² Материалы I съезда Воронежской области. Воронеж, 2007. С. 59.

³ Например, Л.Д. Шевлякова, председатель областного женского совета, является помощником губернатора Воронежской области.

⁴ Материалы I съезда Воронежской области... С. 41.

⁵ См. Вестник женского движения. Вып. 9. Женское движение Воронежа: стремленность в будущее / Под. ред. Е.Ю. Красовой. Воронеж, 2004. С. 128–132.

- правозащитные женские организации.
- профессиональные организации женщин.
- организации, объединенные общим интересом, например, краеведческие.

- многофункциональные организации, занимающиеся гендерным просвещением, развитием женской самостоятельности и инициативы.

Некоммерческие организации составляют более разветвленную, разнообразную, но менее структурированную часть женского движения. Эти организации разные по размерам (от нескольких человек, до нескольких сотен членов) и задачам, поставленным в их программах. Они не контролируются местными, городскими или областными властными структурами, самостоятельны в выборе направлений, форм, средств и методов деятельности. У каждой организации свое достаточно узкое направление работы.

Главным качеством такого рода организаций является воспитание у женщин самостоятельности, инициативы, развитие талантов и возможностей, активной жизненной и гражданской позиции. Самореализация личности, свобода выбора — вот непереносимые атрибуты независимых организаций.

Кризисное время 90-х гг. способствовало формированию организаций, помогавших женщинам, их семьям, выжить в нелегкое время. Тенденция сегодняшнего времени — возникновение групп по интересам.

Достаточно пестрая картина женских неправительственных организаций Воронежа показывает широту женских интересов и проблем в городе. Очевиден положительный социализирующий характер организаций, их социально-культурная, социально-гуманитарная направленность.

Однако слабость независимого женского движения — в его разобщенности. Неправительственные женские организации практически не связаны между собой, не координируют свою деятельность. Уменьшается численность женских организаций. Сегодня в региональное независимое женское движение нет притока молодых активисток. Это объясняется, на наш взгляд, недостаточностью гендерного просвещения. Дисциплины гендерного содержания с большим трудом внедряются в учебные планы высших учебных заведений. В самих организациях этому вопросу, видимо, уделяется недостаточное внимание.

Информационный вакуум, который ощущают все институты гражданского общества в нашей стране, свойственен и для женских организаций. Такая изоляция в принципе могла бы быть в той или иной мере преодолена при помощи средств массовой информации, но в действительности этого не происходит.

Тенденции развития женского регионального движения проиллюстрировал I съезд женщин Воронежской области, состоявшийся 20 февраля 2007 г.

В работе форума принимали участие 460 делегатов — представители почти 300 женских общественных организаций, органов исполнительной и законодательной власти муниципальных районов и городских округов Воронежской области.

Съезд показал все более крепнущее взаимодействие женсоветов с исполнительной и законодательной властью. Многие выступавшие представительницы женсоветов подчеркивали этот факт, оценивая его как позитивный¹. В резолюции съезда были даны четкие рекомендации, как именно построить взаимное сотрудничество.

Пока складывается такая модель отношений женских организаций с государством, которая предполагает не столько их воздействие на власть, как это должно быть в гражданском обществе, сколько некое разделение труда, т.е. неправительственные организации делают то, до чего не доходят руки у государства. Однако НПО не рассматриваются как партнеры и получают минимальную поддержку от государственных органов. Съезд также продемонстрировал разобщенность женских организаций: наравне с укрепляющейся вертикальной связью обнаружилось ослабление горизонтальных связей. В выступлениях делегатов съезда звучала мысль о необходимости объединения женских организаций, о необходимости создания ассоциации женских организаций² и даже Центра для общественных организаций³. Итак, в настоящее время женское движение в Воронеже и области достаточно развито. В ситуации усиления государственной власти в стране женские советы, имея традиции работы в тесной связи с государством, становятся все более деятельными. Активность независимых женских организаций зависит от того, насколько быстро они смогут решить наболевшие вопросы, стоящие перед женским движением, а именно: преодоление разобщенности женских организаций, создание единого координационного центра, формирование широкой сети региональных организаций, рекрутирование деятельных и влиятельных активисток в ряды женских НКО.

¹ См. например, выступление С.А. Деркачевой, председателя Россошанского районного женского совета, З.Д. Усковой, председателя Калачеевского районного женского совета, Л.В. Клименко, члена Подгоренского районного женского совета // Материалы I съезда Воронежской области... С. 48, 58, 62.

² Материалы I съезда Воронежской области... С. 43.

³ Кузнецова В.А. «Домашняя академия» — о гражданском обществе // ОНиС. 2007. № 1. С. 2.

СОДЕРЖАНИЕ

Бабич И.Л. Отражение изменения положения женщины в современной идеологии Северного Кавказа	5
Барчунова Т.В. <i>Privacy: Приватность или уединенность?</i> Проблемы эквивалентности в переводах русских и английских терминов (на примере литературы по гендерной проблематике)	12
Белова Н.А. К истории повседневности провинциальных учительниц в 1920-е годы (на примере Костромского края)	15
Благодатских И.М. Женское политическое участие в непризнанном Приднестровье: проблемы источниковедения и историографии	18
Бойченко Л.Д. Женщины России против насилия: основные тенденции столетия	22
Блохина Н.А. Третья волна, третий мир, либерализм и мы	25
Бодруг-Лунгу В.И. Трансформация статуса женщин Молдовы в переходный период	28
Бондаренко О.Е. Женское образование в Республике Коми (XIX — нач. XXI века)	32
Бошковска Н. Правовое положение женщины в России в XVII веке	34
Бурданова Н. А., Нижник Н. С. Женщина в контексте проблемы инвариантности сочетания биологического и социального подходов к определению субъектов родительских правоотношений	38
Веременко В.А. Правовые основы семейной жизни дворянок в России во второй половине XIX — начале XX в.	42
Вершинина Д.Б. Вклад семьи Панкхерст в женское движение Великобритании: оценка современников и историков	47
Власкина Т.Ю. Донская казачка — женщина войскового сословия (на рубеже XIX–XX вв.)	50
Волкова О.А. Гендерные аспекты последствий российских миграций в 1965–2007 гг. (формы дискриминации женщин — специалистов с высшим образованием)	53
Волкова О.А. Женская прогрессивная партия в годы Первой российской революции	56
Воловик А.К. Доступность высшего образования для молодых сельских женщин	61
Воробек К.Д. <i>Women and Religious Piety in Nineteenth Century Russia</i> ..	64
Воронина М.С. Трансформация женского избирательного права (первая четверть XX века)	65
Герцик И.М. Активность женщин в избирательных кампаниях депутатов областной Думы Калининградской области	70
Голикова С.В. Кликушество как гендерная проблема (по материалам Урала XVIII — начала XX вв.)	74

Гончарова С.В. Гендерное измерение структурных трансформаций в современном российском обществе (на примере Приморского края) ..	77
Градскова Ю. Выполняя «природный долг»: воспоминания женщин о практиках материнства (конец 1930–1960-е гг)	80
Гугова М.Х. Женщина в частной жизни и публичном пространстве в годы Великой Отечественной войны (на материале Кабардино-Балкарии)	83
Гучинова Э-Б. М. Язык травмы. Женские рассказы о депортации калмыков и армян	86
ДенБесте М. <i>Women in the Professions in Russia at the End of the Nineteenth Century</i>	89
Досина Н.В. Женские общества начала XX века в Ярославле	97
Дулов А.Н. Эволюция советского законодательства о браке и семье в 1920-е годы (на примере БССР)	100
Емельянова М.И. Сословно-этническая специфика и правовой статус русской женской одежды Оскольского края (2-я пол. XIX — нач. XX в.)	104
Еремина Т.И. О служебных званиях учительниц в XIX — начале XX веков	107
Ерохина Л.Д. Торговля женщинами в Южной Корее (контент-анализ южнокорейской прессы)	111
Жвинклене А.Б. Парадоксы равноправия в Балтийских государствах <i>Paradoxes of the Gender Equality in the Baltic States Equality, patriarchy, culture</i>	115
Жигунова М.А. Русская женщина в Сибири: история и современность ..	118
Жидкова Е.М. Семья, развод, товарищеский суд: правовое положение советский семьи и женщин в годы «оттепели»	121
Забелина Н.Ю. Право на участие: российские и британские женщины в Первой мировой войне	124
Забелина Т.Ю. Домашнее насилие над женщинами (право женщин на защиту сквозь призму социологических данных)	127
Заболотная Л.П. Правовое положение женщин в средневековой Молдове	130
Зорина Н.С. Трансформация гендерной идентичности римской элиты (II в. до н. э. — II в. н. э.)	134
Иванова Е.Ф. Гендерное образование студентов-психологов: трудности и проблемы	137
Кайзер Д. Имущество русских крестьянок: историческая перспектива ..	140
Карпенко Е.И. Экологические права женщин: сегодня или никогда ..	143
Коваленко С.В. Провинциалка на выборах: история и современность ..	146
Колесникова В.Л. Правовое положение женщины духовного сословия второй половины XIX — начала XX вв. (на примере Курской и Тамбовской губерний)	149
Коляскина Е.А. Скрытая от глаз: традиционные представления сельских жителей Алтая, связанные с женским телом	153

Кись О.Р. Проблемы (ре)конструкции истории женщин в Украине: акторы, авторы, нарративы	157
Кукаренко Н.Н. Русские иммигрантки в Норвегии: право на равноправие?	164
Леонов М.М. Эксплуатация мужских страхов: газетная кампания против женского образования в России 70–80-х годов XIX века	166
Луценко Е.М. Правовое положение женщины в Украине: вчера, сегодня, завтра	169
Максимова В.Н. Повседневная жизнь сибирской женщины во второй половине XIX — начале XX века	172
Марасанова В.М. Женское образование в российской провинции до 1917 г. (на материалах Ярославской губернии)	175
Меньшикова Е.Н. Эволюция правового статуса купеческой женщины Центрального Черноземья в 60–90-х годах XIX века (на материалах Курской и Воронежской губерний)	178
Митина Н.Г. Экофеминизм и гендерное равенство	181
Муравьева М. Г. Облики насилия: формы и методы насилия над женщинами в России XVIII в.	184
Мухина З.З., Пивоварова Л.Н. Русская женщина-крестьянка во второй половине XIX в.: черты обычно-правового положения в семье (на примере Курской губернии)	187
Нальчикова Е.А. Женское самоубийство в адыгском обществе	190
Нижник Н. С. Правовой статус женщины и институт брака в советском семейном праве: становление новой парадигмы	193
Никонова Л.И., Илькаева Е.П. Семья и семейные отношения — основные хранители культуры в иноэтническом окружении народов Кавказа в Республике Мордовия	198
Новикова Н.В. Первый Всероссийский женский съезд: объединение или раскол движения женщин?	209
Ожигова Л.Н. Кризис гендерной идентичности у современных российских женщин: «переходы» и инициации	213
Орлова Н. Х. Женщины русского религиозного зарубежья первой волны	217
Павлов А.А. Женщина и свобода (libertas) в исторической концепции Тита Ливия	221
Пушкарева Н.Л. Женская и гендерная история: итоги и перспективы развития в России	225
Радина Н.К. «Женские стратегии» освоения российского мультикультурализма	229
Рутчайльд Р. Съезд 1908 года: его значение тогда и теперь (The 1908 Women's Congress: Then and Now)	232
Рыблова М.А. Женщина в Донской казачьей традиции: конструкты и практики	237
Сазонова Л.А. Основные этапы женского нонконформизма в России ...	240

Саламатова О.В. Вдовы как объект призрения по английским законам о бедных (XVI–XIX вв.)	242
Салахова Л.М. Жизненные стратегии женщины в художественной среде молодых индустриальных городов Восточной Сибири второй половины XX века	248
Сальникова А.А. Еще раз о правах мальчиков и девочек: к вопросу об особенностях русского «детского» письма XX века (гендерный аспект)	251
Сарсенова К. The Nation and I: Post-Soviet Women's Autobiographical Writing	254
Сикорска-Кулеша И. Struggle of Polish women for voting rights at the end of 19th and the beginning of the 20th century — political discourse and reality	258
Солодянкина О.Ю. Социальное положение иностранных гувернеров и гувернанток в России (вторая половина XVIII — первая половина XIX в.)	259
Старкс Триша. Smoking, Gender, and Health: 1844–1929	262
Сморгунова А. Л. Анализ проблем насилия над женщинами в англо-американской феминистской криминологии	264
Суркова И.Ю. Нарушение прав женщин в Российской Армии	268
Сушкова Ю.Н. Обычно-правовое положение женщины у мордвы конца XIX — начала XX века	271
Текуева М. А. Частная жизнь адыгской женщины: традиционное сознание и повседневность	274
Трофимова Е.И. Женский вопрос в публицистике и прозе Александры Коллонтай	278
Трошина Т. И. Феномен «женской активности» в революционную эпоху (на материалах Европейского Севера России)	280
Хорунжая Т.М. Женское движение и празднование 8 марта в Коми автономной области в 1920–1930-х гг.	285
Цыбульников А.А. Особенности торговли женщинами на Северном Кавказе в XVIII–XIX вв.	288
Чикалова И.Р. Женское образование на Белорусских землях в составе Российской Империи (1772–1917 гг.)	292
Шарифуллина Э. М. Переопределяя девичество: гендерный подход в исследованиях молодежи	295
Шубина Т.Ф. Отношение к браку и материнству в молодежной среде (по материалам социологического исследования, проведенного среди молодежи Архангельской области)	298
Шульман Е. «Скорее странные обычаи»: секс и власть на Советском Дальнем Востоке	301
Щербинин П.П. Влияние войн и революций начала XX в. на развитие общественной инициативы и самодеятельности женщин в городах Черноземного Центра (1904–1917 гг.)	305

Юкина И.И. Русский феминизм: обретения и потери	308
Яковлева Г.Н. Женщина и ее права в теоретическом наследии русских народников	311
Якушкина Е.И. Особенности женского движения в провинции (на примере Воронежской области)	314